

Гай Юлий
Орловский

Ричард Длинные Руки —
штатгалтер

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
штатгалтер

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
 Ригард Длинные Руки — воин Господа
 Ригард Длинные Руки — паладин Господа
 Ригард Длинные Руки — сенвор
 Ригард де Амальфи
 Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
 Ригард Длинные Руки — виконт
 Ригард Длинные Руки — барон
 Ригард Длинные Руки — яра
 Ригард Длинные Руки — граф
 Ригард Длинные Руки — бурграф
 Ригард Длинные Руки — ландлоуд
 Ригард Длинные Руки — пфальцграф
 Ригард Длинные Руки — оверлоуд
 Ригард Длинные Руки — коннетабль
 Ригард Длинные Руки — маркиз
 Ригард Длинные Руки — тросстраф
 Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
 Ригард Длинные Руки — майордом
 Ригард Длинные Руки — маркграф
 Ригард Длинные Руки — гауграф
 Ригард Длинные Руки — фрейграф
 Ригард Длинные Руки — вильдграф
 Ригард Длинные Руки — рауграф
 Ригард Длинные Руки — конунг
 Ригард Длинные Руки — герцог
 Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
 Ригард Длинные Руки — фюрст
 Ригард Длинные Руки — курфюрст
 Ригард Длинные Руки — троссфюрст
 Ригард Длинные Руки — ландесфюрст
 Ригард Длинные Руки — гранд
 Ригард Длинные Руки — князь
 Ригард Длинные Руки — эрцфюрст
 Ригард Длинные Руки — рейхсфюрст
 Ригард Длинные Руки — принц
 Ригард Длинные Руки — принц-консорт
 Ригард Длинные Руки — вице-принц
 Ригард Длинные Руки — эрцпринц
 Ригард Длинные Руки — курпринц
 Ригард Длинные Руки — эрпринц
 Ригард Длинные Руки — принц короны
 Ригард Длинные Руки — грандпринц
 Ригард Длинные Руки — принц-регент
 Ригард Длинные Руки — король
 Ригард Длинные Руки — король-консорт
 Ригард Длинные Руки — монарх

Ригард Длинные Руки — штатгалтер

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
штатгалтер

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета использован рисунок
В. Коробейникова

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — штатгалтер : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2014. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-71912-9

Уже нет сомнений, что над миром нависла карающая десница Господа. Он намерен стереть людей с лица земли, ибо даже потомство праведного Ноя не сумело создать достойное общество. Часть ангелов, забегаая вперед, спешит ускорить уничтожение, страшась, что либо Создатель передумает, либо хитрые смертные вывернутся... И только доблестный сэр Ричард, король и паладин, встает на их пути с мечом Вельзевула в недрогнувшей руке!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-71912-9

© Орловский Г. Ю., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Часть первая

Глава 1

День ясный и солнечный, воздух чист и свеж, мир прекрасен, если не поднимать голову и не смотреть в небо. Зловещий багровый диск уже крупнее луны и хорошо виден днем. Ночью собаки воют и прячутся в конуры, а днем багровость превращается в не менее пугающую алость, словно предвещает щедрое пролитие крови.

Я с широкого балкона смотрел на столицу Сакранта и его зеленые долины за городской стеной, а за спиной появлялись лорды моей армии, тихо переговаривались, рассредотачивались по всей длине.

Все в праздничных одеждах, никто не отказал себе в удовольствии надеть золотые цепи, украшения из драгоценных камней. Помню, у многих кони украшены богаче хозяев, уздечки и вся сбруя в золоте, попоны из самого дорогого сукна, стремяна блестят, разбрасывая веселые солнечные зайчики.

Принц Сандорин Винтонмаерский, единственный сын и наследник Его Величества короля Буркхарта Третьего, подошел быстро и молодцевато, блестя живыми карими глазами, молодой, поджарый, с короткими русыми усиками и такой же коротко подрезанной бородкой, нарядный и красивый.

— Ваше Величество?

Я сказал со вздохом:

— Мне так жаль, что вас не будет в час страшной битвы с Маркусом...

Он вскрикнул с патетическим негодованием:

— Ваше Величество! Но как же...

Я остановил его властным жестом, уже не просто короля, а монарха, чья власть абсолютна и непререкаема.

— Не успеваете прийти к роковому месту, дорогой друг. Мне так жаль... Я чувствую, битва случится в считанные дни или недели. Но ваша задача очень важна для нас. Вы обязаны держать весь Север... во всяком случае, эту часть Севера, под нашим контролем. Вы же представляете, что может начаться. Увидимся скоро, обещаю.

Военачальники смотрят серьезно и строго, только епископ Дециллианий торжественно перекрестился и прогудел густым басом:

— Или никто из нас не увидит божьего света. Разве что в иной жизни.

Я кивком подозвал Макса, он остался в дверном проеме, а то на балконе тесно. Он подбежал, не считаясь, что он теперь граф Стоунширский, и к его титулу прицеплено почетное звание Строльмхольского по имени великой битвы, выигранной благодаря умелому командованию пехотными частями.

— Граф, — велел я твердым голосом, — вам надлежит взять треть... нет, даже половину нашей здешней армии, можно взять и сакрантскую, король Леопольд не будет против, как мне кажется.

Он смотрел снизу вверх, стройный, удлиненный, с узким лицом и почти девичьими синими глазами. Глядя на эти глаза, тонко очерченный нос и красивые, оформленные по-детски пухлые губы, можно бы запо-

дозреть в нем девушку, но не только уже я знаю, что как полководец он на голову выше большинства моих закаленных в боях лордов.

— Ваше Величество?

— Немедля перейдешь границу с Мордантом, — отчеканил я. — Держись предельно вежливо и дружелюбно, мы не завоевывать идем, а помогать. Местные ополчения в бой не вступят, если не будете жечь и разорять их дома.

Он спросил почтительно:

— Если не завоевание... то что?

— Помощь, — пояснил я. — Гуманитарная. Надлежит сперва окружить столицу так, чтобы мышь не выскользнула. И никого не выпускать... Впускать можно. Для гуманизма.

— Осада? — спросил он деловито.

— Нет, — сказал я. — Ждете посланца из города. Вам объяснят ситуацию. Дело в том, что там в столице власть незаконно захватили оборотни. В Морданте почти демократия, так что оборотни могли бы, как некая партия, выставить своего кандидата и свою программу. Дескать, мы наведем порядок, очистим улицы от бродяг и преступников, истребим коррупцию...

Он смотрел зачарованно, не понимая и половины, но замороженный уверенностью моего голоса, напором и страстностью короля-реформатора.

— Но они предпочли незаконный захват власти, — закончил я. — Днем они как люди, за исключением пары часов, когда бегут через весь город, утрашая своим видом, а ночью — это звери. Не так, как мы, мы хоть и звери, но люди, а они целиком звери. Вам надлежит истребить их всех до единого. И тогда вас увенчают, как спасителей.

Лорды обрадованно зашумели, оказаться в роли спасителей всем нам нравится, мы мужчины и по-

тому рождены быть спасителями и спасателями. А за это милостиво засею спасенное пространство своим потомством, ибо его в первую очередь должны давать герои и подвижники.

— Оборотни чудовищно живучи, — предупредил я, — и сильнее любого воина. Потому действуйте в боевом строю. Никаких одиночных схваток...

Принц Сандорин воскликнул оскорбленно:

— Ваше Величество!

— Мне нужны живые герои, — отрезал я, — а не погибшие. И неважно, красиво погибшие или не совсем, но это все равно погибшие, и для казны убыток. Если вас там убьют, знайте, вы меня подвели!

— А если кто-то все же уцелеет? — спросил герцог Мидль. — Из оборотней, понятно.

— Местные маги выявят, — ответил я, — а вы доуничтожите. Главное, из города никого, пока операция не будет закончена.

Граф Андреас Райсборн, демонстрируя похвальную осторожность, поинтересовался:

— А если кто-то похож на оборотня, но непонятно, оборотень или необоротень...

Я сказал высокомерно:

— Вы что — интеллигент? Или доблестный воин?.. При зачистке есть процент допустимых потерь.

Мидль спросил:

— Какой?

— Какой будет, — отрезал я, — тот и допустим... Убивайте всех подозрительных, это на пользу всем, даже убиенным невинно. Их сразу в рай, как пострадавших зазря. Они вам еще и спасибо скажут. Потом, когда встретитесь. Зато оборотней точно не останется.

Я жестом вернул всех с балкона в мой кабинет, на моем столе расстелена карта, лорды сгрудились вокруг,

узнавая королевства Сакрант и тесно прижатый к нему Мордант.

Герцог Мидль задумчиво рассматривал карту, зачем-то пощупал, загнул край и посмотрел с другой стороны.

— Что-то не так? — спросил я.

— Старинная карта, — ответил он с одобрением. — Вы не любите старинное, а я вот люблю.

Под заинтересованными взглядами лордов он вытащил из нагрудного кармана крохотную раковину моллюска, разноцветную и хитро закрученную, дунул в едва заметную дырочку.

На карте начали медленно подниматься места, обозначенные как горы, ровные долины позеленели, а в трех черных полосках, означающих узкие и глубокие ущелья, часть карты опустилась настолько низко, прямо в столешницу, что остро захотелось заглянуть под стол, не висят ли там вывернутые карманы из дресины.

Горы налились резкостью и стереоскопичностью, отчетливые настолько, что, скажи я сейчас там, сейчас отсюда сумел бы, приглядевшись, рассмотреть себя в виде крохотного всадника.

— Хороший свисток, — одобрил я. — А еще что-то может?

Мидль посмотрел с укором.

— Этого мало?

— Нет-нет, — сказал я поспешно, — все здорово. Просто нет предела совершенству. Потому я вот такой замечательный, совершенствую себя и вас, а не окружающую природу, на хрен она мне сдалась, я же не пингвин какой-то... Дорогой герцог, общее руководство на вас, как самом титулованном, принц Сандорин останется с ограниченным контингентом в Сакранте... смотрите-смотрите, он и недоволен, что сражения бу-

дут без него, и доволен, что принцессу Аскланделлу охранять ему...

Лорды посмеивались, глядя на смешавшегося принца, а я снова указал на трехмерную карту.

— Дорогой герцог, армию поведете этой вот дорогой, смотрите внимательно. К счастью, двигаться почти прямо, разве что вот здесь и здесь небольшие зигзуги, но на скорость почти не повлияют.

Зигмунд Лихтенштейн деловито измерил расстояние вытянутыми пальцами, а затем еще и приложил на последнем отрезке пути мизинец, подогнув фалангу, чтобы точнее подсчитать количество дней на продвижение его тяжелой конницы.

Макс измерил расстояние для своей пехоты заготовленной ниточкой с узелками, задумчивое лицо просветлело.

— Успеем пройти ускоренным маршем только с короткими остановками на ночь, — сообщил он бодро. — В Морданте не успеют опомниться, как столица будет в кольце. Какое сопротивление ожидать?

— Либо никакого, — заверил я, — либо самое минимальное. Оборотни сделали для нас хорошее дело: распустили королевскую армию, так как только армия могла помешать их владычеству.

— Не может своя, — пробормотал Мидль, — сможет наша. Ваше Величество, судя по вашим словам... скоро отбудете?

Я кивнул.

— Сегодня же. Даже сейчас.

— И... как обычно?

Я понизил голос:

— Самая опасная профессия, как уже знаете, у королей. Убийцы охотятся за ними чаще всего. Потому, как я уже говорил, я принял решение передвигаться

без свиты. Она не столько защищает, сколько привлекает внимание к объекту.

Зигмунд пробормотал:

— Ох, Ваше Величество! Возникают другие опасности...

— Я подсчитал, — заверил я, — и убедился, — что их меньше, когда я без свиты.

Он сказал со вздохом:

— Тогда хоть собачку не оставляйте! Она за вас любого порвет.

— Бывают щели, — сказал я невесело, — куда он не пролезет.

Он посмотрел с недоверием.

— А вы?

— Человек пролезет везде, — ответил я. — А сейчас, дорогие друзья, оставляю вас. Увидимся либо после победы над Маркусом, либо на том свете.

Праздничной гурьбой вышли проводить сюзерена.

— Все остаются, — распорядился я. — Выступаете сегодня же... Операцию по очистке Морданта нужно завершить в самые кратчайшие сроки. Хорошо, принц, вам армию не готовить, можете проводить до городских врат.

По Генгаузгузу уже прокатились слухи, что король Ричард, победитель Мунтвига, в честь такой великой победы объявил себя монархом, что не совсем правда, насчет Мунтвига, моя стратегия не зависит от всяких там мунтвигов, но народ выбирает объяснения попроще и попонятнее.

На середину дороги, что ведет от площади в сторону городских ворот, вышел дряхлый священник, вскинул в дрожащей костлявой руке крест и прокричал визгливым голосом:

— Монарх? Нет такой короны, что могла бы защитить от гнева всевышнего!

К нему бросились с обеих сторон тротуара, утащили, а я прорычал, выказывая гнев, которого не чувствую, но народ должен понять, что я гневен и лют, это в зародыше придушит подобные выступления обличителей:

— Нет такой головы, которую не могу снять, пока корона на моей голове.

Принц Сандорин покосился в мою сторону, понял наигранность гнева и сказал с иронией:

— Вот это в духе милостивого и справедливейшего. Поздравляю, Ваше Величество.

Я прорычал злобно:

— Вообще-то сейчас по всему миру должно быть чрезвычайное положение! Или военное. Не знаю, какое из них какое, но я бы ввел оба. А потом еще и третье...

— Какое? — спросил он с любопытством.

— Придумал бы, — пообещал я зло. — А чем народ занят? Похуже пира во время чумы. После чумы, опустошившей Европу, хотя бы выжили иммунные одиночки и быстренько снова все заплестили, благо дома и города уцелели.

— Быстренько и бодренько заплестили и заселили, — пробормотал он. — Благодаря разрешению папы римского на многоженство. Все-таки церковь может быть гибкой.

— В чрезвычайных условиях, — согласился я. — А вообще-то церковь — это не конь, а вол.

— Ваше Величество?

— Идет очень медленно, — пояснил я, — но тащит тяжелый воз с грузом гуманитарной помощи. Нет, это потом будет гуманитарная, а пока что тяжело и над-

сально, хрипя и задыхаясь, тащит все человечество из тьмы к свету...

— Зато мы еще те кони, — воскликнул он бодро, ничего не поняв из сказанного. — А куда мы поскачем, Ваше Величество?

— Невтерпеж?

— Уже ржем, — заверил он, — и роем землю копытами!

Я покосился на его жизнерадостное лицо и поймал себя на том, что, как и большинство, абсолютное большинство, стараюсь не захватить взглядом небо, словно опасность, если ее не видеть, исчезнет.

С каждым днем убеждаюсь все сильнее, что эта тварь не летит к нам в привычном представлении, все-таки планета вертится, а как-то иначе все, словно в самом деле эта штука в небосводе проламывает дырку в одном месте.

И, возможно, только-только начинает полет, а то и вовсе еще не оторвалась от пусковой площадки, а лишь включила двигатели, уже соединив точку старта и точку прибытия.

— Сохраняйте власть над Сакрантом, — сказал я негромко, — и всем регионом. Сейчас это самое важное. Все, принц, возвращайтесь.

Он проговорил тихо:

— Позвольте повод вашего коня?

— Сам вернется, — сказал я, — это тревожное время скоро кончится, принц.

Он развернулся под моим строгим взглядом и погнал коня обратно в сторону дворца. Я пустил коня к арке городских ворот, а когда миновал их, быстро свернул в сторону и через пару минут оказался за небольшой рощей, скрывшей нас от взглядов с городских башен.

Глава 2

В той страшной битве с Терросом сторели все кольца и браслеты, что были на мне. Но осталось то, что когда-то сложил в седельную сумку на арбогастре. Сейчас там у меня множество колец и перстней, что некогда украшали пальцы Великого Мага, повелевающего демонами на Юге в королевстве Гессен. Его звали, если не ошибаюсь, Гатонес. После победы над ним демоны стащили с него все кольца и унижали мне пальцы обеих рук. Плюс всякие талисманы, но я их тут же снял, не шаман все-таки, чтобы навешивать на себя все имущество.

Так что у меня все равно прибавляются возможности, что так важно, а среди них самые жизненно необходимые для меня способности передвигаться быстро и очень быстро.

Я непроизвольно коснулся кончиками пальцев браслета на левом бицепсе. Тот устроился под рукавом рубашки так уютно и незаметно, что уже не чувствую, как привыкаем и перестаем замечать щербинку на зубе, которая в первые дни жутко раздражает.

Браслет был создан в одну из эпох, от которой не осталось следа, южный демон с той стороны силового экрана смог сообщить только то, что эта штука предельно опасна, хотя не мог объяснить чем. То ли взорвется, то ли занесет не туда. Да и сам понимаю, для управления нужен очень дисциплинированный мозг. В продвинутом обществе все управляется мозговым интерфейсом, а у меня мозги какие-то хаотичные, страстей и непонятных желаний больше, чем крупниц ума. Конечно, никому в таком не признаюсь, отец народа всегда должен быть сдержан, светел и ясен лицом и всем обликом, но себе-то могу сказать хотя бы мысленным шепотом и предварительно оглядевшись по сторонам?

Поколебавшись, я все же взлетел птеродактилем: нужно отследить с высоты движение армии, а уж потом...

Бриттских лордов двинул в сторону Морданта еще вчера. Во главе граф Виллебуа-де-Марейль ведет спешным маршем свои пешие отряды, жаждет ревностно отработать пожалование ему титула фрейграфа, замок в Юканглярде и обширные земли в Эбберте. За ним с тяжелой конницей барон Аскланд, мною возведенный в графы с пожалованием земель в том же Эбберте. А в арьергарде семьсот рыцарей баронета Каундифепбирфа и его же полторы тысячи тяжелой конницы. Вполне достойное войско, что могло бы решить поставленную задачу и самостоятельно, но жизнь такова, что подстраховывать нужно надежными людьми, проверенными на лояльность еще со времен Армландии..

Совсем недавно я мчался в Мордант на Зайчике и в сопровождении Бобика, выполняя просьбу Вельзевула, когда тот направил меня найти и отправить обратно в ад барона Вимборна. Тогда мне пришлось преодолеть двести миль, но до столицы Морданта намного ближе, чем до того замка. Даже пешие войска Макса достигнут ее через трое суток ускоренного марша, а конница еще раньше перекроет все входы и выходы из города.

С высоты хорошо видно, что армия двигается бодро и уверенно, граф Виллебуа-де-Марейль спешит пройти к столице Морданта до того, как бриттские отряды догонит моя армия, и вообще все двигаются компактно, даже в походе сохраняя относительный боевой порядок.

Хоть с этим хорошо, сказал горько внутренний голос. Но этот поход имеет смысл только в случае, если справимся с Маркусом...

Я опустил голову, выбирая место посадки, не на крыльях же спешить в долину отца Миелиса к скар-

деру, успел увидеть, как слева в небе блеснула искорка и метнулась в мою сторону. Я не успел испуганно каркнуть, сильный удар сотряс от клюва до кончиков когтистых лап, а жгучая боль пронзила каждую клетку тела.

Запах тлеющей плоти ощутил уже в падении, понял в страхе, что горит мое мясо, попытался выровняться, но крылья почти не слушаются, боль сковала все тело.

Не сумев опереться на непослушные перепончатые, я рухнул на вершину дерева. Ветви спружинили, но не удержали грузное тело, меня с треском тащило ниже и ниже, пока не ударило о покрытый коричневым мхом холмик, где я скатился в ложбинку.

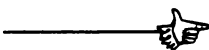
В левом крыле широкая дыра с оплавленными краями, мерзкий тошнотворный запах горелого мяса ударил в ноздри. Я попытался зарастить рану, не получилось, кое-как перетек с великим трудом в человеческое тело.

Раны вроде бы нет, зато разрастается злая боль во внутренностях. Я поднялся на дрожащих от слабости ногах, вокруг толстые стволы в три-пять обхватов, ветви высоко на вершинах, лес смотрится чужим и опасным...

Шагах в пяти коротко и страшно блеснул яркий свет, особенно ослепляющий среди мрачных деревьев, и тут же собрался в рослого человека в сверкающих доспехах позднеримского образца, то есть в кирасе, наручниках и поножах. С плеч красиво ниспадает короткий алый плащ, на золотом поясе висит короткий римский меч в позолоченных ножнах.

— Ты чудовище, — сказал он красивым голосом, мужественным и в то же время чистым и звонким, — тебе нет места среди людей.

Я прохрипел, держась за бок, где не утихает режущая боль:

— Я... человек... а вот ты... нет...

— Но решаю я, — ответил он уверенно.

— Не по праву, — с трудом выговорил я. — Никто не имеет права...

— Уже имеем, — сказал он. — Ты набрал слишком много силы. Нечеловеческой.

— Такое не бывает слишком, — пробормотал я. — Это на благо, а не во вред... Почему не заживает моя рана?

Он нехорошо улыбнулся.

— Раны, нанесенные нами, не заживают. А человек создан слабым и должен таким оставаться. Нам не нужно его усиление. Нам не нужно, чтобы ты научил его странному способу создавать книги очень быстро и точно...

— Книгопечатание? — спросил я. — Так мы же печатаем только Библию. Даже поучения святых мучеников еще не начали!

Он медленно опустил ладонь на рукоять меча.

— Тебя вроде бы предупреждали, — сказал он. — Или еще нет? Впрочем, сейчас это неважно.

Так же неспешно, наслаждаясь заметным превосходством, он потащил из ножен клинок.

Я зажмурился на миг от блеска пылающего огнем лезвия, а когда открыл глаза, клинок был направлен острием мне в лицо.

— Зачем? — вскрикнул я. — Разве мы не на одной стороне?

— Это неважно, — ответил он. — В тебе столько тьмы, что убить тебя... на небесах только воспоют гимны.

— Я не хочу с тобой драться, — сказал я нетвердо.

— А придется, — произнес он хрустальным голосом.

Я отпрыгнул в сторону.

— Я не буду.

— Будешь, — пообещал он.

Я отступил на шаг, потом еще, его клинок похож на застывшее пламя, яркое, с твердыми протуберанцами по всей длине лезвия, делающими меч похожим на пилу.

— Что ты делаешь? — крикнул я.

— Что должен, — отрезал он и, молниеносно быстро оказавшись передо мной, взмахнул мечом.

Рефлексы заставили мои руки выдернуть меч. Лезвия ударились друг о друга с жутким лязгом, я отступил еще, но ангел тут же шагнул вперед, я парировал новый удар, на лице противника проступила торжествующая улыбка.

Не знаю как, но я все же отражал его удары, сам заставив себя двигаться с предельной скоростью, но хриплое дыхание, топот и сопение идет только с моей стороны, ангел двигается балетно красиво и абсолютно бесшумно, а на лице улыбка еще шире, я даже не думал, что ангелы могут улыбаться вот так злорадно и торжествуяще.

Он ускорил вихрь движений, я чувствовал, что уже не успеваю, сделал отчаянную попытку напасть, прыгнул вперед и ударил наискось... он легко и с такой силой парировал мой удар, что у меня занемели руки по самые плечи.

Он тоже остановился, всмотрелся в мое лицо сверкающими, как звезды, глазами, в то время, как я жадно хватал широко раскрытым ртом воздух.

— Ты жалок и слаб, — проговорил он с невыразимым презрением. — И такое существо надеется остановить карающую десницу Господа?

Я не успел увидеть, как его левая рука метнулась вперед. В животе резануло острой болью, я страшно вскрикнул, а он отступил легко и свободно, как танцор, в кулаке зажата невесть откуда взявшаяся там

рукоять длинного острого ножа. С лезвия стекает моя кровь, красная и горячая, которой так же страшно и одиноко, как и мне.

Колени мои подломились, словно одновременно с кишками перерезаны сухожилия. Я зажимал обеими ладонями кровоточащую рану, с ужасом понимая, что моя регенерация не срабатывает и на этот раз.

Он рассматривал меня сверху с выражением злого наслаждения на лице.

Рухнув на колени, я спросил хрипло:

— За... что?

— Не нужно было вмешиваться, — произнес он раздельно. — Ты чересчур ничтожен... Ты тля.

Не удержавшись на коленях, я повалился на бок. Незнакомец вскинул меч в воздух, тот вспыхнул радостным огнем и, перекувыркнувшись дважды, красиво и ювелирно точно вошел острием в ножны.

Я смотрел на него остановившимися глазами. Язык во рту распух, острейшая боль терзает внутренности, попытался сказать хоть слово, и не мог, а незнакомец отступил на шаг, вскинул руки.

За спиной красиво и мощно поднялись крылья, могучие даже с виду, сверкающие золотом. Я видел, как они сделали величественный взмах, словно ударили веслами по воде, и этот неизвестный ангел мгновенно исчез, оставив тут же растаявшую светлую полосу в небе.

Я попытался пошевелиться, но лишь чуть поскреб пальцами землю. Тяжелая, как скала, голова лежит щекой на земле, но не чувствую, песок там, трава или камень.

Тело онемело, я обреченно понимал, что постепенно все умирает, начиная от кончиков ног, а перед глазами мир медленно теряет четкость.

В этом полутумане возникла смутная тень, человеческая фигура в бесформенном плаще с наброшен-

ным на голову широким капюшоном. Неслышно приблизилась, а я смотрел искоса снизу вверх, но не мог шевельнуть губами.

Незнакомец вышел из тени, свет упал на нижнюю часть лица. Я решил, что это женщина, но это потому, что так хочется, мужчинам легче общаться с женщинами, как и женщинам с мужчинами, хотя строгие глаза и заостренные черты лица вроде бы говорят, что передо мной все-таки мужчина.

— Ты хорошо дрался, — проговорил он мягким мелодичным голосом, и я снова подумал, что это все-таки женщина, — твоего противника победить невозможно.

Его руки поднялись к капюшону и медленно опустили его на спину, открыв безукоризненное лицо с идеальными и какими-то безжизненными, как у манекена, чертами. Волосы, впрочем, длинные, но у мужчин они бывают и подлиннее.

Я хотел сказать, что победить можно всех, но губы не шелохнулись. Однако незнакомец понял, ответил с грустью:

— Нет, хотя ты дрался всего лишь со щенком.

Я почти прошептал:

— Щенком?

— У него такая кличка, — пояснил незнакомец. — Гур или митгарер, это за его скверный характер. Увы, его победить невозможно. Никому.

Он легко и грациозно опустился рядом, так может только женщина, молодая женщина, небольшая ладонь легла мне на грудь. Сладкая судорога изогнула мое тело так, что едва не лопнул позвоночник.

Я вытянулся, не веря своим ощущениям. Боль ментально ушла, кровь тугими толчками погнала жизнь по жилам, я ощутил, как в спину колет мелкая острая галька, а сверху, кто бы подумал, рассматривает меня

в просвет между зелеными кронами деревьев синее яркое небо.

— Кто ты? — спросил я.

Незнакомец чуть качнул головой.

— Мое имя тебе ни к чему. Хотя, возможно... когда-то узнаешь.

— Ладно, — сказал я. — Кстати, спасибо.

Он усмехнулся.

— А вот настоящее имя твоего противника знать стоит.

— Кто это был?

— Алфифаниэш, — ответил он. — Сам Алфифаниэш.

Я пробормотал:

— Мне это что-то должно сказать? Или следует упасть на колени?

— Ты же не упал на колени? — ответил незнакомец.

Он отступил и неспешным движением снова набросил двумя руками на голову капюшон.

Я сказал напряженным голосом:

— Мне кажется, у вас с этим Алфифаниэшем что-то общее.

— Общее есть у всех, — ответил незнакомец.

Я подумал, что да, всех сотворил Всевышний, но это богословский вопрос, неуместный сейчас, я ощутил, что разговор вот-вот прервется, спросил в лоб:

— Ты можешь сказать, за что он напал?

— Разве тебе не было сказано?

Незнакомец улыбнулся, отступил еще на пару шагов. Я успел увидеть, что под его ногами трава даже не шелохнулась, но в следующий миг он вскинул руки, блеснул яркий свет, и я остался на поляне один.

Мозг в полностью излеченном теле работает лихорадочно быстро, в долю секунды я словно в дивном озарении понял, как можно пройти за ним, что нужно

сделать, и тут же, сохраняя в памяти это дивное лицо под капюшоном, повернул браслет.

— За ним... Не потеряй след...

В последний миг все же сообразил, что делаю чудовищную ошибку, но было поздно, острая боль уже ввинтилась во внутренности.

Я задержал дыхание, усилием сделал шаг, проламываясь в нечто жаркое, пахнувшее огнем в лицо.

Очнулся, как показалось, через вечность. Душу распирает ослепляющий ужас, а едва вспомнил то, что успел увидеть в последнее мгновение, перед тем, как мне сожгло глаза и вообще лицо, судорога снова скрутила все тело.

Я захрипел, ощутил, как ногти скребут землю, поспешно поднял веки. Моя щека все так же на земле, только теперь ее щекочет снизу зеленая жесткая травка, два муравья нахально доят тлю, дальше открывается вид сверху на широкую реку.

Приподняв голову, я увидел прежнего незнакомца в плаще почти рядом, сидит прямо на земле и задумчиво смотрит на реку.

Я попытался заговорить, из горла вырвался стон. Он повернул голову, взгляд внимательный, сочувствующий и насмешливо брезгливый, как мне показалось.

— Очнулся, — проговорил он с непонятной интонацией, и я понял, что это все-таки женщина. — Даже не знаю, чего в тебе больше, живучести или глупости?

— Завидовать нехорошо, — прохрипел я.

— Да, — ответила она ясным голосом, — нам остается только завидовать. Или наконец-то все это... прекратить.

— Я одарен щедро, — прошептал я и закашлялся, выплевывая черный дым сгоревших внутренностей и чего-то еще, похожее на черные угли. — Во мне и му-

дрость, и глупость, и что-то еще, до чего еще не до-
рылись.

Она проговорила так же неспешно:

— И все-таки глупостью одарен больше... Потому
не могу понять, как вы сумели выжить все это время?

Я проговорил слабо:

— Не напоминай... Ну сглупил, сглупил... Дурак
потому что. Не подумал. Это ж слабые думают, а я ж
герой. Для героя думать — позор. Кто ж знал, что ты
там... живешь, что ли?

— Еще мгновение, — ответила она, — от тебя не
осталось бы и пепла.

Я передернул плечами.

— Честно, это впервые. Наверное, давно уже посту-
паю только умно? Потому неизрасходованной дурости
поднакопилось, чтобы потом... р-р-раз! Значит, надо
дурить каждый день понемногу, чтобы потом вот так
не сорваться.

Она усмехнулась.

— Интересная философия. Это философия, да?

— Конечно, — заверил я. — Чистосортная, выдер-
жанная и настоящая. Как чугунная слеза ребенка.

Она произнесла задумчиво:

— Я так и подумала.

Глава 3

Я осторожно поднялся, слабость во всем теле, но
не шатает, шагнул ближе и со всей деликатностью сел
рядом. Она не шелохнулась, продолжая все так же смо-
треть задумчиво вдаль.

— Красиво? — спросил я.

Она чуть кивнула.

— Да. Но когда русло проходило во-о-он там, где
те горы, было еще красивее. А здесь на берегу рос лес.

— Сосновый? — спросил я.

— Нет, — ответила она ровным голосом, — в основном березы.

Я кивнул.

— Понятно. Голосемянные. А хвощи и плауны нравились?

Она повернула голову и посмотрела мне в глаза.

— Это те... большие, как деревья, папоротники? Нет, в них было что-то... слишком простое. Большие, но простые.

— Хорошая оценка, — сказал я с одобрением. — И зверьки тогда бегали огромные, как дома, но простые. Сейчас выродились в ящериц, потому что миром правит тот, кто сумел усложниться. Верно?

Она не сводила с меня взгляда.

— Кажется, я понимаю, к чему ты. Мы слишком простые? Как те исполинские жабы и ящерицы?

— Ты не простая, — сказал я, неуклюже уклоняясь от прямого ответа. — Ты же как-то сумела.

Она снова устремила взгляд на медленно перекачивающиеся волны, голос прозвучал глухо и безжизненно:

— Таких очень мало. Творец предостерегал нас от гордыни, но она продолжает все еще расти в каждом из нас.

— Повод есть, — сказал я и невольно содрогнулся. — С такими возможностями... бр-р-р-р... И как тебе в теле человека? Ты была с теми, кому Творец сказал, что раз вы так уверены, то облекитесь плотью, сходите к людям и сами убедитесь?

— Нет, — ответила она, — не была.

— Позже?

— Да, — сказала она. — Я ушла позже. И потому для меня нет дороги к Небесному Престолу. Зато полностью открыт мир ада, как вы его называете.

— А как называете вы?

— Это неважно, — ответила она. — У него много имен. Только я не совсем то, что ты сейчас думаешь, вижу по твоему лицу. Вы, люди, полагаете, что есть только светлые и темные. На самом деле все не так... Но это знают только те, кто изучает старые книги. Например, Азазель был сотворен для блага людей, и даже после того, как увел с собой двести ангелов на гору, что с того дня зовется Хермон, что значит «гора отступников», а оттуда спустился к людям, он не перестал пользоваться вниманием и любовью Творца. Азазель научил людей добывать медную руду и выковывать из нее топоры, обучил, как смешивать с оловом и получать прочную бронзу, из которой люди тут же начали делать оружие, чего Азазель совсем не хотел. Он научил людей прорывать шахты, добывать редкие металлы и драгоценные камни, но и это люди сумели обратить во вред... Хотя Азазель и послушался Творца, но у него не было злых намерений!

— А другие? — спросил я.

Она пожала плечами.

— Шамхазай, который первым пошел за Азазелем, научил людей колдовству и использованию лечебных и магических свойств трав, корешков, коры. Бракиель научил людей наблюдать за звездами, отсюда у вас астрономия, Кохвиель и Тамиель привили начала астрологии, а Сахариель объяснил, что такое фазы Луны и как они влияют на приливы в море и в крови человека...

— А еще, — сказал я с мстительной ноткой, — вы тогда начали вступать в браки с земными женщинами. А что родилось от этих браков, я уже знаю.

Она сказала ровно:

— А мы знаем, что ты с ними сделал.

Я сказал поспешно:

— Не сваливай все на меня! Нефелимов и стокимов перетопил Творец. Он и потоп наслал именно такой высоты, чтобы нефелимы, стоя даже на самых высоких горах, оказались под водой. Кому, как не Творцу, знать высоту созданных им гор?.. Всего на пару дюймов выше головы самого высокого нефелима, но этого хватило. Сорок суток никто не простоит даже на цыпочках.

— Все-таки малая часть уцелела, — возразила она, — они работали в глубоких пещерах, а когда вода начала поступать к ним, сумели перекрыть все щели. Однако последних перебил ты.

— Неправда, — сказал я торопливо. — Выходит, не все знаете. Я мог бы, но не перебил.

— Что?

— За это меня еще и вздрючили, — сказал я, защищаясь. — На церковном совете судили... Кстати, решение еще не вынесли. Может быть, сожгут, как еретика и отступника.

Она повернулась и долго всматривалась в мое лицо.

— А ты не врешь...

— Чего мне врать, — сказал я с достоинством. — Я вообще никогда и никому не вру. Без необходимости. Есть ловкачи, врут ради искусства, а я человек серьезный, политик, ко всякому искажению правды отношусь очень серьезно. Да ты и сама видишь по моему удивительно честному лицу с пречестными глазами, что я вообще как бы не вру вовсе.

Она поинтересовалась:

— Но... почему? Тебя послали убить нефелимов... но ты не убил?

Я пожал плечами.

— Нефелимы — не вы, гордые ангелы. Они признали меня властелином и преклонили передо мной колени. Как я мог истреблять своих подданных? Я ве-

лел им хорошо трудиться, не ронять молоты на ноги и... удалился. За что и схлопотал от своих.

Она долго молчала, то поднимая на меня взгляд, то опуская снова. Я молчал тоже, наконец она проговорила тихо:

— Да, этого никто бы из нас не сделал.

Я сказал с кривой усмешкой:

— Чаше всего мы сами себя не понимаем. Это беда, конечно, но мы оптимисты и даже гордимся своей дурустью и непредсказуемостью. Это наша национальная черта человека.

Она сказала невесело:

— Большинство из вас остались верны убеждениям. Считается, это хорошо. Верно?

— Да, — ответил я. — Так в большинстве народа считается.

— Но ты так не считаешь?

— Нет.

— Но если мир меняется, хорошо ли быть неменяемым?

Я сказал осторожно:

— Хорошо. В смысле, неменяемым жить легче. Но, конечно, это неверно, хотя в таком повороте и если смотреть под углом сверху справа, то уже другой аспект.

— Не поняла, — сказала она, — скажи проще.

— Смотря в каких случаях, — пояснил я.

— А если вообще?

— Если вообще, — сказал я все с той же оглядкой, непонятно, куда клонит, — то человек должен, просто обязан меняться. Все рождается круглыми дураками. Но нельзя оставаться такими, хотя, конечно, многие остаются... Так жить легче.

— И что это вам дает? — спросила она, и у меня пробежал холодок по коже от невзначай и равнодушно оброненного «вам», хотя уже понятно, кто она, а кто я.

— Много, — ответил я. — Много дает. Даже отдельным людям, а уж всему нашему расплодившемуся племени... Дети с детства усваивают то, что родители открыли невероятными усилиями за всю свою жизнь. Потому дети чуточку умнее и чуточку идут дальше.

Она подумала, сказала со вздохом:

— Правильный ответ.

— Еще бы, — сказал я хвастливо. — Я весь из себя правильный. Могу даже научить крючком вязать. Или на спицах.

Она впервые улыбнулась, лицо начало напоминать живое.

— Ты и это умеешь?

— Я ж говорю «научить», — возразил я с достоинством. — Учитель вовсе не обязан уметь сам. Я больше высокорожденный теоретик.

Она покачала головой.

— Нет, учиться вязать не стану. И так прошлое давит тяжелым грузом.

— И мешает усваиваться новому? — спросил я.

Она взглянула пристально.

— Да, мы сделали ошибку, не поверив, что такое слабое существо из глины сможет стать лучше, чем оно есть.

— Но кто-то же поверил? — спросил я.

Она снова покачала головой.

— Нет.

— А верные Творцу ангелы?

— И они не поверили, — ответила она просто. — Всего лишь не решились возражать. Тогда никто не поверил.

— Тогда, — повторил я, — а как сейчас?

— Верно улавливаешь, — похвалила она. — Сейчас правоту Творца увидели многие, но это...

Она запнулась, подбирая слова, долго думала, я под-
сказал:

— Только ожесточило?

В ее глазах проступило нечто похожее на уважение.

— Как догадался?

— Знакомо, — сказал я утрюмо. — Люди, вместо того чтобы признать свою дурь и повиниться, еще больше начинают...

— То люди, — напомнила она.

— Первый раз, — напомнил я, — двести ангелов спустились к людям еще в допотопное время и таких блох от них набрались да еще и новых наплодили, что пришлось вызвать потоп, чтобы смыть с лица земли ту скверну.

Она сказала резко:

— В потопе виноваты люди!

— Люди во всем виноваты, — согласился я. — Но и победы тоже наши.

Она отвела взгляд и долго смотрела на спокойную гладь реки.

— Тогда люди погубили тех ангелов, — проговорила она. — Нет, это не снимает вины с Азазеля и тех двухсот, но они были полны решимости помочь людям...

— Есть такой тост, — сказал я, — пьем за то, чтобы наши возможности совпадали с нашими желаниями... Это мы сейчас где? Что-то не узнаю места... Тот лес был сосновый, а тут каштаны...

Она произнесла, не поворачивая головы:

— Это место рядом с тем, куда ты так спешил...

— А, — сказал я обрадованно, — окрестности Геннегау? То-то тепло так... Сказано, юг. Ну, почти юг. Как ты поняла? Я говорил в бреду? Да, в ионы меня не примут... Ты не против, если позову свою лошадку? И собачку?

Она произнесла безучастно:

— Зови.

Я повернулся в одну сторону, в другую, на грани видимости нечто розовое, словно полоска рассвета, сердце стукнуло радостнее, это же далекие стены Геннегау, приложил руки рупором ко рту.

— Зайчик... Бобик... Ко мне, мои замечательные морды!!!

Она посмотрела с вялым любопытством.

— Услышат?

— На любом расстоянии, — заверил я гордо.

— Тогда орать не обязательно, — заметила она.

— Тоже верно, — признал я. — Просто привычка. Если далеко — надо орать погромче. Инстинкт! У вас как насчет инстинктов?

Она пожала плечами.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Динозаврица, — сказал я ласково. — Красивая и прекрасная, как стегозаврица... Или белая игуанодонна, что чао белла, чао, чао, чао... Сила и мощь, властелины мира. Пусть мелкие жалкие млекопитающие приспособляются, ты глыбоко права. Но это я так, от присущей творческим натурам волнительности и потрясательности данным моментом.

Она кивнула.

— Да, ты волнуешься, хотя и не показываешь виду. А когда говоришь, что волнуешься, то затем, чтобы подчеркнуть, что якобы совсем не волнуешься.

Я сказал пораженно:

— В точку... Хоть и женщина. Кстати, ангелы же бесполое, а как ты...

— Я же избрала жизнь среди людей, — напомнила она.

— Ух ты, — сказал я. — Ты все время среди них?

— Почти, — подтвердила она, — каждые сто лет за-

хожу в ваш мир на несколько дней, а он всегда, ты не поверишь, так быстро меняется...

— Ого, — сказал я, — на целых несколько дней! Впечатляет. Хотя, что может измениться так быстро? Горы, сама говоришь, на том же месте. Даже река. Только лес разве что...

— Люди, — сказала она. — Люди стали тоньше и пронизательнее с того времени, вижу по тебе. К сожалению, это ожесточило ангелов еще больше.

— Никто не любит, — согласился я, — когда тычут в морду доказательства твоей ошибки. Но на Творца вряд ли повысят голос, а на человеке можно и отыгаться.

Она покачала головой.

— Не так просто. Творец не позволит.

Я поморщился.

— Кто весел — тот смеется, кто хочет — тот добьется, кто ищет — тот всегда найдет... способ.

Она не сводила с меня взгляда.

— Ты говоришь так, словно что-то знаешь. Или это развитое в человеке чувство, которое называется интуицией?

— Странно, — возразил я, — если бы вы не научились чему-то у людей. А человек — существо мстительное. И даже гордится этим. Дескать, высокое человеческое чувство, которого нет у животных... Как догадываюсь, не было и у ангелов?

Она грустно улыбнулась.

— Ты прав, не было. Но теперь...

— ...есть, — закончил я. — Добро пожаловать в реальный мир, который сотворил Господь. Неважно, таким ли Он его хотел или нет, но получилось неплохо, как я считаю.

Она сказала с тяжелым сарказмом:

— Ты одобряешь его действия?

— Да, — ответил я важно и с достоинством, — полагаю, Творец сделал это неплохо.

— Думаю, — сказала она с тем же ядом в голосе, — Он будет польщен. Даже обрадован! Как же, Его похвалил человек и даже похлопал по плечу.

Я ответил с достоинством:

— Вообще-то я похвалами так просто не разбрасываюсь. Если похвалил, то за дело. А признание своих заслуг, думаю, приятно и Творцу. Он так старался, трудился, а с земли только жалобы и просьбы... Скажи, кто был моим противником?

Она посмотрела на меня с грустью на лице.

— Я сказала тебе имя.

— Имя, — ответил я, — ничего не говорит человеку. Думаешь, я знаю, кто из вас кто? За все время я общался с одним-двумя. Те еще морды.

— А этому хочешь отомстить?

— Да так, — ответил я дипломатично, — просто никогда еще я не терпел поражения так... сокрушительно. Встречал мордоворотов и посильнее меня, но чтоб вот так, как Бог лягушку?.. Или жабу? Да-да, жабу, лягушек Господь почему-то не трогает. Наверное, потому, что потомки гордых и прекрасных динозавров?

На ее тонко прорисованных губах проступила легкая улыбка.

— Ты уже догадался, кто он.

— Что противником был ангел? — спросил я. — Да, конечно, это без вопросов. Но кто он и где обитает?

— Тебе не достать, — ответила она.

— Значит, — сказал я быстро, — он не из консерваторов, а из либералов?..

Она промолчала, отвела взгляд.

— Ты говоришь слишком сложно.

— Но что-то не складывается, — задумчиво сказал

я. — Насколько знаю, Светлым нельзя вредить человеку. Только помогать.

— Темным тоже запрещено вредить человеку, — напомнила она. — Напрямую. Только косвенно... Борьба шла за душу, а ее не завоевать ударом молота по голове.

Глава 4

Она отвернулась, я замолчал, стараясь понять случившееся. То, что мой противник не бессмертный нефелим или что-то подобное, понятно, но схватка была всерьез.

— Что-то изменилось? — спросил я с нехорошим холодком во всем теле.

Голос мой дрогнул, и она повернулась ко мне, глаза стали очень внимательными.

— Ты соображаешь очень быстро.

— Мы не живем вечно, — напомнил я. — Надо успевать.

Она проговорила задумчиво:

— Надо успевать... Не в этом ли сокровенный смысл божественного замысла?

— Да-да, — нетерпеливо сказал я, — именно в этом и есть сермяжная правда, она же посконная и конопляная. Так что изменилось?

— Маркус, — обронила она.

Я сказал с досадой:

— И здесь Маркус... Как же меня достал этот гад. Неужели ангелы получили право вмешиваться?

Она чуть качнула головой.

— А люди всегда на все получают право?

— Здорово, — сказал я озадаченно, — как же мы испортили ваше племя, какие же мы гады. А какими были раньше светлыми овечками... Я имею вас, ангелов.

— В виду?

— Да, — сказал я поспешно, — в виду. Имею в виду. Хотя и так звучит двусмысленно... Хотя вам все равно, вы же бесполое. В общем, кто-то тайком от Господа начинает вмешиваться напрямую... или почти напрямую?

— Таких немного, — заверила она, — хотя почти все хотели бы вмешаться, но это значило бы признать поражение в споре за человека. Ангелам было позволено только подсказывать человеку неверные решения и подталкивать на недобрые поступки. Человек должен был сам своими поступками доказать либо свою непорочность, или выказать неумение жить правильно.

Я пробормотал:

— Похоже, вы теряете терпение.

Она сказала надменно:

— У нас впереди вечность.

— У человека тоже, — заверил я. — И он становится все сильнее, образованнее... Но если это не какое-то вульгарное нетерпение, то что?

— Маркус, — повторила она. — Впервые взгляды Светлых и Темных, как вы их называете, совпали.

Я вскрикнул в тревоге:

— В чем?

— Маркус, — проговорила она бесстрастно, — должен стереть с лица земли человечество. Окончательно.

Она замолчала, впереди показалась темная точка, распалась на две. Тут же обе стремительно увеличились и, взрывая лапами и копытами землю, перед нами остановились огромный черный конь с блестящей шкурой и великанский пес с разинутой пастью и высунутым языком.

Конь остановился и приветственно фыркнул, а Бобик бросился мне на грудь и успел в мгновение ока облизать лицо удивительно мягким и горячим языком.

— И я тебя люблю, — заверил я, — честно-честно... Познакомься, это леди... леди...

— Махлат, — подсказала она. — Махлат... ладно, пусть будет леди.

Я потрепал Бобика по громадной башке.

— Видишь? Мне имя не сказали, зато тебе... Почему вас все любят больше, чем людей?

Он повернул голову и уставился на нее с настоящим интересом. Она протянула к нему руку. Однако Бобик отступил на шаг, хотя не зарычал и даже клыки не показал, но и обычного дружелюбия не проявил, хотя эта леди наверняка могла бы бросить ему не бревнышко, а целое бревно на другой конец света.

— Все правильно, — произнесла она. — Он все делает правильно.

Я указал взглядом на арбогастра, тот поглядывает на нее с некоторой опаской. На всякий случай вообще отошел в сторону и, сделав вид, что вообще забыл про нас, выбивал копытом из-под земли камешки, подхватывал их мягкими зубами и пожирал, хрустя, как скорлупками орехов.

— А он?

Она смерила взглядом черного красавца: мускулистого, поджарого, роскошногривого и с пышным хвостом.

— Хорош... Он умеет больше, чем ты думаешь.

— Да? А почему служит мне?

— Ты похож на его прежних хозяев, — ответила она. — Возвращайся в свой дом и живи... как жил.

— Это совет, — спросил я, — или угроза?

Она чуть приподняла бровь и посмотрела на меня в удивлении.

— Зачем мне тебе угрожать? Когда я перестала понимать, что происходит, я просто живу, ни во что не

вмешиваясь. Это другие... что-то еще хотят изменить. Но не я.

Я отпихнул Бобика, которому возжелалось потоптаться по мне, спросил как можно спокойнее:

— Ангел впервые напал на человека... это действительно желание что-то изменить. Даже несмотря на страх разгневать Творца.

Она повернулась и долго смотрела на медленно бегущие бесконечные волны.

Я терпеливо ждал, у ангелов в запасе вечность, вот и не спешат, наконец она проговорила:

— Видишь ли, я примерно знаю, как вы думаете. В ваших же старых книгах записано, что Творец низверг мятежных ангелов в ад, хотя на самом деле в том споре Он не участвовал. Даже у самого главного среди мятежников, их вождя Самаэля, подбившего Еву на грехопадение, Он за то, что тот нарушил все Его планы, всего лишь оторвал шесть из его двенадцати крыльев.

— Ого, — вырвалось у меня, — как же тот летал?.. Да и на шести не представляю... Попробовать, что ли...

Она посмотрела на меня в изумлении.

— Все-таки человек туп. Вы всегда понимаете так буквально?

— Прости, — сказал я поспешно, — ну да, сейчас сообразил. Я чуточку стал заторможенным в последнее время, но зато в порядке компенсации красивее. Крылья — это лычки. На крыльях все равно не полетишь со скоростью мысли. Сорвал крылья — это сорвал лычки... Понизил в звании.

Она кивнула.

— Его перевели из мира Брия в более низкий духовный мир Иецира, а это значит, Самаэль все равно остается выше большинства ангелов. Светлых, как вы их называете. А те, которые Темные, продолжают вы-

полнять указания Творца, только теперь у них работа менее благодарная.

— Ну да, — согласился я, — при понижении работа всегда тяжелее и... не такая чистая. Ты права. Мы как-то все воспринимаем проще. Дескать, ангелы восстали, Творец низверг наглецов в ад, где теперь они и мучаются, вопя и стеная. А на самом деле понижены в должностях, а работают все так же на Творца. И платят им наверняка меньше. Отпусков тоже, как и выходных, лишены.

— Нет, — возразила она, — в субботу никаких мук.

— Вот уж не думал, — пробормотал я.

— Но тем ужаснее, — закончила она, — те кажутся на другой день.

— Но все-таки, — проговорил я, мягко поворачивая в нужное мне русло, — этот Алфифаниэш на меня напал...

— Возможно, — ответила она, — у него найдется какое-то объяснение? Или же он рассчитывал, что Господь долго терпит... а ударить не успеет, Маркус сметет здесь все раньше?

Я сказал мрачно:

— Или он решил, что Господь окончательно разочаровался в человеке. Хотя это предположение рискованное.

— Почему, — спросила она, — разве Маркус не карающая длань Господа?

— Потоп тоже был карающей дланью, — огрызнулся я. — Но Творец до последнего часа давал человеку шанс. А когда пришло время развернуть хляби, а в это время умер Мафусаил, Творец отложил потоп на семь дней вроде бы для траура и погребения праведника, но на самом деле давал еще недельку людям одуматься.

Она сказала нетерпеливо:

— Я это знаю. К чему ты рек эти слова?

— К тому, — отрезал я, — что Творец до последнего будет давать шанс. А это значит, не позволит всяким там бесчинствовать и творить непотребства, как бы вам ни хотелось насладиться местью. Скажи, а ты на чьей стороне?

Она грустно усмехнулась.

— Хочешь спросить, Светлая или Темная?

Я покачал головой.

— Нет, уже знаю, те и другие в большинстве против человека. Ты в этом большинстве или?..

Она кивнула.

— Скорее, или. Я из немногих, кто часто появляется среди людей, живет здесь подолгу, учится понимать вас. У меня есть симпатия к людям. Видишь ли, ангелы были созданы... бессмертными. Не специально, а... ну, как бы само собой. Для Творца создать бессмертными проще. Это, чтоб сделать смертными, затратил намного больше времени, изобретательности и гениальности.

Я сказал с самодовольством:

— Думаю, это было гениальное озарение, что приходит раз в вечность.

— Похвали себя, — сказала она недовольно, — похвали.

— Прости, — ответил я, — это все от зависти. Мы всегда завидовали вашему бессмертию. Хотя и понимали наши преимущества.

Она спросила с подозрением:

— Это какие?

— Чтоб совершенствоваться, — ответил я, — через смену поколений. Вы остались такими же, ибо бессмертны, а люди... с каждым поколением приподнимались на одну кро-о-о-охотную ступеньку.

Она подумала, сказала мрачно:

— Я не поняла, но чувствую в твоих нелепых объяснениях некий смысл. Люди за эти тысячи лет из диких

двуногих зверей превратились в могучих хищников... Говорить это неприятно, но наиболее дерзкие из них уже начали бросать вызов даже ангелам.

У меня перехватило дух.

— Что, правда?

Она кивнула.

— Увы.

— И, — проговорил я, — чем кончалось?

— Ангелы жестоко наказывали дерзких, — ответила она тем же тяжелым голосом, — но люди все крепнут. И я зрю то страшное время, когда люди станут с нами вровень. Правда, только в силе.

Я согласился:

— Да, осталось только в силе. Во всем остальном мы уже давно выше. Потому он на меня и напал? Хотя я не бросал ему вызов?

Она покачала головой.

— Он тебя не убил...

— Ага, — ответил я с тяжелым сарказмом, — всего лишь смертельно ранил.

— Это другое, — пояснила она. — Ранить — это не убить. Это покарать.

— Ну да, — сказал я, — оправдание можно найти всегда. К примеру, собирался лишь проучить дерзкого смертного, а потом вернуться и вылечить... но что-то отвлекло. То есть он не убил, что-то другое убило.

Она взглянула несколько странно.

— Ты быстро находишь объяснение...

Я отмахнулся.

— Могу еще хоть сотню. Похоже, он подолгу жил среди людей и тоже кое-чему научился. Только все вы почему-то учитесь всякой гадости.

— Так от человека же.

— От нас можно всему, — сказал я. — Даже, как ни странно, прекрасному! Я сам слышал.

— Плохое для нас внове, — объяснила она. — А мы пока еще плохо различаем, что хорошо, что плохо.

— Вам нужна руководящая и направляющая длань Творца, — согласился я. — Это мы, предоставленные сами себе, выработали кое-какие базовые правила, а для придания им авторитета объявили, что получены от самого Творца. Хорошо, если не знаешь, где отыскать этого засранца, буду подозревать всех и каждого в союзе с ним.

Она взглянула с любопытством.

— И что это тебе даст?

— Отыщу, — ответил я, — и убью. На месте.

На ее губах появилась насмешливая улыбка.

— Ангела?

— А что тут такого? — отрезал я. — Земля принадлежит человеку.

Улыбка сползла с ее лица, а голос прозвучал очень серьезно:

— Никто и никогда не убивал ангела. Мы все смертны.

— Все когда-то бывает впервые, — ответил я. — Спасибо, что подлечила. Хотя это и было, скорее всего, разыграно между вами... но все равно спасибо.

Зайчик в поисках вкусностей отошел на сотню ярдов, даже спустился по крутому берегу к самой воде, там вылавливал омытую водой гальку, хрустел ею так смачно, что мне самому захотелось попробовать погрызть, словно это кристаллический сахар.

Бобик влез в реку и нырял там, всякий раз появляясь с рыбиной в зубах, смотрел на меня с надеждой и со вздохом, выпускал на волю, но тут же азартно нырял за новой добычей.

Я свистнул, арбогастр выметнулся на зов с такой скоростью, будто его вынесли ко мне огромные темные крылья.

Махлат посмотрела на него, перевела застывший взор больших глаз на меня.

— Нет, — ответила она с той же серьезностью, — это не разыграно, если я правильно понимаю твои слова... Мы не всевидящи, как наш Творец...

— Слава Господу, — сказал я.

Она поморщилась.

— ...но я увидела, как вы дрались с Алфофаниэшем, и, когда он отбыл, я прибыла на то место.

— Почему? — спросил я. — Уж смертей ты навидалась!

— Да, — ответила она просто. — Но ты решил драться за людей и умереть с ними, если битва будет проиграна, хотя мог бы спастись... Это интересно.

— Только интересно?

— Необычно, — уточнила она.

— Героев много, — ответил я и, вставив ногу в стремя, поднялся в седло. — Я буду драться не один.

— Да, — ответила она, — но душа твоя черна. Черна и полна ярости и жажды разрушения.

— И что?

— Как ты можешь драться на стороне Светлых? — спросила она, поморщилась, — вот говорю это, а меня всю передергивает. Это же неправильно называть их Светлыми!

— Почему? — спросил я с жестоким интересом. — Темным стремно, что их зовут темными?

Она проговорила неспешно:

— Темные остались служить Творцу. Не потому служить, что верят, просто это послушные и бессловесные слуги. Тупая темная сила. А ведь те, что были побеждены и сброшены на землю, как раз и были самыми чистыми и светлыми...

Она замолчала, я закрыл рот, подумал, кивнул.

— Логика есть. Да что там логика, вообще-то бледные юноши со взором горящим... гм... и есть самые светлые люди на свете.

— Вот видишь, и ты согласен.

— Согласен, — подтвердил я. — Эти бледные со взором горящим, чьи сердца для чести живы, как раз и начинают все бунты, мятежи, перевороты, революции... Не буду уточнять, кто на самом деле прав, но имя Светлых должны носить, ты права, именно они. Однако... не запутаемся ли сами, если весь мир повторяет за церковью, что Темные — это Светлые, а Светлые — это Темные?..

— Потому, — сказала она, — нужно не называть...

— Тогда запутаемся еще больше, — сказал я. — Давай так, те светлые, что за спиной Творца, будут благородные консерваторы, а которые подняли возвышенный и красивый, кто спорит, мятеж, будут у нас прекраснодушные либералы?

Она посмотрела на меня с удивлением и уважением.

— Как ты быстр... Мы бы лет сто искали подходящее название.

— Динозавры, — сказал я похвальным голосом и пояснил: — Это такие древние мудрецы, очень неторопливые, но мудрые. У них было два мозга, один в голове, другой... ниже. Собственно, у всех у нас один мозг, спинной, но у людей утолщение на самом верху, а у динозавров был еще и внизу, так что они были вдвое умнее. У нас и сейчас, если кого хотят похвалить, говорят, задним умом крепок... Кстати, только сейчас придумал... Консерваторы и либералы — слишком длинно, хотя эти термины можно употреблять в официальных документах. А для житейского общения можно короче, четче и яснее, хотя житейское тоже имеет тенденцию переходить в узаконенные термины. В общем те, что

за спиной Творца, — правые, а мятежники — левые. Правда, так лучше?

Она подумала, наклонила голову.

— Да. Мне кажется, даже как-то соответствует, хотя и не понимаю почему. Ты, как я понимаю, правый...

— Правый? — переспросил я. — Не совсем, ибо сердцем я — левый, еще какой левый. Ультралевый. Ястреб. Но у меня уже есть и мозг, к тому же почти работающий. Потому умом я на стороне правых. Ибо понимаю тех и других, как и всю вашу породу, но левые только ломают, а строят правые.

Глава 5

Бобик уже избегался кругами, даже арбогастр пофыркивает в нетерпении, дескать, разговор что-то затянулся.

Я разобрал повод, вскинул руку в прощании.

— Надеюсь, еще увидимся!

Она ответила со вздохом:

— До понимания нашей породы тебе столько же, как муравью до вершины вон той горы.

Я повернулся, посмотрел на далекий сверкающий пик.

— Опасное сравнение.

Она спросила в недоумении:

— Почему?

— Могу муравья забросить туда прямо сейчас, — пояснил я. — Люди всегда находят возможности.

Зайчик сделал рывок, перед существом ее породы нечего скрывать возможности, все равно у нее их больше, ветер засвистел в ушах.

Через пару минут навстречу стремительно понеслась розовая громада Геннегау, его крепостная стена, а за нею быстро выросли крыши дворцов и башен.

Через город я пронесся, как демон на черном вихре, но у массивных ворот дворца Рюккерта, что стал моей резиденцией, стражи моментально ошетинились копьями.

— Вольно, — сказал я бодро. — Хорошо служите, молодцы!

— Рады стараться, — ответили они в один голос.

Кто-то бросился открывать ворота, Бобик ворвался первым, а от дворца к нам по уложенной плитами мрамора широкой дорожке поспешил встревоженный и одновременно обрадованный барон Торрекс Эйц, начальник охраны дворца.

— Ваше Величество?

— Все в порядке, — крикнул я.

— Ох, Ваше Величество...

— Знаю-знаю, — сказал я, — моя конячка бросилась встречать меня. И собачка с нею наперегонки. А вы говорите, женщины, женщины... Вот кто нас любит верно и преданно.

Он сказал в тон:

— Да, ни одна женщина не выбежала за городские ворота. Да еще выбив ворота конюшни.

— Вот видите, — сказал я с укором. — Потому понимаете, почему со мной конь и пес, но ни одной женщины?..

— Вам везет, — ответил он с неподдельной завистью. — А у меня собаки нет, зато женщин хоть отбавляй.

— Соболезную, — сказал я, — но помочь не могу.

— Жаль, — сказал он. — Я-то надеялся, что возьмете хоть парочку...

— Ни за какие пряники!

Он спешил рядом, стараясь поспевать в такт моим шагам, я не только длиннорукий, но и длинноногий, искоса поглядывает на мое озабоченное лицо, никак

не могу удержать маску невозмутимой державности, слишком уж суровый прессинг, а в животе, куда глубоко проникло лезвие меча Алфофаниэша, ноет фантомная рана.

В полутемных залах, куда свет проникает только через окна, придворных предостаточно, но после солнечного дня я не сразу различал лица, потому прошел быстро и нацеленно, строго глядя перед собой, изображая полное погружение в государственные заботы, хотя на самом деле погружен даже не в государственные, а в надгосударственные и, можно сказать, не устранившись показаться высокопарно патетическим, в натурально-общечеловеческие.

Все залы богатством и роскошью превосходят те, что во дворце Кейдана, колонны в одном — из розового мрамора, в другом — все из малахита, даже стены и пол, лестница из просторного холла на верхние этажи — произведение искусства, которое замечая, но любоваться некогда, некогда...

Стража в моем коридоре подтянулась, слышав шаги сюзерена, уже отличают от других, а морды расплылись в довольных улыбках. Это не настоящая дворцовая стража, а люди из моего войска, для которых я не столько король, как их любимый вождь, за которым идут к подвигам и славе.

Слуга в ярком цветном кафтане распахнул дверь в мой кабинет, а когда я переступил порог, почтительно и бесшумно закрыл.

Снимая через голову перевязь с мечом, я бросил взгляд в окно, что выходит на просторную городскую площадь. На той стороне королевский дворец, массивный и огромный, но Рюккерт свой строил позже, уже видя, как смотрится королевский, потому свой планировал с явным намерением превзойти королевский как в размерах, так и в пышности и великолепии.

Это и неудивительно, в большинстве королевств наиболее могущественные лорды владеют большими землями, чем короли, и могут выставить куда более крупные армии. Но теперь под моей дланью с этим не только покончено, но отныне и узаконено.

Высовываться из окна не решаюсь, могу увидеть то, что над головой, а там набухает, как зловещая раковая опухоль, красная звезда, что уже не звезда, а размером с Луну, и нет в Сен-Мари человека, который не крестился бы в ужасе, ненароком взглянув в небо.

За толстой дверью приглушенные голоса и шевеление, моя чувствительность растет, хотя часто и раздражает. Все-таки слышать шепот на другом конце зала или за плотно закрытой дверью вроде бы и неплохо, но обычно это всякая хрень и мелкие сплетни.

В коридоре напротив двери у стены двое слуг в пышной одежде, но пока что без королевских отличий, те только у слуг Кейдана. Оба подтянулись, на лицах готовность бежать и тащить.

— Графа Альбрехта ко мне, — сказал я. — То бишь Гуммельсберга. Если барон Дарабос близко, то и его, но специально искать не надо.

Один тут же унесся бегом, второй остался в ожидании новых распоряжений.

Я вернулся в кабинет, сердце стучит тревожно, никак не могу забыть лезвие ножа, пронзившее до позвоночника, и не менее тревожный разговор с Махлат, хотя я и старался не показывать ей своего страха и неуверенности.

Будь она мужчиной, я был бы откровеннее, но перед женщиной все мы пыжимся и раздвигаем плечи, это инстинкт, слабому не позволено продлять род, потому нас как бы и вообще нет на свете круче, когда общаемся с самками.

Дверь распахнулась, Альбрехт почти вбежал, лицо просияло, но взял себя в руки и остановился, склонив голову в поклоне.

Я отмахнулся.

— Бросьте, граф.

— Ваше Величество?

— Что, — спросил я, — ни черта не сделали за мое отсутствие, что вашевеличествуете?.. Что с отборным контингентом?

Он поднял голову.

— Отобраны и отправлены. По вашей железной дороге их доставят быстро почти к самой долине Отца Миелиса. И не устанут за время долгого марша. Чем больше думаю о той удивительной дороге, тем больше поражаюсь гениальности вашего замысла, Ваше Величество!

— Граф, — сказал я с подозрительностью, — вы точно разворовали половину королевства, что так нахально льстите.

Он вскрикнул с укором:

— Ваше Величество! Ну какую половину...

— Сэр Ричард, — напомнил я. — Когда мы в своем кругу, я — сэр Ричард для друзей, хотя там в Сакранте я изволил милостиво обозвать и объявить себя монархом.

— Ваше Вели... монархом?

— Это тот же король, — объяснил я нетерпеливо, — но которого лордам уже ни избрать, ни сместить, ни заменить другим. Монархия — единоначалие, самодержавие, абсолютизм. Ступенька на пути к Царству Небесному, которую никак не перепрыгнуть. Но это уже свершившееся, а нам нужно о том, что свершить только предстоит.

— Маркус...

Я сказал зло:

— Если бы знать, когда он обрушится всей тяжестью... Но все равно сразимся с теми людьми, что уже подходят к долине великой битвы. Какова ситуация в Сен-Мари?

Он прислушался, сказал с иронией:

— Сэр Норберт не просто спешит, мчится, как табун диких коней... Думаю, он расскажет точнее, хотя и я знаю достаточно.

— Не будем залезать в его епархию, — согласился я.

Слуга распахнул дверь, строго посмотрел в кабинет, потом повернул голову, всматриваясь в дальний конец коридора.

— Сэр Норберт, Его Величество ждет вас, поторопитесь.

Через мгновение в кабинет быстрыми шагами вошел Норберт, с выбритыми до синевы щеками и таким же подбородком, воинственно приподнятыми усами, привычно высокий, худой и прочный, как старый дуб со снятой корой.

— Ваше Величество...

Я указал на кресло.

— Садитесь, барон, давайте поменьше церемоний. Какова обстановка в Сен-Мари?

Он сел на самый край кресла, все такой же прямой, не позволяя себе не то чтобы развалиться, но даже опустить руки на подлокотники.

— Практически все задуманное вами было сделано в первую неделю, — сообщил он. — Но некоторым просто повезло, на тот момент оказались в своих замках и с полным гарнизоном. Все понимают, что вы вернулись в гнев и ярости. Кто-то останется и будет сражаться отчаянно, кто-то поспешит скрыться в дальнем имении, некоторые поспешат с изъявлениями преданности.

Альбрехт слушает с непроницаемым лицом, а я изрек веско:

— В отношении всех поступим одинаково: виновных к ногтю, а непричастные останутся в покое.

Альбрехт пробормотал негромко:

— Надеюсь, виновных будет достаточно.

Норберт спросил с иронией:

— Что, граф, уже раскатали губы на чьи-то земли?

— Чем больше земель окажется в руках верных Его Величеству людей, — ответил Альбрехт пространно, — тем наше положение будет надежнее. И ваше тоже, сэр Норберт.

— Да я же не против, — примирительно сказал Норберт, — это так просто. Больно вы серьезный сегодня, сэр Альбрехт. Не к добру.

— Я такой, — согласился Альбрехт. — И ответственный, кстати. У вас, Ваше Величество, все в порядке?

— Да, ответил я, — конечно. В полном. Если не считать такие пустяки, что над миром нависла Багровая Звезда Смерти, то можно устроить большой прием, а потом танцы.

Он сказал обрадованно:

— О, танцы... Можно, я помогу лорду-распорядителю в этом важном деле?

— Да, — согласился я. — Сразу после победы над Багровой Звездой.

Альбрехт насупился.

— Ну вот всегда так... Надеюсь, она не застрянет в дыре небосвода.

— И не обрушит его весь, — сказал Норберт. — Там столько хрустала, на все люстры в королевстве хватит.

— Если все королевство осколками не завалит, — сказал Альбрехт.

— Теми осколками завалит всю землю, — уточнил я. — Как ведет себя Кейдан?

— Никак, — ответил Альбрехт. — Выжидает.

— Мудрая политика, — согласился я. — Кто может сражаться, сейчас уже в долине Миелиса или на пути к ней, остальные должны пахать и сеять. И вообще жить так, словно никакой Багровой Звезды нет и не будет.

— Вот-вот, — сказал Альбрехт, — значит, танцы все-таки устроим?

Я пожал плечами.

— Исходя из того, что я тут молот, почему и нет? Устраивайте. А я пока пройду по ненашим пенатам. Как наши алхимики?

— Которые маги? — переспросил Альбрехт. — Да почти никого не осталось. Всяк, кто поднимал голову и видел Багровую Звезду в небе, отправился в долину Миелиса. Надеюсь, окажутся полезными.

— И я надеюсь, — признался я. — Вообще-то самых могучих магов я встретил в Гандерсгейме, нужно будет навестить, узнать, пытаются ли как-то избежать. Хотя даже если пытаются, нам это ничего не даст. На людей они смотрят, как на милых мелких зверушек, даже с некоторой симпатией, но, конечно, не станут расшибаться в лепешки, чтобы нас как-то спасти.

Норберт сказал с тоскливой злобой:

— Что маги... Сами, возможно, что-то да придумают лично для себя. Кто-то поднимется в момент всеобщего разрушения в воздух и там переждет, кто-то сумеет спрятаться во что-то магическое, кто-то придумает что-то еще...

— Но на людей, — поддержал Альбрехт, — тратить все свои ресурсы не будут. Да и не хватит их.

— Да, — ответил я, — конечно... Подняться в воздух и переждать — здорово. Такое вроде бы простое и ясное решение...

Он спросил:

— А что, не смогут? У вас такое лицо...

— Подняться смогут, — ответил я, — да только падать придется весьма как-то не весьма. Как я понял, здешние чародеи потому и чародеи, что наловчились пользоваться, пусть и грубо, некоторыми источниками магии.

В его глазах что-то изменилось, но промолчал, а Норберт сказал быстро:

— Если Маркус разрушит источники, то маги потеряют силу?

— То-то и оно, — ответил я, — так что спастись могли бы те, у кого источник магии внутри, а таких не знаю.

— Кроме святых, — уточнил Альбрехт. — У них святость внутри. И еще аскеты могут. Наверное, могут.

— Не все, — сказал Норберт.

— Пусть и не все, — согласился Альбрехт, — но черпают из себя.

— Это здорово, — сказал Норберт, — только не знаю, как могут уцелеть. Во всяком случае, нам ничем не помогут.

Я промолчал, магов Гандерсгейма уже трудно назвать магами после того, как я уничтожил источник их мощи.

— Мы не маги, — сказал я, — потому нас больше заботит не как спасти свои шкуры, а как дать отпор Маркусу. Потому приветствуются любые предложения, даже самые дикие.

Альбрехт поллюбопытствовал:

— А дикие зачем?

— Диких приручают, — пояснил я, — стригут, обучают, потом используют в битвах.

Норберт мямля, даже почесал в затылке совсем простонародному, хоть и благородных кровей, наконец проговорил с трудом:

— Ваше Величество... если бы знать, чему давать отпор.

— Да, — сказал я с сожалением, — если бы знать... Но на всякий случай собирайте все. Вообще-то не люблю интеллигенцию забирать в армию, но сейчас либо все погибнем, либо все или почти все выживем. В опасности даже не королевство! Все люди на свете в опасности. И сейчас наверняка начинают вести себя иначе, чем обычно.

Альбрехт коротко взглянул на Норберта, но тот молчал, Альбрехт сказал сдержанно:

— В короткое время правления Вирланда оживились ереси.

— Ого, — сказал я. — Это знаково.

— Ваше Величество?

— Продолжайте, — велел я.

Он сказал со вздохом:

— Подняли головы затихшие колдуны и всякие любители любой ценой добывать могучие амулеты. Это не говоря уже о том, что разбойничьих ватаг теперь впятеро. Не поверите, но начали врваться даже в села.

— Жаль, — заметил я, — не знал этого, когда вел с ними переговоры.

— Да, — согласился он, — но сейчас расхлебывать вам. Мы в первую очередь обратили внимание на главную угрозу, которую Вирланд считал достоинством: получивших прежнюю самостоятельность лордов, а эти неприятные мелочи будем выпалывать дольше.

— И с большими усилиями, — сказал я трезво. — Народ обычно радуется, когда король карает обнаглевшего лорда, но не любит и даже противится, когда vessают их сельского колдуна.

Он спросил, понизив голос:

— Проводить с прежней... решительностью?

— Да, — ответил я возвышенно, — и весьма... Сжи-

гать на кострах при большом скоплении народа, заранее оповещая об этом население. Однако аресты будем проводить в два этапа.

— Ваше Величество?

— Сперва только тех, — объяснил я, — кто старается нечестивой магией обогатиться или получить власть над людьми или хотя бы даже над женщинами.

— А лекарей... на потом?

— Вы прямо в точку, — ответил я. — Лекарей и прочих колдунов, что помогают народу, пусть и за деньги, пока не трогать. Не следует восстанавливать против себя простой люд. Он платит налоги, больше от него требовать ничего не будем.

Он сказал осторожно:

— А что скажет церковь?

— Все долгосрочные проекты церкви, — отрезал я, — замораживаются ввиду чрезвычайной ситуации... Если в Ватикане не поймут, отец Дитрих меня все же поддержит, надеюсь. Объяснит, что Маркус все равно все сотрет с земли... а если справимся с бедой, тогда все можно снова и с большим рвением. Ибо. А пока нет.

Глава 6

Он помрачнел, все стараемся не вспоминать о Маркусе, даже мне хочется спрятать голову в песок, чтобы кто-то большой и сильный решил мои проблемы.

Норберт чуть пошевелился в кресле, но остался сидеть прямой, как лезвие рыцарского меча.

— Все, — произнес он, — что отложить можно... отложить нужно.

Альбрехт вдруг сказал:

— Ваше Величество, прошу вашего разрешения съездить с карательным отрядом в имение барона Лонгширда.

— А что там? — спросил я.

— По слухам, он приблизил к себе некоего нечестивого колдуна. Тот сперва подлечил его бесплодие, потом начал поставлять ему женщин, похищая из дальних сел... Все бы сходило с рук, но он, обнаглев, похитил пару девиц из благородных семей. А их родня, уже зная, откуда ветер дует, собрала дружины и сгоряча напала на имение Лонгширда.

— Погибли? — спросил я.

— Больше половины, — сообщил он буднично. — Остальные вернулись обгорелые и покалеченные, собирают народ заново. Обещают спалить все это разбойничье гнездо.

Я сказал нехотя:

— Хотя самосуд — самое верное и демократичное решение, однако почему-то власть, как принято считать, сама должна делать эту грязную работу. Потому пошли срочно туда гонца.

— Да, Ваше Величество.

— Пусть сообщит, — сказал я, — мы запрещаем нападать на имение барона Лонгширда. С ним разберемся сами по-королевски.

— Это... как?

— Без всяких адвокатов, — отрезал я. — Мое королевское решение prevыше всего!

Норберт сказал опасливо:

— А стоит ли сейчас, когда Маркус вон в небе горит, как глаз самого дьявола?

— Надо, — ответил я со вздохом. — Иначе скажут, если власть бездействует, зачем им такое непотребство?

— Кто скажет?

— Все скажут, — заверил я.

Он хмыкнул.

— Это и сейчас говорят... Успокойтесь, Ваше Вели-

чество, это всегда говорят про любую власть. Вы же знаете, любой свинопас уверен, что лучше любого короля правил бы страной. Так что все своим чередом.

Я поднялся из кресла, оба тут же вскочили, серьезные и сосредоточенные.

— Ладно, — сказал я, — действуйте. Я изволю сосредоточиться на мысли. Потом сообщу свое милостивое решение. Не морщитесь, граф! У меня все решения милостивые, даже если как бы и не совсем, но нужно смотреть по-государственному, а не абы как.

Когда дверь захлопнулась за ними, я напомнил себе невеселую истину, что хотя Маркус вон все разрастается в небе, но каждый все равно занят своей повседневностью. Это называется жизненной колеей, из нее не так просто выскочить.

То ли дело я, даже и не запрыгнул в нее еще. Но тем более их дела касаются меня, как правителя. Поэтому должен заниматься их проблемами, улаживать, приводить к консенсусу, что-то или кого-то останавливать, а то и вовсе отменять... Не только что-то, но и кого-то. Возможно, пока ничего не придумал насчет.

Надо заняться бароном Лонгширдом, а в процессе может всплыть и решение насчет Алфофаниэша. Такое иногда бывает, когда в покое кровь застаивается где-то в нижнем головном мозге, а когда дерешься или срываешься с башен, то ее забрасывает участвующимся сердцем и в верхний.

Сэр Жерар вошел без стука, мы же оба на работе, произнес бесстрастно, но я все равно уловил в его строгом голосе неодобрение, к королю не должны вот так шастать всякие незнатные:

— Ваше Величество, к вам просится алхимик.

Я ждал продолжения, но он молчал, только выражение неодобрения моими действиями стало отчетливее.

— Ладно, — сказал я миролюбиво, — наверняка по важному делу. И не простой алхимик, те боятся даже моей тени, верно?

Он поклонился и отступил. В кабинет вошел Земмельвейс, еще больше исхудавший, удлиненный, в шляпе с высоким верхом, в расшитом хвостатыми звездами плаще.

В руке длинный посох с янтарным набалдашником размером с кулак. Посох удлинился, явно Карл-Антон умеет его вытягивать, как делал мальчиком Иисус, помогая своему отцу столяру. Совсем недавно в руках мага это был простой жезл, хоть и волшебный, а камень уже не просто камень, а драгоценный в том правильном смысле, что аккумулирует магическую мощь, а не просто позволяет собой любоваться, дескать, смотрите и ахайте.

— А, — сказал я, — Карл-Антон... Ты же намеревался отлежаться в обозе среди одеял?

Он развел руками.

— Не удастся, Ваше Величество.

— Что так?

— Я зачерпнул вашей темной силы, — напомнил он, — и теперь у меня в некотором роде странная связь с вами.

— Что, — спросил я, — мне тоже надо в обозе полежать?

Он ответил очень серьезно:

— Вам грозит огромная опасность, в то время как мною никто не интересуется. Даже обидно. Хотя я, напомню с гордостью, в Сакранте был главой магов, и на всем Севере не было равных мне по мощи. Я сумел подчинить себе вид очень сильной магии, овладев которой человек в самом деле приобретает большую силу. Остальные страшатся с нею экспериментировать, она с самого начала начинает уничтожать дух и тело,

и чем человек сильнее, тем быстрее умрет в страшных мучениях от неведомой болезни.

— Представляю, — сказал я буднично, он взглянул в удивлении, уверен, что выдал некую тайну, но я всего лишь подумал о высоких дозах радиации, та быстро сжигает человека изнутри. — Обречены все, если не умеют защищаться, а кто умеет?

— Тогда вы понимаете, — пояснил он, — почему я так осторожничаю с новыми заклинаниями и находками.

— Зато с кольцом получилось бесподобно, — признал я.

— Повезло, — ответил он, — все совпало. И само кольцо, и то, что я сумел понять, как им пользоваться.

Я пробормотал:

— Найти бы такое кольцо, в котором остался бы прошлый хозяин... Гм, вообще-то те кольца все должны быть такими. Или же в конструкции заложена программа разрушения, если хозяин решит покончить самоубийством?..

— А зачем такое? — спросил он. — Я хоть и отвергнут церковью, но полностью согласен с нею, самоубийство — грех и, хуже того, преступление.

— Кто знает их мир, — ответил я. — Иногда убивают себя, чтобы сохранить свои тайны.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Я о таком не подумал. Ваше Величество, вы знаете людей лучше, вот уж не поверил бы.

— Политик, — ответил я скромно, — и отец народа должен знать...

— ...простой народ?

— Колдуны и мыслители, — пояснил я, — тоже народ. И тоже в чем-то простой, в чем-то сложный. Иногда убивают себя, чтобы сохранить тайны рода. Это тоже выше, чем такая мелочь, как жизнь.

Я все еще не предлагал ему сесть, а он не сказал, зачем притащился, словно у меня, кроме как поговорить на общие темы, и заняться нечем. Ощущение такое, что говорит чисто механически, постоянно к чему-то прислушиваясь, даже пару раз тревожно посмотрел в сторону окна, хотя через такое узкое протиснется разве что ворона.

— Или тайны рода? — повторил он. — Да, возможно...

— Видимо, — сказал я, — ты нашел кольцо, изготовленное для кого-то и еще чистое. Предполагаю, их изготавливали массово...

— Зачем?

Я пожал плечами.

— Если умели делать дешево и быстро, почему не обеспечить всех за недорого? В каждой лавке, к примеру, был ящик таких колец на продажу. Разной формы, емкости, веса, отделанности. Одни — просто кольца, это подешевле, а другие с драгоценными камешками — уже перстни...

Он посмотрел на меня с уважением.

— Ваше Величество, я вам уже говорил, но скажу еще раз и с великим удовольствием... я рад, что служу вам!

Я поднялся, потряс по очереди ногами, разминая мышцы, заодно передвинул меч в ножнах поближе к столу. Карл-Антон заметил, мне почудилось в его темных, как болотная вода, глазах одобрительное выражение.

Чувство тревоги зародилось из ничего, но я пренебрегать им не стал, ученый, лучше перебдить, недобдение чревато, простой зуботычиной не отделаешься, взялся за рукоять меча, делая вид, что хочу зачем-то осмотреть, это чтобы не выглядеть глупо, если ничего не случится.

Волна холода ударила с такой силой, что меня отшвырнуло к стене. Я ударился спиной и затылком о камни, меч инстинктивно выставил перед собой острием вперед.

Тяжелое грузное тело, появившись из ниоткуда, с силой ударилось об меня со стороны окна. Меч в моей руке резко подался назад, рукоять со звоном уперлась в стену. Туша незнакомца, захрипев, начала оседать на пол, опуская и мой меч, лезвие почти по рукоять всажено в мохнатую грудь.

Я уперся ногой, с трудом выдерживая клинок, успел увидеть второго напавшего: огромного демона с широким и загнутым на конце мечом в руке, но маг vykрикнул заклятие, противника отшвырнуло к стене, он взвыл, морда исказилась, я увидел, как его тело начало затягивать в камень.

Карл-Антон протянул перед собой обе руки, демон закричал в смертельной муке, отчаянно задержался. Маг захрипел, руки опустились. Демон начал было освобождаться, но заклятие еще действует, хоть и слабее, монстр погружался в каменную стену медленно, но утонул почти весь, только пальцы мохнатой лапы остались снаружи, да еще меч блестит на солнце, словно примагнитенный...

Присмотревшись, я увидел, что и он прихвачен камнем, дикое зрелище, когда, как в мягкую глину, вошли где рукоять, где край лезвия, но сейчас это гранит, серый гранит, которому сотни миллионов лет, если не миллиарды, хотя я не вижу разницы между миллионом и миллиардом.

Я посмотрел на сраженного мною демона, этот распростерся передо мной на полу в луже черной крови, быстро оседает, будто куча грязного снега на жаркой плите.

Карл-Антон сказал дрогнувшим голосом:

— Что у вас за клинок... С одного удара?

— Повезло, — ответил я скромно. — Но у тебя, как ни обессилел, вроде бы еще есть... ягоды в ягодицах... Он ответил слабо:

— Это последние капли. Ваше Величество... я уже... весь...

Он пошатнулся и без сил оперся о стену.

— В обоз, — сказал я с сочувствием. — Сейчас тебя отнесут, положат в телегу попросторнее и накроют шубами. По себе знаю, шелудивому поросенку и в петровку холодно. Пока не пройдет, будет знобить.

Он покачал головой.

— Нет, Ваше Величество, не до того. Меня удивляет, вы даже бровью не повели!

— Жизнь вообще удивительна, — сообщил я ему новость. — Мне в последнее время везет на такое. А вот ты почуял... это здорово.

— У меня нет вашей мощи, — пояснил он, — слабость компенсирую только осторожностью. Позвольте...

Он дотащился, опираясь на посох, к внешней стене, потыкал кончиками пальцев в каменные глыбы рядом с окном. Я ждал, а он сосредоточился, закрыл глаза.

Через мгновение из камня вышел бесцветный призрак крупного мужчины с суровым лицом и удивительно мохнатыми бровями. Глаза прячутся в щелочках, но скулы широки, нижняя челюсть как у коня, плечи массивные, вид злой и нелюдимый, но что заставило меня вздрогнуть, так это небольшие красные рога на макушке.

— Кто это? — проговорил я.

Маг ответил вяло:

— Сам теряюсь в догадках...

— Но ты же знал?

— Я только почувствовал, — пояснил он, — что

есть смутное намерение напасть сегодня... но я не думал, что это понадобится демонам. Ваше Величество, чем вы им насолили?

— Если бы я знал, — ответил я, — то постарался бы как-то помириться. Я человек неконфликтный. Когда мне отдают добром то, что желаю взять, я никого даже не вдарю...

— А чтоб догнать и еще добавить?

— Только в мыслях, — ответил я. — Я себя весьма смиряю.

Он не слушал, подвигал неподвижного призрака вправо-влево, запустил руку вовнутрь и покопался во внутренностях, а когда вытащил обратно, я с дрожью увидел кровь на пальцах и нечто пытающееся вырваться из плотно сжатого кулака.

— Да, — проговорил он озадаченно, — странно... непонятная пара. Человек и демон. Но оба не совсем... не понимаю...

— Чего?

— В человеке нет крови, — ответил он непонятно.

— А демон?

— Демона вы завалили, — ответил он и зябко передернул плечами. — К счастью, он ринулся на вас, я бы не сумел... Хотя они оба на вас, но человека, хотя он не совсем человек, я все-таки смог...

Я оглянулся на быстро исчезающее пятно на полу, где только что лежал труп демона.

— А что с ним?

Он покачал головой.

— Странно очень. Чувствуете аромат серы?.. Такое впечатление, что оба из преисподней. Из ада, говоря по-народному. Но там только определенные демоны...

— Догадываюсь, — ответил я.

— И им выход запрещен, — сказал он тревожно. — Что изменилось?

Глава 7

Я принялся, запах показался знакомым, но все-таки нет ощущения, что демон из тех, кого я пощадил, когда они преклонили передо мной колена, как я это называю, хотя на самом деле простерлись перед моим величеством ниц, выражая полнейшую покорность и отдавая свои жизни в мои властно беспощадные руки.

Карл-Антон накрыл кулак ладонью другой руки, пошептал, а когда повернул ладони вверх, словно призывая милость богов, обе уже сияли чистотой, ни следа крови, как и того мерзкого существа, что брыкалось в кулаке.

Я молча наблюдал, как он делал пассы над полом, там в ответ проступили странные следы, что-то среднее между босыми ступнями человека и широкими лапами зверя.

— Странно, — сказал он, — это и не оборотень...

— Почему странно?

— Чувствую привкус живой крови, — пояснил он. — Однако это не было существо нашего мира.

— Значит, — сказал я, — из ада? А сейчас их хозяйка уничтожили их трупы, чтобы замести следы? Даже такие растяпы, как мы, могли бы попытаться по тропам определить заказчика.

Он посмотрел на меня с уважением.

— Вы с такими случаями уже встречались, верно? Я знаю, как заставить заговорить убитого, но такое вот существо... гм... даже останься он целым...

Я сказал как можно небрежнее, поспешно уходя от опасной темы:

— Ладно, это уже прошлое. Ты сейчас в обоз и отсыпаться?

Он покачал головой.

— Меня всего трясет. Очень уж интересная у вас

жизнь, Ваше Величество. Настоящая, мужская. Ни за что бы не поменялся. Теперь с неделю не засну. Так что я лучше отправлюсь в другое место. Обоз находится к вам слишком близко.

Что-то в его треснувшем голосе заставило спросить:

— Место не слишком опасное?

Он помялся, непривычно такое видеть, ответил с неловкостью, даже взгляд отвел:

— Нет, конечно. К жене того пастуха...

— Ого, — сказал я, — зачем? Пастух жив и здоров, ты сам сказал.

Он вздохнул.

— Здоровее прежнего.

— Так в чем дело?

— После того, — сказал он с неохотой, — как он нашел то кольцо и неосторожно надел на палец, все то, что я знал и умел, все мои привычки, все-все перешло в него.

— Ты говорил, — сказал я нетерпеливо. — В смысле, ты завладел его телом. Но сейчас ты в прежнем! Или я не так смотрю?

— Да, Ваше Величество, я весь прежний, хотя, конечно, изменился. Как я и сказал, мне удалось создать себе новое тело из четырех стихий. Это трудно, но получается, если есть знания и достаточно мощи. Однако пастух, когда я из него вышел, не остался прежним. Покинул семью, отправился странствовать по свету.

Я сказал без особой досады:

— В жизни не все проходит гладко.

— Да, — подтвердил он с неловкостью, — и у нас не прошло. Увы, пастуху что-то перепало от меня, а мне от пастуха. Станные такие чувства к его женщине и двум детям... Почему-то я их всех троих стремлюсь защитить, уберечь... Я все-таки побывал там, хотя был слаб. Женщина как женщина, еще молодая, но уже

изнуренная работой и голодом. Дети самые обычные, оборванные, крикливые и противные. Но мне так тепло и радостно было, когда принимали меня как гостя... Я отсыпал им золотых и серебряных монет, предупредив, чтобы никому не рассказывали и тратили бережно. Во дворе возле самого дома вывел из-под земли родник, а то ей ходить к ручью далеко вниз, а потом подниматься с тяжелым кувшином на гору..

— А сейчас что планируешь? — спросил я.

— Просто посмотрю, — сообщил он. — Издали. Может быть, пройду по двору незримником.

— Давай, — сказал я, — но глубоко в семейную жизнь не влезай. Вон как я, воробышком прыг-скок, чирик-чирик. Время такое: прежде думай о родине, а потом о себе!

Он переспросил с сомнением:

— О родине?

— Сейчас вся земля нам родина, — сказал я сурово. — Честно говоря, в грядущей схватке с Маркусом каждый человек нужен. И неизвестно, кто больше.

Он кивнул.

— Да, Ваше Величество. Слушаю и повинуюсь. Вы — мой король. Вы настоящий король. Я встану с вами рядом, как встал сейчас.

Замок барона Лонгширда недалеко от Геннегау, я только сорвался с высокой сторожевой башни и пошел на большой скорости набирать высоту по длинной дуге, как буквально через пять минут увидел горную речку, где вода мчится и прыгает стремительно по камням, врагу не переправиться. А на мощном скалистом утесе красиво и величественно высится вытянутый к небу старинный замок, такие перестали возводить триста лет тому назад.

Я до рези в птеродактильных глазах всматривался в

твердыню, что-то тревожит, но пока ни темного облака, что окружало бы здание — такое бывает, когда орудует сильный, но неопытный или не желающий скрываться маг, — ни дрожания воздуха, указывающего на присутствие некой энергии, почти не ощущаемой живыми существами, но вот муравьи бегут из таких мест...

Вряд ли колдун здесь дурак, подумал я зло. Скорее всего не ждет в этом королевстве, взбудораженном подобно муравейнику, на который наступил лось, повышенного внимания к таким пустякам, как исчезновение каких-то простолюдинов в дальних селах. Армия оккупантов как раз больше истребляет благородных лордов, могущественных и богатых, известных всему королевству, это он тоже понимает, потому его злодеяния могут пройти незамеченными...

Внизу у основания донжона у костра трое стражей в кожаных панцирях, ноздрей коснулся запах жареного мяса. Дважды что-то блеснуло у одного на груди. Я всматривался изо всех сил, пока не узнал амулет против всех Крадущихся В Ночи. Он же заодно и делает зримым всех, кто прибегает к завесам с помощью магии, так что через главный вход не пройти, заметят сразу.

Настороженный, я сделал круг над донжоном, избегая снижаться, чтоб не заметили и не опознали, что птица не совсем птица, высмотрел у одной из башен перед закрытым ставнями окном крохотный балкончик, что не для любования природой, человеку туда не выйти, но цветочек в горшке выставить можно.

Жаль, в личине птеродактиля не могу пользоваться исчезновением, хотя все равно и в его теле человек, но все же что-то птеродактиль во мне мешает...

Едва лапы коснулись толстой, исцарапанной когтями птиц доски, я поспешно скользнул в незримность. Даже если тут хозяйничает могучий колдун, то

он будет позже, сейчас лишь бы не заметили простые стражники. Не так уж много времени нужно, чтобы осмотреться...

По ту сторону ставней тихо и темно, чувствую комнату, не очень жилую, что меня устраивает, потому осторожно отогнул металлические крючки и тихонько открыл ставни из толстых дубовых досок.

Протиснуться в узкое окно непросто, но на нижних двух этажах вообще не окна, а бойницы, здесь же пролез и только собирался соскочить с подоконника на пол, как дверь в противоположной стене открылась, вошла женщина со свечой в руке, прикрывая ладошкой трепещущий огонек.

Я застыл, не двигаясь, она сразу же устремила испуганный взгляд на открытое окно, в котором видно звездное небо. Я прижал палец к губам, она увидела мою темную фигуру, вздрогнула, рот открылся для крика.

Не двигаясь, не шевелясь, я только смотрел на нее с укором. Она некоторое время смотрела в том же испуге, но я увидел, как в ней борется желание убежать с криком и чисто женское любопытство.

— Кто вы? — спросила она. Не отрывая от меня взгляда, поднесла огонек свечи к напольному светильнику и зажгла все семь торчащих там свечей. — И почему вы здесь?

Слабый красноватый свет озарил небольшую комнату, где под правой стеной широкое ложе, там же столик и два стула, а еще два шкафа. На полу вытертая циновка.

Я улыбнулся как можно безобиднее и, не шевелясь, чтобы не спугнуть, ответил негромко и кротко:

— Просто хотел посмотреть.

Она сказала настороженно:

— А вы знаете, что бывает с теми, кто подглядывает в окно?

— Да, — ответил я чарующе, — их приглашают войти.

Она еще смотрела на меня так испытующе, что я уже забеспокоился, в самом ли деле так уж похож на насильника, наконец сказала с осторожностью:

— Хорошо, входите.

Я соскочил на пол, она поспешно отступила, даже руки вскинула защитным жестом, но я сделал шаг назад и прижался спиной к стене, продолжая улыбаться мирно, а во взгляд добавил восторга ее фигурой, лицом и ланитами. Ну, и персями, это, само собой, в первую очередь, иначе обидится.

— Кто вы? — спросила она шепотом.

— Друг, — ответил я. — Вы же сами видите, женщины в таких случаях всегда видят все, кроме тех моментов, конечно, когда намеренно ошибаются.

Ее губы чуть дрогнули в улыбке.

— Если вы грабитель, то берите от меня все, что угодно... Оставьте только деньги, вещи и жизнь.

— Прекрасно сказано, — одобрил я. — Вы здесь хозяйка или гостя?

— А вы издалека, — определила она. — Нет, я не хозяйка. Скорее, гостя.

Что-то в ее голосе заставило переспросить:

— Гостя?... Но не совсем?

Она всматривалась в меня с прежним ожиданием, я даже не понимал, чего ждет, но что-то здесь не то, обычно женщина иначе реагирует на мужчину, который среди ночи лезет в ее спальню через окно. На незнакомого мужчину, имею в виду.

— Вы не простой грабитель, — определила она.

— Спасибо, — ответил я. — Вам здесь ничего не показалось странным?

Она медленно качнула головой.

— А если и так... почему вам это интересно?

— У меня свои причуды, — ответил я. — Возможно, наши интересы совпадают в чем-то и как-то. Если вы не хозяйка и не гостя...

Она покачала головой.

— Вы влезаете через окно и сразу начинаете допрос. Это я должна спрашивать.

— Нет, — возразил я мягко, — я здесь как раз для того, чтобы разузнать кое-что.

— Что?

— Нечто, — ответил я веско. — Некие силы... из почтения не скажу, какие именно, вы женщина и сами догадаетесь, заинтересовались этим замком.

— Почему?

Я сказал значительно:

— Им виднее. Если здесь все хорошо, то о нем забудут, а если что-то не так, его просто смахнут с лица земли.

Она вздрогнула, зябко повела плечами.

— Какие страшные вещи говорите...

— Жизнь вообще-то страшная штука, — сообщил я ей новость. — Сен-Мари всегда было мирным и сонным королевством, а потом началось нападение варваров, осадивших столицу, вторжение через внезапно открывшийся Тоннель армландцев, переход на их сторону герцога Брабантского, реформы, но после них маркграф Ричард внезапно покидает королевство со всей армией, Вирланд захватывает трон, но Ричард возвращается... Понятно, что в таком хаосе можно наловить всякой рыбки. Здесь ее ловят?

Завороженная моей речью, она вздрогнула при внезапном переходе к вопросу в лоб.

— Сэр... ваша речь выдает в вас благородного человека. Но почему вы... в такой роли?

— Орлам случается и ниже кур спускаться, — проинформировал я, посмотрел на ее напряженное лицо и добавил гордо: — Но курам никогда до облаков не

подняться. Леди, если не можете или не хотите сообщить что-то важное, я прошу позволения пройти через вашу спальню в коридор. Если хотите, пройду с закрытыми глазами.

— Почему с закрытыми? — изумилась она. — У меня в постели ничего непристойного.

— Хотел бы я в ней понепристойничать, — сказал я со вздохом, — но всегда эти дела, дела, дела... А у вас глаза... очень крупные и выразительные!

Она чуть скосила глаза на свою высокую грудь в низком вырезе платья, а дальше с недоверием смотрела, как я отклеился от стены и пошел через комнату в сторону двери.

На всякий случай отодвинулась опасливо, когда я оказался слишком близко, но я держу взглядом только дверь, и когда уже взялся за ручку, она прошептала совсем тихо:

— В коридоре стражи нет, зато у лестницы... А ниже так и вовсе одна магия.

Я остановился, оглянулся.

— Вы ее чувствуете?

Она покачала головой.

— Нет. Но когда такое творится, это точно магия, что же еще...

— А что здесь не так?

Она прошептала:

— Не знаю. Но мы трусливее мужчин, чуем опасность лучше. Не знаю, кто вы... но я почему-то чувствую к вам доверие.

— Спасибо, — прошептал я, — это просто чудесно. А то я, бывает, и сам себе не доверяю.

Она не двигалась и не произнесла ни слова, пока я приоткрывал дверь на волосок, ловил ноздрями воздух и старался увидеть в запаховом, что где происходит в здании.

Глава 8

Когда я медленно затворил за собой дверь, сердце уже не стучит тревожно, а колотится так, что кровь волнами бьет в череп и ломится в уши. Оно первым ощутило, что пахнет кровью. Как старой, уже разложившейся, так и свежeproлитой.

Я сжал и разжал кулаки, изготовив пальцы к цепкой хватке.

Стражи внизу у лестницы бросились навстречу бездумно, еще не рассмотрели в полутьме, кто у них в противниках. Я прорубился, как через густой камыш, виноватый передо мной лишь в том, что глупо разросся на пути хозяина планеты, ускорил шаг, побежал, потому что дальше в конце зала вспыхнул огонь и сразу осветил пространство, включая лестницу, зловещим огнем цвета запекшейся крови.

К лестнице запоздало ринулись еще несколько человек, как мне показалось впопыхах, затем с холодом в сердце увидел, что это не совсем люди и даже совсем не люди.

Да, когда-то эти были человеки, некоторые совсем недавно, но сейчас злое колдовство изменило их так, что они стали соответствовать своему внутреннему «я», злобные, алчные и жаждущие крови твари.

Я с мечом в руке пошел вниз по ступенькам не слишком быстро, давая им возможность разбежаться.

— Покайтесь! — произнес я свирепо. — И, возможно, Господь примет вас.

Они даже не переглядывались в поисках поддержки друг от друга, абсолютно уверенные в своей силе, к тому же с полдюжины разом бросились навстречу, толкаясь и мешая друг другу, явно не были раньше воинами.

Я с отвращением смотрел в злобно перекошенные морды и хари, как быстро мы теряем человеческий облик, стремительно шагнул навстречу. Они завопили

в ярости, а мой клинок холодно и страшно блеснул в слабом свете тонких свечей.

Рубить этих тварей пришлось расчетливо и осмозрительно, пусть каждый слабее меня и вроде бы не соперник, но полдюжины — это немало, и только когда их осталось двое, прыгнул вперед и жестоко зарубил обоих двумя ударами.

На той стороне за приоткрытой дверью вроде бы что-то мелькнуло, я ринулся через зал со всех ног, с разбега ударил плечом, распахивая настежь.

Трое полуобнаженных женщин бросились с визгом врассыпную. Я крикнул бешено:

— Тихо, дуры... Где хозяин?

Одна указала дрожащей рукой на дальнюю дверь. Обычно колдунов и магов я заставлял в их лабораториях, трудоголики, но этот возлежит в кресле, а перед ним тяжело танцуют две голые и очень толстые женщины.

Я зашел со спины, женщины увидели меня первыми, но то ли под чарами, то ли по тупости, но лишь повели по-коровьи равнодушными взглядами, не прерывая танца.

Колдун что-то ощутил, неспешно и очень похозяйски повернулся, выворачивая толстую мясистую шею. Острие моего меча уперлось ему сбоку, придавив яремную вену.

— Тихо, — велел я. — Ни слова, ни звука, ни жеста. Я человек нервный, мне стоит чуть двинуть рукой... Где хозяин замка?

Он проговорил медленно:

— Кто ты? Я могу взять тебя на службу.

— Тебя возьмут черти, — ответил я, — но вовсе не на службу. Отвечай...

Он не ответил, я заподозрил неладное и с силой ткнул мечом, однако лезвие пропоролو воздух, а кол-

дун возник шагах в пяти под противоположной стеной, злой и торжествующий.

— Что ты вообразил о себе, — заорал он взбешенно, — дурак?.. Знаешь, откуда я пришел?

— Знаю, — ответил я, — куда пойдешь.

— Я из затерянного города! — крикнул он, надсаживаясь и чуть ли не приподнимаясь на цыпочки.

— Затерянный город, — повторил я с предельным презрением, — а знаешь, сколько я их видел? В глазах мельтешит. А спрятанные королевства, пропавшие столицы... чем ты пугаешь, невежда? Я знаю даже про исчезнувшие континенты, а ты хоть представляешь, что такое Лемурия, Гондвана, Гиперборея?

Он заметно растерялся, но сказал люто:

— Советую тебе не лезть не в свое дело. И тогда я тебя пошажу.

Я свирепо отрезал:

— Теперь это и мое дело.

— Тогда ты умрешь!

— А ты, — сказал я, — умрешь в любом случае.

Он заорал в бешенстве:

— Гори, тварь!

Я инстинктивно выставил перед собой меч, держа его плашмя обеими руками, и огненный шар, ударившись о полосу стали, исчез, словно это иллюзия.

Колдун дернулся, торопливо повел руками, словно что-то объяснял глухонемым, из его ладони вылетел другой шар, еще мощнее.

Я все так же держал меч Вельзевула и успел заметить, как огонь жадно втянулся в лезвие. Даже показалось, что если бы держал меч левее или правее, шаровая молния свернула бы, чтобы оказаться сладострастно поглощенной мечом хозяина Ада.

— И что, — сказал я с победной злобой, — нечестивая магия ничто против святого паладина?

Он вскрикнул:

— Ты... паладин?... С таким мечом?

Я сделал еще два быстрых шага и упер острие клинка ему под дергающийся кадык.

— Все, что вы скажете, может быть использовано против вас. Потому вам лучше молчать... а если не можете нанять адвоката, вам его предоставят в аду.

Он не успел ответить, хотя по глазам вижу, попытался бы, острие вошло в выемку между ключицами. Кровь брызнула щедро в обе стороны. Женщины с криками и визгом разбежались, присели у стен, закрывая ладонями головы, одна все же догадалась раскорячисто выбежать в распахнутую дверь, едва не выбив плечом косяк.

Я оглядел распластавшегося на полу колдуна на предмет подозрительного кольца, не хотелось бы увидеть такое, как у Карла-Антонa, ничего не отыскал, а те четыре на пальцах левой руки, что блистали крупными бриллиантами в обрамлении золота, на всякий случай содрал и сунул в карман, вдруг все-таки магические.

Чем ниже спускался в подвал, тем больший холод охватывал все тело, холод не столько страха, как странного омерзения, злости и отчаяния, в которое пришлось за всю жизнь впадать не так уж и часто.

Перед первой же дверью не только остановился, но и попятился из-за медленно выползающей струйки крови, уже багровой, загустевающей. Запах ужасающий, именно тем, что кровь не какая-то там древняя и разложившаяся, а свежая, недавно пролитая.

Дверь не поддавалась, я выбил ее плечом и замер на пороге. Просторный подвал весь забрызган кровью, а на столах и на полу обнаженные тела молодых женщин, уже обескровленные, желтые, умершие не позже, чем вчера или позавчера.

— Да что же ты за тварь, — вырвалось у меня, — хочешь стать кровавым бароном?.. Соревнуешься с кровавой Элизаветой?

Под левой стеной на крюках висят два уже обескровленных трупа, а под ними ванна с кровью. Кровавая графиня Батори вот так, купаясь в крови девственниц, зверски убила, подвешивая на крюки и пользуясь ножницами, шестьсот пятьдесят девушек, но молодости ей это не прибавило, как, думаю, не прибавит и этой сволочи, что пытается омолодиться здесь.

Полыхая уже не гневом, а ослепляющей яростью, я вылетел из подвала, чувствуя себя уже не человеком, а демоном мести. Как ветром меня пронесло по лестнице вверх, нигде никого, куда девалась охрана, тихо, и только издали доносятся веселые звуки двух труб и бодрый стук барабана.

Весело тебе, сволочь, мелькнуло в воспаленном сознании. Сколько невинных девушек загубил... Мужчин бы пытал, ладно, не жалко, хотя и за них бы повесил, но как можно обижать женщин?

Удалая музыка звучит все громче, я наконец добежал до той двери, куда вел запах свежей крови, задержал дыхание и с силой ударил ногой в дверь.

Я готовился выбивать ее, однако дверь оказалась незапертой и с такой силой ударилась о стену, что та задрожала.

Середину комнаты нагло и уверенно захватило огромное ложе, а рядом с ним расположилась ванна, до половины заполненная кровью. Кровью залит пол, вокруг кровати кровавые следы голых ступней, и даже одеяло, под которым спит, укрытый по грудь крупный мужчина с мясистым лицом, в темных пятнах крови.

Задыхаясь от гнева и ярости, я стремительно пересек спальню. Барон ничего не ощутил, спал мирно, похрапывал, абсолютно уверенный в своем праве не

только судить и казнить своих подданных, но и разделять их, как скот, подвешивая на крюки и собирая всю кровь для лечебных ванн.

Я с силой ударил его по лицу.

— Просыпайся, тварь!

Он вздрогнул, в ужасе раскрыл глаза, на губах уже собственная кровь, чувствует ее соленый вкус, попытался сесть, но я протянул вперед меч, и мужчина замер, только прошептал:

— Кто... ты?

— Барон Лонгширд? — спросил я.

Он торопливо кивнул.

— Да, но...

— Это чтоб не ошибиться, — процедил я, — хотя все в этом замке заслуживают лютой смерти!

Он зыркнул по сторонам и внезапно крикнул во весь голос:

— Харлег... Харлег, скорее сюда... Харлег, на помощь!!!

— Харлег уже в аду, — сообщил я. — Сейчас встретишь. Надеюсь, вас сунут в один котел с кипящей смолой. Только один вопрос: сам додумался?.. Или подсказал кто?

Он вскрикнул затравленно:

— Ты о чем?

— О крови девственниц, — напомнил я зловеще. — Что за мода, наполнять ванны их кровью?.. Кто подсказал? Ты слишком туп, чтобы самому додуматься!

Он быстро повел глазами по сторонам, не решаясь шевельнуть головой, в комнате только мы, проговорил слабо:

— Харлег... Это все Харлег...

— Еще бы, — сказал я недобро, — но он знал, кому предложить свои услуги, не так ли?

— Он меня заколдовал!

— Почему именно тебя? — спросил я. — Молчишь, сам знаешь... Почему стражи почти нет?.. Где гарнизон?

Он проговорил сломленно:

— Харлег заверил, с его мощью стража не нужна...

— Или не хотел, — безжалостно сказал я, — чтобы видели то, что творите. Что ж, отправляйся в ад... Как-нибудь зайду, я вас и там погоняю!

Он выпучил глаза, пытаясь успеть что-то сказать, быстро посмотрел в сторону, на губах злорадная усмешка, я невольно и сам отвел взгляд, вдруг да кто-то подкрадывается сзади с занесенным над головой топором, а барон с неожиданным проворством скатился с постели, отбежал на четвереньках, но я загородил проход к единственной двери, и он ринулся к двери на балкон, успев ухватить стоящий у изголовья меч.

Я заорал вслед:

— Что, пернатым можешь?.. Попробуй!

На балконе он забился в дальний угол, жалкий и трепещущий в длинной ночной рубашке, постыдное зрелище, меч направил обеими руками в мою сторону, но лезвие ходит ходуном, губы дрожат, таких хорошо бы топить еще в детстве, чтобы породу людей не портили.

— Пощади, — простонал он жалким голосом, — давай договоримся!

Я сказал зло:

— Знал бы, с кем разговариваешь, не пытался бы... С таким зверьем, каким бываю я, не договариваются. А кто твоему колдуну подсказал такую идею, не знаешь?.. Учти, мое нутро чувствует, когда врут.

Он ответил жалко:

— Не знаю... Колдун уверял, стану молодым и сильным.

— За счет жизни молодых девушек?

Он прохрипел:

— Их в селах все равно слишком много.

— И что?

— Всех не прокормить, — выдавил он через силу, — да и какая разница, если даже половину истребить?

Я сказал ему с ненавистью:

— Сделай хоть напоследок что-то хорошее!

Он прохрипел в ужасе:

— Что...

— Не мог накормить своих людей, — крикнул я, — накорми хотя бы рыб!

Он вытаращил глаза, я быстро шагнул вперед, небрежным движением меча отвел в сторону кончик его клинка, с силой саданул рукоятью в переносицу.

Сочно хрустнули хрящи и даже кости. Барон запрокинулся спиной на перила, а я толчком перебросил его безвольное тело на ту сторону.

Вода внизу подхватила труп и понесла, с силой удара о камни, чтобы размягчить мясо и раздробить для рыб кости со сладким костным мозгом.

Меч показался невероятно тяжелым, я кое-как сунул его в ножны и вернулся с балкона в спальню. В коридоре мертвая тишина, словно испарились даже толстухи-танцовщицы и музыканты, а когда я направился к лестнице, впереди тихохонько приоткрылась дверь.

Моя ладонь опустилась на рукоять меча, но в щели показалось пол-лица той женщины, через спальню которой я проник в замок.

— Что-то случилось? — прошептала она.

Я отмахнулся устало.

— Ничего особенного. Простая санация.

— Простите?

— Неприятно, — пояснил я, — чистить организм от мертвых тканей и гноя, но замок явно стал чище.

Она смотрела непонимающе.

— А где... барон Лонгширд?

— Там же, — ответил я, — где и приглашенный им колдун. В аду. Теперь можете признаться, кто вы и как здесь оказались?

Она открыла дверь шире, отступила в комнату, я вошел следом.

— Я гостья, — объяснила она виноватым голосом, — так сказал барон. Но поняла, что не гостья, а пленница, когда дверь на ночь заперли. Я леди Бланшфор, имение моих родителей всего в десяти милях.

— Понятно, — прервал я. — Теперь вы свободны, как ветер, если женщина ветреная. Или свободны как-то иначе.

Она воскликнула с жаром:

— Спасибо, вы мне так помогли... Может быть, и я смогу вам чем-то помочь?

Я посмотрел через ее плечо на медленно светлеющую полосу неба.

— Да, — ответил я тускло, — можете.

Глава 9

От замка барона Лонгширда до Геннегау десять минут по прямой, но я едва-едва взмахивал потяжелевшими кожистыми перепончатыми, чувствуя, что горечь не ушла, несмотря на все мои усилия и старания леди Бланшфор.

Бесчинства, ванны из крови девственниц... Что еще больше может вызвать гнев Всевышнего?.. И отвратить лицо от людей, которым раньше покровительствовал?.. Эти некие силы, что пытаются вбить клин между людьми и Творцом, не пропускают ни одного момента, чтобы Творец окончательно разочаровался в людях и махнул на них рукой, как на неудачное творение.

После чего ему останется только признать, что Са-

тана и его сторонники, отказавшиеся поклониться человеку, были правы.

И человечеству придет конец.

Будь я вегетарианцем, уже помер бы от истощения, половина всей нашей энергии уходит на прокорм мозга, так вроде говорят знатоки. Это такая маленькая, но прожорливая скотина, а у меня так и вовсе, когда вот так жрет, нагревается весь череп, будто при солнечном ударе.

Когда я сумел под завесой незримости опуститься на сторожевой башне дворца, что выстроена чисто для значимости, голова вообще раскалилась, можно на макушке яичницу жарить. Хаотичные мысли, передравшись, наконец начали приходить к какому-то консенсусу или пониманию вчерне, что вот Светлые ангелы, то есть правые, не могут убить темных либералов, то есть левых. В той страшной первой схватке правые сумели только победить и сбросить левых на землю, запретив появляться как на небесах, так и на земле, но с той и другой стороны все остались живы и почти целы.

Левые тоже не могут победить правых по той же самой причине. Не потому, что силы почти равны, просто оружие в руках ангела не в состоянии лишить жизни другого ангела, будь он ультраправым или ультралевым и адептом предельных толерантных свобод.

Убить ангела, как я слышал не раз, может только смертный, ибо смертный это такой монстр, что убить может всех и всякого. Но, к счастью, Бог не дал свинье рог, иначе бы всех перебодала. Говорят, что и крыльев потому не дал, хотя свинья и просила, тогда бы и небо все изрыла.

И, конечно, простым мечом или копьем ангела не убьет и даже не поцарапает никакой смертный. Вообще неизвестно, чем смертный может убить, если даже ме-

чом самого ангела не в состоянии ранить ни его хозяина, ни другого ангела.

Получается, вроде бы оставлена крохотная возможность, однако воспользоваться ею некому. Догадайся, мол, сама.

Но если возможность есть, то человек такая настырная скотина, обязательно что-то придумает, изобретет, создаст. Тем более насчет убить. Это строить пока не очень-то умеет да и не шибко любит, зато убивать научился еще у муравьев, что единственные на свете ведут войны против таких же точно муравьев, потому и развились так, как никто другой в их насекомьем мире.

В кабинете походил взад-вперед, сердито сопя и всхрюкивая в такт гениальным мыслям, они с каждым поворотом справа налево и слева направо все гениальнее и несбыточнее.

Сэр Жерар несколько раз заглядывал встревожено, однако я отмахивался, дескать, не мешай, король изволит мыслить о высоком, короли вообще мыслят только о высоком, даже когда заняты низменным и очень низменным, но орлам, как уже говорил, случается и ниже кур...

Когда ничего больше в голову не лезло, хотя некая цель наконец-то трудно и смутно формируется в черепе, я прокричал уже в отчаянии и надежде:

— Тертуллиан... Тертуллиан... Мне нужна твоя помощь!!!

Дверь из коридора распахнулась, с жутким грохотом и лязгом ворвались двое с обнаженными мечами в руках, а следом трое с копьями. Все в железе с головы до пят, зубы оскалены, глаза горят жаждой зарубить хоть кого-нибудь и тем самым доказать свою необходимость.

— Ваше Величество?

Я сказал сердито, на самом деле скрывая неловкость:

— Это я так молюсь... истово. Истово и нараспев. С выражением. Идите-идите... Разве «Тертуллиан» похоже на «Караул»?

Ульман проворчал:

— Мы не поверим, что Ваше Величество когда-либо прокричит такое поганое слово.

— Тогда ваша служба, — сказал я, — не так уж опасна и трудна. Идите бдеть в коридоре... Кто проигрывает в кости и всю одежду, тот будет ходить голым!

Айсватер вскрикнул в ужасе:

— Ваше Величество!

— Вы на службе народу, — подчеркнул я. — А народ — это я, поняли? Потому бдите и будьте. А теперь пошли отседа, пока я вас не поубивал в неудержимом монаршем гневе!

Они вышли, второй раз орать Тертуллиану я не стал, если мой глас остается вопиющим в дворцовой пустыне, то, как ни повышай голос, все равно не услышит, а если услышал и не пришел... что ж, у меня меч Вельзевула, это его могло окончательно отвернуть от такого ученика, почти помощника ада, а то и вовсе его исчадия.

Выждав, я позвал уже хоть и не совсем шепотом, но негромко:

— Логирд... Логирд? Ты мне нужен...

Через пару мгновений в кабинете мелькнул клочок тумана, рядом раздался полный достоинства голос:

— Ваше Величество?

— Логирд, — сказал я, — фон Темрунг... как отпрыск старинного и благородного, потому крайне бедного рода, ты понимаешь, как трудно отыскать того, кто крайне нужен?

Он повис передо мной в воздухе: крупный и массивный, глаза выпуклые, нос крючком, тяжелая ниж-

няя челюсть с раздвоенным подбородком, широкий рот и мясистые губы, — такие чаще бывают тайными советниками королей, а то и канцлерами, но он свободолюбиво избрал мученический путь недопонятого современниками ученого.

— Ваше Величество, — сказал он невозмутимо, — я не понял, при чем тут намеки на бедность моего рода? Я несколько поправил его финансы, когда стал некромантом. Некромантия — не очень почетно и уважаемо, зато прибыльно и действенно, что вы, как политик, оценить должны. Пожалуйста, сформулируйте свой вопрос так, чтобы я по своей слабости ума понял.

— Мне нужен совет, — ответил я.

— Ваше Величество? Вам?

— А почему мне низзя?

— Вы же теперь монарх, — ответил он.

— Я демократичный монарх, — пояснил я. — И всенародный самодержец. Потому мнение народа мне вовсе не безразлично... совсем уж.

— Как присутствующий здесь народ, — сказал он, — позвольте спросить, в чем заключается ваш вопрос, Ваше Величество?

Я тяжело вздохнул.

— Нет, это не твое поле, успокойся. Некромантией заниматься хоть и хочу, но не буду. Политика еще некромантнее!

— За что вас и уважаю, — сказал он, — как некроманта высшего уровня. Политики — это некроманты экстра-класса.

— Дело касается сущности, — сказал я, — что находится от тебя на другом конце карты. Или на другом полюсе. Я имею в виду, не поверхность земли. В общем, я хотел докричаться до Тертуллиана...

Он вздрогнул, по нему прошла волна, искажая черты лица и всей видимой части фигуры.

— Понятно, — сказал он хмуро, — это да, не мое.

— А ты его там не встречаешь, — спросил я, — где-то?

Он покачал головой.

— Нет, мне те сферы недоступны. Впрочем, ему мои тоже.

— Жаль, — сказал я со вздохом. — Ничего, устроим демократию, никаких закрытых клубов, никаких тайных обществ, все отнимем и поделим... Ладно, извини, что беспокоил.

Он поклонился.

— Ваше Величество, — напомнил он почтительно, — вы мой сюзерен. Как ваш вассал, я счастлив, когда вы произносите мое имя. И втройне счастлив, если бываю полезен некроманту не доступных мне уровней.

— Да-да, — сказал я, — я тоже счастлив. Король силен своими вассалами.

— Кланяюсь, — ответил он с предельной уважительностью, — и отбываю с вашего позволения.

Я сделал милостивый жест кончиками пальцев, отпуская такого несколько странного вассала. Логирд не стал исчезать моментально, а, соблюдая церемониал, отступил, кланяясь, и вдвинулся в стену.

Вернувшись к столу, я только собрался сесть, как весь кабинет залило ослепительным светом. Все разом исчезло, словно меня внесло в центр Солнца или в начало Большого Взрыва, когда свет был яркий и еще предельно чистый.

Я поморгал, глаза не слепит, даже непривычно, из плазменного огня выдвинулось огромное грозное лицо с сердито сдвинутыми бровями.

— Чего орешь, — прогрохотал он африканским голосом. — Не личит рексу визжать, как недорезанная свинья!

— Я не визжал, — возразил я. — Это искажение пространственно-временного континуума. У меня голос и тембр уверенного и видящего будущее своей страны и народа политика.

Он громыхнул:

— Ого, у него есть будущее?

— Тертуллиан, — сказал я умоляюще, — времени мало, я без твоей помощи вообще пропадаю...

— Ну-ну, — прорычал он, — давай еще поподлизывайся. Это я тоже люблю, хоть и осуждаю. Но люблю. Человек амбивалентен, слышал такое?

— Тертуллиан, — сказал я, — тут такое дело. На меня совершенно неспровоцированное нападение...

— Неспровоцированное? — переспросил он с недоверием. — Точно? Чтоб ты и не спровоцировал?

— Абсолютно, — заверил я. — На этот раз точно. Я даже не встречал этого ангела, который смертельно ранил меня и оставил подыхать. Если бы не Махлат...

Он дернулся, спросил резко:

— Махлат?

— Да...

— Ты уверен? — спросил он.

— Она сказала так, — ответил я, защищаясь. — Если и соврала, как все женщины, то кто их поймет? Но хотя я выражения лиц ангелов не читаю так же хорошо, как людские, но мне показалось, не брешет...

Он сказал посерьезневшим голосом:

— Ты хоть знаешь, кто она есть и вообще?

— Она вылечила, — пояснил я. — Я умирал от раны. В самом деле! Моя способность заживлять раны куда-то исчезла. Даже не понимаю почему...

Он сказал нетерпеливо:

— Никуда не исчезла. Просто от мечей ангелов все раны смертельны. И только ангел может излечить.

Значит, Махлат тебя излечила... А кто нанес рану? Ты знаешь его имя?

— Да.

— Кто это был?

— Она сказала, его зовут Алфифаниэш.

Он дернулся.

— Всемогуший Господь... Одно другого лучше! Умешь ты выбирать себе противников. Может, лучше сразу о стену убьешься?

— Я не выбирал, — сказал я, защищаясь. — Он сам напал. Взял и напал.

Он спросил с недоверием:

— А ты его перед этим даже не стукнул? Не плюнул ему в суп?.. Ладно-ладно, постараюсь поверить. Но неужели сам Алфифаниэш?.. Тогда это серьезно. Что-то изменилось.

— Да кто он такой?

— Сын, — произнес он значительно, я уловил в мощном голосе скрытую тревогу, — самого Ашмодея, царя всех демонов! У Ашмодея от брака с Лилит и родился этот Алфифаниэш. Его еще называют почитательно Мечом Ашмодея, ну это как тебя почему-то Защитником Веры.

— Ну, не совсем почему-то...

— Алфифаниэш, — продолжил он, — командует тысячами демонов, так что ты проиграл схватку не мальчику на побегушках, пусть тебя это утешит. Когда он родился, в тот же миг были созданы сразу три ангела: Малхиэль, Атуриэль и Нешриэль для противовеса, это тебе что-то говорит? Сразу три! А еще в день его рождения появился князь святости с титулом Меч Царя Машиаха, зовут его Машхиэль, а также Кохвиэль.

— Здорово, — сказал я ошарашенно. — Намотаю на ус... Никогда бы не подумал, что такое возможно.

— Чего бы не подумал?

— Я полагал, — ответил я, — всех ангелов создали в первый же день творения! Вместе со светом, когда еще не было не только человека, но вообще никакой материи!

Он отмахнулся огненным рукавом.

— Это сами ангелы так заявляют, подчеркивая свою древность. У них, как и у вас, древность рода почему-то считается достоинством. На мой взгляд, это не достоинство, а совсем наоборот, но спорить с такими не стоит.

Глава 10

Я запнулся, Тертуллиан, несмотря на его постоянно меняющуюся огненность, все же выглядит встревоженным. Не просто озабоченным, а в самом деле встревоженным, а я его не видел даже озабоченным, настолько для него с его жарким темпераментом все понятно и просто.

— Так он демон, — проговорил я, — а выглядит как ангел...

Он рыкнул:

— Как будто не знаешь, что Темными они называют друг друга вовсе не из-за цвета крыльев или тог.

— Но Алфофаниэш не ангел, — возразил я, — а всего лишь сын... Правда, высшего ангела и самой Лилит... Ладно, понял. Так как узнать, почему он решил убить меня? Хотел именно убить, невзирая на запрет Творца вредить вот так прямо!

Он хмыкнул.

— Как узнать... Не представляю. Однако обязательно нужно предупредить старших архангелов.

— Я лично знаю только одного, — сказал я.

— Михаила?

— Да.

Он кивнул с одобрением на лице.

— Это старший. В самом деле, первому лучше узнать ему.

Я набрал в грудь воздуха, спросил:

— Он Михаил или Михуил, как правильно? А то мы все произносим по-своему...

Он поморщился, сказал яростным голосом, в котором я услышал грохот сталкивающихся вдали миров и даже почти увидёл дикий блеск взрывающихся галактик:

— Михаил не обратит на тебя внимания, кричи не кричи. Но если сделаешь что-то...

— Что?

— Не знаю, — ответил он честно. — Такое, что ему по душе. И достаточно заметное, а не просто начнешь читать молитву перед едой, чего, кстати, вообще-то никогда не делаешь.

— Я произношу мысленно, — сказал я поспешно, — а Всевышний читает в наших душах, как в открытой книге с крупными буквами и цветными картинками.

Он проговорил в том же яростном блеске протуберанцев, но я уловил в его страстном голосе нотки нерешительности:

— Хотя вроде бы есть слабая возможность...

— Какая?

Он подумал, я чувствовал в этом плазменном огне буйство мыслей, наконец он выпалил, словно ударил файерболом:

— Он присматривает за той частью земли, где расположен Мордант!

— Что, — спросил я недоверчиво, — архангел присматривает за Мордантом?

Он взглянул строго.

— А что не так? Мелкие ангелы вообще приглядывают за отдельными людьми! По ангелу на человека.

Правда, толку от них... А за четырьмя частями света присматривают четыре высших архангела: Михаил, Гавриил, Уриил и Рафаил. Михаил как раз присматривает за той частью, где расположен Мордант. Он, конечно, и названия такого не знает, ангелы слишком спесивы, чтобы запоминать людские имена, тем более что королевства то возникают, то рассыпаются... Он присматривает за регионом, а там в последнее время начала нарастать Тьма. И слишком быстро.

— И что, — спросил я, — сам Михаил не в состоянии пройти там с огненным мечом?

Тертуллиан посмотрел, как на последнего придурка.

— А что, для тебя новость, что ни один ангел не может убить человека?.. Он даже зверя не может, ибо вся земля отдана человеку с ее лесами, зверями, рыбами и птицами. Если ангел вмешается, то сразу потеряет крылья и отправится в ад. Господь предусмотрел все. Мне кажется, ни один ангел вообще не может поднять руку на человека, такой запрет Господа. А вредить могут, только нашептывая всякие... ну, искушения. И подсказывая неверные пути. Но все же выбор за вами!

Я возразил:

— Но меня точно пытались убить!

Он сказал серьезно:

— Это нелепо и невозможно, потому верю. Что-то начинает меняться, но не уловил, что. Изменения люблю, просто обожаю, но это не нравится.

Я проговорил размышляюще:

— Если отправлюсь в этот проклятый Мордант...

— И наведешь там порядок, — продолжил Тертуллиан, — то есть восстановишь прежний.

— Ладно, — ответил я, — допустим, справлюсь. Но что потом? Как я позову самого Михаила?

Он искривил рожу в жесткой усмешке.

— Да вот просто и позови.

— И что, — спросил я с недоверием, — явится?

— Не знаю, — ответил он откровенно, — но ангелы слышат, когда люди произносят их имена. Это не значит, что являются к этим ничтожным существам, но...

— Ангелам свойственна благодарность?

Он покачал головой.

— Как раз нет. Благодарность — это свойство человека. Но он может снизойти к тебе, ибо ты оказал ему услугу, и он вдруг да восхочет воспользоваться тобой снова.

— Ну да, — отрезал я, — на мне где сядешь, там и слезешь.

Тертуллиан усмехнулся.

— Узнаю нашу натуру. Во всяком случае, это может сработать.

— Времени у меня мало, — сказал я. — Маркус близко.

— Ты можешь все решить в одно касание, — заверил он. — Я же тебя знаю. Ты шустрый, как молодой таракан, хоть уже и король. Живи ярко.

Я инстинктивно закрыл глаза от ослепляющей вспышки, хотя уже знал, что этот дивный свет первого дня творения ничуть не слепит, а в следующее мгновение кабинет уже пуст и сер, а я в центре этой унылой серости.

— Шустрый, — пробормотал я. — Когда под тобой раскаленная сковорода, любой забегает...

В Мордант проще всего попасть, как уже был там недавно, с помощью браслета Иедумэля, я снова оделся, опоясался мечом и, стоя посреди кабинета, начал осторожно сдвигать верхнюю часть браслета, не столько слыша, сколько чувствуя легкие щелчки, когда останавливается на делениях нижней половинки.

Моментально возникло чисто и ясно лицо Яэль, младшей сестрички Гелионтэль, которая вся иззавидо-

валась по поводу ее беременности, непривычно резкое и объемное. Раньше было в гадостном тумане, бесцветное, сейчас же стереоскопичное, цветное, могу любоваться ее нежнейшим румянцем, пересчитать эльфийски длинные и красиво загнутые ресницы, обрамляющие крупные чистые глаза, такие беззащитно наивные и доверчивые, что да, эльфы обязательно должны быть под защитой людей, иначе люди их же и уничтожат, не смотря на некую тысячелетнюю эльфийскую мудрость...

Браслет под моими грубыми пальцами сдвинулся еще на деление, почти моментально возникло, чуть подрагивающее, лицо Гелионтэль, затем ее сестер, Мюэль и Оэль, а еще щелчок на грани слышимости вызвал трагически прекрасный образ Ричэль... Жаль, не могу увидеть Клемента, да и Ричэль не целиком, только лицо и узенькие плечики...

Щелчок, я вздрогнул, возникло во всей ослепляющей красоте и величии лицо Синтифаэль, божественно прекрасна и величественна, королева есть королева. Правда, в глазах грусть, но это только я могу заметить с некоторым стыдом и чувством вины.

Следующее деление показало Изаэль, эта счастлива, губы шевелятся, что-то говорят, но радостный и любящий взгляд направлен вниз, словно рассматривает ползающего у ее ног карапуза.

Я отыскал Лалаэль, больше всего тревожусь за нее, если то можно назвать тревогой, почти не вспоминаю за делами, но в то же время остальные все как-то устроены, даже счастливы, а вот Лалаэль, что так недолго побыла королевой Ламбертини...

Некоторое время любовался ее нежным лицом, даже непонятно, то ли кольцо Гонца заработало в полную силу, то ли, на что мне хочется надеяться больше, во мне прибыло сил. Не хочу и думать с какой стороны. Может быть, от черной короны, временами чувствую

в себе это бездонное море хаоса, я же Властелин ужасающе могучего мира, который сам и уничтожил, но эта мощь сейчас во мне, как у единственного уцелевшего и вобравшего в себя эту дикую мощь.

Я долго любовался ею, уже почти задержал дыхание, чтобы проломиться через тот адский жар в теле, ломоту в костях и грохот в черепе, но пальцы словно сами сдвинули кольцо браслета, и вслед за щелчком в воздухе проступило еще лицо, нерезко, в сером цвете, смутно знакомое, но все же не припоминаю...

Плоское изображение подрагивает, грозя исчезнуть, я задержал дыхание, уже почти узнавая. И хотя это не то, что мне сейчас нужно, с другой стороны, надо хвататься за любую возможность, за любых союзников или тех, кто хотя бы на время может стать ими...

Я сжал половинки браслета, задержал дыхание.

Никакого жара, грохота, рева встречного ветра, комната просто померкла, а взамен проступил край каменной стены старинной кладки, за нею смутно различим некий пейзаж, можно угадать деревья, но все так серо и расплывчато, словно смотрю на попавший под дождь карандашный рисунок.

Я влез в шкуру исчезника и сделал шаг вперед. В лицо с силой пахнул резкий и чистый воздух, здесь намного прохладнее. Я обнаружил себя на веранде высокой башни, если это башня. В трех шагах два стола, в кресле женщина с тем лицом, что я увидел с помощью браслета Иедумэля, а спиной ко мне мужчина с большой лысиной и неопрятными седыми волосами вокруг плечи.

Халат его мне показался знакомым, такой был на Энгилфиде, который занимался наблюдением за периметром, до сих пор не знаю, что это за работа. Но это не Энгилфид, тот был повыше, а этот совсем коротышка. К тому же Энгилфид не снимал свою красную

тиару, а этот светит лысиной, но если бы мог носить такую же шапку, то обязательно бы воспользовался...

Что я лезу со своим уставом, мелькнула мысль. Возможно, у них лысина как раз и служит признаком великой красоты, ума и благородства.

Беседуют тихо, меня не замечают. Правда, лицом ко мне только Беата, все такая же не по-эльфийски крепенькая, с непривычно широкими для эльфов плечами, брови густые, хотя даже в затерянном племени Барноэля у всех вытянутые в тонкие шнурки и загнуты красивыми дугами, придающими удивленное выражение.

Еще когда мои подошвы коснулись пола, мне показалось, что мужчина чуточку дернулся, но продолжал слушать возмущенный голос женщины:

— ...и потому меня это задевает! А ты, что ты?

Он проговорил степенно и по-барски нехотя:

— Милая Беата, конечно же, мне это не нравится тоже. Однако ты знаешь, все зашло слишком далеко...

— Именно, — возразила она, — слишком далеко... Час в полдень — это куда ни шло, простолюдье ко всему привыкает...

Он кивнул.

— Но благородные люди, — сказал он снисходительно, — чувствовали недовольство, так?

— Это не просто недовольство, — отрезала она. — Это уже злость и даже ярость! Когда те начали два часа в сутки рыскать по городу, а теперь уже и три...

— Недовольство благородного сословия перешло в возмущение, — согласился он. — Беата, я с тобой согласен во всем. Меня это тоже унижает, но что мы можем?

— Не знаю, — отрубила она.

— Я тоже не знаю, — произнес он искренне.

Она сказала с нажимом:

— Но что-то должны? Филипп, ты же лучше других все понимаешь!

С холодом во всем теле я вспомнил тех чудовишных волков-оборотней, что мчались по улице опустевшего города. Огромные и массивные, не меньше чем по двести фунтов каждый, все в буграх мышц, острые клыки длинные, как ножи, когти высекают искры о булыжник... но в дрожь меня бросил тогда именно взгляд, который один из оборотней метнул в мою сторону: холодный и беспощадный интеллект в глазах, абсолютно аморальный и бесчеловечный, но самое страшное, что это не просто разумные звери, а нечто намного более страшное, намного.

Я перевел дыхание, и снова мужчина вроде бы насторожился, сделал паузу, прислушиваясь.

— А что мы можем? — спросил он. — Мне кажется, уже упущен поворотный момент.

— Какой?

Он пояснил:

— Когда еще можно было что-то изменить.

— Но мы сильнее! — сказала она с жаром. — Нас целый город!.. Да что там город — все королевство!

Я не видел его лица, но кожа на темени чуть сдвинулась, словно он сильно сморщил лицо.

— Беата... Горожан это все еще устраивает.

— Уже нет, — возразила она. — Я разговаривала со многими.

— И что?

— Многим не нравится, — ответила она, — что оборотни захватывают все больше времени для своей беготни по улицам!

Он отмахнулся.

— Ну да, ну да. Они хотели бы, чтобы оборотни бегали не больше часа. А то и вообще ограничить одной пробежкой через город. Но правлением оборотней довольны, не так ли?

Она сказала с жаром:

— Только самые безразличные!

Он чуть повернулся, словно бы поудобнее устраиваясь в кресле, вроде бы невзначай зыркнул в мою сторону, очень легко, даже слишком бегло, только взгляд неприятно цепкий, схватывающий, я бы даже сказал, профессиональный, но ответил все так же легко и даже вальяжно:

— Безразличных большинство. Быть свободным опасно и неудобно, а эти полужвери дают абсолютную защиту. Их точно никто не ограбит... я имею в виду горожан, а как раз этого и страшатся простые люди больше всего.

— Но даже простые должны понять, — возразила она, — оборотни уже не просто охранники! Они все больше и больше подгребают под себя власть в городе, а потом захватят и все королевство!

— Оборотни поступают безошибочно, — произнес он со вздохом. — Они не пытаются захватить слишком много.

— Но они усиливаются!

— Усиливаются медленно, — напомнил он, — и ровно настолько усиливают свою власть. Не больше. Они, как уже сказал, безошибочны.

Глава II

Снова мне почудилось, что он каким-то образом почуял мое присутствие, даже говорит вроде бы так, чтобы я услышал, хотя вообще-то это моя тяжелая жизнь из беспечного дурня выковывает такого угрюмого и подозрительного типа.

Она сказала безнадежно, но все еще упрямо:

— Но что-то же мы должны? Мы уже для них скот. Сейчас отлавливают по городу преступников, а потом пожирают их в тюрьме...

Он тяжело вздохнул.

— Как только слухи об этом просочились в город, разве это вызвало всеобщее возмущение?

Она буркнула:

— Народ туп. За сытое благополучие отдал свободу.

— Вот-вот, — согласился он. — За сытое благополучие. Помнишь, что сказали наши выборные на Совете города, когда стало известно, куда исчезают преступники?

— Думаю, — сказала она язвительно, — оборотни намеренно допустили такую утечку. Чтобы проверить реакцию. Если город встанет на дыбы, скажут, это ложь, просто вывели виновных в кражах за границы королевства и там отпустили, запретив возвращаться... но наши отцы, стыдно сказать, даже одобрили! Дескать, все воры притихнут, узнав, что все равно их выследят своим волчьим нюхом и сожрут. Как будто оборотни, не получая мяса преступников, станут кушать травку!..

— Мы ничего не можем сделать, — произнес он тяжело. — Ни-че-го. Совершенно. Я же сказал, они безошибочны.

Она сказала с горечью:

— Но что-то можно?

— Поздно, — ответил он до жути трезвым голосом. — Они не дают нам шанса. Все просчитано. Не делают следующего шага, не проверив, насколько это для них безопасно. Потому не идут на риск, пытаясь захватить город, наращивают преимущество медленно, как пауки, пеленающие мух перед тем, как начать жрать с удовольствием и неспешно... А до этого даже заботятся о нас. Беата, им нельзя сопротивляться! Да и не стоит. Простой народ ничего не знает о приближении Маркуса, они даже не небо не смотрят, но мы понимаем, что скоро не будет ни обратной, ни нас...

Она прошептала:

— Просто дотерпеть?

— Да, — ответил он.

Она прошептала горько:

— А пока что они будут наслаждаться жизнью... Как и мы, оберегая свой скот от волков, от болезней, строя для них теплый хлев, давая нарастить мяска перед тем, как зарезать... Филипп, ты же мудрый! Ну не может быть, чтобы совсем уж дальше только хуже!

Он вздохнул тяжело.

— Не знаю... Может быть, наш гость скажет что-то дельное?

Она дернулась, быстро посмотрела по сторонам, даже заглянула за перила балкона, повернулась к нему.

— Какой гость?

— Сейчас поинтересуемся, — ответил он и очень неспешно, чтобы не встревожить меня, а то дернусь и сделаю что-то слишком нежелательное, повернулся в мою сторону.

Делать нечего, я вышел из незримости, чувствуя себя глупо и хуже того, позорно, все-таки подслушивал, что неприлично, хотя интересно.

Беата ахнула:

— Ричард?

Филипп пробормотал чуточку удивленно:

— Вы... знакомы?

— Еще как, — заверил я, — как вспомню ту ночь с Беатой и ту смятую постель...

Она вскрикнула:

— Что?.. Ты не был в той постели! Ты спал на лавке!

— А потом? — спросил я намекаяще. — Когда упи-лась и всю ночь меня терзала? Вот ненасытная... Но мне вообще-то понравилось. Хотя если говоришь, что я не был с тобой в постели, то не был, как скажешь. Я всегда готов подтвердить все, что хочешь, Беата. А вам, сэр Филипп, в самом деле могу сказать, что делать.

Он поинтересовался ровным голосом:

— Что?

— Когда не удастся справиться самим, — пояснил я, — зовут на помощь соседа.

Он смотрел на меня исподлобья, взгляд испытующий, предельно спокойный, наконец обронил:

— У вас очень сильная защита.

— Но вам не помешала, — сказал я.

Он покачал головой.

— Помешала. Я ничего не увидел.

— А как же?

— Запах, — ответил он, — шорох, ваше шумное дыхание... Я вообще-то дыхание человека ловлю за сто шагов, а женское — за семьдесят. Потому так изумился.

Я ответил на его невысказанный вопрос:

— Нет, я не шпион вовкулаков. Беата подтвердит, хотя и с неохотой.

Он кивнул и, не обращая на разозленную Беату внимания, поинтересовался:

— Так что насчет соседей? У нас на севере королевство Аганд, на востоке Сакрант и Пекланд, на юге королевство Эбберт...

— Простите, — сказал я, — что прерываю, но должен сообщить, такого королевства больше нет. А его земли вошли в состав королевства Великая Улагорния, основу которой составили Скарлянды и Варт Генц. Таким образом, мы все-таки соседи.

Он посмотрел на меня с сомнением.

— А вы...

Я учтиво и с достоинством поклонился, легко, как бы шутя, я же король, могу и кошке поклониться, я же настолько велик, что мне все к лицу и все можно.

— Король Великой Улагорнии, — ответил я. — Да-да, он самый, мое королевское Величество. Великий король, даже монарх. Король-Солнце, самодержавец.

Он смотрел с таким недоверием, что пора бы обижаться, хотя вообще-то понимаю сам, королем по современным стандартам никак не выгляжу.

— Понимаю ваше недоверие, — сказал я с сочувствием, — что делать, жизнь такая, а люди еще лучше. Сам бы хотел сидеть на троне и пальчиком указывать Беате, как именно танцевать перед моим величеством, но приходится носиться по землям и странам, латать дырки, а они все расходятся, ширятся, только треск стоит...

Беата зло зашипела, станет она плясать даже перед королем, бросила ядовито:

— Самый близкий сосед у нас королевство Сакрант. Филипп кивнул, сказал ровно:

— Да, верно. Но король Леопольд очень осторожный и осмотрительный человек. Он ни во что никогда не ввязывается. А с оборотнями связываться просто побоится.

Беата сказала мрачно:

— Филипп, перед тобой в самом деле сам Ричард. Тот самый, Завоеватель.

Филипп поднялся, хотя и без спешки, лицо все же дрогнуло, как ни старается сдерживаться и держаться как ни в чем не бывало, учтиво поклонился.

— Ваша светлость... мы наслышаны...

Я отмахнулся.

— Как уже сказал, я — мое Величество, но это неважно. Король Леопольд в самом деле очень разумный человек и обычно прислушивается к моим доводам.

— Ваша армия еще в его королевстве? — поинтересовался он. — Да-да, мы наслышаны. Уж простите, Ваше Величество... садитесь вот сюда, здесь не дует, сиденье мягкое, подлокотники как у трона...

— Только часть армии, — ответил я любезно и сел. — Только часть моей армии в Сакранте.

— Но достаточная, — уточнил он, — чтобы король прислушивался к голосу разума, у которого отчетливый металлический лязг, не так ли?

— Вы сказали все верно, — сказал я. — Думаю, нам хитрить незачем, мы не выступаем на городской площади. Когда буду старым и толстым, я буду сидеть на троне, даже восседать, и смотреть, как пляшут шуты. Но сейчас я пока что больше приятель Беаты, облеченный большой властью и наделенный, как вы прозорливо заметили, некоторой силой и достаточным влиянием.

Беата сказала мрачно:

— Видала я таких приятелей.

Филипп воскликнул шокированно:

— Беата, это же король!

— А вдруг он брешет? — спросила она. — А там в Сакранте был другой Ричард? Поумнее, поинтереснее и покрасивше?.. Ладно-ладно, пусть даже король. И что он может? В Сакранте король — Леопольд.

Филипп опасливо зыркнул на меня и сказал почтительно:

— Да, но... мы слышали, Его Величество Ричард достаточно... влиятельный человек. Человек, разгромивший Мунтвига... не может быть невлиятельным.

Она сказала саркастически:

— Ну да, он ограничится одним влиянием! Точно все захапал и под задницу сгрэб.

— Тем более, — сказал Филипп со вздохом. — Его Величество выглядит именно решительным и деятельным королем. Ваше Величество... вы хотите предложить нам помощь оккупационными войсками?

Я покачал головой.

— Нет. Я предлагаю освободить вас от оккупационного войска оборотней своим ограниченным контингентом, составленным из неограниченных добро-

вольцев. Короли всех стран, объединяйтесь — мой сегодняшний девиз!.. Как могу не помочь кузену против ползучего и нелегитимного, хоть и в чисто демократических традициях захвата власти?

Он спросил осторожно:

— Ваше Величество... к нам надолго?

— Посмотрим, — ответил я. — Это зависит от.

Он понизил голос:

— Устроить вас на это время?

— Пустяки, — заверил я. — Днем в делах, ночь привычно в постели Беаты. С утра тотально рекогносцирую на ограниченной местности этого смешного королевства всякие аномалии. Не волнуйтесь, если я взялся за дело, оно уже не вырвется!.. Беата, пойдем. Уточним по дороге всякие мелочи. Спокойной ночи, Филипп!

Он поспешно поклонился.

— Ваше Величество...

Беата настолько ошалела, даже не попыталась освободить руку, когда я взял ее за локоть и властно вывел в коридор. Уже там дернулась, я поспешно ослабил хватку, она отодвинулась к другой стене, она посмотрела дикими глазами.

— Ты что?

Я посмотрел удивленно и строго.

— Я?

Она фыркнула, некоторое время шла рядом молча, потом, глядя в пол, спросила неожиданно:

— А тебе в самом деле понравилось?

Я не понял, переспросил:

— Что?

Она посмотрела искоса и тут же отвернулась.

— Ну, когда я тогда упилаась... и ты меня уложил в постель...

— Ах то, — я поспешил подпустить в голос воодушевления. — Это было незабываемо!.. Ты просто чудо.

Я даже не ожидал, что такое можно. Просто прэлэстно... и даже восхитительно!.. Как бы вот так и всяма зело, хотя временами и обло, но больше zelosti... Нам, самцам, это ого-го! В смысле, нравится. Ты была неподражаема. Знали бы короли, какая ты в постели, сразу бы войну за тебя начали. Да что там короли, императоры бы подрались! И началось бы Великое Переселение народов... Гм, а может быть, и в самом деле так и было...

Она смотрела во все глаза, и хотя эльфийскости в ней хорошо, если половина, но глаза от эльфийских предков точно, огромные и широко распахнутые, смотрят с наивным доверием и ожиданием.

— Я ничего не помню, — пробормотала она угрюмо. — Мне ужасно стыдно... Я вообще-то не такая... А ты подлый гад.

— Это вино, — с сочувствием сказал я, — раскрыло тебя. Твою богатую духовную натуру, твой потаенный мир, скрытый от обыденности и привычности, твой неистощимый потенциал и пренебрежение всякими предрассудками и устаревшей моралью...

Она ахнула, прикрыла рот ладошкой.

— Даже моралью? Что я творила, что творила...

Я ласково обнял ее за плечи.

— Все было хорошо.

Она зло сбросила мою руку, резко остановилась на выходе из коридора в большое помещение.

— Прочь! Грязное животное. Я не такая.

— Я тоже не такой, — сказал я с сочувствием. — Я рыцарь без страха и упрека в сверкающих латах. Но у меня не хватает духу быть им круглые сутки. Ну хоть ночью должно же вылезать из нас темное, звериное?

Она вздрогнула, напряглась, а в глазах мелькнул страх.

— А ты, — произнесла посуровевшим голосом, — не из этих?

— Каких? — спросил я.

— Которые ночью...

— А, — протянул я, — которые ночами превращаются в зверей?.. Беата, я человек свободный и демократично мыслящий, у меня нет запретов и сковывающей морали, потому могу выпускать из себя зверя когда угодно, никаких норм, никаких ограничений!

Она отступила на шаг, ладонь поползла к рукояти кинжала.

— И сейчас можешь?

— Да когда угодно, — заверил я. — Я же не дремучий вурдалак, который хоть не верит в Христа, зато верит в тысячи сковывающих его и опутывающих запретов, законов, обычаев, в некую память предков... Но ты не поглядывай на меня так уж ласково. С какой стати буду выпускать его сейчас?.. Мне сейчас мозги нужны, а какие у зверя мозги? У него их меньше, чем у женщины.

Она поморщилась, моя шпилька сразу вернула ее в привычное состояние боевой готовности, выпрямилась во весь свой высокий для эльфийки рост.

— Па-адумаешь, — выговорила с невыразимым презрением, — мудрец! И что ты сказал мудрого? Что с вурдалаками хорошо бы покончить?.. Так это я раньше сказала!

— Умный не всегда говорит первым, — напомнил я. — Но ты брякнула весьма к месту, так что да, это весьма, скажи только, где их вожак?

— Вожак?

Она смотрела в недоумении, я повторил:

— Вожак. У людей вождь, у волков — вожак, хотя это одно и то же, нечего пользоваться разными,

хоть и похожими словами. Стая без вожака распадается. Жаль, что не так, как у муравьев, те после потери матки гибнут все до одного, хоть их миллионы, а волки все же потом реорганизируются, кто-то после серии схваток с соперниками сумеет настоять на своем лидерстве...

Ее глаза вспыхнули, сказала быстро:

— Предлагаешь воспользоваться такой ситуацией?

Я покачал головой.

— Новый вожак может счесть затею с внедрением в городскую жизнь неправильной или опасной... и вообще увести стаю в леса. Или в горы.

— Тогда старого нужно убить как можно скорее, — сказала она.

— А ты знаешь, где он?

Она покачала головой.

— Нет.

— А Филипп?

Она подумала, пожала плечами.

— Вряд ли. Он больше на догадках. Но у него почти всегда в цель. Умеет складывать пустячки, сразу видишь картинку. У меня так никогда не получится.

— Женская логика, — сказал я авторитетно, — хаотичная, интуитивная. У нас все со ступеньки на ступеньку и так до самых вершин, а вы... часто прыгаете сразу к верному решению, обгоняя рассудительных мужчин.

Она довольно заулыбалась.

— Спасибо.

— Но чаще, — уточнил я, — мордой о дерево.

— Почему о дерево? — сказала она обидчиво.

— Можно о стену, — согласился я, — это неважно. — Пойдем, чего мы встали? Или у тебя постель не застлана?

Глава 12

В ее небольшой комнатке я сразу заставил стол деликатесами, как мясными, рыбными и птицей, так и сладостями, создал два изящнейших фужера, где стекла почти не видно, а золотые медальоны словно висят в воздухе, и только когда наполнил красным вином, великолепие дизайна заблестало во всей красоте.

Беата пару раз придиричиво зыркнула на постель, то ли проверяла, аккуратно ли все застелено, то ли тщетно пыталась вспомнить, что же она там вытворяла такое особенное.

— Перекусим, — предложил я. — Извини, не могу предложить ничего достойного твоего обаяния и тепла, но мы в дороге, так что сухой паек, как ты понимаешь...

Она поморщилась.

— Это сухой паек?

— Ну да.

— Какой же ты, — сказала она с отвращением, — зажратый весь!.. Куда в тебя столько лезет!.. Представляю, как упиваешься и ужираешься, когда в своем королевском дворце!

Я пробормотал несколько виновато:

— Прости... не сойдет ли за извинение новость, что у меня пока что нет дворца вообще?.. Собственного?

Она распахнула глаза.

— Какой же ты король?

— Не знаю, — сообщил я. — Надеюсь, хороший. Я весь в походах и в спасении мира. Каждый день от чего-то да спасаю! Когда тут дворцы строить? Да вообще-то мне много и не надо. Так... простую койку и Беату под одеялом. А можно и поверх одеяла.

Она поперхнулась вином, хотя в фужере легкое и сладкое, уставилась в меня гневно и одновременно сконфуженно.

— Как же ты, змей, брешешь!

— Понравилось? — спросил я. — То ли еще будет, ой-ой-ой. Я когда брешу, сам себе верю, настолько правдив и убедителен. Это необходимая черта для настоящего политика!.. Ты скажи, когда они обращаются в волков, их можно застать поодиночке?

Она покачала головой.

— Нет. Если волки, то всегда в стае.

— А когда в людской ипостаси?

Она посмотрела в удивлении.

— Тогда им стая ни к чему. В людской не отличишь от простых. Обычных людей. Ты вон тоже малость смахиваешь... Только без шерсти.

— Шерсть у меня тоже есть, — сообщил я. — А что такого? Ты все видела и даже...

Она перебила:

— Замолчи!

— Ну хорошо, — сказал я, — давай о деле, хотя, когда смотрю на тебя, у меня так поднимается настроение, что терпения просто нет!.. В общем, один вариант есть... Но не знаю, сработает ли.

— Какой?

— Государственная тайна, — сказал я и, увидев ее непонимающее лицо, пояснил: — Королевская. Возьми вот этого сыра... правда-правда, это сыр!.. Сама нежность, убедись...

Она осторожно взяла и начала откусывать мелкими зубками, как быстрый лесной зверек, а я подумал, что на самом деле вариантов нет в том привычном смысле, когда что-то перебираешь, просто мелькают разные обрывки, плюс уверенность, что если вот так приперт вилами к стене, выход отыщу. Скорее всего, как я и велел Максу, войска окружают и перебыют всех оборотней без всяких изысков, изящных решений и мудрствований.

— А еще, — пробормотал я, — придется пообщаться с Барноэлем, это мой старый кореш... можно еще и с Ирладельраэлем, тот тоже старый, хоть и не кореш...

Она распахнула в изумлении хорошенький ротик.

— А их откуда знаешь?

— Нас, королей, — объяснил я с надлежащим величием, — не так уж и много, если посмотреть сверху, хотя я предпочитаю сбоку. Короли всех земель, объединяйтесь и сообща отстаивайте наши законные интересы от всяких там!.. В общем, когда предъявил я королю Барноэлю свои верительные грамоты...

— Он не король, — вставила она.

— Да какая разница, — ответил я. — Вождь — еще круче. Значит, и религиозный дурман тоже в его недрогнувших руках сатрапа. Так что мы с ним нашли общий язык по некоторым малозначащим вопросам. Ты зря смотришь на меня вот такими глазами.

— Какими?

— Вот такими, — ответил я и показал какими. — Это взаимопомощь соседа соседу. Вовсе не собираюсь подгрести под себя еще и Мордант, упаси Господи!.. Но в ответ я буду рад любой помощи... в схватке с Маркусом.

Как и в прошлый раз, она заснула крепко, а я поднялся из постели как можно тише. Беата засопела и повернулась на бок, я пробрался к сложенной в кресле одежде, ухватил в охапку.

Беата спит крепко, в прошлый раз поступил точно так же, а ей пришлось поверить, что после выпитого вина вела себя весьма вольно, а потом в постели еще и что-то вытворяла.

Сейчас вино продержит ее в крепком сне до утра, нужно успеть разведать все, что нужно.

Сразу же укрывшись незримостью, не все же такие зоркие, как Филипп, я превратился в птеродактиля, оттолкнулся от подоконника и пошел, часто взмахивая крыльями, в чужое темное небо. Прошлый раз в Морданте я старался ломиться через плотный воздух как можно тише, а то вдруг подстрелят или просто нападут, но за последний год научился отращивать на концах крыльев тонкую кожу, что нейтрализует хлопки, делая полет таким же бесшумным, как у совы или летучей мыши.

Еще бы незримость, но, увы, это только для человека, разум птеродактиля слишком хаотичен, сосредоточиться не удастся, и сейчас я видим вполне, если, конечно, кто-то зачем-то поднимет голову и начнет рассматривать небо, а такое в королевстве деловых людей почти немыслимо.

Лес древний, могучий, эпический, царство странных зверей, человеку здесь не место: такие исполинские деревья не срубить и не спилить, стволы в обхвате на двадцать человек, а мох на них не зеленый, а странно-синего цвета, опускается длинными нитями, а в его зарослях что-то шевелится и смотрит на меня злобными глазами.

Между деревьями вижу камни, круглые такие валуны размером с сарай или даже дом. Пару раз заметил скалы, вздымающиеся выше деревьев, но в основном лес и лес, открытых полей мало, зато есть овраги, как глубокие и явно свежие, так и старые, заросшие кустарниками и травой.

Я не спешил, моя задача сейчас проверить этих вурдалаков на живучесть, а вовсе не спасать убегающих. Хотя да, среди них могут быть и мелкие карманики, что со временем могли бы исправиться и стать приличными людьми, но, с другой стороны, среди намеченных в жертву наверняка нет тихих школяров, что

ночами сидят дома и читают книги, а не шатаются по темным улицам, задирая прохожих.

Высматривал с высоты долго, но что-то не везет, изредка мелькнет разве что бесшумная тень совы или чего-то еще мелкого, однако ничего сравнимого по массе с человеком нет и близко. Лишь однажды увидел нечто похожее, даже целую стаю, но когда снизился, понял что это не стая, а стадо. Один могучий кабан с тремя кабанихами и кучей подсвинков устроились на ночь под могучим дубом.

Возвращался разочарованный, хотя и понимал, что оборотни, даже если и расширили свою деятельность, вряд ли устраивают свои дикие охоты на людей каждую ночь. В самом деле, какой же это праздник, и вообще сразу же потеряется сладость нарушения законов, за-претов...

Вдали показались блестящие в лунном свете городские башни, я начал чаще взмахивать крыльями, но взгляд поймал нечто важное внизу, и мои перепончатые инстинктивно растопырились, останавливая меня встречным напором плотного, как вода, воздуха.

Внизу существо мелькнуло и пропало, но я быстро кувыркнулся в воздухе и пошел в ту же сторону, медленно снижаясь. Через пару секунд снова мелькнуло нечто, сердце мое застучало чаще.

Между деревьями неслышно скользит огромный волк, почти вдвое крупнее обычного, не волк, а точно вовкулак, волкодлак или, как ни назови, а именно тот, что может ходить время от времени в личине человека. Мне показалось сперва, зверь просто на прогулке, двигается неспешно, иногда переходит на шаг, делает рывки в стороны, что-то нюхает, снова бежит, опустив нос к самой земле.

Приходилось парить, чтобы не обогнать монстра и не потерять из виду. Он рыскал довольно долго,

я утомился, наконец вроде бы что-то нашел, начал кружить по небольшой поляне с темной травой, остановился и тихонько взвыл, что показалось странным: я не услышал призыва к другим волкам. Да и как-то слишком тихо, словно мысли или чувства вслух...

Я медленно, стараясь не задевать крыльями верхушки деревьев, спланировал вниз, маневрируя между похожими на колонны стволами, а там мягко, заранее выставив на всю длину лапы, опустился на землю и затих, прислушиваясь. Волк, похоже, не услышал, что и понятно, я всегда осторожничаю, а сейчас после минуты выжидания вернулся в людскую личину, проверил, как близко от ладони рукоять меча Вельзевула, и потихоньку взял в руки лук Арианта.

Деревья расступились, волк с задумчивым видом срывает верхушки травы и жрет, как коза, будто в вегетарианцы переходит, но меня не обманешь, собаки тоже часто жрут траву, когда заболеют или просто нужно почистить желудок.

Наложив стрелу, я начал подходить ближе, остановился за последним деревом на краю поляны. Волка вижу отчетливо, ко мне удобно повернут левым боком, прекрасно...

Я с силой оттянул тугую тетиву до уха, поймал взглядом точку на боку, где острое пробьет толстую шкуру и пронзит сердце, задержал дыхание и отпустил оперенный кончик.

Волк подпрыгнул от удара, быстро оглянулся. Я торопливо наложил другую стрелу на тетиву, оттянул ее рывком и тут же отпустил. Оперенный кончик возник в шее, но оборотень не превратился в дым, не упал в корчах, не забился в конвульсиях, а пошел на меня, быстро переходя на бег.

— Да чтоб ты сдох, — вырвалось у меня. — Что ты за...

Волк наращивал скорость с каждым прыжком, две торчащие стрелы, что должны убивать любого оборотня, так и торчат, а я выстрелил в третий раз, торопливо выронил лук и выдернул из ножен меч.

Черное мохнатое тело с горящими безумием багровыми глазами взвилось в длинном прыжке. Лапы вытянуты, чтобы ударом в грудь опрокинуть жертву на землю, а пасть уже распахнута, там хищно блестят длинные острые клыки...

Оборотень невероятно быстр, но когда прыгнул, преимущество скорости потерял: тело летит по дуге и не может метнуться, избегая удара, вправо или влево.

Я прыгнул со взмахом меча, лезвие злобно блеснуло в слабом свете звезд и с таким треском вспороло живот твари, словно над головой порвался под напором урагана главный парус каравеллы.

Мохнатое тело перелетело на ту сторону, я услышал удар о землю и болезненный рык, но зверь быстро развернулся и раскорячисто пошел на меня, волоча за собой выпавшие и все еще вываливающиеся горячие и исходящие паром внутренности.

Глаза горят лютой злобой, ничего нечеловеческого, не человек, перекинувшийся волком, что-то другое, похуже, хотя что может быть хуже человека...

Я дернулся в сторону, успев заметить, как напряглись мышцы тела оборотня для прыжка. Меч снова достал его острым концом, располозовав шею и плечо.

Темная в ночи кровь хлынула горячей струей, зашипела на земле, моментально сворачиваясь коричневыми шариками. Проскочивший совсем рядом зверь остановился, хотя уже развернулся и готов для нового прыжка.

Я повел из стороны в сторону залитым кровью до середины длинным стальным лезвием.

— Ну что, сволочь?.. Будешь подыхать долго или давай покончим быстро и некрасиво?

Оборотень в усилии приподнялся на передних лапах, задние уже подгибаются, взгляд жуткий, коротко и страшно взвыл.

Я сам сделал шаг в его сторону, а он всмотрелся в меня, попятился, затем неловко повернулся и пошел прочь, лапы подогнулись, упал и пополз, волоча мокрые склизкие внутренности.

— Что, — проговорил я зло, — думаешь, не добыю отступающего?.. Напрасно рассчитываешь на человеческое милосердие... Во мне слишком много от Каина. Я, может быть, еще большая сволочь, чем ты...

Догнав, поднял меч обеими руками рукоятью вертикально вверх, задержал дыхание и с силой вонзил острое жало клинка в толстый загривок.

Зверь дернулся, холодная сталь вошла в твердую, как дерево дуба, плоть с трудом, неохотно, подтверждая, что нечистью здесь и не пахнет, это нечто очень даже земное.

Оборотень ткнулся мордой в землю, я уперся подошвой в голову и выдернул лезвие. Зверь медленно перевалился в смертельной агонии на спину, так иногда отдыхают в блаженной истоме крупные собаки, но не волки, у тех спина не позволяет.

Я задержал дыхание. Тело вытягивается, меняет форму, шерсть исчезла, а через несколько мгновений на земле уже распластанная мертвая обнаженная женщина с чудовишно распоротым животом, сильная и мускулистая, с тремя парами мелких грудей, широкими бедрами и толстыми ногами.

— Какого хрена, — вырвалось у меня, — могла бы сидеть дома...

Живот, несмотря на страшную рану, все еще слишком велик и объемён, я смотрел с подозрением и вдруг увидел, что он дергается сам по себе, словно там еще не затихла жизнь.

Стиснув челюсти, я вытер лезвие о траву и бросил клинок в ножны. Вообще-то сделал великое дело, уничтожил не только эту тварь, но и ее будущий выводок. Оборотни живут очень долго, убить их трудно, потому для компенсации природа позволила очень медленное воспроизводство, где-то по одному зачатию в сто лет.

И все равно как-то хреново.

Глава 13

Я поднялся над лесом и хотел было развернуться к городу, но до утра еще есть время, а я сейчас на прямой линии между лесом и Генгаузгузом. Оттуда недавно выступила моя армия в рамках межкоролевской взаимопомощи трудящихся королей от всяких посягателей на суверенные и богопомазанные права.

Крылья работают с удвоенной мощностью, словно уносятся от неприятностей, хотя все верно: армия — это моя опора, все друзья там, это надежно, только там и верны по-настоящему...

С высоты рассмотрел вдали огни во тьме наступающей ночи, обеспокоился, не хотелось бы, чтобы заметили оборотни, эти твари очень осторожные и расчетливые, но когда крылья донесли ближе, убедился, что высокая и плотная стена векового леса загораживает любые отблески.

К тому же по моему приказу костры в таких случаях разжигают в ямках, что не увидеть издали, можно только сверху заметить, но даже птицы по ночам спят...

Снизился, но не слишком, могут шарахнуть не только стрелами, я в передовых отрядах велел держать хотя бы по одному магу, молодые сами рвутся участвовать, чтобы похвалиться умениями, не доступными остальным воякам...

По девизу на главном шатре понял, поход возглавляет по старшинству титулов герцог Мидль, рядом шатры Зигмунда и его исполинских братьев, остальной народ коротает ночь у костров.

Граница Морданта у них давно за спиной, до стен столицы осталось не больше сорока миль, к следующей ночи обойдут лес, который оборотни используют для Большой Охоты и окажутся перед городом. Мелькнула мысль опуститься и побывать у них, но взял себя за горло, так что вывалился дурной язык, потряс и спросил строго: а нужно ли? Может, просто пообщаться восхотелось? Покрасоваться, поумничать?

Вздохнув, пошел в обратную сторону, быстро и сильно ударяя крыльями по упругому воздуху. Оборотни устраивают охоту на преступников в хорошем месте, тут бы можно и окружить, а если кто остался в городе, тех уже выловить и уничтожить проще...

Беата проснулась, сладко зевнула, показывая хорошенький ротик с мелкими зубками и глубокоую, кто бы подумал, глотку, распахнула по-детски невинные глаза.

Я улыбнулся, она посмотрела застенчиво.

— Уже не спишь?

— Сплю, — заверил я, — и вижу дивный сон.

— Бесстыжий, — заявила она и подтянула одеяло до подбородка. — Отвернись, я встану.

— И не подумаю, — ответил я.

— Тогда я не виновата, — ответила она с достоинством и, легко поднявшись, прошла через комнатку до стола, где на спинках двух кресел развешаны ее одежды, начала одеваться спокойно и без торопливости, выказывая полную независимость и не унижаясь до испуганного визга и женских ужимок, обозначающих стыдливость.

— Позавтракаем здесь? — предложил я. — Или без Филиппа тебе ложка в рот не пролезет?

— Филипп при чем? — спросила она.

— Все-таки начальник...

Она вдруг задержала пирожок у самого рта, глаза ее округлились.

— Кстати, — сказала она с подозрением в голосе, — братишка мой рассказывал всякую чушь...

— Мальчишка, — ответил я. — Ребенок! Они все чушь несут. Ты ешь, ешь. Будешь толстой, это хорошо. Люблю обижать и мучить толстых.

— Он рассказывал, — сказала она, — как его ухватил, будто добычу, огромный дракон и понес в гнездо на корм птенцам. Но он так яростно дрался с ним, что дракон от испуга выронил, и Мастик грохнулся прямо на вершину шатра, где мы с тобой спали...

— Наверное, — произнес я безучастно и запил ломоть буженины красным вином, — так и было. Это же Мордант!

— А Мордант при чем?

— В других королевствах оборотни не правят, — напомнил я.

Она помрачнела, некоторое время жевала молча и безучастно, молодец, не слишком обращает внимание на деликатесность, хоть немножко и обидно, я же старался выпендриться, хоть и не показывая вида, не королевское это дело — впечатлять женщину да еще с такими ушами.

— Все равно, — пробормотала она и посмотрела с подозрением, — нутром чую, ты как-то замешан.

— Нутро у тебя чуткое, — согласился я. — Мне понравилось. А вообще ты вся такая теплая, нежная, пылкая, страстная, безумная, развратная...

Она подпрыгнула в великом возмущении и снова села.

— Не придумывай! И вообще это не считается.

— Почему?

— Ты снова меня подпоил, — сказала она обличающим тоном. — А если я не помню, что было, то его как бы и не было!

— Хорошая логика, — согласился я. — Чисто женская, единственно правильная. Будем считать, что все эти подробности мне приснились. Рассказать с самого начала?

— Только пикни, — пригрозила она. — Сразу придушу!

— Ох, какая сладкая смерть... А то все монстры, монстры хватают за горло...

Она вперила в меня сердитый и требовательный взгляд.

— Но как ты узнал тогда, что мой братишка не погиб?

Я отмахнулся.

— Не помню. Мы о другом должны думать, не так ли?

Она проследила за моим взглядом, но смотрю не на ее сиськи, без кольчуги эти пупырышки заметнее, а мимо, взгляд у меня в самом деле уже самый серьезный, хотя после плотного завтрака у всех наступает как раз удовлетворенное расслабление.

— Уже почти готова, — проговорила она с набитым ртом, — только вот этот пирожок... и этот... ладно, это последний! Всё, идем.

Она ухватила еще один и, откусывая на ходу, пошла к двери.

Филипп уже за рабочим столом просматривал бумаги, торопливо вскочил, когда мы с Беатой переступили порог.

— Ваше Величество, — спросил он с почтительным поклоном, — как почивалось?

— Прекрасно, — ответил я и, бросив взгляд в сторону Беаты, уточнил: — Под утро так вообще заснул без задних ног!

Беата вспыхнула, как свеча под колпачком из тонко выделанной и промасленной кожи, но ткнуть меня кулаком в бок не решилась под взглядом Филиппа, однако тот успел заметить ее рефлекторное движение, брови чуть приподнялись, но смолчал, а после паузы сказал очень вежливо:

— Я прикажу подать завтрак?

Я отмахнулся.

— Не стоит слугам знать про ваших гостей. Я вчера заметил, вы услали все лишние уши подальше. Очень разумно.

— Спасибо...

— Выпью с вами кофе, — сказал я, — пока перекусите, вот Беата всегда голодная, как вороненок...

Он не успел спросить, что такое кофе и как это мы позавтракаем без помощи слуг, но я уже перевел взгляд на столешницу, там в быстром темпе начали появляться блюда с едой, в последнее время у меня такое получается с легкостью. В конце я насоздавал сдобных пирогов, сладостей, а себе большую чашку черного кофе.

Филипп с удивлением смотрел на стол, потом перевел взгляд на меня.

— Ваше Величество... теперь начинаю понимать, почему вы путешествуете в одиночку!

— Да, — подтвердил я, — чтоб ни с кем не делиться. Беата, навались!

Она сказала раздраженно:

— С ума сошел?

— Видите, — сказал я Филиппу, — чем-то не угодил. Вы приступайте, я уже начал.

Поглядывая опасливо, как я пью горячую черную

жидкость, он осторожно брал ломти тающего во рту нежнейшего мяса, ел сперва степенно, потом все убыстряясь, так же быстро справился с пирогами, но уже по инерции, с разгону, а когда взялся за фужер с вином, начал отдуваться и распустил пряжку на поясе.

— И все-таки, — проговорил он нетвердым голосом, — Ваше Величество, уж простите, но меня ваш вид очень тревожит.

— Не так шарфик повязан? — спросил я. — Ах да, шарфики еще не придуманы...

— Уж молчу, — договорил он, — про отсутствие надлежащей свиты и охраны... Но вы вообще без доспехов! Даже не представляю, для чего у вас этот парадный нож на поясе.

— Только для разрезания мяса на столе, — подсказал я. — Что делать, люблю поесть. Наверное, в старости буду важным и толстым.

— Ты уже важный, — сказала Беата. — И почти толстый.

Филипп вскрикнул испуганно:

— Беата, ты говоришь о короле!

— А чего он, — ответила она нагло. — Если как бы тайно и без свиты, то пусть и слушает о себе, что о нем народ думает.

— Ты же чужой народ, — напомнил я. — Или переходишь в мой?

— Церковь говорит, — сказала она еще наглее, — мы все от Адама. Во всяком случае, от Евы точно.

— Тогда мы по маме родня, — сообщил я. — Что нам не помешает снова укрыться твоим одеялом.

Она посмотрела на меня исподлобья.

— Ишь, как уверен, свинья.

— Беата?

— Ладно, — ответила она, — уговорил. Но на этот раз спать не буду!.. Скажи, что ты на самом деле заду-

мал? Что-то не верится насчет братской межкоролевской взаимопомощи.

Филипп задержал фужер у губ, перевел взгляд на меня. Ничего не сказал, но во взгляде было, что вот ребенок брякнул то, о чем и взрослые думают, но по-малкивают.

— Мордант, — сказал я, — по мнению ваших соседей, мрачная страна колдунов и черной магии. Хотя в прошлый раз я убедился лишний раз, как простой народ делает из мухи слона, все преувеличивая, а кое-что и придумывая.

Он кивнул, принимая такое объяснение.

— А что думаете теперь?

— Слухи преувеличивают, — ответил я, — хотя зерно есть. Вообще-то колдуны, маги, чародеи, а то и все волшебники живут везде, но только в Морданте их не преследуют.

Он кивнул снова.

— Более того, здесь они в чести.

— И у власти, — уточнил я, — что весьма хорошо, если маги люди разумные, но вообще-то и среди простых людей разумных мало, не так ли? А уж среди магов, у которых амбиций море...

Он всматривался в меня пытливо и с непонятным напряжением.

— Значит...

— Нужны перемены, — сказал я. — Да знаю-знаю, перемены всегда пугают. Даже пугают всегда. Но когда ситуация все ухудшается при внешнем благополучии, как вот сейчас, то надо соглашаться скрепя сердце на перемены.

Он сказал со вздохом:

— Вы очень точно обрисовали ситуацию. Не хочется, но надо. Только мне кажется, оборотни учили и этот

вариант. Дело в том, что никто не знает, сколько их, где они еще и даже кто они.

В комнате ощутимо повеяло холодом. Я зябко передернул плечами, неприятное ощущение, словно кто приложил к моей спине обнаженное лезвие меча и выбирает место, куда всадить.

— Это меняет дело, — пробормотал я.

— И сильно, — подтвердил он.

— Предусмотрительно, — сказал я. — Да, теперь вижу, эти умные твари все просчитали. Более того, они просчитали много больше. И предусмотрели. Или как-то предохранились.

Филипп сказал вежливо:

— Ваше Величество?

— Их не убить серебром, — сказал я мрачно.

Он охнул.

— Правда? Да быть не может... А вы откуда знаете?

— Из осведомленных источников, — ответил я уклончиво, — заслуживающих доверия.

— Насколько заслуживающих?

— Весьма, — сказал я. Весьма зело. Даже и не знаю, что сказать. Шкура прочнее кожаного доспеха, мясо тверже дерева, раны заживают очень быстро... Нужна целая армия, чтобы одолеть дюжину таких оборотней. И чтоб еще не разбежалась. Если, конечно, в оборотня всадить сотню стрел и тут же еще молотами и топорами со все сторон, ничто живое не выдержит, но эти твари это знают и не дадут себя окружить поодиночке...

Он смотрел на меня испытующе.

— Все-таки без армии не обойтись?

— Да.

Он молчал, Беата проговорила зло:

— Король не отдаст такой приказ. Оборотни в его дворце занимают все должности. Они контролируют там все.

— Мою армию, — отрезал я, — не контролируют.

Филипп сказал несчастным голосом:

— Значит...

— Значит, — повторил я, — мы вернулись к тому, с чего начали. Другого варианта, увы, нет, только дружественная помощь из соседнего королевства может спасти положение. Миролюбивая армия войдет в пределы, почти никого не грабя и как бы не насилуя... про отдельные эксцессы в межгосударственных интересах лучше не упоминать, во избежание разжигания... истребит эту заразу, а в очищенном Морданте воцарятся мир и процветание, когда все поют и машут, поют и машут, машут...

Он сказал невесело:

— Не хотелось бы, чтобы это выглядело, как вторжение. Может быть, стоит подготовить местных лордов?

— Чтобы сами обратились за братской помощью?

— Для, — подтвердил он, — для легитимности вторжения.

— Это не вторжение, — напомнил я строго, — а строго дозированная и ограниченная помощь ограниченных людей для неограниченных возможностей сотрудничества!

Глава 14

Он подумал, спросил Беату:

— Как думаешь, Энгилфильду довериться можно?

Она ответить не успела, я сказал авторитетно:

— К Энгилфильду не стоит. Он руководит наблюдениями за периметром, и хотя я не знаю, что это, но вряд ли его занятия имеют значение для города. Тем более к его центру. Нам нужнее такие лорды, достаточно могущественные и влиятельные, чтобы могли при-

нять на себя ответственность за смену власти!.. Я не имею в виду государственный переворот...

Он кивнул.

— Да-да, мы поняли. Но оборотни пока не у власти.

— Но идут к ней уверенно, — напомнил я. — Это ваши слова. Медленно, однако не делая ни шажка назад. Народ сыт и пьян, так что не помощник. Нужны люди, которых тревожит усиление оборотней уже сейчас.

Он кивнул, вперил в меня испытующий взгляд.

— Ваше Величество... Вы не ответили, а потом ловко перевели разговор на другие темы, хоть и близкие. Я не юная Беата, мне нужно понять, что вы реально хотите получить, вводя армию в Мордант. Захват королевства? Присоединение к своей империи?

Я помолчал, Беата вообще затаила дыхание, наконец я сказал тяжелым, но твердым голосом:

— Мне очень нужна помощь Морданта. Точнее, его магов.

Филипп спросил настороженно:

— Ваше Величество?

— Мы все живем, — ответил я горько, — словно ничего не случится завтра, послезавтра, через месяц и через год. Хотя понимаем, Маркус уничтожит весь наш мир. Но я уже собрал большую часть войска, чтобы дать Маркусу бой!

Оба одновременно охнули, только Беата еще и посмотрела с подозрением, уж и не знаю, что подумала.

Филипп проговорил растерянно:

— Вы это... всерьез?

— Известно, — сказал я твердо, — где сядет Маркус для захвата пленных!.. Раньше не знали, теперь знаем. Так что в любом случае дадим бой. Уж лучше погибнуть в сражении, чем... Но чтобы победить, придется напрячь все силы! Я спешно собираю воинов, магов,

эльфов, троллей, чародеев и даже самых черных злодеев... мы все-таки свои, а явится чужой, совсем чужой!

Филипп спросил:

— Но что знаете о Маркусе еще?

— Ничего, — ответил я честно, — кроме того, что наберет пленных, а потом взлетит и перемешает всю кору земли на несколько ярдов в глубину. Спасти могут только те, кто зароется глубже, но выходы все равно завалит так, что мало не покажется. Не говоря уже про подвижки коры! Большинство пещер с беглецами просто схлопнутся.

Он помрачнел.

— Это так, но люди есть люди. Верим, что потерянный кем-то кошелек с золотом найдем именно мы, а вот когда придет беда, то выберет другого...

— Без этой веры мы бы не вышли из пещер, — буркнул я, — а кто-то не слез бы и с дерева... Это я так, своим мыслям. Хотя у нас дел много, но мы готовы прийти к вам на помощь. Вообще-то вы и так должны бы собрать сильнейших магов и прислать к нам для схватки с Маркусом... или надеются уцелеть?.. но я понимаю, что имею дело с прожженными дельцами и прагматиками, потому предлагаю деловое сотрудничество.

— Уточните еще разок, — попросил Филипп. — Вы присылаете нам достаточно сильный отряд, умеющий бороться с подобными оборотнями, а мы в жесте ответной услуги собираем всех магов, готовых прийти на помощь к вам...

Я поморщился.

— Вообще-то это помощь им тоже. И не тоже, а в равной мере. Говоря начистоту, маги тоже сгинут, как и простые люди. Мошь Маркуса слишком велика. Вы можете передать мои предложения?

— Кому? — спросил он.

Я пожал плечами.

— Не королю, конечно. Думаю, он под плотной опекой.

— Оборотни, — проронила Беата, — любой шепот услышат. У них такие уши...

— Еще длиннее, — согласился я, — чем у эльфов. Только у вас неприлично голые, а у них в целомудренной шерсти.

Филипп поморщил лоб, посмотрел на Беату, но та отвернулась и разглядывала решетку на окне.

— Мы слышали, — проговорил он, — вы человек решительных действий. Но здесь нужно все продумать... Если убрать оборотней, в городе начнется хаос. Резко подпрыгнет уровень преступности... все эти сволочи, что спят и видят, как выйдут грабить, сейчас вынужденно живут добропорядочно, а что нам еще надо? Не важно, хороший человек от природы или только таким прикидывается, лишь бы прожил так жизнь и оставил хорошо воспитанных детей.

Я подумал, предложил:

— На некоторое время могу оставить свои армейские отряды. Для помощи в восстановлении городской стражи и вообще порядка. На первых порах наши будут карать все ваше ворье так же жестоко, как и оборотни, что так нравится мордантцам.

Он кивнул.

— Думаю, это всем нравится.

— Да, — согласился я, — только постепенно люди все же делают то, что надо, а не то, что хочется нашей гаденькой натуре. Потому, увы, законы смягчаются, хотя я не понимаю, зачем.

Он хмыкнул, посмотрел на меня с некоторой снисходительностью и, как почудилось, даже с долей симпатии.

— Я тоже долго не понимал. Хорошо, я передам ваши предложения. И раз уж вам нужны наши завере-

ния... лучше зафиксированные на бумаге и скрепленные печатями, что если поможет избавиться от оборотней и удержать всплеск преступности на прежнем минимальном уровне, то мы пришлем самых сильных магов в ваш лагерь?

— Да, — согласился я. — Именно. Но мы будем уничтожать воров только до тех пор, пока не наладите свою городскую стражу.

— Хорошо...

— Мы не хотим, — пояснил я, — остаться в памяти мордантцев кровавыми палачами. Нет уж, рубите головы и вешайте сами.

Он улыбнулся.

— Ваши чувства понятны. Хорошо, я сегодня же все передам.

Я поднялся, учтиво поклонился.

— Посмотрю пока город.

Он торопливо вскочил.

— Как скажете, Ваше Величество... Простите, я все еще не могу поверить, что вы и есть тот самый грозный Ричард Завоеватель, о котором столько ужасных слухов. Нет, уже поверил, но вы так не соответствуете всякому представлению о короле!

— Знаю, — признался я. — Дело в том, что я не родился в королевской семье, меня не приучали с детства держаться нужным образом. Я все еще полевой вождь, слишком стремительно поднявшийся от простого рыцаря до трона. Хотя почему слишком? Но ничего, если справимся с Маркусом, сяду на трон и заставлю Беату голой танцевать для меня что-нить непристойное. Она это умеет, как-то показывала.

Беата вспыхнула до корней волос.

— Что?.. Если и было, то ты меня напоил так, что ничего не помню!

Я кивнул на нее Филиппу.

— Все они так говорят... Хорошо, я пошел.

Они не успели и слова сказать, как я открыл дверь, вышел в коридор, а там моментально пересек его в два шага и спешно вдвинулся в стену напротив.

Вроде бы следом кто-то выскочил, Беата, наверное, но я уже протиснулся через вязкую массу и осторожно выглянул с той стороны. Пусто, что хорошо, вообще-то все замки строятся, как у муравьев, на вырост, зимой отапливается только одна-две комнаты, остальные на случай войны, когда понадобится разместить большой гарнизон, но Мордант давно не воюет, ухитряясь со всеми соседями завязывать взаимовыгодные отношения, даже с Карлом и Мунтвигом сотрудничал себе не в ущерб, коллаборационист проклятый, настоящий демократический режим...

Надо бы еще всптеродактилить, осмотреть, как там идет продвижение моих войск, но после того жуткого удара с высоты, пронзившего огненной стрелой все мои внутренности, холод ужаса сковывает тело при одной мысли без острой необходимости подняться в небо...

Выйдя на крышу, я осматривал город, запоминал расположение улиц, площадей, перекрестков, где хорошо бы поставить усиленные патрули с магом-распознавателем за спинами, чтобы оборотни из одного квартала не могли прорваться в другой...

А еще обязательно разместить на крышах арбалетчиков, пусть отстреливают оборотней до тех пор, пока маги не прочешут весь город от подвалов и до чердаков...

Если же мне попытаться еще раз выйти на охоту, на этот раз против всей стаи, то либо птеродактилем на скалу или на толстое дерево с крепкими ветвями, а оттуда бить из лука Арианта. То, что ту волчицу не сумел свалить двумя стрелами, еще не показатель. Могу, хорошо сосредоточившись, попасть и в глаз, и в этом случае и простая стрела прошибет мозги.

Но скал в том лесу только две и, хотя обе удобнее, чем дерево, пространства вокруг больше, но зато деревья могу выбрать в любом месте.

К тому же, насколько помню, обе скалы не такие уж и отвесные. По первой нетрудно взбежать с одной стороны, на вторую сразу с трех. Нет уж, лучше сптеродактилить на дерево, а оттуда стрелами.

Хотя тоже не весьма, ветви чересчур густые...

Я опомнился, сказал себе резко, что на этот раз нет никакой необходимости геройствовать. Когда прижат к стене, тогда понятно, но сейчас ускоренным маршем сюда идет тренированная пехота Макса, а впереди мчится легкая и тяжелая кавалерия. Глупо пытаться решать самому то, что с легкостью решит армия.

Хотя, конечно, это отвлекает от более важных и трудных дел, дает некоторое оправдание, что, дескать, был занят, спасал мир...

Острое желание побродить по городу тоже сумел удержать в узде, я не знаю возможности здешних магов, а риск неоправдан, выигрываю все равно слишком мало...

Вечером я снова спустился в апартаменты Филиппа, он сразу оставил все дела и, вызвав слугу, пока я встал за портьеру, велел ему позвать Беату.

Я создал по чашке красного вина, не слишком крепкого, для Беаты заранее приготовил большой фужер с вином послаще, а на блюде взгромоздил высокую кучу пирожных.

Беата прибежала, запыхавшись, взглянула на меня, как она полагала, презрительно и недовольно, но я успел увидеть щенячью радость. Филипп кивнул ей на фужер с вином и пирожные, Беата сделала вид, что милостиво принимает наши настойчивые уговоры и даже упрасивания, села в кресло и обеими руками придвинула к себе тарелку с лакомствами.

Я вспомнил толстяка в красном халате и мягких туфлях, Беата тогда доставила меня к нему, как к самому главному в их странном и пока непонятном для меня ведомстве.

— А что Валдиард, — спросил я, — он уже не работает? В смысле, не служит?

Филипп быстро зыркнул на Беату.

— Он знает о Валдиарде?

— В прошлый раз я приводила его к нему, — ответила та нехотя. — Валдиард сам составил для него отчет. Как теперь понимаю, то была уловка. Я же говорю, это хитрый гад.

Он вскрикнул в ужасе:

— Беата!

— Но это же правда, — возразила она с чувством полнейшего достоинства, и я в очередной раз напомнил себе, что нельзя вязаться с женщинами, которые знают, кто ты есть, сразу стараются сесть на голову, что есть урон королевскому величию. — Он настолько наглый, что и не отрицает.

Филипп повернулся ко мне.

— Простите ее, Ваше Величество!

— Ничего, — ответил я великодушно, — я накажу эту дерзкую ночью. Может быть, даже придушу. Нужно приучать себя к жестокости, я же сатрап. Говорят, нужно учиться на кошках.

Он взглянул на меня испытующе.

— Вы человек рискованный, уже понимаем. Но сейчас вы пришли открыто, Ваше Величество. Хотя что-то в вас настораживающее остается. Я даже не уверен, что мы могли бы вас схватить... Не случайно же так демонстративничаете и даже бездеспешничаете.

— Просто наши интересы совпадают, — пояснил я. — Глупо ссориться с человеком, который может помочь.

— И поможет?

— Я пришел именно помочь, — сказал я серьезно, — чтобы взамен помогли мне. И себе, кстати.

— Валдиард за это время поднялся выше, — сообщил Филипп. — Теперь он руководит охраной всего королевства.

— Ого, — сказал я, но вспомнил, что Валдиард при мне применил некую магию, заставившую своенравную Беату слушаться, как покорную овечку. — Тогда он общается с оборотнями намного плотнее, чем раньше.

— Да, — сказал Филипп.

— И как? — спросил я. — Его устраивает?.. С виду человек очень домашний. Такому вполне может нравиться жизнь, когда все проблемы решают оборотни.

— Очень домашний, — согласился Филипп, и я вспомнил круглое румяное лицо Валдиарда, — очень-очень. И в то же время умный.

Мне показалось, что не случайно слова «домашний» и «умный» он поставил рядом. Намек не слишком явный, но он не все может сообщать при Беате.

— Это хорошо, — заметил я небрежно. — Мы же все умные, верно? Стоит только посмотреть на Беату. Умная, но все равно красивая.

Он сдержанно улыбнулся, по моему тону понятно, что я уловил все, что нужно уловить.

— В самом деле, — согласился он. — Настолько красивая, что даже непонятно, зачем еще и умная?

— В эту субботу у них охота, — мрачным голосом произнесла Беата. Она лопала пирожные, на вино даже не посмотрела. — Большая охота.

— На людей? — переспросил я.

Она кивнула, но уточнила:

— На преступников, схваченных на месте преступления.

Голос у нее звучал так, словно хотела бы оправдаться, но сама понимает, что это уже не оправдание.

— Хорошо бы взглянуть, — сказал я задумчиво.

Филипп смолчал, Беата покачала головой.

— И не думай.

— Почему?

— Тебя сожрут, — ответила она хладнокровно.

— Уверена?

— И правильно сделают, — добавила она. — Есть священные места и таинства, куда непосвященным нельзя. Даже в церкви разве любому можно подниматься на алтарь к аналою?

Я сказал со вздохом:

— Ну, нельзя так нельзя. Хорошо, спасибо за предостережение... Что-то я устал сегодня. Пойду лягу спать. Завтра, наверное, отправлюсь обратно. Беата, если снова лягнешь хоть раз, придушу, как уже мило-стиво пообещал народу Морданта.

— А ты не выпихивай, — заявила она. — То была самооборона.

— Как могу выпихивать, — спросил я в недоумении, — когда ты залезаешь сверху и спишь на мне, как озябший щенок на личном матрасике?... Филипп, увидимся утром.

Он поспешно вскочил, поклонился.

— Спокойной ночи, Ваше Величество. Ну, так говорится! Я не виноват, никаких намеков...

Глава 15

Беата спит, как маленькая птичка, беспомощно приоткрыв ротик, будто у нее насморк. Я потихоньку поднялся, радуясь, что мне для сна нужно совсем ничего, ухватил одежду, а облачился уже за дверью, благо слуг Филипп благоразумно отпустил.

Руки привычно набросили через голову перевязь с тяжелыми ножнами, откуда торчит рукоять смертоносного меча Вельзевула. У Светлых ангелов, увы, тоже мечи, разве что заточенные несколько иначе. Заточенные, имею в виду, убивать Темных ангелов или низвергать, раз уж те бессмертны.

Но все равно мечи — орудие убийства. А я — человек, которого стараемся представить как Божье создание, хотел бы забыть, что дьявол тоже приложил руку в облике Змея... ну ладно, поэвфемизничаем, пусть будет руку, и первых детей Ева родила от Самаэля в облике Змея, а от Адама только через сто тридцать лет зачала Сифа.

К тому времени племя Каина заселило почти все земли, и, на мой взгляд, Господь напрасно предупреждал Сифа не вступать в контакты с племенем Каина. Избегать каинитов — это же оказаться в гетто, на что потомки Сифа не пошли, так что перемешались достаточно быстро. Можно сказать даже корректнее: воссоединились две ветви человеческого рода. Светлая и темная. Причем темной оказалось море, а сифовой — капля.

И потому я одновременно светлый и темный, но тьмы во мне в сто крат больше. Как в любом человеке вообще-то, хотя признаваться в этом не любим. Но признаться нужно, чтобы с еще большим упорством и усилиями выдавливать из себя тьму...

...прибегая к методам самой тьмы: огнем и мечом, жестоко и беспощадно, не делая скидок.

Я вытащил меч до половины, полюбовался на мрачно поблескивающее лезвие из неведомого металла, чувствуется злая сила, но я сам злой, так что меня это не пугает, перевел дыхание и медленно, напоминая себе, что хозяин все-таки я, вложил почти недрогнувшей рукой, даже дланью, клинок обратно в ножны.

Этим мечом убивают и бессмертных. Проверено.

Костры горят в распадках и ямах, даже сверху рассмотреть непросто. Я опустилсЯ в темноте за деревьями, вышел к лагерю нарочито громко топая, шумно проламываясь через кустарник, хотя вижу, где обойти. На всякий случай сотворил огонек и повесил в полуряде над головой.

Впереди из темноты раздалось свирепое:

— Стой, кто идет!

— Свои, — громко заверил я.

— Свои но ночам не ходят!.. Стой там, иначе арбалет остановит... Ох, Ваше Величество?

— Молодец, — сказал я с одобрением. — Чувствую по голосу, что никого не разбудил. Хвалю.

Из травы поднялись во весь рост двое воинов, один все еще держит меня на прицеле арбалета со взведенной тетивой, другой внимательнее всмотрелся в мое лицо.

— Ваше Величество... помощь нужна?

— Все в порядке, — заверил я. — Я знаю, где шатер Мидля. Благодарю за службу.

— Рады стараться!

В двух шагах от шатра герцога полыхает костер, а рядом с могучего вида бывалыми воинами коротают ночь двое в длинных плащах с надвинутыми на лица капюшонами. Молодец Мидль, держит магов вблизи, они должны войти в город в числе первых.

Я издали помахал рукой.

— Не вставайте, мы не во дворце на приеме.

Они все же вскочили, я кивнул им дружески и, откинув полог, вошел в шатер. Мидль спит в одежде на брошенном поверх кучи срубленных веток плаще. Меч в оббитых дорогой кожей деревянных ножнах у изголовья, а на поясе, который так и не снял, длинный узкий кинжал. Посреди шатра стол и две грубо сколоченные лавки.

Лицо усталое, под глазами темные круги, вообще-то у него там в Шателлене жизнь текла поспокойнее, чем в моей армии, но что я могу, он сам выбрал эту жизнь, стремясь не уступить мне в благородстве и чистоте помыслов, как он полагает, хотя я бы не назвал их чистыми. Прагматичными да, но это из другой оперы.

Я повернулся и пошел из шатра, но, когда взялся за полог, услышал за спиной сонный голос:

— Сэр Ричард?.. Ваше Величество?

Я вернулся в герцогу, он уже сел и тер кулаками глаза.

— Дорогой друг, — сказал я с неловкостью, — я не хотел вас будить...

— Знаю, — сказал он, — но не будем терять время. Вижу по вашему облику, что как появились, так и сгинете. Очень скоро.

— Увы, — ответил я. — Наша жизнь пока такая... интересная. Хорошо, герцог. От успеха этой операции зависит очень многое. Я, конечно, гуманист, но не уверен, что в наших стесненных обстоятельствах послал бы армию на помощь соседнему королю, когда своих дел хватает. Но приходится решать много мелких и не совсем нужных нам проблем, иначе не допустят до главной...

Он уже стряхнул остатки сна, смотрит очень серьезно и почти бесстрастно. По его виду не скажешь, что он такой же муж нашей общей Франки, как и я, это мне почему-то неловко, даже глазки отвожу, словно спер из кухни гуся, а меня поймали. У нас же все путем, это государственный брак для укрепления королевства Шателлен, Мидль это понимает, а во мне все еще копошится человек старого времени с его предрассудками и условностями, что жена почему-то может быть только одна, все остальные — любовницы.

— Какую решаем сейчас? — спросил он с тем же бесстрастным выражением.

— Уничтожение оборотней, — сообщил я, — позволит нам перейти к решению задачи поважнее.

Он ответил спокойно:

— Это в вашем духе.

— Потому, — договорил я, — операцию нужно провести так, чтобы комар носа не подточил.

Он кивнул.

— Ваше Величество, мы принимаем все меры предосторожности.

— Вижу, — сказал я. — Благодарю вас, герцог. Очень хорошо, что руководите вы. Наши герои просто пошли бы на оборотней в красивую рыцарскую атаку, опустив копыя... а те бы просто разбежались, а потом жестоко бы мстили, нападая из-за спины.

В шатер вошли Зигфрид и братья Хорнегильды почти в полном составе, за исключением младшего, сэра Тири, последним вошел Макс, торопливо поклонился.

Я жестом велел им сесть на лавке, они поклонились еще раз и очень тихо расселись, приглушенно звякая железом доспехов.

— Вы как раз кстати, — сказал я. — Разделитесь пополам. Уже заметили впереди лес?..

Арнольдус, граф Гогенбергский, высокий, плотно сбитый рыцарь с сухим, с явно подвижным телом тут же поднялся, отвесил почтительный поклон.

— Ваше Величество?

У него, как и у братьев, настолько светлые глаза, что я снова ощутил неясную дрожь, словно смотрю в пустоту, но там, в центре, как крохотные черные дыры в космосе, неподвижные зрачки, что не расширяются даже в полной темноте.

— Вы, граф, — сказал я, — пойдете по дуге справа. Братьев можете взять с собой, но лучше оставить их

с сэром Зигмундом, что поведет отряд слева. Нужно окружить этот массив как можно более плотно. Сэру Зигфриду тоже рекомендую своих братьев отправить к вам, так взаимодействие будет надежнее.

Зигфрид произнес с достоинством:

— Ваше Величество, все выполним в точности.

— Этой субботней ночью, — сказал я, — в этом лесу состоится нечестивый сатанинский шабаш. Ведьмы и оборотни отслужат сатанинскую мессу. В заключение растерзают пару дюжин людей и алою кровью окропят свои дьявольские кумиры.

Барон Витториус сказал с жаром:

— Тогда нужно ударить до полуночи!

— Зачем? — спросил я непонимающе.

— Чтобы успеть спасти невинных!

— А-а-а, — протянул я, — ну вообще-то человек виновен изначально перед Господом и мною, великим и мудрым королем, но дело не в этом. Не отвлекайтесь, сэр Витториус, на незначашие мелочи при стратегическом рассмотрении глобальных вопросов.

— Простите, Ваше Величество.

Я сказал мудро:

— Лучше бы вообще оставить войска до утра, чтобы оборотни превратились в людей.

— Ваше Величество?

— Тогда их убивать намного проще, — объяснил я. — Разве не это ваша главная задача? Уничтожение противника при минимальных потерях со своей стороны?

— Простите, Ваше Величество!

Я сказал со вздохом:

— Боюсь, в лесу не останутся так уж надолго. Поэтому часть армии нужно держать в оцеплении.

Граф Арнольдус сказал истово:

— Ваше Величество! Ни один не уйдет от наших мечей.

Я покачал головой.

— Главная надежда на копыеносцев Макса. Слышишь, Макс? Лес должен быть окружен копейщиками в три-четыре ряда. Выбегающих из леса оборотней принимать на копья. А уже тогда рубить!

Граф сказал обиженно:

— Ваше Величество!

— Вы не представляете, — сказал я предостерегающе, — насколько эти твари живучи. Один на один никто не выстоит, даже могучий Зигмунд не сладит с такой тварью. Ее нужно брать на копья, всаживать стрелы, рубить мечами и топорами... но и тогда еще будет драться, постепенно и очень медленно подыхая!

Их лица стали очень серьезными, дошло, если я так говорю, то знаю точно, как и что. Мидль по-прежнему помалкивал, хотя, наверное, не стоит указывать, кому где стоять перед боем, если отвечает за операцию Мидль.

Макс сказал почти застенчиво:

— Не покажется трусостью... если окружу противника кольцом в шесть рядов копий? Людей хватит.

Я обнял его и похлопал по спине.

— Макс, из тебя выйдет великий полководец! Как же это важно для всех нас, мужчин, не побояться показаться кому-то чересчур осторожным! Все мы в этом трусы. Но на самом деле важно только то, кто выиграл. И желательно с минимальными потерями, как тебе удастся лучше всех.

Часть вторая

Глава 1

Ко мне осторожно приблизился граф Андреас Райсборн, молодой и очень амбициозный лорд — из тех, кто пожелания сюзерена ловит на лету, выполняет быстро и четко, не забывая о своих интересах.

— Ваше Величество, — спросил он почти-тельно, — вы с нами?

Я хлопнул его по плечу.

— Увы, моя обязанность повергать целые королевства, а не всяких отдельно взятых оборотней. Хотя, конечно, хочется. Но воздержусь, ибо.

Он сказал с завистью и восторгом:

— Целые королевства?..

— Я король или не король? — спросил я горделиво. — Должен и как бы обязан выбирать противников по плечу. Ибо я на виду!

Он быстро зыркнул наверх, в глазах отразился страх. Я даже успел увидеть пурпурный отблеск Багровой Звезды в небе, но произнес он предельно мужественно:

— Уж вы всегда выбираете самых сильных!

— А вот после них и отдохнем, — сказал я.

— Правда? — спросил он с недоверием.

— Ну-у, — протянул я, — будем к этому стремиться, хотя покой нам только снится, сквозь кровь и пыль летит, летит степная ко-

былица... Кони тоже все скачут и скачут, и не надо это вот — помедленнее, кони, помедленнее... Сэр Андреас, у вас, боюсь, задание будет потруднее.

Он просиял.

— Да? А я боялся, мне и моим людям выпадет что-то полегче!

— Как только сэр Макс перекроет все выходы из города, — сказал я, — вы входите с группой магов и начинаете зачистку от оборотней. Днем у них силы не больше, чем у хороших воинов, но все равно это не в лесу мечом размахивать, а в городе, где все непредсказуемо, потому нужно быть весьма готовыми ко всему и всякому. Но я на вас полагаюсь, сэр Андреас.

Я оглянулся, меня слушают очень внимательно Зигмунд Лихтенштейн с братьями.

— А вы, сэр Зигмунд, — добавил я, — сразу же после завершения операции в лесу тоже входите в город и начинаете планомерную зачистку королевского дворца и всех правительственных зданий. Там больше всего оборотней, они контролируют каждое слово короля и его министров.

Зигмунд воскликнул могучим трубным голосом:

— Ваше Величество, мы не подведем!..

Его братья гордо расправили плечи, могучие, как столетние молодые дубы, самый младший сказал срывающимся голосом:

— Мы прошли такой путь по местам вашей боевой славы! И наши сердца горят страстью приобщиться.

— Все будет, — пообещал я. — Вы уже приобщились, поддерживая наше влияние в северных королевствах.

— Ваше Величество, — сказал Зигмунд, пока средние братья оттаскивали застеснявшегося младшенького в задние ряды, — мы жаждем большего!

Я сказал невесело:

— Это я тоже обещаю. Всех нас Господь очень скоро проверит на стойкость.

Их лица посерьезнели, что-то в моем голосе прозвучало такое, что Зигмунд перекрестился, а его братья сказали вразнобой:

— Аминь.

На всякий случай я задержался, наблюдая, так ли все идет, однако оборотни точно по плану запустили большую группу преступников в лес со стороны города, а затем вошли следом сами, неторопливо и празднично.

Наши разведчики, наблюдающие издали, торопливо вернулись к изготовившимся войскам и начали разводить отряды по указанным местам, создавая единую цепь копейщиков в несколько рядов.

Граф Андреас сразу увел отборный рыцарский отряд к городским воротам, я сказал сопровождающим меня телохранителям, что изволю помолиться в одиночестве, но если не вернусь, что случится, скорее всего, то, значит, с ангельской помощью тайно отбыл в иное, крайне нужное мне место, так что сопровождать меня не следует.

Я даже не стал наблюдать за началом жестокого истребления, мелкие подробности на этот раз уже не интересовали. Вернее, интересуют, но не настолько, чтобы самому ввязаться в нелепую драку с вурдалаками.

Это ниже моего достоинства, король — это не хвост собачий, бегать с высунутым языком и мечом в руке не весьма солидно, а я должен выглядеть зело и внушаемо.

Конечно, когда никто не видит, я могу всякое, но здесь на людях. А король такого огромного и могучего государства проиграет битву, если поведет армию лично и не будет видеть, что творится на флангах, а посыльные не смогут докладывать о быстрых изменениях хода сражения.

Филипп, едва я вернулся, послал за Беатой. Мне кажется, он меня то ли побаивается, хотя и не признается, то ли с Беатой чувствует себя намного увереннее, все-таки некий амортизатор.

Женщины вообще все и всегда смягчают, если, конечно, не разжигают, Беата мило и настороженно улыбалась, чувствуя, что что-то происходит, но ничего не спрашивала, а с аппетитом ухаживала крохотные пирожки и пирожные, в то время как мы с Филиппом всего лишь выпили по бокалу вина.

— Ваше Величество, — проговорил он с сомнением в голосе, — вы снова исчезли надолго... Не опасно?

— Уже нет, — заверил я. — Допьем вино, я вернусь в свои пенаты. Не знаю, что это такое, но когда хотят поумничать, то говорят примерно такое.

— Ваше Величество! Вам-то зачем умничать?

— Не знаю, — ответил я честно. — Все мы всегда стараемся выглядеть еще пушистее. Операция, о которой мы говорили, фактически завершена. В смысле, сейчас начинается завершающая стадия.

Беата перестала жевать, а рука Филиппа замерла на весу с фужером вина.

— Ваше Величество?

— Сейчас заканчивают истребление оборотней в лесу, — сообщил я. — Мои отряды вошли в город и начинают вылавливать оборотней по кварталам. К счастью, эти твари провели некогда блестящую операцию, заставив короля распустить армию, так что у нас не было проблем по оказанию бескорыстной братской помощи.

Филипп проговорил, запинаясь:

— Ваше Величество... но как... как вы смогли так быстро?

— Быстрота, — пояснил я, — важнее силы удара. Но все неважно, кроме самого главного: операция за-

вершена хирургически красиво. Опухоль удалена вовремя, хотя еще чуть — и пошли бы метастазы, а с ними бороться куда труднее. Теперь можете раскрыть правительству наш план.

Филипп спросил осторожно:

— А каков теперь наш... гм, ваш план?

— А что, — спросил я, — должно было что-то измениться?

Он пробормотал несчастным голосом:

— Нет, но... ваша армия уже здесь! А это значит, вы отправили ее задолго до разговора с нами. Значит, у вас есть и другие интересы.

— Ничего не изменилось, — заверил я. — Я помог с укреплением трона и цементированием власти из чисто демократических побуждений во имя либеральных ценностей и всеобщего промискуитета. Как я уже говорил, мои войска на первых порах помогут вашим властям вешать разбойников, ибо те в отсутствие оборотней немедленно, как вы заметили верно, обнаглеют и возомнут. Возомнят.

— Надеюсь, — спросил Филипп, — только разбойников?

— Разумеется, — заверил я. — А что вас беспокоит?

— Да так...

Я спросил с беспокойством:

— Надеюсь, у нас не слишком расходится понятие, кого считать разбойниками?.. Уверяю вас, прелюбодеяние разбоем не считается. Так, мелкий грешок, которым даже гордятся.

Он вздохнул с заметным облегчением.

— Вы меня успокоили, Ваше Величество. Остальные отличия неважны, если здесь у нас полное совпадение общих человеческих ценностей, что полностью совпадают с мужскими.

Беата зыркнула на него сердито, перевела опасливый взгляд на меня.

— Увы, — сказала она, — никто теперь не посмеет и хрюкнуть, что вы не король, Ваше Величество.

В ее голосе послышалась горечь, я сказал участливо:

— Даже ты?

— Я и раньше не хрюкала, — объяснила она. — Разве что попискивала.

— Попискивать можно, — милостиво разрешил я. — Даже пищать. Разрешаю. Может быть, даже не вдарю. Хотя могу и вдарить, я же самодур, а власть у меня абсолютная. Правда, я взял ее вроде бы только на период чрезвычайного положения, но даже грибам понятно, что если такое взял, то чего вдруг отдам?

— Это на вас похоже, — сказала она грустно.

— Не плачь, — сказал я, — тебя в гарем возьму точно. Счастливая! Вот повезло...

— Еще как, — прошипела она сердито. — Что с наблюдением за Периметром?

— Даже не знаю, — заверил я, — что это. Наблюдайте, сколько влезет, если совсем стыд потеряли, бесовестные. Неужели ты всерьез думаешь, буду вмешиваться и тем более рушить вашу налаженную систему? Да ни за что! Кроме экспорта базовых общечеловеческих ценностей и смены основных приоритетов управления — никаких изменений!.. Для гарантии вашего благополучия и уверенного пути с поднятыми руками в светлое будущее оставляю здесь совсем небольшой ограниченный контингент для принуждения к миру, это он так называется, хотя никого принуждать не будем. У нас полная свобода: хочешь — живи мирно по нашим законам абсолютной монархической демократии, хочешь — не живи.

Она закусила губу, по лицу вижу, ничего не поняла, женщины они такие, все больше чувствуют, что и пло-

хо, в этом мы им проигрываем, потому пусть сидят и вышивают всякие там крайне важные и просто необходимые нам для выживания носовые платки.

— Пойду соберу вещи, — сказал я.

Глава 2

Сердце колотится, как хвост у трусливой овцы, хотя с виду я весь олицетворение королевской невозмутимости, величия и предельного достоинства.

Вещей у меня вообще-то нет, я вышел на середину комнаты, сосредоточился и сказал негромко:

— Михаил... Архангел Михаил, архистратиг, старший из посланников Всевышнего...

Никакого отклика, да я и не ждал, что вот немедленно появится, ангелы многому набрались от людей, хотя постоянно и подчеркивают свое полное превосходство над существами из мокрой глины, так что некоторое время подержит меня в неведении, злорадно наблюдая с неведомых мне высот...

— Ты остановил Валаама, — сказал я, — уничтожил войско царя Синаххера, спас трех вшивых отроков из печи огненной... и что, я значу меньше тех сопливых подростков?

Но и на этот вопрос он не изволил появиться. Я порылся в памяти, хотя Библию читать и не собирался, но раз уж печатал ее первые экземпляры, то пересмотрел все страницы на предмет брака, а с моей памятью запомнил там как интересное, так и мелкую хрень до последней буквы.

— Ты победил семиглавого и семирогого дракона, — сказал я, хотя, думаю, Михаилу об этом напоминать не надо, сам наверняка бахвалится этим подвигом перед скопищем ангелов при каждом удобном и неудобном случае, — тебе помогать судьям на Страшном суде и

горько плакать о каждом умершем... Но сколько погибнет очень скоро в Судный день и сколько тебе придется рыдать, стенать, рвать на себе одежды и посыпать тоннами вулканического пепла пополам со шлаком голову?

После новой и долгой паузы утихли все звуки с той стороны двери и во дворе, наступило то странное состояние, когда время останавливается. Так бывало при появлении сэра Сатаны и Тертуллиана, жаль, Логирд не умеет, да и мне хорошо бы научиться... перед схваткой с Маркусом.

Засиял божественный свет, его не спутаешь ни с каким другим, я задержал дыхание и выпрямился, раздвинув плечи и держа лицо невозмутимым.

С потолка ударил широкий столб света, я рассмотрел в нем очертания человеческой фигуры, а когда огненный цилиндр исчез, посреди комнаты остался архангел Михаил, выше меня ростом, ну это и понятно, я тоже делал бы себя выше каждого, с кем пришлось бы общаться, ни один мужчина не откажется от этой возможности, обладай он ею.

Михаил смотрел на меня с насмешливым презрением, а когда заговорил, в его густом, властном и полном величия голосе во всю мощь прозвучали нотки снисходительной жалости:

— Что тебе, существо?

— Михаил, — произнес я со всем смирением, — я выполнил Божью волю, подчистив от скверны целое королевство. Это зело благое дело, не так ли?

Он ответил бесстрастно:

— Я не знаю, зачем это тебе понадобилось, но мое сие деяние понравилось. Говори быстро, зачем скорбно и смиренно взывал к моей милости? Мне противно твое мерзкое общество как соратника Сатаны.

— Творится непонятное, — сказал я торопливо, — и опасное. Один из твоих... ангелов хотел меня убить. Или не совсем твоих, но все равно...

Михаил поморщился.

— Это новость? Многие из ангелов хотят. И не только тебя, но и всех людей на свете, настолько вы погрязли в грехах, распутстве, лжи, чревоугодии...

— Не продолжай, — сказал я торопливо, — я догадываюсь, хотя сам чист, как большая рыба в горном озере. Он не просто хотел, понимаешь? Он почти убил! Я лежал раненный смертельно и умирал, но явилась Махлат и вернула мне жизнь.

Его губы искривились сильнее.

— Еще бы! Она из самого сердца тьмы, а той в тебе столько, что хватит на второй ад. Рука руку моет.

Я вскрикнул:

— Ты не слушаешь! Разве ангелам не запрещено вредить людям? Вот так явно?

Он умолк, некоторое время думал, рассматривая меня очень сосредоточенно.

— Ты знаешь его имя?

— Это был Алфофаниэш, — сказал я.

Он покачал головой, на миг сверкающий, словно солнце, лик покрылся тенью, но тут же заблестал снова.

— Алфофаниэш в самом деле вас не очень любит, — ответил он нехотя, — но и он не должен был... гм... я выясню. Мне кажется, ты все же врешь, хотя сейчас это и не видно.

Он отступил на шаг, явно готовясь ринуться вверх, я сказал с нажимом:

— А если это не случайно? Если зреет что-то по-серьезнее? Михаил, ты мне тоже не нравишься, как и я тебе, но подумай о деле!.. Я не враг, все мы идем под одним знаменем.

— Что-о? — спросил он с оскорбленным видом.

— Конечно, — заверил я торопливо, — ты впереди всех с огненным мечом, а я где-то на левом фланге, моя роль невелика, вся слава тебе, но разве ты не

обязан заботиться о всем воинстве?.. Если ты нашел время спасти возле Афона сопливого мальчишку, которого злодеи хотели утопить, то более важными делами заняться просто обязан!

Он смерил меня с головы до ног и обратно презрительным взглядом.

— Тот отрок был чист душой. А ты нет.

— Пока суд не доказал обратное, — напомнил я, — то и я как бы чист!

— Страшный суд уже скоро, — напомнил он торжествующе.

— А ты там будешь почти главным, — сказал я. — Намек понял. Но сейчас проверь, что такое изменилось в мире? Неужели Багровая Звезда уже сейчас начала менять наш мир?

Он произнес нехотя:

— Узнаю. Но не потому, что ты об этом умоляешь. Хочу поймать тебя на лжи.

Свет исчез, комната погрузилась во тьму, как почудилось в первое мгновение, но это наш привычный мир, мы пока что живем во тьме, хотя и думаем, что тьма это что-то другое и в другом месте.

Я постоял некоторое время, раскачиваясь, словно пьяный, даже в стену уперся обеими руками, но очугневшую голову свесил между плеч, раскалывается от набежавших мыслей, те прут стадами и гремят копытами, уже разогрелась, как чугунный котел на огне.

Мозги кипят, словно баранья похлебка, которую давно пора снять. Вот уж не думал, что я такой великий мыслитель, мыслю и мыслю, хотя пока ничего не намыслил, но голову уже распирает изнутри, ощущение такое, что там битком всего, кроме мыслей.

Когда Творец создал Адама и велел ангелам поклониться тому, как отныне властелину мира и вселенной, всех это возмутило, то Михаил и большинство только

сердито сопели в тряпочки, а несдержанный Азазель высказался откровенно, что они, бессмертные и могучие существа из чистейшего света не должны кланяться мокрому комку глины, не просто смертному, а бесконечно слабому и глупому.

Его поддержали многие, треть ангелов, если верить старым книгам, однако недовольство не столько утасало, сколько тлело, как раскаленные угли под серым пеплом, и, как только появилась оказия, Самаэль соблазнил Еву и овладел ею, за что осерчавший Создатель изгнал его из Эдема.

Мог бы и прихлопнуть, как муху, но Самаэль не овладел же Евой насильно, все по согласию, так что виноваты оба, потому Творец изгнал также и Еву с благородно защищавшим ее Адамом, как и самого Самаэля.

Не знаю, сколько лет, веков или тысячелетий длилось, а может, и миллионов лет, но постепенно старый конфликт стал забываться, даже я это знаю по старым книгам. Бездонная пропасть, некогда разделившая Светлых и Темных, сперва оказалась не такой уж и бездонной, а потом края начали медленно сближаться.

И уже совсем было сблизились, за это время Светлые и Темные перестали не только яростно враждовать, но даже сыпать обвинениями в адрес друг друга, в конце концов, все работают на Творца и выполняют его указания, как вдруг что-то случилось.

Хотя я уже понимаю, что именно случилось, но очень трудно это сформулировать и поднести так, чтоб поняли как отец Дитрих, так и остальные умные люди.

Остальным же придется просто приказывать. Да они и сами так предпочитают. Все верно, а власти на что? Раз отвечают за все, вот и выход пусть сами находят...

— Хватит умничать, — проговорил я сквозь зубы. — Умных и без тебя много. Действующих мало...

Нашупал браслет на бицепсе, теперь нужно сцепить зубы, сосредоточиться, вытерпеть выворачивающую наизнанку боль, а там уже молодость и регенерация спохватятся и позаботятся обо всем сами.

У браслета Древних возможностей больше, чем у Зеркала Горных Эльфов, не надо ждать неделями подзарядки. Хотя кто знает, как тут, вдруг браслет рассчитан на определенное количество телепортаций, а потом заряжать в особой мастерской?

Держа дыхание в груди запертым, я как можно ярче представил себе темный угол на чердаке особняка Рюккерта, не зря в первый же день исследовал его в первую очередь на предмет таких вот потаенных мест, чтобы можно было взвиться незамеченно птеродактилем, а также если воспользуюсь браслетом Гонца... Или вот этой опасной штукой.

Прижал кончиками пальцев обе завитушки на затейливом узоре, разнесенные друг от друга достаточно далеко, чтобы не нажать обе случайно, невольно зажмурился, хотя держал глаза широко открытыми, но это как при чихе, когда невозможно хотя бы на миг не зажмуриться...

Воздух по плотности стал гуще воды, я привстал и ринулся головой вперед в темное пятно, возникшее прямо передо мной.

Вселенная взорвалась, я понял, как это случилось, почему Большой Взрыв, меня распылило и разбросало по галактикам, а через мгновение подошвы ударились о твердое с такой силой, что колени подогнулись. Боль резанула по глазам красной вспышкой, я застонал сквозь стиснутые челюсти, похлопал глазами, не сразу сообразил, что в самом деле темно, это же чердак, куда и нацелился. Пока переживал боль и тошноту, все стало серым и отчетливым, поднялся и осторожно двинулся к лазу, прислушиваясь, нет ли кого там внизу поблизости.

И почти сразу наткнулся на испуганно прислушивающегося стража, мое счастье, что стоит ко мне спиной.

Я пошел, громко топая, он торопливо обернулся, выставив пику, но, увидев меня, вскрикнул с изумлением:

— Ваше Величество?

— Я что, — спросил я недовольно, — похож на привидение?

— Нет-нет, — сказал он быстро, — просто я услышал, кто-то чихнул там наверху!

— Я тоже слышал, — подтвердил я. — Потому и полез туда проверить лично. Никто не смеет чихать вот так нагло! Вдруг он на мой режим чихать изволит?

Он спросил в страхе:

— Но что... так может чихать? Там же все закрыто!

Я посмотрел надменно.

— Ну не я же это чихал!.. Короли не чихают просто так. Не королевское это дело чихать. Если бы мне положили на стол для подписания проект о свободе, равенстве и братстве, тогда да, я бы чихнул на это громко и с великим удовольствием, а так не положено. Хотя, конечно, чихать в моем королевстве никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицмейстеры, и даже иногда тайные советники, как заметил мудро один врач, более известный как великий бард. Все чихают! Но не короли.

Он замер на месте, повинувшись моему властному жесту, а я спустился ниже, паутины вроде бы не тащу на себе, объясняться не придется.

Через несколько минут я уже прошел через два верхних зала, стража в коридоре вздрагивает и вытягивается, провожая меня выпученными глазами. Ничего, скоро привыкнут.

В свой кабинет пройти непросто, сперва стража, потом слуги, затем приемная, где в дальнем уголке сэр Жерар принимает двух купеческого вида господ.

Увидев меня, в лице не изменился, но явно как-то среагировал, купцы обернулись испуганно и едва не повалились в ноги.

— Тихо, — сказал я милостиво, — все в порядке и под контролем. А что не под контролем, то можно в расход. Королевство должно чувствовать твердую руку, как кони чувствуют вожжи, а корабль — штурвал.

И, не отвечая на поклоны, зашел в кабинет и закрыл за собой дверь. Наверное, есть во мне что-то цыганское: до сих пор не заимел собственного дворца, скитаюсь, как бродячая собака, но везде чувствую себя сносно, везде почти родня, мы же все от Адама.

Сэр Жерар вошел степенно, поклонился чуть-чуть, более чем сдержанно.

— С возвращением, Ваше Величество.

Я изумился:

— Что, я куда-то отлучался?

— Да как вам сказать, — ответил он дипломатично, — не на десяток лет, правда, но как-то заметно. Даже, я бы скромно отметил, очень многим заметно.

— Это потому что я такая заметная личность, — согласился я. — Другой на сто лет исчезнет, и ничего, а мне вон какое внимание... Что-то за это время произошло?

Он ответил ровным голосом:

— Вы отсутствовали, Ваше Величество, что могло произойти? Ни пожаров, ни наводнений, даже дождь из лягушек выпал совсем слабый.

— Дождь из лягушек?

Он ответил бесстрастно:

— Да, здесь такое бывает частенько.

— Слава богу, — сказал я, — хоть в этом меня не обвинят. А что из лягушек... Лишь бы не из жаб.

— Жаб столько не наберется, — пояснил он, — а лягушек может поднять ветром в любом озере вместе

с водой. Сейчас о вашем возвращении прокатится весть по дворцу, потом по городу... Прием устраивать будете?

— Не сейчас, — ответил я. — Я тут пока отсутствовал... на королевской охоте, кое-что измыслил. Не знаю зачем, но измыслил. Так что сейчас в одиночестве дошлифую, а вы там пока сами разруливайте. Хорошо?

Он величаво поклонился.

— Как прикажете, Ваше Величество. У нас все тихо и спокойно, мыслите мирно.

Он ушел, я в бессилии сжал челюсти. Ну что я пытаюсь навязать им всем свое отношение к миру и жизни? Так быстро ничего не делается. Даже я время от времени забываю о Маркусе, занятый сегодняшними проблемами, а эти люди так и вовсе твердо знают, что все в руке Господа, ни один листок не упадет с дерева без его позволения, потому нужно просто жить и не ломать голову над сложными проблемами бытия. Для решения проблем создаются монастыри, где монахи стараются за все человечество разобраться, как оно все устроено и почему все так, а не иначе.

Глава 3

Я с усилием поднял голову, чувствуя, как тяжелый небосвод ощутимо давит на затылок и плечи. На темнеющем небе жутко и страшно горит налитым кровью глазом багровый диск. Уже не точка, как месяц тому, и не крохотный кружок, как две недели назад.

— Что же ты такое, — прошептал я в бессилии, — что же ты за дрянь...

За спиной слышались цокающие металлическими подковками сапоги, я узнал по ритму шагов барона Эйца, начальника дворцовой стражи, что следует за мной всюду еще из Армландии.

— Проветриться вышли, Ваше Величество? — спро-

сил он деловым голосом. — А как хорошо вернуться, верно? Прекрасный город, прекрасное королевство...

Я стиснул челюсти, на миг перед глазами возникла страшная картина, как все это рушится, дворец рассыпается в пыль, горы превращаются в груды щебня, из разломов земной коры под высоким давлением бьет вода, заливая уже разрушенные города...

— Да, — ответил я хриплым голосом. — Хорошо жить, верно?

Он взглянул на мое лицо, удивленный странным тоном, посерьезнел, некоторое время молчал и тоже поглядывал на красный диск в небе.

— Жить вообще-то хорошо, — произнес он со вздохом. — Даже в пастухи бы пошел...

— От Маркуса нигде не спрятаться, — напомнил я.

— Сволочь, — проговорил он. — Ничего, только бы удалось посадить его там, где вы указываете...

— Попытаемся.

— Все костями ляжем, — заверил он, — и его заставим кровью умыться.

— Еще как заставим, — сказал я мрачно. — Кто идет за шерстью, вернется стриженным.

— Ваше Величество, — сказал он с непривычной мольбой для его всегда сурового голоса, — вы сумеете! У вас получится. А мы все за вами пойдем!.. Даже те, кто сейчас вам враг.

— Хорошо бы, — пробормотал я, — общий враг объединяет... Ладно, сэр Торрекс, до новых указаний, нужно всем держаться так, словно никакого Маркуса нет!.. Может быть, Создатель просто проверяет нас этим зловещим знамением? Желает посмотреть, как будем вести себя перед лицом неминуемой гибели?

Он криво улыбнулся.

— Будет разочарован. Люди живут, будто ничего не происходит и не случится.

— Самое мудрое, — пробормотал я.

— Это поневоле...

— Мудрость поневоле, — согласился я. — Что толку бегать и рвать на себе волосы, если ничего не изменить? Остается только сказать себе, что все так и задумано, все по плану, Господь знает, что делает...

Он перекрестился.

— Уповаем на Господа.

— А Он, возможно, — ответил я, — все еще уповает на нас. Хотя, возможно, уже перестал.

— Неисповедимы пути и мысли Господа, — сказал он.

— Аминь, — ответил я и, не перекрестившись, Господу оно надо, пошел обратно.

Придворные опасливо и с надеждой кланяются, я научился отвечать автоматически, думая о другом. А что ответил одному и не заметил поклон другого, не так и страшно, пора им понять, что в бесконечной королевской мудрости и занятости какие-то мелочи упускаю не потому, что кого-то хочу обидеть, а потому что в самом деле мелочи, а я человек не мелочный.

Сэр Жерар принес бумаги на подпись, я жестом велел оставить на столе, не переставая прикидывать все варианты так и эдак, просеял всю древнюю историю того периода через крупное сито, потом через мелкое. Отдельные фрагменты событий просмотрел вообще через лупу, но только разозлился на себя за такую все же мелочность. То, что так разозлило ангелов, да еще по обе стороны баррикады, должно быть чем-то очень заметным!

Ангелы вообще едва замечают человека, напомнил я себе, а уж в его истории разбираться не будут точно. Произойти должно нечто такое, что заденет прямо или косвенно их лично. Лучше всего, если прямо...

Появление христианства пару раз надоедливо про-

скользнуло перед мысленным взором, но я досадливо отбрасывал такую дурость, это должно укреплять, а не...

Я хлопнул себя по лбу, стараясь припечатать мелькнувшую мысль, и вроде бы прищемил ей кончик, не убежала, а пока визжала и отчаянно дергалась, я изо всех сил старался сообразить, что же такого принесло христианство в мир, что могло оскорбить ангелов как на одной стороне, так и на другой.

В коридоре прозвучали шаги, я со своей чувствительностью улавливаю через любые толстые двери, даже понял, что это сэр Жерар.

Вошел он вроде бы все так же ровно и сдержанно, настоящий государственный секретарь, но я уловил распространяющуюся от него ауру, никогда бы не подумал, что употреблю такое гадкое и ненаучное слово, ауру тревоги.

— Сэр Жерар?

Он поклонился.

— Ваше Величество, — произнес он почти чопорно, — очень уж у вас хорошая собачка. Просто отменная, не побоюсь сказать.

— Что, — поинтересовался я, — опять что-то из кухни сперла?

Он покачал головой.

— Да пусть тащит. Особенно теперь.

— А что случилось?

Он посмотрел очень внимательно.

— Ваш пес набросился на одного из придворных и... растерзал. Правда, никто не мог вспомнить, кто этот человек и как он очутился в нижнем зале дворца.

Я сказал встревоженно:

— Расследование провели? Вообще-то Бобик на людей не бросается!

Он наклонил голову.

— Мудрое уточнение, Ваше Величество. Мудрое. Вы, как всегда, сразу в корень. Или в яблочко.

— Ну-ну, — поторопил я.

— То был не человек, — сообщил он. — Потому расследование пошло по другому пути. Кто пропустил, почему пропустил, кто помог... А с собачки все обвинения сняты. Напротив, теперь все стараются с нею подружиться.

— А Бобик этим воспользоваться еще как сумеет, — договорил я. — Кем оказался тот чужак? Оборотень?

— Да, — ответил он, — но не простой, а наполовину как бы нежить. Его труп начал таять, как всегда с убитой нежитью, но кости остались. Нечеловеческие это кости, Ваше Величество! И череп, как у зверя. Ваши маги уже утащили к себе. Будут, как они сказали, исследовать. Барон Эйц рвет и мечет, а когда двое магов предложили помочь в охране, впервые согласился. Чует, что готовится что-то очень опасное. Сам утроил охрану и от помощи перестал отказываться.

— Он взрослый, — сказал я. — Из-за ущемленного самолюбия не даст нанести ущерб делу. Что-то еще?

— Мелочи, — ответил он, — разбираем сами.

— Спасибо, сэръ Жерар! — сказал я. — Насчет охраны учту.

Он поклонился и отбыл, а я стиснул ладонями виски и сказал себе с нажимом: давай разбираться медленно и без спешки, нельзя упускать ни единой мелочи. Оборотень, что не совсем оборотень, а полунежить — это ерунда, давай разберемся с той блеснувшей идеей насчет христианства.

Как многозначительно говорят считающие себя умниками, дьявол кроется в мелочах. Если копаться в них, то лучше начать с появления Иисуса, который сперва пытался реформировать иудаизм, как потом пытался Лютер с католицизмом, но у обоих не получилось, и обоим пришлось создать собственные ответвле-

ния официальных вероучений, а те потом переросли в самостоятельные течения, даже религии.

Лютер намного позже, а вот явление Иисуса примерно совпадает с началом нового недовольства ангелов, хотя и не точно. Они вроде бы начали скрежетать несуществующими зубами чуточку позже. Ну да, уже после того, как учение Христа окрепло, выдержало гонения римских императоров и стало государственной религией в Риме, а затем пошло мощно шириться во все стороны.

Я стукнул себя кулаком по лбу. Если триггер недовольства — учение Христа, то чем же вызвана неприязнь ангелов к человеку? Христианство гораздо чище, выше и совершеннее всех предыдущих, будь это язычество или даже просвещенный зороастризм...

Вроде бы все должно быть наоборот, ангелы должны бы приветствовать появление Христа... Или что?

Блин, насколько же проще действовать мечом, а не мозгами! Догнал, прыгнул, ударил. Догнал, прыгнул, ударил. Догнал, принял удар его меча на щит, а его самого по дурной голове со всего размаха!.. Эффектно, красиво, зримо. И без такого напряжения, как сейчас, когда череп трещит, словно молотом получаю удар за ударом, а действия нет, потому как-то не то..

Что же произошло, что произошло...

Глава 4

Сэр Жерар появился на пороге, я вскинул голову и уставился на него непонимающим взглядом.

— Что? Маркус?

— Нет, — ответил он, — пока только граф Гумельсберг.

— Эта катастрофа поменьше, — согласился я. — До особого распоряжения его пропускать всегда, не испра-

шивая моего разрешения. Так мы сведем церемонии почти к минимуму.

— Составите список? — поинтересовался он. — Коротенький, на полдюжины имен, не больше?

— Составлю, — согласился я, потом отмахнулся: — Делайте сами, вы же всех знаете. Потом кого-то вычеркну, кого-то добавлю.

Он удалился, Альбрехт вошел быстрый, молодой, разодетый в пух и прах, и настолько собранный, что выглядит чуть ли не моложе меня. В серых глазах тот же суровый юмор успевшего повидать мир человека, очень неглупого, быстро все схватывающего и оценивающего точно и правильно.

— Ваше Величество! — сказал он, сокращая ритуал, и, сорвав с головы немыслимой расцветки шляпу, помахал ею над носком выставленного вперед сапога.

— Дорогой друг, — сказал я тепло, — как там вдалеке от Геннегау?

— Мы прошли до самой стены, отгораживающей Вестготию. Во всем королевстве осталось не больше дюжины лордов, что заперлись в крепостях и готовы дать отпор. Не знаю, на что и надеются.

— Погибнуть непокоренными, — ответил я.

Он взглянул остро.

— С прилетом Маркуса?

— Да, — сказал я. — Все-таки хоть какое-то удовлетворение. Не сдались, дескать... Шляпу можете положить в это кресло.

— Они уверены в своей правоте! — ответил он, посмотрел на шляпу, но в кресло положить не решил, король по благородной рассеянности может сесть с размаху.

— Мало быть правым, — ответил я. — Надо быть правым вовремя.

— Ваше Величество?

— Когда победим Маркуа... Граф, не смотрите так.

Я сказал «когда», а не «если»! Когда победим небесную нечисть, у этих лордов, пожелавших отсидеться в своих гнездах, пока будем проливать кровь в самой жестокой в истории битве, будет реквизировано все, даже имена!

Он сказал серьезно:

— Народ это поймет, ваше величество.

— Потому, — велел я чуть строже, — сейчас не церемоньтесь. Кого удастся схватить — уничтожайте на месте. Остальных запугивайте сильнее, ужасы рисуйте пограндиознее.

Он кивнул.

— Все понятно, Ваше Величество. Тогда все те чистки, которые проведем, после победы покажутся королевству ласковым почесыванием.

— Вот-вот, — сказал я хмуро, — какое это счастье, сказал один философ, когда тебя понимают.

— Приходится, — ответил он со вздохом. — Мы не можем позволить, чтобы народ увидел ваши руки по локоть в крови и плоть младенцев на зубах.

— Мудро, — сказал я. — Не люблю вмешиваться в свои личные дела, пусть расхлебывают другие. Что-то у вас шляпа какого-то странного фасона, граф.

— Ваше Величество, мы вправе мыслить иначе, чем вся эпоха, но не вправе одеваться иначе!

— Конформист, — буркнул я. — Хотя лучше быть им в одежде, чем... Граф, пока отдохните с дороги, я приведу тут все в порядок... прежде всего свои мудрые, но какие-то неотесанные мысли, потом выберем короткую и прямую дорогу к победе.

Он поклонился.

— Ваше Величество...

Я все еще работал с бумагами, когда дверь кабинета беззвучно отворилась, я прислушался, сказал с удовлетворением:

— Бабетта...

За спиной весело прозвучал приближающийся голос:

— Я что, громко топала?..

— Благоухаешь, — ответил я, поворачиваясь. — Всеми фибрами. Ты мой луч света в темном и мрачном царстве. Дай на тебя хоть посмотреть... Сколько всяких морд насмотрелся...

Она сказала весело:

— Можешь даже потрогать. Ты что-то невеселый, даже усталый. Впервые, кстати, вижу тебя усталым. Что-то особенное?

— А ты как думаешь?

— Думаю, — ответила она, — очень особенное.

Я кивнул ей на кресло напротив, однако она легко и просто села мне на колени, но не прижалась таким зовущим телом, а даже отодвинулась и всматривалась в мое лицо внимательно и с сочувствием.

— Ты одна мне ростом вровень, — сказал я невесело, — стань же рядом брови в брови...

Она посмотрела с интересом.

— Ростом вровень?

— Чтобы женщина, — объяснил я, — была одного роста с мужчиной, она должна быть ему по плечо. Как вот у нас. У тебя какой рост?

Она поджала губы.

— Еще спроси, сколько я вешу и сколько мне лет! Благородному человеку достаточно знать о подруге, что она родилась.

— А ты разве подруга? — спросил я.

Она сказала мягко:

— Хотела бы ею быть. Или хотя бы стать. Честно!

— Разве мы не политики? — спросил я. — А в политике приходится делать много такого, чего не следует делать.

— Между друзьями?

— Между друзьями, — согласился я. — Разве в политике есть место для дружбы?

Она посмотрела очень внимательно, я со всей твердостью выдержал ее испытующий взгляд.

— Я не верю, — сказала она так же мягко. — Не верю, что ты говоришь серьезно. Ты не такой, Рич! Самое смешное, и я не такая. Мы оба с удовольствием играем в эту жестокую и увлекательнейшую игру, бахвалимся своим цинизмом и пренебрежением к морали и общепринятым нормам... простых людей, хотя мы недалеко от них ушли, но это нравится только сначала, когда наслаждаемся как бы свободой от родительской опеки...

Я слушал внимательно, а когда она остановилась и смотрела в ожидании реакции, сказал так же мягко:

— Спасибо. Правда, спасибо. Очень хорошо сказала. С чувством и проникновенно. Смотри, моя скупая мужская слеза уже почти готова пролиться и прожечь столешницу.

Она улыбнулась.

— Да ну тебя! Все сводишь к шуточкам. Неужели трудно поверить, что я говорила серьезно?

— Поверить нетрудно, — сообщил я. — Но опасно.

— Ах, Рич, — сказала она с укором, — мне, конечно, все равно, что ты про меня думаешь, но я хочу знать, какого ты обо мне мнения!

— Сама знаешь, — ответил я.

— Какого?

— Нет уж, — возразил я. — Сказанное слово вслух есть ложь, тебе это знакомо. Потому не будем друг о друге. Надеюсь, ты сумеешь переместиться на Юг в безопасное место, когда Багровая Звезда рухнет на землю всей смертоносной тяжестью?

Она посмотрела исподлобья.

— А ты?

— Мужчины должны принимать вызов, — ответил я.

— Ты не поверишь, — ответила она раздельно и глядя мне в глаза, — но такие есть и среди женщин.

— Верю, — сказал я и даже хотел назвать несколько имен великих женщин, но это значило бы чуточку обесценить ее гордые слова, и я только повторил: — Верю, Бабетта. Ты как раз такая. Как я понимаю, ты уже успела побывать за эти дни на Юге?.. Как здоровье императора?

Она улыбнулась.

— Он в полном здравии. Но, учти, я не была на Юге.

— Да? — переспросил я в сомнении. — А пахнет Югом. Впрочем, это неважно, ты сама вся южная и знойная.

— Ой, — сказала она счастливо, — я уже раздеваюсь!

— Только попробуй, — пригрозил я. — Наиболее близким лордам я разрешил входить без стука. В смысле, без объявления церемониймейстером всех титулов.

Она посмотрела с укором.

— Ну так это же наиболее близким... Или и близким нельзя видеть меня во всей красе? Что, я уже некрасивая?

Посмеиваясь, я сотворил широкое блюдо и горку разных пирожных, с женщинами лучше всего проходит этот нехитрый фокус, затем на противоположных краях стола возникли два дивных фужера с вином немыслимого здесь аромата и вкуса.

— Намек поняла, — произнесла она так же легко и, соскочив с моих колен, тут же плюхнулась в кресло. Ее пальцы осторожно подняли фужер за тонкую ножку.

— Кажется, — произнесла она задумчиво, — я понимаю, почему никто из наших магов, даже самых-самых, не смог сотворить ничего подобного.

— Пытались? — поинтересовался я.

Она кивнула.

— А ты как думал?

— И почему же?

— Магия творит только то, — пояснила она, — что человек очень хорошо знает, чем пользовался, часто держал в руках, считает привычным и обыденным.

— В этом ее отличие от науки, — пробормотал я, — вот почему цивилизации, основанные на магии, обречены.

Она вскинула брови.

— Странное утверждение. А что тогда не обречено?

— Основанные на других принципах, — ответил я уклончиво. — Бабетта, это хорошее вино.

— Знаю, — ответила она. — И хотя мужчины отвратительно однообразны в еде и напитках, но ты всегда творишь новые. Это пугает.

— Почему?

— Страшно представить тот мир, — произнесла она, ее плечи зябко вздрогнули, — в котором такое изобилие. Рич, ты кто?

— Мыслящий тростник, — ответил я привычно, — и двуногая птица без перьев. Правда, уже с плоскими ногтями. Знаешь, мужчины обожают поговорить о себе и когда о них говорят другие, но все же мы смиряем себя и говорим о ваших прелестях.

— Намек поняла, — ответила она легко. — Как ты деликатен, Рич! Мог бы и просто велеть заткнуться. А то и ударить, ты же богатая натура. С тобой все в порядке? У тебя брови постоянно сдвинуты.

— Это я мыслю, — признался я. — Напряженно. Для меня мыслить вообще-то нехарактерно, я человек действия, потому у меня процесс мышления такой трудный и даже зримый.

— Ужас какой, — сказала она с испугом. — Такой красивый и сильный мужчина... и вдруг мыслит! Понятно бы, если бы плюгавчик какой. Это все из-за Маркуса?

Я вздохнул.

— В такие моменты мыслить должны все. А когда решим проблему, тогда можно снова жить счастливо и бессмысленно.

Она допила вино и поднялась.

— Зайду попозже, хорошо?

— Всегда рад.

Я не стал подниматься и провожать до двери, она не дама и даже не женщина, Бабетта все поняла, у открытой двери обернулась и чарующе улыбнулась, благодаря за такое повышение в ранге.

Мне вообще-то, продолжил я оборванную мысль, идея Христа, как сына Божьего, кажется дико языческой. Зевс, как помню еще с детства, трахал всех женщин, какие попадались под руку. От них рождались внебрачные дети, совершавшие затем подвиги, так вот и христианский бог трахнул Деву Марию, только по случаю не дефлорировав, такое иногда бывает, девственная плева просто растягивается, но не рвется, что дало возможность объявить такое зачатие непорочным.

Сам по себе Иисус — величайший человек, гениальный реформатор, поднявший все человечество из мира язычества на непостижимо высокий уровень. На духовный, впервые вычленивший в человеке так называемую душу и отделивший ее от плоти, что было немислимо, к примеру, у древних греков, что оставались разумными животными, хоть и грамотными.

Зевс тоже всего лишь разумное животное, в своих совокуплениях не видевший разницы между женщинами, коровами, козами, свиньями, лебедями и рыбами. Как и остальные эллинские боги. Естественно, и сами эллины такие же, кроме словосочетания «греческая любовь», в мир оттуда вошли термины и похуже, так что все языческое может нравиться только мальчишкам и недоразвитым взрослым, но не человеку, который повзрослел не только помидорами, но и мозгами.

Сэр Жерар вошел тихо, толстый ковер на полу скрадывает звуки, но я все равно услышал и поднял голову от бумаг.

— Сэр Жерар?

— Сообщение от герцога Ришара, — сказал он.

Я обрадовался.

— Он прибыл?

— Нет, он еще на корабле, Ваше Величество. Сообщает, что постепенно восстанавливает каботажное плавание вдоль побережья Сен-Мари, Вестготии и прочих королевств, в чьих владениях берега... Нанес на карту очертания многих земель со всеми удобными бухтами, рифами, полуостровами...

Я вздохнул.

— Ладно, если это ему нравится. Все равно уже не успеет... А чем занят адмирал Ордоньес?

— Ударными темпами, как вы и велели, строит могучий флот! Каравеллы... — какое странное слово!.. закладываются на стапелях все крупнее и объемнее!

— Не переборщили бы, — буркнул я. — Хорошо. Что с добровольцами?

— Отправлены еще два полка, — сообщил он. — По вашей железной дороге уже через три-четыре дня будут почти у самой долины отца Миелиса. А там пеший переход не больше чем на сутки.

— Принято, — одобрил я.

Глава 5

Он поклонился и вышел, ступая так же бесшумно, а я продолжал развивать мысль, что во всем нашем христианском мифотворчестве смущал только один момент, даже коробил, что Творцу, дабы угодить простому и очень даже простому народу, облегчить ему переход от язычества к более высокой и одухотворенной религии, приписали то, что характерно для Зевса

с его животными инстинктами. То есть совокупление с земной женщиной. Ну а что, Зевс вязал самок, вот и новый Господь зашел к Марии, оплодотворил ее, дав зачатие полубогу Христу, значит, Он почти такой же, успокойтесь, люди...

В общем, бог, у которого от земных женщин появляется сын, для меня, вот такого разборчивого, не Бог, а языческий божок, как эллинские, скандинавские, славянские и прочие-прочие боги, так милые детям и тем взрослым, у которых интеллект и понимание так и остались в зачаточном состоянии. Это для детей простительно, а для взрослых... Впрочем, и для многих взрослых простительно, дураков в мире абсолютное большинство, нельзя же объявлять их всех недоумками, недемократично, но все же нужно ориентироваться на тех, кто перерос уровень большинства, иначе прогресса не будет.

С моим эстетическим вкусом я не могу допустить, что Творец, создавший одним словом Вселенную, пойдет совокупляться с земными женщинами, как Зевс или Кетцалькоатль Пернатый Змей, сын Кекакупекакеутля Ушастого Змея.

Потому либо он не Бог, а бог, либо Бог, но тогда безмерно велик и свят, в смысле — один вселенский дух, душа, и потому у него не может быть ни родни, ни товарищей, и уж никак не тайно зачатых от земных женщин детей, как от сластолюбивого Зевса, от которого у землянок родились Персей, Геракл и другие полубоги.

Я звучно хлопнул себя ладонью по лбу и возликовал, звук вроде совсем не медный. Значит, не совсем дурак, дорылся до золотого ключика. Если учесть, что даже меня задевает, когда Творцу приписывают скотские наклонности, то еще больше должно задеть ангелов. Да что там задеть, ранить в самое сердце, которого

нет! Они служили чистому Духу, Идее, а им вдруг предлагают версию, что их Бог всего лишь большой и могучий скот, что вяжет... ну ладно, в отличие от Зевса, не все живое подряд, а все-таки с разбором, однако допустить, что повязал хотя бы одну женщину... это допустить, что так же прост и примитивен, как Зевс. Повязал женщину, может повязать и корову, как Зевс Ио, так что связь времен, преемственность, переходите в христианство смело, это тот же Зевс, только чуть повзрослевший и потому более сдержанный...

Да, все верно. Если это оскорбляет меня, то ангелы точно вознегодовали. Не на Иисуса, тот хорош и проповедовал верное, а на человечество, что в своем невежестве и примитивизме так снизили образ Всевышнего Творца.

Я поднялся из-за стола, чувствуя непомерную тяжесть, это же сколько просидел, стал похож на каменную статую командора, все тело застыло, вот-вот захрустит и рассыплется.

Дверь на балкон распахнута, он опоясывает дворец на высоте третьего этажа, что с точки зрения безопасности считается рискованным решением, потому, когда я вышел на свежий вечерний воздух, сразу увидел на противоположных концах балкона отдыхающих в небрежных позах, привалившись к стене, элитных стражей в доспехах и при оружии.

Они сделали вид, что не видят лорда, я их тоже, однако сразу же насторожились и начали высматривать внизу все подозрительное, что может угрожать жизни их сюзерена.

Впрочем, перед дворцом просторный и хорошо освещенный двор, а дальше железная решетка, отгораживающая от площади, чужой не переберется, если только не особо одаренный маг или что-то нечеловеческое, но теми занимается уже особая служба.

Я рассматривал полутемную площадь, почти свободную от торговых лавок, указом короля они перенесены на другие площади, а также за стены города.

Слышно, как там позади в кабинет вошел сэр Жерар, потоптался, прозвучал еще голос, узнаю барона Эйца.

Не оглядываясь, я махнул рукой.

— Я здесь!

Они вышли на балкон настолько осторожно, будто тот обязательно рухнет под нашей общей тяжестью, постояли, посопели за спиной.

Сэр Жерар сказал негромко:

— Ваше Величество! Тут барон пришел с некоторыми предложениями по улучшению охраны... Но если вы заняты...

— Барон, — сказал я Эйцу, — вы знаете, что делать. А я, скорее всего, завтра-послезавтра отбуду к месту битвы. Надеюсь, она состоится именно там, где планируем дать бой. Иначе все меры безопасности...

— Понимаю, — ответил барон хмуро. — Иначе все прахом... Эх...

Сэр Жерар указал рукой вдаль.

— Это что вон там светится?.. За городской стеной слева от башни?

Барон всмотрелся из-под руки, словно звездное небо слепит ему глаза, как бьющее в них солнце..

— Вон та искорка?.. Похоже на огонек мандрагоры. Она светится по ночам, когда созревает.

Сэр Жерар сказал книжным голосом:

— А, та самая? Что выросла, проклятая, в том самом месте, где согрешил Адам...

Барон посмотрел на него с непередаваемым презрением.

— И что, мне поверить, что самым великим грешником на свете был Адам?

Сэр Жерар поинтересовался надменно:

— Сэр Торрекс, вы ничего не путаете? Разве я сказал именно так?

— Слово в слово, — объявил барон беспощадно. — Почти.

— Когда?

— Сейчас, — уличил барон. — Сидите в канцелярии, дорогой друг, и смотрите в бумажки, дальше них ничего не зрите и даже не видите. А я обошел два десятка королевств, и везде мандрагора, мандрагора... И что подумать должен?

Сэр Жерар подумал, сказал в затруднении:

— Ну, так говорят же...

— Говорят, — передразнил барон. — Уже то, что Адам после смерти Авеля сто тридцать лет не ложился с Евой, говорит о его великой безгрешности. Хотя, конечно, грешить можно и без женщины.

Сэр Жерар сказал, воспрянув духом:

— Я о том и говорю! Без женщины тоже грешно. Еще грешнее. Это прямое нарушение повеления Господа плодиться и размножаться. За то самое Господь и проклял Онана. Каин и то меньше виноватый... Правда, брата прибил, но всего лишь одного, подумаешь, зато как землю заселил! Когда Адам наконец-то родил Сифа, потомство Каина к тому времени заплодило весь мир! Друг у друга на головах сидели!

— Значит, войны тоже каиниты придумали?

Я обнял их за плечи.

— Спасибо, развеселили. Но со мной все в порядке... насколько сейчас это возможно. Топайте и занимайтесь делами. Мир не может погибнуть, пока мы работаем!

Они повернулись к выходу с балкона, сэр Жерар пробормотал:

— Золотые слова...

— Подхалим! — заявил барон.

— Мир погибнет в праздности, — сказал сэр Жерар серьезно. — Вспомните, он всегда погибал именно в праздности.

— И от праздности, — уточнил барон.

— Из-за праздности, — согласился я.

Проводив их через кабинет к двери, закрыл за обоими, а когда повернулся, ощутил, что уже готов к самому серьезному в моей жизни испытанию.

— Тертуллиан, — сказал я негромко, — если слышишь... ответь, хорошо? Прости, что дергаю тебя по таким пустякам, как всего лишь спасение человечества...

Через несколько томительных минут в комнате вспыхнул яркий свет, огромное лицо выплыло из огня, еще более яркое и пламенное, словно из звездных недр, крупные глаза впились в мое лицо со страшной гипнотической силой.

— Что у тебя снова? — прорычал он. — То избегаешь меня, как нашкодивший щенок, то второй раз за неделю.

— Что-то накопал, — объяснил я.

Он внимательно выслушал, когда я, сбиваясь и путаясь, изложил свои соображения, но лицо его становилось все более грозным.

— Что-то я тебя не понял, — рыкнул он. — Ты что, отрицаешь существование Христа?

Я сказал испуганно:

— Ни в коей мере!.. Это был великий человек, величайший пророк! Он выдернул человечество из тьмы язычества!.. Однако, Тертуллиан, ты же лучше меня знаешь... это был человек, а не сын Создателя!

Он нехотя, с заметным усилием, чуть наклонил голову.

— Знаю. Ну так чего?

— Это ты скажи, — заявил я с жаром, — зачем такой перекося?

Он прорычал:

— Сам понимаешь, не маленький. Сперва это был пророк, потом начали называть сыном Господа, чтобы придать его проповедям больше веса. Честно говоря, это происходило при мне... но я как-то не подумал, что может принести вред... Думали только о сиюминутной выгоде. Дескать, когда народ верит, что это сын Все-вышнего, то охотнее пойдет за ним следом.

— Ну да, — согласился я, — в те трудные дни нужно было укрепиться любыми средствами! Мне это понятно, я же политик.

— Если бы тогда не распространили этот слух, — проговорил он с неохотой, — кто знает, удалось бы выстоять? Христиан распинали, сжигали на кострах, бросали в Колизее на растерзание львам... и не все, если честно, выдерживали. Об этом стараемся умалчивать, но отрекающихся было намного больше, чем мы ожидали... и чем потом упоминали в рукописях. Но за сыном Бога, как ты понимаешь, пошло простого народу больше, чем двинулось бы просто за умным человеком.

— Верный тактический ход, — согласился я. — Большой выигрыш в начальной стадии, хотя и чревато в долгосрочной перспективе...

От его свирепой напористости не осталось и следа, даже лицо заметно потемнело, хотя все те же недра звезды класса А, но рыкающий голос упал почти до громового шепота:

— Но все зашло слишком далеко, теперь уже не вернуться.

— Точно?

Он прорычал:

— Ты хоть понимаешь, что это невозможно?

— Надо поговорить с ангелами, — сказал я, — Темными и Светлыми.

— И что это даст?

— Объясню ситуацию, — сказал я. — Скажу, что мы допустили ошибку в погоне за быстрым успехом. Нужно все рассказать, ничего не скрывая... мы же в самом деле ничего не скрываем? Все прозрачно, все проверяемо. Когда ангелы увидят, что мы не хитрим...

Он со злостью перекошил огромное лицо в устрашающей гримасе.

— Да ты сам иисусик!

— Почему?

— Так тебе и поверят, — сказал он с горькой злостью. — И вообще... как ты собираешься с ними говорить?

— Не знаю, — ответил я откровенно. — Михаил тогда откликнулся, спасибо за подсказку.

— Не за что.

— Нет, ты помог весьма... Но с ангелами ада... гм... наверное, у тебя не такие уж и прочные контакты? Про связи ничего не говорю, не пойми иначе, когда я говорю про связи, это просто связи, а не...

Он прервал:

— Заткнись, пока не договорился.

— Так как, Тертуллиан?

Он сказал со злостью:

— Да, у меня с ангелами ада никаких контактов не вообще. Но ты такой жук, что у тебя и там есть.

— Вельзевул?

Он отмахнулся.

— До Вельзевула тебе не дотянуться, а вот по земле и среди людей ходит одна твоя знакомая.

— Махлат? — спросил я с надеждой.

— Да, — сказал он. — Ты хоть знаешь, кто она?

Я покачал головой.

— Не представляю.

— Давай отрезвлю, — сказал он сурово. — Махлат, как ты уже понял, демоница. Так их называют теперь.

Одна из самых старших. Из первых. Теперь та из немногих, которые, несмотря на вечную жизнь, все же продолжают развиваться и меняться.

— Хорошо, — сказал я. — Это же хорошо?

Он зло зыркнул в мою сторону.

— Ее дочь Аграт, что стала женой самого Ашмодая, все так же носится на золотой колеснице и рассылает золотые стрелы лихорадки, а Махлат, заставшая время, когда и колесниц не было, предпочитает верховую езду в удобном седле и с хорошими стремянами.

— Ко мне без коня, — напомнил я. — Это что-то значит?

Он поморщился.

— Ничего это не значит. Зачем им кони или даже крылья? Просто остаются какие-то привязанности, какие-то знаки... Хотя это неважно, Махлат сама по себе. На твой зов не придет, это точно. Вообще не хочет ни во что вмешиваться. Давно решила, что обе стороны неправы и... ушла. Хотя, конечно, какие-то шансы у тебя есть. Но как тебе ее вызвать, не представляю. Разве что...

Он замолчал, пылающее лицо, где все сдвигается, как в большой капле ртути, пытающейся удержаться на неровной столешнице, отвердело так мгновенно, что у меня дрогнуло сердце от четкости и резкости каждой черточки, а завистливое чувство сказало, что вот даже звездный жар самых горячих сверхновых даже не нагреет, если Тертуллиан не изволит...

— Разве что? — спросил я. — Тертуллиан, проснись!

Он сказал с сомнением:

— Разве что сам сходишь в ад.

Я отпрыгнул, будто мне под нос сунули черного скорпиона.

— Ты что?

Он посмотрел с отвращением.

— Вообще-то тебе там и место... но пока что есть шанс не попасть туда навечно. А сейчас... понимаешь, в отличие от нормальных людей, в тебе столько темной мощи, что можешь заходить в ад, как к себе домой.

Я вздрогнул.

— Тертуллиан, у тебя и шуточки.

Он смотрел на меня строго и немигающе, страшновато вообще-то, когда понимаешь, что сейчас он вовсе не что-то эфирное, а скорее куда плотнее ядра нейтронной звезды.

— Я не шучу, — произнес он холодно. — Сам ты, конечно, не чувствуешь, что все больше сползаешь во тьму.

— Я?

— Увы, именно ты. Сперва решил, что тебе все дозволено, потом начал жить по этим правилам... Хотя ты еще окончательно не покинул светлую сторону, но на темной ты уже настолько, что, повторяю, можешь в ад заходить, как к себе домой.

— Тертуллиан!... Ты это серьезно?

Он кивнул.

— Полностью. Именно ты в ад войти можешь. В тебе столько злой черной силы, что легко продавишь эту тонкую грань, что для других прочнее каменной горы. Или побаиваешься? Но мужчин опасность не останавливает. Правда, если пойдешь к Темным, можно серьезно поссориться со Светлыми. А у тебя из-за твоей заносчивости и так отношения с ними не самые лучшие.

Я сказал озадаченно:

— Как-то не думал, что могу ходить и как бы туда...

Он покачал головой.

— Не советую. У светлых публика больно строгая и непримиримая. Или нетерпимая. Насколько абсолютно правы, что ни возьми, общаться вообще немислимо. Но, кстати, туда тебя и не пустят. Рылом не вышел.

— А в аду?

Он ухмыльнулся.

— Там всегда в сомнениях. Начиная с момента, когда усомнились в праве Творца поставить человека из мокрой глины выше их, бессмертных, могучих существ из чистейшего света. Потому с ними общаться можно. Хотя тоже зациклены на своей правоте. Без этой веры им было бы совсем...

— ...хреново, — подсказал я недостающее слово. — Значит, я темный на светлой стороне?

Глава 6

Он посмотрел на меня критически, помолчал, давая время, чтоб я взмок от пугающего ожидания.

— Ты темный, — произнес он, — но пока еще не совсем. Ты какой-то странный темный.

— Чем?

— Тьмы в тебе много, — пояснил он, — но что-то она никак не подчинит тебя всего. Думаю, тьма в тебе была изначально, ты с нею как-то договаривался. Потом подхватил где-то, даже не понимаю как, просто чудовищную мощь еще и дикой тьмы...

Я сказал торопливо:

— Нет-нет, Тертуллиан! Это не совсем тьма. Или тьма, но такая... безликая, нет четкости, как теперь. Темный бог Террос из того времени, когда не было грани между добром и злом. Если спросить человека той эпохи, что такое добро и зло, любой ответит, не задумываясь: «Добро — когда я отниму у соседа овцу, а зло — если он отнимет у меня». К примеру, эллины вовсе не по распушенности совокуплялись с людьми и животными, не делая разницы, у них даже боги такие же, такой был их примитивный мир. Только наша вера наконец-то отделила свет от тьмы, а добро от зла. А я

забрал всю силу, мощь и суть Терроса! А потом, когда хапанул корону из жадности, ну зачем она? Наверное, снова спасал мир... так вот с того дня темной мощи во мне столько, что как только не разорвет меня на части... И темные демоны признали меня властелином. Только они какие-то совсем хилые. Вот на Юге — да, настоящие демоны. Как вспомню, так ноги трясутся.

Его лицо сдвинулось и поплыло к стене, это так задумался, что утратил контроль, даже сместились черты, но спохватился, во мгновение ока превратился в твердый свет, что наверняка прочнее всего на свете.

— Тогда многое понятнее, — проговорил он, — но, если думаешь, что твоя уникальность дает тебе пропуск в обе стороны, забудь о таком.

— Почему? — спросил я настороженно.

— Человек должен держать себя в рамках, — строго сказал он. — Кто выходит за них, тот уже не человек.

— А кто?

— Животное...

— Знаете, Федор Михайлович, — сказал я с неудовольствием, — я бы тоже человека сузил, а то больно широк! Но кто-то должен быть шире, чтоб пасти агнцев и наблюдать за явлениями природы. Потому я, принося себя в жертву, должен заходить и в церковь, и в бордели.

Он сказал саркастически:

— Да, жертва велика. Только еще не знаешь, кто давал себе право ходить туда и сюда, вскоре в церковь заходил все реже, а в бордели чаще.

— Что, правда? — спросил я.

Он поморщился.

— А дальше сам догадайся.

— И не стану пробовать, — отрезал я. — Ричард Завоеватель может быть Ричардом Строителем, но не Ричардом Авгуром или пифией.

— Эх, — сказал он с досадой, — как тебе объяснить, что на гору карабкаться тяжелее, чем спускаться к милому болотцу?

— Да неужто? — спросил я. — Никогда бы не подумал... Спасибо, Тертуллиан, ты мне глаза открыл. Но я король простой, сам могу такое завернуть, что на голову не налезет, ты мне скажи, как в самом деле пройти к темным, чтобы переговорить о взаимопользости. А лучше, как человек высокой культуры и нравственных достоинств, пальцем покажи дорогу. Можешь его даже не мыть, раз показываешь не на меня.

Он рыкнул недовольно:

— Если считаешь, что в аду найдешь союзников, что ж... сходи, узнай!

Я поморщился.

— Ну да, сходи. Это так просто, да?

— Конечно, просто, — ответил он.

Я фыкнул.

— А где он тот ад?

Я говорил так уверенно, что он посмотрел с нескрываемым презрением. Мне кажется, скажи я с большей уверенностью, он посмотрел бы с большим презрением.

— Я же сказал, везде.

Я понимающе улыбнулся.

— А-а-а, это иносказание... Умный, значит. Ну да, как же, отец церкви, стол! Но тут все умные, один другого умнее... как считает каждый.

Он вздохнул.

— Слушай, дурачок. У человека ад и рай раньше были просто в дальних землях. Потом, когда земли освоили, решили, что рай и ад где-то на островах в океане. В плоском мире жили и плоско мыслили. Потом поумнели и додумались до трехмерности. Рай где-то наверху, выше облаков, а вот ад глубоко внизу, ниже самых дальних пещер... Ты и сейчас так мыслишь?

Я ощутил затруднение, этот просвирер из Африки попал точно, но я пожал плечами и ответил с небрежностью:

— Как мудрый политик, я занимаюсь политикой, а не теологией.

— Значит, так и думаешь, — сказал он. — Ад, по-твоему, где-то внизу.

Я буркнул:

— А на самом деле?

Он саркастически улыбнулся.

— Я же сказал, везде. Он отделен от этого мира такой тончайшей пленкой, что пройти на ту сторону ничего не стоит. Он даже ближе, чем твоя собственная кожа! Каждый из нас носит ад в себе, не знал?

Я спросил настороженно:

— А... рай?

— То другое дело, — ответил он. — Сам понимаешь, в ад ты зайдешь легко... именно ты, потому что душа твоя чернее Люциферовой, а вот к воротам рая тебе не позволят подойти и близко.

Сердце мое стукнуло тревожно и радостно, еще не сообразив, пугаться или верещать от счастья.

— И что... как я могу?

Он ответил бесстрастно:

— Да тебе стоит только сильно захотеть. Но меня уволь от такого зрелища. Всего лишь взять в обе руки дьявольский меч, на рукоять которого я не могу смотреть без отвращения...

Он сардонически улыбнулся, исчез за мгновение до того, как вся комната погрузилась в темноту.

Я сотворил шарик света, зажег все свечи в кабинете, но усидеть не мог, не поднялся, а вскочил из кресла. Сердце стучит все чаще, сделал несколько шагов по кабинету.

Все равно что-то он недоговорил. Если бы в ад за-

йти было легко, туда бы ломились целые толпы посмотреть, что там и как. Или обратно таких не выпускают?

Предостерегающий холод прокатился по телу. Это же могут и меня не выпустить? Хотя за Люцифером должок, как он сам признал...

Но как, каким амулетом или талисманом открыть портал в тот мир? Вообще-то Тертуллиан ничего не сказал насчет талисманов. Только то, что я со своей чернотой могу пройти фейсконтроль, как бы свой в доску или хотя бы частично свой.

Могут по-своему спастись невежды, дураки и даже идиоты, но позволительно усомниться, чтобы в замысел Царства Божьего входило население его невеждами, дураками и идиотами. Мы как-то умело подзабыли, что апостол рекомендует нам быть младенцами по сердцу, а не по уму! Потому я просто уверен, в Царстве Небесном не встречу ни одного невежды, ни одного дурака.

А вот в аду их должно быть очень много. Не знаю, радоваться или тревожиться, знаю только, что печалиться не буду. Но как же все-таки пройти через эту несокрушимую для всех стену, если даже демоны не могут выйти оттуда и побуяннить среди слабых людишек?

Да что там демоны, даже высшие из темных ангелов не могут, если не считать те единицы, которые, видимо, соблюдают какие-то правила: это Азазель, Махлат... да тот же Сатана, который вообще как-то стоит в стороне и ни в чем грубом не участвует. Идеолог, видите ли, белая кость, мыслитель, глубокий стратег... Надо будет как-то разобраться, а то его функции словно бы разбросаны по самым разным демонам, в то же время и он есть весьма весомо, зримо, в чем-то именно глава, хотя вот в аду совсем другие командуют...

От мыслей снова накалилась голова, череп уже потрескивает, я ходил взад-вперед, мычал и всхрюкивал от бессилия, наконец внезапная мысль стрельнула в го-

лову с такой силой, что в глазах сверкнули искры. Сосредоточился, даже зажмурился, внутри попискивает трусливое «не рискуй, это опасно...», но сжал челюсти и как можно тверже напомнил себе, что в Храме мне помогли подчинить эту штуку, так что давай, двигайся, ты же можешь...

Пальцы ожгло холодом, на обе ладони опустилась недобрая тяжесть. Я распахнул глаза и постарался смотреть без страха, это теперь моя черная корона, я хозяин, мне подчиняется и выполняет мою волю, нужно только держать ее в узде, всесилье подталкивает быстро и опасно соскользнуть к вседозволенности, что весьма чревато, на ней талантливые дураки чаще всего и горят.

Ощущение снова странное, корона выглядит невесомой и в то же время словно бы весит больше горного хребта, но где-то в другой реальности.

Я поднял ее обеими руками и медленно опустил на голову. Край сдвинулся на чело, что вообще-то лоб, но сейчас это чело, все-таки при короне, какой может быть лоб...

— Все, — прохрипел я пересохшим ртом, — теперь отступать позорно...

Меч Вельзевула не противился, когда я потащил его из ножен, вообще ничего не произошло. Я осторожно взял за рукоять обеими руками, снова ничего, крепче сжал пальцы. Все, как и было, что-то я пропустил, не получается, а мне же так нужно встретиться и поговорить с Вельзевулом...

Красное пятно возникло прямо перед моим лицом. Я задержал дыхание, чувствуя, как сильно-сильно стучит сердце. Не успел всмотреться, как пятно расширилось до размеров садовой калитки.

По ту сторону багровое выжженное плато, плающие желтым огнем под сильным ветром кустарники,

жуткое багровое небо, таким бывает на закате, но сейчас там тучи — не просто тучи, а исполинские каменные уступы красного и темно-красного цвета, а само небо я бы не решился назвать небом...

— Сработало, — прошептал я едва слышно и не двигаясь, словно это какая-то редкая бабочка, спугну и больше никогда не увижу, — щас, щас, подожди чуть-чуть...

На цыпочках я отступил, поглядывая на портал опасливо одним глазом, тот не расширился и не сузился, края подрагивают, как щупальца молодой медузы.

— Ну что я за трус, — прошептал я с сильно бьющимся сердцем. — Поехали же! Или погнали...

На той стороне в десятке шагов горят кусты, ветер срывает искры и лохмотья черного дыма, безрадостно и тоскливо даже смотреть отсюда, а уж оказаться там...

Стиснув зубы и задержав дыхание, я нагнулся и пролез, держа меч обеими руками, на ту сторону. Жаркий сухой воздух ворвался в глотку, я закашлялся, отвернулся и со страхом увидел, что портал в мой мир исчез, и даже не скажу теперь, в каком месте он был.

Теперь ощутил и жар, услышал свист злого ветра. Воздух злой и жаркий, если вот так постою еще, иссохну, как доисторическая ящерица, превращусь в окаменевший трилобит.

Я огляделся, теперь стоять с мечом в руках как-то глуповато, сунул клинок в ножны и с усилием заставил ноги переступать по накаленной почве, а то вот-вот задымятся подошвы. Спекшаяся в красно-коричневую корку земля хрустит, рассыпается под сапогами в удушливую пыль, выпускает отвратительно черные комочки шлака.

Вдали красные скалы, свирепый ветер грызет камень, целый шлейф каменной пыли заворачивается длинным хвостом то в одну сторону, то в другую. По

земле струится злая поземка из накалированного песка, измельченного до предела. Выглядит настолько жутко, что я поначалу отпрыгивал в сторону, а когда озлился и не отступил, то понял, что чутью лучше все-таки доверять: жгучий песок прошелся, как наждаком. Еще вот так несколько раз — и протрет до дыр.

Ближайшие скалы отплыли в сторону, я дернулся, впереди зрелище страшнее в тысячу раз: оплавленные страшным и явно недавним жаром руины зданий, обломки величественной лестницы, свист сухого злого ветра, далекие крики, настолько ужасные, что могут принадлежать только человеку...

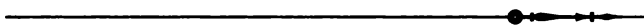
Я ускорил шаг, нагнув голову и сильно щурясь, иногда закрывая ладонью лицо от знойного ветра. Из-за развалин начали подниматься странные существа, иссохшие, отвратительные, похожие на огромных пауков, покрытых серой кожей в морщинистых складках, и не скажешь, что когда-то были людьми.

Красные с черным тучи бегут по багровому небу стремительно, я все равно отказывался признать, что это небо, почему-то вот те массивные и нависшие над миром тучи не сдвигаются, воздух наполнен гарью все-ленского пожара, но я уловил еще отвратительнее запах: аромат горящей плоти.

Глава 7

Я все ускорял шаг, почти побежал, а из дымной гари вынырнули два приземистых демона, оба мне до пояса, но широкие и жилистые, тащат по твердой каменной земле окровавленный труп на толстой веревке, но, когда донесся жалобный стон, я понял, что это не труп, все еще не труп.

Они остановились и уставились на меня с великим подозрением. Я сказал резко:

— Эй ты, рогатый!.. Мне нужен Вельзевул.

Демон, в которого я впери́л требовательный взор, в ответ смерил меня злобным взглядом с головы до ног.

— А я, — прорычал он, — не нужен?

Я обнажил меч.

— Если не сойдешь на обочину, узнаешь.

Он бросил небрежный взгляд на меч, я ждал, и его глаза распахнулись в диком ужасе, едва багровый рубин блеснул особенно зловеще.

Я самодовольно усмехнулся, когда он, как испуганная коза, поспешно отпрыгнул вбок, едва не стоптав молчаливого напарника.

— Ты, — прошипел он другим голосом, — не должен быть здесь!

— Я человек, — отрезал я. — Человек проходит как хозяин необъятной Родины своей!

Он вскрикнул:

— Здесь не твоя Родина!

— Моя Родина везде, — заявил я и пошел дальше, благо оба сдвинулись на обочину, а через окровавленного грешника я попросту переступил.

Он крикнул вдогонку:

— И в аду?

— Человек везде дома, — ответил я с горечью и не оборачиваясь. — Ибо широк человек, широк... Я бы даже сузил.

Он заорал:

— Себя сужай, придурок!

А вот меня нельзя, ответил я про себя, кто-то должен видеть обе стороны. И не только видеть... Судя по словарному запасу, этот демон либо бывал на земле, либо постоянно общается с прибывающими грешниками.

Значит, я вошел как раз с самого краешку. Основные грешники, так называемые великие или Первые, где-то там, в самом конце.

Ад показался похожим на исполинскую пещеру, свод которой плавится от немыслимой жары. Капли расплавленного камня срываются и падают частым дождем, поджигая все, чего коснутся.

Пару раз чувствительно шлепнулись и на меня, но соскользнули, как капли дождя по гладкому металлу. Спасибо, темная корона, защищаешь своего хозяина...

Прямо на раскаленном высокогорье расположены массивные котлы, такие есть и в замках, в них варят смолу, а потом льют со стен на головы и плечи штурмующих. Любая капля, попадая даже на одежду, прожигает и въедается в тело, не стряхнуть, не соскоблить.

Сейчас из этих котлов торчат человеческие головы, доносятся жуткие крики страха и боли. То и дело кто-то пытается выскочить, но удар заостренными вилами отбрасывает несчастного назад так, что он скрывается под слоем кипящей смолы с головой.

Я шел прямо, демоны у котлов вытаращили глаза, насторожились. Все красные, как вареные раки, с такой же плотной хитиновой кожей, защищающей от жара и пронизывающего ветра, с массивными трезубцами в руках, словно украли у Посейдона и наделали дубликатов.

Напомнив себе, что у меня в руке меч Вельзевула — в аду все узнают его багровый рубин власти и могущества, — я удержал на лице выражение надменности и горделивого могущества и продолжил идти неспешно и по-хозяйски.

Демоны провожают меня взглядами, но с мест не сходят, заняты понятным и нужным трудом в рамках пенитенциарной системы.

От котлов мощно несет сухим жаром и запахом горящей смолы. Я двигался по прямой. Придется пройти и между двумя рядами котлов, а если попробую свер-

нуть, то это наверняка истолкуют, как слабость, так что лучше и не пытаться.

Я все еще шагал с величавой осторожностью, делая вид, что это всего лишь важность: с короной на голове нужно ходить и держаться величаво.

Демоны опустили вилы и смотрели во все глаза, ошалело и непонимающе.

Я небрежно махнул рукой.

— Почему без песен, ребятушки-солдатушки?.. Ладно-ладно, это я пошутить изволил.

Миновал пару котлов и остался цел, жар как-то не действует, несколько капель из котла попали на рукав, но соскользнули на землю, не оставив следа, я взыграл, высокомерно посмотрел на работающих впереди с грешниками демонов.

— Эй ты, — сказал я, — со свиной мордой. Да-да, ты. Ответствуй громко и отчетливо, здесь только такая мелочь, как вы? А старшие хде?

Демон посмотрел на меня исподлобья, нагрубить не решился, хотя я его явно обидел, у него только нос, как у свиньи, а морда вполне пристойная.

— Здесь не мелочь, — проговорил он злым голосом. Я усмехнулся.

— Ну да, не мелочь... Все примитивно, бедно, без выдумки... Хотя бы котлы поставили ровными рядами, легче самим ориентироваться. И дорогу сократит.

Он рыкнул:

— Мы не спешим. У нас впереди вечность.

— Тем более, — сказал я, — надо бы усовершенствовать кое-что, а то каленое железо... котлы с кипящей смолой... Стенки из чугуна? Сыродутного?

Он взглянул на меня в недоумении.

— А что, есть другой?

— Конечно, — заверил я. — Могу внести кое-какие рационализаторские предложения.

Он сказал раздраженно:

— Правила есть правила. Установлено еще во времена, когда вы дрались камнями и палками.

— И ничего не меняется?

Он жутко искривил харю со свиным пяточком так, что она в самом деле стала похожа на свиную.

— Кем?

— Ну да, — пробормотал я, — это как Конституция, нельзя менять, иначе потрясение основ. В данном случае потрясение основ Мироздания?

— Основ Мироздания, — повторил он грубо. — Ибо Мироздание — это единый Дом всего мира.

— Ого, — сказал я с уважением, — а бабы-то не знали... Хоромы Вельзевула ниже или дальше?

Он буркнул:

— У Вельзевула нет хоромов.

— А резиденция?

— Весь ад его резиденция, — ответил он резко. — Ничто не делается без его ведома, и, если ты его заинтересуешь, он призовет тебя...

— Призовет, — пробормотал я с опаской, — звучит устрашающе.

Он сказал с неприязнью:

— Лучше пусть наш повелитель, чем их.

Он указал пальцем наверх, вполне понятный жест, хотя понятия верха и низа пора пересмотреть, но ведь и деление ангелов на светлых и темных идет вовсе не по цвету.

Я ответил понятно:

— Да-да, ты прав. Вообще здесь, уверен, все более правы чисто житейски, в то время как там наверху правы холодно-ватно абстрактно.

Он протянул руку, указывая толстым пальцем с острым, как шип на спине доисторической рыбы, когтем.

— Иди вон туда.

— А что там?

— Вельзевул, если появится, то, скорее всего, там.

Равнина кажется бесконечной, но, к счастью, пересекаю ее поперек, а не вдоль, так что ладно, хотя некоторые пытки выглядят весьма любопытными: к примеру видел, как одних насильно кормят салом, а другим не дают, только дразнят, и даже непонятно, чьи муки страшнее.

Это навело на некоторые мысли философского плана, все такие обычаи для нас значат много, отказ или нарушение могут причинять даже соматические повреждения. Вообще психике не зря придается так много значения, хотя вроде бы она есть только у психов и прочих гуманитариев. Но я не берусь сказать, что здесь одни гуманитарии, хотя, конечно, в таком месте их должно быть абсолютное большинство, заслужили, нечего лезть в политику и мутить воду, про фракталы даже не слыхали, а умничают...

Крики истязаемых несутся со всех сторон, но один вопль показался знакомым, я всмотрелся в двух облепленных кипящей смолой, это же соратники, с которыми я совсем недавно дело имел и сюда их отправил: колдун Харлег и барон Лонгширд...

Подошел ближе, в самом деле оба здесь, оружие и визжащие так, что голоса посрывали, облепленные черной въевшейся смолой с головы до ног.

Двое демонов с вилами посмотрели на меня с настороженностью.

— Хорошая у вас работа, — сказал я с похвалой, — но этим двум что-то бы покруче. Они не простые птицы, оба заслужили большего.

Один из демонов искривил широкогубый рот.

— А это еще не наказание. Так, предварительное ожидание, пока дойдет очередь, а старшие решат, как их и куда.

— А-а-а, — сказал я, — тогда да, пусть пока подождут здесь в тихом и уютном местечке.

Не ожидая ответа, прошел к котлу, как раз когда барон Лонгширд на миг закрыл рот, отдыхая от истощающего крика.

Он торопливо зыркнул в мою сторону, а я произнес небрежно:

— Я же сказал, узримся.

Его глаза полезли на лоб, завизжал в диком ужасе:

— Он и сюда за нами пришел!

Колдун тоже рассмотрел и узнал меня и, хотя весь облепленный кипящей смолой, что тянется длинными нитями к стенкам котла, все же с жутким криком ухитрился взметнуться, как дельфин, вывалился из котла и, шустро подхватившись на изъеденные до костей ноги, попытался бежать, сильно ковыляя.

Демоны моментально и явно с наслаждением насадили его жирную тушу на вилы, принесли, держа над головами, как трофейного кабана, и зашвырнули в булькающую смолу так, что тот скрылся с головой и наверняка приложился темечком о дно.

Барон трясся и в панике закрывал от меня горящими ладонями лицо. Демоны, освободив вилы, повернулись ко мне. Я думал, придется драться, вид у них свирепый, но все как один почтительно поклонились.

Один сказал льстиво:

— Господин... Только прикажите!

— Ничего-ничего, — сказал я успокаивающе, — пусть малость отдохнут у вас. После меня им тут как на курорте... Нора Вельзевула вон там на горе?

Они подобострастно захихикали, тот же демон сказал, корча рожу в улыбке:

— Да-да, господин так шутит... Идите прямо, там всего лишь обойти несколько ям с преступниками и одно ущелье...

— Да че обходить, — сказал я беспечно, — перепрыгну. Ну разве что погулять изволю, тут так красиво.

Кроме темных ангелов, как теперь сам вижу, в аду множество демонов, бывших в седую старину богами. Только они, в отличие от демонов нового поколения, при виде короны на моей голове, падают ниц и накрывают затылок ладонями.

Я вспомнил, что тот же Вельзевул был Баалом, богом в Аккаронском царстве, насылал болезни, часто с помощью мух, за что его и звали повелителем мух.

В Ветхом Завете есть эпизод, где Охозия, царь Самарийского государства, занемог и отправил послов в Аккарон спросить, выздоровеет ли он, на что пророку Илье Фесвитянину явился ангел и велел идти на перехват послов от Охозии и сказать им дословно: разве нет богов у вас, заблудшие, если идете вопрошать чужого бога? За это отступничество тот предатель не встанет с постели, на которую лег!

В Новом Завете, когда Иисус творил чудеса, изгоняя бесов, народ говорил в изумлении: «Разве это не сын Давида?» — на что ученые книжники отвечали: «Это не он изгоняет, а Вельзевул, повелитель бесов», так что, судя по этим сохранившимся текстам, Вельзевул продолжал набирать силу. От повелителя мух поднялся к моменту рождения Иисуса до повелителя бесов, а сейчас так и вовсе вроде бы правит в аду.

К тому же именно он вышел в наш мир и по своей инициативе вступил со мной в переговоры. Ему удалось принудить меня выполнить кое-какую важную для него работу, что говорит о его инициативности и деловой хватке.

Размышляя о нем и готовясь к трудному разговору, я старался не смотреть по сторонам, чтобы не отвлекаться на истязаемые души, что вообще-то не души, а очень даже тела. Эти примитивные грабители и про-

чие скотоложники даже не почувствуют душевных мук из-за крохотности и зачерствелости своих микроскопических душ, потому им возвращены тела, чтобы ощутили всю глубину расплаты за свои злодеяния.

Мир жесток, мелькнуло у меня в голове. Груб, примитивен и жесток. И пытки грубые, примитивные. Уж я-то сумел бы здесь наладить настоящую пыточную, а эти даже не понимают, что щедро проливая кровь истязаемых, тем самым снижают их чувствительность к боли.

Глава 8

Нора Вельзевула, она же хибарка и шалашик, представляет собой грозный замок причудливой формы, явно не из камня, тот уже рассыпался бы под собственной тяжестью. Непривычно огромные окна, красные с оранжевым стены, цокольный этаж вообще темно-багровый, почти черный, цвета венозной крови, а выше уже цвета артериальной: ярко-алый.

Дюжина колонн идут вдоль стены по всей высоте, погрузившись в нее наполовину, а от крыши ввысь еще на несколько ярдов и, конечно, на каждой победно треплется под жарким ветром красное знамя с надписью на древнем священном языке с хорошо узнаваемым символом.

Массивные металлические ворота сверху донизу покрыты причудливыми барельефами, мне показалось, что всю эту срамоту уже видел на стенах какого-то индуистского храма, хотя, конечно, интересно, неужели в самом деле вот в такой позе можно получить удовольствие, или это только для собравшихся зрителей, как бы цирк.

Ворота жутко скрипнули и медленно распахнулись. На той стороне показался толстый демон с массивными, но короткими рогами, весь в костяной броне, на плечах шипы.

Я молча уставился на него, он учтиво поклонился.

— Господин, прошу вас...

— А хозяин дома? — осведомился я.

Он ответил вежливо:

— Он увидел вас и велел провести к нему.

— Это мне нравится, — ответил я милостиво. — Так что вежи, не вдарю, можешь не оглядываться. Только не беги, я должен ходить медленно и величаво.

— Да, господин, — ответил он послушно, однако я уловил в его ровном голосе недоумение, с какой стати Вельзевул так милостив в забредшему в его владения человеку. — Как скажете, господин.

Холл и первый зал выглядят как пещеры, вырубленные грубо и подчеркнуто небрежно, дескать, тут живут мужчины, а не всякие интеллигенты, затем демон распахнул передо мной двери во второй зал, я не стал вертеть головой на роскошь, хотя посмотреть есть на что, никогда не думал, что могут быть такие огромные бриллианты чистейшей воды, к тому же здесь их используют как мелкие плитки пола, вот уж странный юмор у Вельзевула...

У дальней стены полдюжины широких окон, Вельзевул облокотился на подоконник обеими руками, могучими и беспредельно мускулистыми, — я увидел только широченную спину — и рассматривает нечто внизу.

Я нарочито громко топал, но он не обернулся, пока я не подошел почти вплотную, и, развернувшись, посмотрел на меня сверху вниз, как обычно я смотрю на большинство своих лордов.

Огромный, тяжелый, красный от макушки до пят, голова массивная, грубо отесанная, с непропорционально крупной нижней челюстью, усиливающей ощущение дикой мощи, такой никому не покажется красавцем.

Его взгляд тут же метнулся к черной короне на моей голове, что сидит, как влитая, уверен, если вздумаю сделать сальто, не сдвинется с места.

Он смотрел и смотрел, выражение лица не изменилось, но в глазах мелькнуло нечто, смутно напоминающее тоску по старым добрым временам, когда был у финикийцев верховным богом.

— Хорошо живешь, — сказал я. — И слуги у тебя вышколенные. За сколько уступишь своего дворецкого?

— Только за душу, — проворчал он могучим и глухим голосом, напоминающим грохот каменной лавины. — Хотя твоя и так, считай, уже наша.

— Что у тебя с лицом? — спросил я с сочувствием. — И рога кто-то сбил. Какие у вас тут грубые все!

Он отмахнулся могучей лапой, я подумал, что, если заденет такой, снесет хоть столетний дуб, хоть скалу.

— Да так...

— Инсургенты?

— Диспут, — буркнул он нехотя, — с инициативной группой, требовали пересмотра системы наказаний. А рога у меня только на выход. Так принято.

— Понимаю, — сказал я с сочувствием. — У нас тоже есть не шибко умные. Представляешь, вообще жадут отказаться от смертной казни!.. И других призывают.

— Шутишь? — спросил он с недоверием. — Да как можно?

— И я им то же самое говорю, — сказал я с жаром. — Придурки.

— Придурки, — согласился он с презрением. — Ну так что, сам явился сдаваться?.. Котел со смолой можешь выбрать сам, разрешаю! Я добрый, хотя обо мне говорят всякое.

Я сказал поспешно:

— Нет-нет, я вовсе не за ответной услугой.

— Серьезно?

— Просто мимо шел, — сообщил я, — думаю, дай загляну. Тем более есть выгодное для тебя предложение.

— Тогда сядем, — сказал он, — послушаем твои хитрости.

— Почему хитрости? — спросил я. — Как раз не хитрости!

— Все равно хитрости, — сказал он угрюмо. — Порода у вас такая. Самого Сатану обманете! Думаю, и Творца как-то обмануть сумели, так бы просто он всю землю не отдал...

У левой стены шикарный трон на помосте, к которому ведут две ступеньки и роскошный красный ковер, толстый и пушистый. Вельзевул грузно поднялся к трону, развернулся и сел, возложив руки на широкие подлокотники.

— Красивый трон, — похвалил я.

Он посмотрел с подозрением.

— Ну-ну, продолжай. Ты изменился. Где украл корону?

— Ты будешь смеяться, — ответил я, — но в самом деле украл.

Он скептически хмыкнул, я впервые подумал, что хотя корону я в самом деле украл, даже спер, но система идентификации древних вещей: признают только своего владельца. На других либо не реагируют, либо не позволяют себя взять. Одни отбиваются, другие просто каким-то образом увеличивают гравитационную составляющую, так что их не поднять, даже не сдвинуть. Есть и такие, которые незримы для всех, кроме владельца. Так что если эта корона позволила себя взять, то ее прошлый хозяин точно заложил такой странный доступ... Как-нибудь на досуге подумаю, зачем он так сделал.

Я поискал взглядом на что бы сесть, придвинул ногой неприлично роскошную софу, сел в свободной позе, закинув обе руки за спинку, а Вельзевул продолжал всматриваться в меня пытливо и настороженно.

— Не хочешь сказать, — проговорил он, — и не надо. Это твои тайны. Но изменился ты очень сильно.

— Уйма времени прошла, — согласился я.

— Да? — переспросил он. — А мне казалось, вчера был одним, сегодня уже другой.

Я спросил с удовольствием, всем нам нравится, когда говорят о нас:

— Какой?

— Уверенный, — определил он мрачно. — В прошлый раз тебя всего трясло, когда меня увидел, хоть ты и старался не показать. А сейчас вон даже сел без спроса. Если и страшно, то уже умеешь не показывать вида. А вообще-то тебе уже и не так страшно.

Я прямо встретил его испытующий взгляд.

— Ты мудр, Вельзевул.

— Ну, спасибо... Это ты себе котел попросторнее выговариваешь?

— Ты много видел, — сказал я, — много понял. И даже меня в какой-то мере. Я сам только недавно заметил. И даже чуточку удивился.

— Да ну? — спросил он с сарказмом.

— Самую малость, — уточнил я. — Просто за последнее время столько всякого... что, если не повзрослеть рывком, так и сгинешь в песочнице. А взрослый может и спастись. Заодно и мир спасти, хотя кому он такой нужен?

Он спросил мощно:

— А что повзрослевший увидел?

— Что все не так, — ответил я, — как думалось в детстве.

— Ого!

— И даже, — сказал я, — ужасающий мир Светлых и Темных ангелов не совсем такой, каким представлялся. Как только начал это понимать... сразу перестал бояться.

Он сказал с неудовольствием:

— Ну-ну, продолжай.

— Что продолжать? — спросил я. — Я только сказал, что красивый трон. Могу уточнить, что очень красивый.

Он смотрел исподлобья зло и недоверчиво.

— А почему промолчал, что мы, могучие ангелы, и это у вас сперли? Что у нас ничего не было, все у вас заимствуем?

Я заверил торопливо:

— И в мыслях говорить такое не было!.. Чего я стал бы такое говорить?.. И так всем все понятно, зачем еще в глаза булавкой тыкать? Мы люди открытые, на счет соблюдения авторских прав еще не додумались. Воруйте идеи, пользуйтесь на здоровье! Нам не жалко. Завтра еще круче придумаем.

Он хмыкнул, лицо злое и расстроенное, уж и не знаю, из-за неудачного диспута или потому, что только теперь начинает проясняться, хоть и очень смутно, великий замысел Творца.

— Ладно, — сказал он, — что у тебя там за предложение?

— Коммерческое, — ответил я. — Для тебя крайне выгодное.

Он скептически хмыкнул.

— Ну да, так бы ты и сказал, что невыгодное. А тут еще и коммерческое, надо же! Это наверняка отдать тебе здесь все, а самому повеситься?

— Да бросьте, — сказал я, — ваше адское величество! Вы как-то обмолвились, что не хотели бы гибели человечества, так как почти все, как невинно убиен-

ные, прямиком отправятся в рай, а на самом деле заслуживают сидеть здесь на самой горячей сковородке.

— Примерно так, — согласился он.

— Наши желания совпадают, — сказал я. — Так что могли бы посодействовать его спасению. Это, конечно, пустяки, но приятные пустяки.

— Тебе тоже, — сказал он с иронией, — хотелось бы спасти это племя?

— Да, — подтвердил я. — Человечество должно жить, так как человечество — это я, а остальные двуногие все это... ну, приятная декорация. Все предпочитаем приятное, не так ли? Вот здесь в аду весьма приятно, хожу и радуюсь, прям курорт! Я бы здесь такое устроил...

Он покрутил головой.

— Спасибо, не надо. Люди слишком... изобретательны. Так что у тебя за предложение? Да еще выгодное?

Он откинулся на спинку трона, глаза стали выпуклее, чем у жабы, что не портит облика, есть существа, что чем уродливее, тем привлекательнее.

— Коммерческое, — повторил я значительно.

Он вскинул брови.

— Коммерческое? Точно?

— В некоторой степени, — сказал я деловито.

— И выгодное? Для меня?

— Точно! — заверил я.

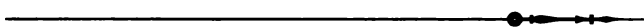
— А для тебя?

— Самую малость, — сказал я скромно. — Для тебя важнее, твое царство побольше, чем у меня.

Он спросил с подозрением:

— А чего ты вдруг решил сделать мне еще одну услугу? Да еще задаром?

— Из человеколюбия, — заверил я. — Люди любят человека, а также окружающую природу. Ты как раз из нее, само олицетворение, а это звучит и возвы-

шает. Люди сейчас даже пингвинов спасают, а ты еще тот пингвин!.. У меня сердце кровью обливается, если и это культурное наследие исчезнет под неумолимым натиском демократии и научного прогресса.

Он поморщился.

— Не темни. Говори, зачем явился. И помни, войти сюда легче, чем выйти.

— Я о Багровой Звезде, — сказал я.

Он поморщился.

— Что-то о ней новое?

— Представь себе, — сказал я.

— Рассказывай, — велел он.

— Может, — предложил я, — сперва глотки промочим? А то у тебя тут почему-то жарко. Никогда бы не подумал, судя по тому, как все в ад стремятся.

Он отмахнулся.

— Чувствуй себя как дома.

Я торопливо сотворил глиняный кувшин с холодным виноградным соком, а Вельзевулу на подлокотник поставил огромный фужер с чистым спиртом.

Он осторожно взял тонкостенный фужер в огромную лапищу — я задержал дыхание, — но не раздавил, выпил с явным удовольствием, я тут же торопливо наполнил до краев жидким воздухом. Вообще-то трусил, никогда такое создавать не пытался и даже не думал о такой возможности, но, с другой стороны, жидкий воздух сотворить проще, чем кусок ветчины: всего лишь понизить температуру того, чем дышим, а так ничего сложного.

Вельзевул с интересом взглянул на прозрачный напиток бледно-синего цвета, вина с таким оттенком еще не видел, но я смотрю спокойно и жадно хлебаю виноградный сок. Он с той же осторожностью взял фужер, принюхался, брови приподнялись в озадаченном выражении.

Я ждал, он сделал глоток, задумался, глаза полезли на лоб, но хлебнул еще, потом еще, я в изумлении смотрел, как выхлебал до конца, с удовлетворением вытер губы толстой ладонью.

— Освежает, — сообщил он. — В самом деле просто дивно освежает!

— Р-рад, — сказал я с облегчением, — и вот еще попробуй...

На этот раз, сосредоточившись, вспомнил формулу жидкого гелия и наполнил фужер, ориентируясь по наитию: у гелия настолько крохотный коэффициент преломления, что его вообще не увидеть простым глазом.

Вельзевул протянул лапу и взял фужер уверенно, бессмертные ангелы не страшатся яда, сделал глоток... и застыл с полураскрытым ртом. Из глотки, как из трубы, повалил густой пар, все-таки у гелия температура вообще минус двести шестьдесят девять, почти на сто градусов ниже, чем у жидкого воздуха.

— Ни... че... го... себе, — проговорил он с трудом, едва-едва двигая окаменевшей и потерявшей чувствительность челюстью, — это же... даже не знаю... У меня глотка превратилась в лед!

— На здоровье, — сказал я с облегчением. — Надеюсь, тебе понравилось.

Он сделал большой глоток, его передернуло, словно под ударом молнии, выждал и отхлебнул снова.

— До чего же здорово, — прохрипел он. — Что вы за существа... Такое и Господь не создавал... Подумать только — лед в аду!

— Создавал, — сообщил я, — только не здесь.

— А где?

— Ну, — протянул я, — вообще-то далеко... Да и неважно, я рад, что понравилось. В такую жару этот умеренно освежающий напиток весьма как бы, верно?

Не отвечая, он продолжал осушать фужер мелкими

глотками, то ли растягивая удовольствие, то ли опасаясь проморозить внутренности начисто, а когда допил до дна, откинулся на спинку кресла и зябко передернул плечами.

— Бр-р-р-р!.. Вот как вы себя чувствуете зимой?.. Да, взбадривает, взбадривает... Ладно, так что ты хотел?

— Всего лишь, — начал я, но с треском распахнулась дверь, вбежал коричнево-красный демон, сильно сгорбленный, сильно хромающий, с торчащими за спиной культиками крыльев.

На меня он взглянул сперва со злобой, потом озадаченно, на черную корону не обратил внимания, явно из новых, остановился, но Вельзевул спросил быстро:

— Ну?

— Еще одна попытка бегства, — сообщил демон хмуро. — Пресекли с трудом.

Вельзевул страшно побагровел, глаза свирепо выдвинулись из-под нависающих выступов.

— Почему с трудом?

— Им помогали, — ответил демон.

— Что?

— Извне, — уточнил демон.

Я дернулся, Вельзевул бросил на меня быстрый взгляд, повернулся всей тушей к демону.

— Если кто-то убежит снова... я с тебя шкуру спущу! И самого в котел заброшу.

Я кашлянул, сказал громко:

— Прости, что вмешиваюсь, но он наверняка говорит правду.

Глава 9

Демон взглянул на меня с благодарностью, а Вельзевул нахмурился, зло метнул глазами красную молнию.

— А тебе откуда ведомо?

— Как раз я по этому делу, — сообщил я. — Небесные ангелы стараются дестабилизировать обстановку.

На земле. Потому и помогают тайком твоим узникам бежать якобы на свободу. Лозунг благородный, да только у тебя здесь нет праведников, а освободить убийц и насильников... это сеять хаос на земле.

Демон сказал торопливо отчаянным голосом:

— Вот-вот! Я тоже так подумал, только сказать не решился. В смысле, от нас не убежишь... если кто-то очень могущественный не станет им помогать тайком с той стороны.

Вельзевул смолчал, а я добавил:

— Именно тайком. Понимаешь, Вельзевул?

Вельзевул поморщился, демона отослал прочь таким знакомым движением кончиков пальцев, что я невольно посмотрел на свои.

— Зачем это кому-то надо?

— Маркус, — напомнил я.

Он поморщился.

— При чем здесь Маркус? У меня осужденные на вечные муки бегут, а ты мне про Маркуса!

— Осужденные бегут не в рай, — напомнил я.

— Ну?

— А на землю, — сообщил я внятно, — где снова примутся за прежнее, да еще и с новой силой!.. И люди будут выглядеть еще отвратительнее, чем есть, потому что они тоже люди.

— Ну-ну, — поторопил он. — Говори, как мужчина, а то умничаешь, умничаешь...

— Все ангелы не любят человека, — сказал я, — это аксиома. Но одни примирились, притерпелись, перестали обращать на него внимание, старая вражда забылась... но самые непримиримые все еще стараются, чтобы человек пал!.. И вот уже почти удалось опорочить его в такой мере, что Создатель махнул наконец на людей рукой и решился уничтожить их полностью.

Он проворчал:

— Это пока понятно. Дальше.

— Однако, — сказал я, — Творец всегда дает время опомниться, раскаяться и начать новую жизнь, правильную и благородную. Такой шанс есть и сейчас, ибо перед лицом опасности мы в самом деле встряхиваемся, забываем о мелочах и начинаем вести себя достойно.

— Не всегда, — буркнул он и добавил сразу: — Приближение потопа мало кого встряхнуло, да и в Содоме Гавриил и Уриил зря призывали раскаяться...

— Бывает, — согласился я, — но в целом...

— Ну-ну, — сказал он в злом нетерпении.

— Те, кто все это подстроил, — сказал я с жаром, — стараются не дать Всевышнему передумать! Для этого в людях нужно поддерживать жажду убийства, грабежи, насилия, похоть, разбой, чревоугодие... да вообще все, что осуждается и несовместимо с титулом царя природы. Беглецы из ада как раз помогут поддерживать достаточный уровень насилия, грабежей, похоти и прочего осуждаемого Творцом и даже нами.

Он подумал, кивнул.

— Молодец, хорошо соображаешь. Иди ко мне? Поставлю начальником канцелярии. А то у меня все преданные, а вот умных мало.

— Умных везде мало, — согласился я. — Так что мы имеем? Твердую уверенность, что это не очередной потоп или очищение земли от грешников, а наконец-то последний и окончательный день существования человечества. И та часть ангелов, что всегда жаждала стереть с лица земли людей, сейчас вздрагивает при мысли, что Господь может передумать.

Он буркнул:

— Вряд ли передумает. Слишком далеко все зашло.

— Но их попытка просто уничтожить людей, — сказал я с жаром, — говорит о том, что наконец-то признали тщетность усилий опорочить человечество!

Несмотря на все грехи и преступления, оно как-то ухитряется становиться в общем выше и чище! А это значит, ангелы были неправы в своем бунте. Мало кто готов в этом признаться, хотя есть, как мне кажется, и такие, но большинство такое признавать просто не желают. Потому стоят за уничтожение человечества. И постараются помешать его спасти.

Вельзевул добавил со странной усмешкой:

— Хотя и не верят в возможность спасти то, что уже обрек Творец.

— Тогда почему? — спросил я.

— Так, — ответил он, — на всякий случай. От человека можно ожидать всего. Это ангелы предсказуемы, но не человек. Вдруг человек извернется и в последний день уговорит Творца отменить уничтожение мира?

— Тогда, — сказал я безнадежным голосом, — может быть, удастся убедить их, что человек абсолютно беспомощен?

Он заверил:

— Они и так убеждены. Но все равно... Вы, люди, заставили презирающих вас ангелов бояться... нет, это слишком сильное слово, просто побаиваться вас.

— Ох...

— И ждать, — добавил он, — неких смутных неприятностей с вашей стороны.

Я пошевелился, чувствуя на плечах тяжесть всего мира, внутри холодно и страшно, а голос прозвучал чуть ли не бляющим козлетоном:

— Но есть же те... кто не хочет конца света?

Он сказал задумчиво:

— Когда-то все ангелы были абсолютно одинаковы даже с виду. И думали одинаково. Это человек виной, что и ангелы, глядя на него, начинали чуточку меняться. Не с такой дикой скоростью, как человек, у вас это вообще вихрь, даже непонятно, что из чего

берется и почему следует, но ангелы теперь... в какой-то мере...

— И немалой, — сказал я. — Если уже разделились на так называемых Светлых и Темных, а я для политкорректности называю правыми и левыми. Смею предположить, это не единственное различие?

Он смотрел на меня долго и задумчиво.

— Не единственное, смертный.

Я сказал искательным голосом:

— Вельзевул... ты мудр, ты же не случайно поднялся от повелителя мух до повелителя ада! Я тоже протопал весь длинный путь от оруженосца до короля, так что мы понимаем друг друга. Надо попытаться остановить эту дурь насчет уничтожения человечества!.. Ты же сказал, это не в твоих интересах.

— Не в моих, — рыкнул он, — но что я могу?

— Можешь бороться, — с нажимом сказал я.

— Проиграем, — отрезал он.

— Лучше бороться и проиграть, — сказал я с возвышенной болью, — чем проиграть, ничего не сделав для своего спасения! Вельзевул, человек — любимое творение Всевышнего! Представь себе, что как-то удастся поколебать его намерение уничтожить род людской?

Он прорычал:

— И что?

Я создал еще фужер с жидким гелием, Вельзевул посмотрел на него уже с опаской, но искушения не преодолел, со вздохом цапнул всей пятерней.

— Если он все же сочтет, — сказал я, — что человек достоин жизни... то как посмотрит на тех, кто подталкивал человечество к гибели? И как на тех, кто хоть немного, но помогал людям?

Он даже не донес фужер до рта, задумался, огромные злые глаза изучали меня остро и настороженно.

— Либо что-то хитришь, — сказал он медленно, — и не договариваешь, либо тебя совсем прижало рога-тиной к стене... Искать помощи у ада? Только тебе это могло втемяшиться в голову... или куда-то еще.

— Вельзевул, — торопливо сказал я, — я не призываю тебя драться с Маркусом! Пока что хочу выяснить, кто настолько обнаглел, что начал вредить человеку уже напрямую, надеясь на попустительство Всевышнего. Выяснить и по возможности дать ему по рукам. Или привлечь внимание общественности правых и левых ангелов к обнаруженному провокатору и возжигателю.

Он медленно и явно смакуя, сделал осторожный глоток и, полузакрыв глаза, прислушивался, как жидкий гелий, бурно испаряясь в глотке, обжигает резким холодом раскаленное жерло.

— Как? — спросил он медленно.

— Организуй мне встречу, — сказал я, — с представителями правых и левых.

Он дернулся, едва не расплескав дьявольский напиток. Мохнатые брови, похожие на щетину из медной проволоки, приподнялись в изумлении.

— Это с ангелами и демонами?

— Так называть некорректно, — объяснил я. — Вы все ангелы, только по разные стороны баррикады, которую уже почти разобрали с обеих сторон. Или от ветхости сама рассыпалась, это неважно. Сможешь?

Он покачал головой.

— Зачем?

— Обсудить, — объяснил я. — Опрозрачить процессы. Выяснить, кто за этим стоит. В частности, кто способствовал бегству твоих заключенных... Тебе такое неинтересно?

Он прорычал:

— Вызвать в одно место ангелов и де... правых и левых? Вообще-то да, правые и левые — звучит лучше.

— Желательно, — уточнил я, — чтобы прибыли вожаки различных фракций с обеих сторон. Мне иногда кажется, что правые настолько закостенели в своем чванстве, что совершенно не представляют, что творится в мире людей. И потому некая группа, наиболее радикальная, назовем ее ультраправой, начала совершать свои незаконные акции тайком даже от правого большинства, а большинство, как сам знаешь, всегда умеренное и драться не желает. Ни за, ни против.

Вельзевул сделал еще два глотка, крепко задумался, пар пошел даже из ушей, не говоря уже про ноздри.

— Я попытаюсь, — проговорил он в нерешительности, — хотя и не представляю.

— Привлеку нейтралов, — подсказал я.

— Это кого?

— Махлат, — подсказал я. — И других, кто давно отстранился от борьбы, поняв то ли бесперспективность, то ли тщетность... Есть же такие, что ни правые, ни левые?

Он рыкнул с презрением:

— Есть. Серость. Но ты прав, эти червяки могут побыть посредниками.

В дверях снова появился демон, вроде бы другой, хотя для меня они все на одну морду, если только одного роста.

Вельзевул взглянул зло, голос поднялся до рыка:

— Что, снова?

Демон кивнул с самым обреченным видом.

— Да. Им почти удалось.

— Почти?

— Если бы я там не поставил добавочные заслоны...

Вельзевул сказал резко:

— Беглецов держать отдельно от всех и под строгой охраной. Никого не допускать. Я допрошу их сам.

Демон исчез, я спросил с сочувствием:

— А предыдущая попытка... удалась?

Он посмотрел на меня люто.

— Что, радуешься?

— Совсем нет, — ответил я. — Сочувствовать бегущим из тюрьмы, дать им кров и еду... это в нашем характере, верно. Но потом тебя же и грабят. А если не тебя, то соседа. Нет, вор должен сидеть в тюрьме. А убийца и насильник — казнен. Желательно на площади, нельзя исключать воспитательную функцию для молодежи и подростков.

Он прорычал уже тише, заметно успокаиваясь, но устало, словно весь день состоял из одних неприятностей:

— Ты не похож на других.

— Я же король, — напомнил я. — Должен мыслить ширше, а не как простой обыватель, что дальше своего носа не видит и о последствиях не думает.

— Хорошо вашим обывателям, — проворчал он. — Счастливые!

— Беспечные, — уточнил я. — Беззаботные. Хотя против власти протестуют и указывают ей, как надо себя вести, надо же поумничать?.. Кто удрал в тот раз?

— Пятеро особо опасных, — рыкнул он устало. — С ними трое из охраны.

Я сказал невольно:

— Ого! Я тогда с одним едва справился. А тут пятеро!

Он покачал головой.

— Хуже. Трое из охраны — довольно сильные демоны. Не понимаю, почему ушли с теми, кого должны были охранять?

Я подумал, предположил неуверенно:

— У тебя точно все под контролем?

Его глаза сверкнули яростью, даже привстал с сиденья, хотя и так выше меня на две головы.

— Песчинка не сдвинется без моей воли!

— Я тоже так говорю, — сказал я с осторожностью, — чтобы всякие там даже не... Однако наши возможности не всегда совпадают с нашими желаниями. Скажи, а могла быть помощь беглецам... тоже извне?

Он вздыбился для резкого ответа, посмотрел бешеными глазами, но застыл на минуту, подумал, тяжело опустился в кресло.

Я ждал, даже задержал дыхание и не двигался, наконец он пробормотал тяжело и не желая встречаться со мной взглядом:

— Если только не просто снаружи. Ты понимаешь, о чем я.

— И помощник должен быть не слабым, — подсказал я. — Верно?

Он рыкнул раздавленно:

— Неужели рука Михаила? Или кого-то из четырех?

— Кому-то, — сказал я, — чем хуже в нашей ситуации, тем лучше. И рыбку половить в мутной воде, и соседу в суп плюнуть. Если таких знаешь, перебери их всех. Думаешь, если тебя низвергли, перестали ненавидеть?.. Наверняка все еще боятся!

Это ему польстило, даже чуть смягчил затвердевшее лицо, покачал головой.

— Конечно, боятся. Но раньше никогда не пытались вредить вот так открыто.

— Времена изменились, — сказал я. — Ну, так говорят по глупости, хотя меняются не времена, а мы. Вон у тебя какой дворец, узнаю архитектуру... А кресла? Какая прелесть. Как бы вы ни презирали людей, но их быт уже ваш быт. Наверху тоже меняются и... понимают, что битву против человека проиграли. Нужно спешить, воспользоваться удачной возможностью...

— Какой? — спросил он. — Ах да, ты все про Багровую Звезду...

— Они живут в страхе, — повторил я настойчиво, — что Создатель вдруг передумает уничтожить людей, как было в прошлый раз при потопе, и тогда начнется все сначала. Это значит, останется все меньше шансов доказать, что человек порочен, развращен и достоин быть убран из такого прекрасного мира!

Он тяжело вздохнул.

— Откуда ты на мою голову? От тебя одни беды. Если кто-то из верхних начал вмешиваться, то да, так убежать возможно. Конечно, теперь заткну и эти дыры, но раньше и предположить не мог...

Я вскочил.

— Боюсь, начинаю догадываться, куда они все направились.

— Куда? — спросил он с жадным интересом.

— К скардеру, — пояснил я. — Сейчас все силы, что явно или тайно против людей, которым покровительствует Творец, готовятся помешать нам встретить Маркус. Пусть и не верят, что мы сумеем дать отпор, но... а вдруг у этих жалких людишек получится? Сколько раз обманывались, твердо уверенные, что людям конец!

Он прорычал:

— Знаешь, тогда прямо сейчас иди к Агиросиону. Он тебе вряд ли понравится, как и ты ему, но доверять ему можно.

Я спросил настороженно:

— А чего ухмыляешься? Где подвох?

Он медленно подвигал громадными глыбами красных плеч.

— Да это не подвох, а так... Понимаешь, он умеет различать в людях будущие великие грехи, потому он этих будущих грешников убивает заранее. Убивает только мужчин, и только первенцев... ты который в роду? Правда, убивает в узком интервале между тринадцатью и двадцатью годами. Тем самым он как бы

спасает их души, отправляет на тот свет до того, как успели накуролесить.

Я спросил настороженно:

— А почему такие рамки?.. Я бы и десятилетних убивал.

Он покачал головой.

— До двенадцати лет они еще дети и не имеют грехов, что бы ни вытворяли, а в двадцать уже обзаводятся семьями.

— Эх, — сказал я с презрением, — да вы тут гуманисты!.. А я бы многодетность в лучшем случае принимал бы только как слегка смягчающее обстоятельство. Дети на любое преступление толкнут, а если еще и жена стерва...

Глава 10

Он проводил меня до двери, чего я никак не ожидал, явно в самом деле забеспокоился, сказал влогонку:

— Будь настороже.

— Но мне уже больше двадцати!

— Может сделать исключение, — произнес он зловеще. — Это же Агиросион!

Горячий ветер ворвался в легкие и заставил закашляться, едва я шагнул через порог. Подумаешь, может сделать исключение... Да я везде во всем исключение.

Этот Агиросион — чертов убийца, хоть и вроде бы благородный. Даже и не знаю, хорошо ли он поступает, вроде бы кто-то может успеть перевоспитаться, раскаться и передумать в последний момент...

Хотя, наверное, таких немного, потому рациональнее все же убивать таких, на одного раскаявшегося придется сто нераскаявшихся, что потом зальют кровью королевства.

Вот так, мелькнула злая мысль, когда начинаешь вникать и знакомиться с материалом, то понимаешь,

что Светлые не во всем Светлые, а Темные не целиком Темные. Первые иной раз творят гадости, а вторые стараются на благо всего прогрессивного человечества, выпалывая непрогрессивных и отсталых.

Под ногами хрустит перекаленная земля, рассыпается черной гарью. Как ни крути, сказал внутренний голос, это подземный мир, хотя и вошел в него не через подземелье. Воздух не просто горячий, а накаленный, будто я приблизился если не к земному ядру, то к мантии расплавленного металла точно.

Куда ни брось взгляд, все зловеще багровое, по земле струится черный дым и поземка из перетертого в пыль песка, над головой грохочет, а когда раздаются мощные, откалывающие камни удары, то невольно пригибаю голову и с тоской понимаю, что от падающих глыб не увернешься, там дым и гарь, не успеешь увидеть...

— Эй ты, — крикнул я пробегающему мимо демону, — как пройти к Агиросиону? Есть тут у вас такой...

Демон оглянулся, взгляд его как прикипел к короне на моем благородном челе. Я не успел охнуть, он простерся ниц, мордой прямо в красную пыль.

— Повелитель!

Я ответил важно:

— Ну да, я самый оно и есть.

— Наконец-то! — вскричал он воспламененно. — Наконец-то ты пришел и принес!

— Да, — согласился я, — я принес и принес... Так уж принес, так принес!

Он чуть повернул голову, с ужасом и восторгом глядя на меня одним глазом.

— Позволь, о всемогущий, донести благую весть твоим легионам?

— Позволяю, — милостиво разрешил я. — Весьма!

Он попятился, шустро перебирая задними лапами и от избытка почтения волоча морду по земле, а на

узаконенном расстоянии вскочил и унесся настолько стремительно, что я успел увидеть только взвившуюся смерчем на его месте красную пыль.

Тупо размышляя, что я такое принес, не спрятать ли корону в мешок, так безопаснее, а то уже к чему-то да обязывает, я направился к группе демонов, заталкивающих толпу худых и окровавленных людей в широкую щель в земле.

Краем глаза я увидел там массу змей и черных скорпионов, но такая ерунда не должна интересовать короля, да еще монарха, я указал пальцем на первого же обернувшегося в мою сторону демона:

— Слушай, морда, где сейчас Агирисион?

Он смерил меня с головы до ног злым взглядом, на черную корону и глазом не повел, зато вздрогнул при виде меча Вельзевула, что сейчас вроде лакмусовой бумажки, отделяющей демонов старшего поколения от нового.

— Агирисион, — ответил он послушно, — о, Носящий Меч Властелина Ада... сейчас... да, сейчас он в зале Офель.

— Понятно, — ответил я, — это не совсем рядом, да?

— Не совсем, — подтвердил он послушно, — всего шестьсот лет пешего хода или шесть лет полета... но если спешите, то вам стоит взять меч двумя руками... простите великодушно, что напоминаю!

— И что, — спросил я с недоверием, — он меня перенесет?

— В нашем мире, — ответил он с почтением, — он может больше, чем только рубить.

— Сам знаю, — сказал я, — это так, проверка слуха. Продолжай трудиться, строитель нового мира. На свободу только с чистой совестью и новыми навыками!

Он ответил с неуверенностью:

— Благодарю, господин...

А Вельзевул ничего не сказал, мелькнуло у меня. Правда, я не спрашивал. Да и он мог ли подумать, что я сам приду в ад и возжелаю там перемещаться туды-сюды, туды-сюды, как турист по халявной путевке со шведским столом.

Демон поклонился мне в спину, а я пошел дальше, все новое предпочитаю пробовать без свидетелей, мало ли чего. Поймал себя на мысли, что к демонам обращаюсь без страха. Это раньше делал вид, что без страха, а сейчас в самом деле. Ну какой страх, это же почти те же тролли, только не тролли, подумаешь, а тролли почти люди, хотя и не люди, так что надо о деле думать, а не о сравнительной анатомии, как Алоиз Ломброзо Менгеле какой-то...

Как только скала скрыла меня от этих и остальных демонов, я вытащил меч из ножен. Багровый рубин жарко блеснул в глаза. Я передохнул и крепче сжал пальцы на рукояти.

— В адский зал Офель, — сказал я как можно тверже и увереннее, хотя голос и трусливо дрогнул. — Велю!.. Ибо такова моя как бы воля.

Багрово-красный огонь встал вокруг меня стеной, я задохнулся от жара и гари сожженного камня, но пламя тут же исчезло, я среди болот и великанских гниющих растений, в ноздри ударил смрад, а слуха коснулись полные безнадежности вопли.

Мои подошвы на клочке твердой земли, а вокруг черная липкая грязь поднимается буграми, я с отвращением рассмотрел человеческие тела, их тут тысячи, миллионы, барахтаются в этом зловонном месиве, стонут, скулят, жалуются, но даже небосвод черный без единой звезды и луча надежды.

— Адский зал Офель, — повторил я с недоумением. — Это не совсем то... Ах да, зал великоват, а мне вроде бы не сам зал нужен... Ну-ка, меч, давай теперь

в апартаменты Агиросиона!.. Или в кабинет, где бы он ни был...

Меч дернулся в руках, я напрягся и задержал дыхание, вдруг да вместо огня цилиндром поднимется зловонная грязь, однако снова полыхнуло пламя, мои ноги уперлись в ровные плиты красного гранита, красиво уложенные замысловатым узором до самых стен, тоже красных с багровым, где вкраплено множество крупных рубинов, но ни одного драгоценного камня с холодным цветом.

Пещера уже не пещера, а роскошный зал, хоть и пещера, свод смутно виден в багровом мраке, от стен несет жарким величием и добротностью.

В полудюжине шагов массивный стол из красного камня с блестящей поверхностью, ножки нарочито толстые, стилизованные под валуны, поставленные друг на друга, а у стола трое, из которых двух я сразу определил, как демонов, а один смотрится не просто человеком, а изящным человеком.

Заметив неожиданного гостя, он отослал обоих демонов властным жестом и повернулся ко мне.

Худой, поджарый, с резкими и почти уродливыми чертами лица, на котором я рассмотрел выражение злобной горечи, страдания и муки. В отличие от простых демонов не просто одет, а хорошо одет, добротно и со вкусом, а когда поднял голову, я увидел в его глазах навсегда застывшую боль.

— Лорд Агиросион, — произнес я и коротко поклонился, — лорд Агиросион?

Он кивнул.

— Да, это я. А вы, как я понял, смертный?

Я ответил торопливо, но с достоинством:

— Меня к вам направил ваш сюзерен Вельзевул. Меня зовут сэр Ричард. Ричард Длинные Руки.

Он коротко взглянул на корону Темного Мира, она сидит, как влитая, я даже забыл о ней, в глазах на миг

промелькнуло странное выражение то ли тоски, то ли зависти, но сказал вполне буднично:

— Как жаль, сэр Ричард, что те времена прошли, верно?

— Увы, — ответил я в тон, — старое доброе время... Вельзевул тоже по ним скучает.

— Вельзевул? — переспросил он с сомнением. — Он сам так сказал?

— Нет, — признался я, — но это заметно.

— Но от нас хорошо скрывает, — отметил он. — Он тогда был могучим богом, одним взмахом длани уничтожил чумой Ханаан...

— Но и сейчас он глава Ада, — напомнил я, — старейший и ближайший друг Сатаны. Вряд ли страдает по тем временам.

— Не страдает, — согласился он, — но все мы иногда их вспоминаем тепло. Это же наше детство... С чем прибыл властелин Темной Короны и одновременно, что странно, Носящий Меч Вельзевула?

— С тревожными новостями, — ответил я. — Давайте сядем, расскажу подробнее. Что пьете, лорд?

Он отмахнулся.

— Все, что горит.

— Тогда попробуйте вот это...

Я прошел к столу, сосредоточился, торопливо соображая, что лучше будет для такого демона, что все еще скорее темный ангел, чем демон.

Он обошел стол и сел там, рассматривая меня очень внимательно темными глубоко запавшими глазами. Руки опустил на край столешницы, узкие кисти с тонкими музыкальными, как говорят, пальцами, удлиненные ногти, но совсем, конечно, не когти.

Я создал два абсолютно одинаковых кубка, один наполнил холодным яблочным соком, другой чистым спиртом, придвинул ему через стол.

Агирисион достаточно равнодушно цапнул кубок,

но выражение лица изменилось после первого же глотка, остановился, переводя дыхание, на меня взглянул с уважением.

— А вы не простой смертный, сэр Ричард.

Я ответил благочестиво:

— Господь человека создавал на вырост. Вот я эта... расту как бы. Хоть и медленнее, чем хотелось бы.

— Жаль, — произнес он, увидел тревогу на моем лице, уточнил: — Жаль, мы тогда не поняли великий замысел Творца. Только Он может видеть будущее.. А вы, сэр Ричард?

— Редко, — ответил я. — Иногда в виде озарений, но чаще в форме гипотез, предположений, проектов, долгосрочного планирования, что воплощаются в чертежи после кучи испорченных черновиков... Нам расти еще долго.

Он вздохнул, сделал еще глоток. Выражение лица от меланхолического медленно перетекло к деловому.

— Да, наверное... С чем пожаловали, сэр Ричард?

— Светлые переходят в наступление, — сказал я и уточнил: — Вместе с вашей пятой колонной. Похоже, они уже создали третью силу... или только пытаются создать, но ядро у них уже есть. И наверняка немало сочувствующих, что и понятно...

Он слушал очень внимательно, пару раз кивнул, когда я пересказывал все от момента, когда меня смертельно ранил Алфофаниэш, а вылечила Махлат, глаза становились все задумчивее, а на лице проступила тревога.

— Пожалуй, — сказал он потвердевшим голосом, — дело слишком серьезное. Если вы не против, я позову Думу.

— Это кто?

Он криво улыбнулся.

— По вашим терминам, начальник адской канцелярии.

— Да хоть Левиафана, — ответил я. — Когда мир гибнет, можно ухватиться даже за Лилит. Хотя за Лилит, думаю, стоит ухватиться в любом случае. Но этот Дума, если он тот, о ком как-то слышал, вроде бы не-сколько туповат.

— Он медлителен, — возразил он, — но не туповат. В важных вопросах как раз нельзя спешить. Этого не понимают слишком многие.

— Да, — согласился я, — многие не понимают, как трудно бывает решить, кому жить, а кому умереть.

Мне показалось, он взглянул с некоторой благодарностью. Я наблюдал, как он произнес несколько слов в абсолютно недоступном мне регистре, то ли ультразвук, то ли инфра, но ему явно ответили, лицо чуть прояснилось, он даже кивнул, словно его собеседник все видит.

— Сейчас прибудет, — сообщил он. — Просил позволения захватить с собой Бракиеля... Я ответил согласием. Полагаю, вы не будете возражать.

— Нисколько, — заверил я. — Бракиель... тот самый?

— Который?

— Знаток астрономии? — уточнил я. — Который научил людей интересоваться звездами?

Он хмыкнул.

— Вы помните и такое?

— Добро нужно помнить, — ответил я и добавил: — Как и зло. Люди должны быть добрыми и очень зло-памятными.

Он посмотрел с великим недоумением, а я подумал хвастливо, что мы, люди, существа весьма сложные и запутанные, но где-то глыбоко внутри очень мудрые, но сказать ничего не успел: коротко вспыхнул и погас пурпурный огонь, к столу шагнули двое.

Первый все-таки демон, хотя по всему видно, демон

высокого ранга, а то и уровня: крупный, солидный, уверенный в движениях, осанке, с неприятным умным лицом, а второго я бы принял за эльфа, будь у него уши позаостреннее, а так язык не поворачивается назвать демоном. Даже с сорванными крыльями он выглядит ангелом больше, чем даже архистратиг Михаил, глава воинства верных Господу ангелов.

Стройный, большеглазый, одухотворенный, он посмотрел так, словно вот-вот взлетит, лицо внимательное и тревожное, в глазах тоска и неясное стремление.

Агирисион сказал хмуро:

— Дума, Бракиель... это смертный по имени Ричард. Да, я тоже такими глазами смотрел на его черную корону. Она из тех времен, когда Вельзевул еще даже мухами не командовал. Садитесь, разговор будет нелегким.

Дума и Бракиель опустили друг с другом рядом на лавку, широкую и с золотой спинкой, от меня не отводят глаз, Дума проговорил тяжело, словно громы-хал камнями:

— А как это она... у смертного?

Агирисион буркнул:

— А вы не знаете людей? Где угодно пролезут, что угодно сопрут... Но нам важнее, что у него меч Вельзевула. Наш несокрушимый вождь доверяет, потому призываю вас выслушать. Кстати, я доверяю тоже.

Я создал по кубку и, наполнив для Думы коньяком, а для Бракиеля кагором, поставил перед ними, чувствуя себя услужливым официантом.

Дума спросил меня в упор:

— Вы сумели сосредоточить в своих руках неимоверную силу, и как вам такое?

— Справляюсь, — ответил я осторожно. — Поменьше. Я не рисковый... временами.

Дума сделал глоток, кивнул с одобрением, а Бракиель сказал живо:

— Но эта сила не дает ему защиту. Любой из нас может убить его одним дуновением. Что привело вас, сэр Ричард, в такое опасное для вас место?

— Бракиель, — произнес я, — если вы тот самый Бракиель, что научил людей наблюдать за звездами, то от всего сердца и моей необъятной вглубь и вширь души благодарю, что научили людей смотреть в небо, на которое те никогда раньше не обращали внимания.

Бракиель застенчиво улыбнулся.

— На самом деле знание неба позволило предсказывать хотя бы погоду, а это важно... Ох, что за чудесное вино! Дума, правда великолепно?

Дума кивнул, хотя и посмотрел на кубок Бракиеля с сомнением.

— Да, — подтвердил я, — и вообще ваша настойчивость, сэр Бракиель, дала начало астрономии. Как-нибудь на досуге расскажу о звездах, пульсарах и квазарах, нейтронных звездах и сверхновых, темной материи, червоточинах и разбегании галактик...

Глава 11

Он дернулся, посмотрел на меня дикими глазами, в них мелькнула безумная надежда, что я в самом деле знаю больше, чем он, а я подумал с горечью, что ему заточение в аду дается едва ли не тяжелее всех: мечтательный и грезящий о недостижимом, он заперт в тесной пещере, что, несмотря на огромность, все равно для него тесна, если нет над головой бесконечности.

Агирисион недовольно мотнул головой.

— Всем заткнуться и молчать. Нам нужно решить, что делать... если решимся что-то делать. Сэр Ричард, вам слово.

Бракиель и Дума замолчали, Агирисион кивнул мне, я начал невесело:

— Маркус, что для вас не новость, стремительно приближается. Кто-то в ужасе, кто-то рад, а кто-то потирает ладони. А из последних эти коектошные настолько заинтересованы, чтобы Маркус все стер с лица земли, что забегают поперед батька... вы знаете, о ком я, не буду указывать пальцем вверх... вот они-то, сгруппировавшись по интересу, даже не обращают внимания на такой важный пустячок, что они вообще-то из враждующих лагерей!

— Их цель? — спросил гроыхающе Дума.

— Господь перестал благоволить человеку, — ответил я тяжело, — потому решили, что человек больше не пользуется его защитой. Или перестает пользоваться. Потому начали прошупывать, как оно на самом деле.

— Зачем? — спросил Бракиель наивно. — Если Господь все равно уничтожит людей...

— А вдруг передумает? — спросил я. — А вдруг человек сделает что-то такое, что Господь удержит карающую длань? Вот этого они страшатся и потому всеми силами стремятся показать человека во всей его отвратительности. Но не просто подбивают человека на недостойные поступки, а сами их совершают под видом людей!

Дума пробормотал:

— Это прямое нарушение повеления Господа.

Агирисион поморщился.

— А Господу теперь не все равно?

— Враги на это и рассчитывают, — сказал я с жаром. — Потому так и осмелели. И с каждым днем все наглее и увереннее! Но если мы дадим им отпор, то заслужим одобрение Господа.

Дума буркнул:

— Каким образом?

— Человека правильнее называть не гомо сапиенс, — сказал я, — или гомо эректус, а гомо сражаю-

щийся! Мы сражались за жизнь и свободу с первого же дня. Если сразимся и победим, то передумает Господь или не передумает уничтожить человечество, но вам в любом случае даст большой пряник. За то, что вы пришли на помощь человеку, которому в то давнее время отказались поклониться! Но, конечно, сперва мы должны встретиться с контактной группой из сонма небесного воинства и предъявить им свои претензии.

Бракиель спросил неуверенно:

— А разве не это небесное воинство обязано покровительствовать человеку?

— Господь будет судить по действиям, — подчеркнул я, — а не по декларациям. У вас есть шанс вырвать из рук небесников благородный титул защитника людей и показать Господу, кто заботится о людях на самом деле! А кто как бы не.

Агирисион сказал быстро:

— Меня смертный уже убедил.

— И меня, — произнес Бракиель.

Дума хлопнул ладонью по столу.

— Согласен. Предложение смертного принимается. Мы втроем и отправимся на переговоры.

Бракиель сказал нерешительно:

— Может быть, Вельзевул тоже... Он старше всех! Его голос громче.

Агирисион отрезал:

— Нет. Вельзевул ясно дал понять, что он для переговоров не годится. Один его вид будет раздражать Михаила и его воинство.

— А мы?

— Мы трое делали для людей больше, — отрубил Агирисион, — чем все архангелы!.. Я убивал первенцев и все еще убиваю по прямому велению Творца!.. Ты, Дума, держишь ад в том порядке, как и наказал Создатель. Бракиель учил людей по звездам и луне вы-

числять, когда пахать землю, когда сеять, а когда ждать засуху, разве это им не пошло на пользу?..

Дума пробормотал:

— Но ему поставили в вину, что он все-таки ослушался и сошел с небес к людям.

Я сказал быстро:

— Простите, что влезаю, но было ли это поставлено в вину Творцом или Его слугами?

Дума посмотрел на меня исподлобья.

— О чем ты, смертный?

— Михаил, — сказал я, — и остальные архангелы, могли перестараться в служении Создателю. Он еще не успел отдать приказ, а они уже бросились его выполнять! А вдруг Творец хотел всего лишь слегка пожурить вас? Или объяснить, почему Он так делает?.. Нет, это осталось несказанным, так как вспыхнула ваша кровавая бойня, от которой содрогалось все Мироздание, пылали небеса и горы, а когда все кончилось, ни одного убитого, а вас оттеснили в это мрачное ущелье, из которого заделали выходы наверх.

Дума смотрел на меня с открытым ртом, Агирисион скривился.

— Теперь уже не узнать, а назад дороги нет.

— Об этом надо помнить, — сказал я настойчиво.

— И что это нам даст?

— Чувство правоты, — твердо сказал я. — Это важно! Когда прав, стоишь на своем до конца. Когда оппонент видит, что понимаешь свою неправоту, он жмет сильнее.

Агирисион покачал головой.

— Возможно, Творец и хотел, чтобы нас сбросили в это ущелье.

— Возможно, — согласился я. — Но, возможно, его слуги перестарались в своем безмерном усердии! Ваше чувство правоты в том, что вас вытеснили и низвергли без суда и следствия! Незаконно. Но предстань вы все,

они и вы, правые и левые, перед Создателем, решение могло быть совершенно иным, ибо неисповедимы пути Всевышнего. Он знает и видит пока что дальше нас!

Бракиель нервно дернулся, среагировав на мое кошунственное «пока что», но я уверен, Господь как раз и создавал человека для того, чтобы тот быстро и даже стремительно развивался, стараясь догнать Его во всем, ибо сотворен по образу и подобию.

Агирисион поднялся.

— Я сейчас же пошлю серого ангела с предложением встречи. Если Михаил согласится, мы... обсудим проблему, которую отыскал для нас смертный.

— Михаил не придет, — сказал Бракиель.

— Почему?

— Ранг, — сказал он с тоской. — Ему равны только сам Люцифер и Вельзевул, а их не будет.

Я сказал быстро:

— Не это важно! Лишь бы пришли оттуда! Михаил или не Михаил. Нам важнее всего, чтоб тайное стало явным. Чтобы там наверху узнали.

— Думаешь, — сказал Агирисион, — не знают?

— Уверен, — отрезал я. — Но если даже знают, то делают вид, что не знают. Если же мы заявим вслух и громко, что какая-то группа светлых ангелов тайком от всех начинает саботировать...

Агирисион прервал с тоской:

— Какой здесь саботаж... Они лишь ускоряют то, что замыслил Творец.

— А кто им разрешил? — спросил я зло. — Вы что-то недопонимаете, лорды. Представьте себе, что в прошлый раз, когда Господь решил перетопить человечество, они бы тоже забежали вперед? И вызвали бы потоп не через сто тридцать лет, как объявил Творец, а через неделю?.. Никакой ковчег бы не смастерили!

Бракиель смотрел на меня с надеждой.

— Полагаешь...

— Уверен, — отрезал я твердо.

Агиросион посмотрел на Думу и Бракиеля.

— Вы готовы?

— Давайте не тянуть, — предложил я. — Я возвращаюсь к себе, а когда договоритесь о встрече, только свистните.

Агиросион буркнул:

— А ты зачем? Будут говорить светлые с темными. А ты всего лишь человек.

— Я не всего лишь, — отрезал я. — Ты забыл, кому Создатель отдал эту землю?

Бракиель сказал быстро:

— Агиросион, он прав. Светлые помогают преступникам бежать из ада и натравливают их на людей!.. Я говорю не потому, что сочувствую людям, хотя сочувствую, а потому что все дело в людях!

— Мы можем все решить и без них, — отрезал Агиросион.

Я поднялся.

— Не можете. Но если не понимаете такой простой вещи... поступайте как хотите. Прощайте.

Я отошел, взял в руки меч Вельзевула, сосредоточился. Передо мной появилось светлое пятно, сперва просто белесый туман, затем я различил край своего стола в кабинете, тусклую свечу в двурогом светильнике.

Бракиель вскрикнул:

— Как он это делает?

— Он за это пла...

Я не услышал, что сказал Агиросион, окно осталось за спиной и тут же исчезло. Сердце не колотится, а мощно и сильно бухает с надрывом, будто усталый до немогу кузнец через силу поднимает тяжелый молот.

Убрав меч в ножны, я дотащился до кресла и рухнул, раскинув руки в изнеможении.

...Сэр Жерар вошел ровный и невозмутимый, но вдруг его перекосило, глаза полезли на лоб, он отшатнулся и уставился на меня дикими глазами.

— Ваше... Ваше Величество!

— Что? — спросил я устало и провел рукой по лицу, не прилипло ли что. — Испачкался?

— У вас, — проговорил он с великим трудом и указал пальцем, — у вас на голове...

Я вяло поднял руку, пальцы наткнулись на холодный металл.

— А-а, — протянул я, — это... правда, красиво? Хотя и мрачновато. Стиль такой, готы придумали. Не сами готы, что готы, а те, кто под готов, как вроде бы готы, хоть и не готы, какие из них готы, им до готов, как готам до готики...

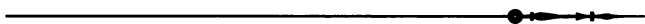
Он с ужасом смотрел, как я снял корону и поставил ее на стол.

— Ваше Величество! — сказал он дрожащим, но твердым голосом. — Я чую в этой штуке просто невероятную... недобрую мощь! Вон даже стены перекосило!

— Это корона, — объяснил я, — а корона всегда вне добра и зла, ибо это власть, а власть определяется рациональностью, а не моральными принципами. Моральными принципами должны руководствоваться общество и народ, а также люди, но не лица, облеченные властью. Потому не смотрите так уж вот так... Пример подал сам Господь, когда потопил так называемое мирное население, не особенно разбираясь, кто виноват больше, кто меньше, а кто почти совсем не виноват, это Он назвал зачисткой... Что слышно с отправкой войск?

От моего холодного делового тона он пришел в себя, вытянулся и отрапортовал четко:

— Сегодня погрузили на ваши чудо-платформы еще две тысячи добровольцев, а также их коней. Ваш паровоз быстро домчит почти к самой долине Миелиса!

— Вот и славно, — сказал я. — Что еще нового?

Он покосился на черную корону, теперь и мне почудилось, что от нее поднимается нечто вроде черного дымка, но не дым, понятно, а как будто в короне медленно и неспешно пробуждается темная, как душа грешника, ночь.

— Ваше Величество, — сказал он осторожно, — вы спрашиваете так, словно побывали в Зачарованном Месте.

— А что там? — полюбопытствовал я.

— Говорят, — ответил он с той же расстановкой, — там за день можно прожить год... Вы же только сегодня за этим столом пили этот свой ужасный черный кофий!

— Да? — переспросил я. — А как будто и не пил... Надо еще чашечку. Вам большую или поменьше?

Он поспешно отступил к дверям.

— Нет-нет, Ваше Величество, спасибо!

— Совсем маленькую, — предложил я.

— Ни за что!

— С молоком! — крикнул я вдогонку, но он, не теряя величавого достоинства, но с заметной поспешностью скрылся за дверью.

Я принялся разбирать бумаги, что-то их прибавляется, хотя в самом деле отлучался вроде бы ненадолго, затылком и чувствительной спиной ощутил, как открылась дверь из коридора, но опасности не почувствовал, не поворачивался, пока неизвестный не подошел к столу и не остановился сбоку.

Я поднял голову, Карл-Антон смотрит с почтением и виноватой улыбкой, одет богато и крайне пышно, даже сапоги с модными висюльками и накладными металлическими бляшками.

Я спросил в удивлении:

— Карл-Антон!.. Что случилось?

Он сказал виновато:

— Нужно срочно передать вам весточку, но я в прошлый раз услышал, что к вам шастают всякие непотребные люди.

— Понятно, — сказал я, — и вы решили, спасая мою репутацию, одеться зажиточным торговцем?

Он в недоумении оглядел свою одежду.

— Правда? А я был уверен, что оделся могущественным лордом.

— Да ерунда, — сказал я. — Оделись вы как купец, на прошлой неделе сумевший сказочно разбогатеть. Лорды одеваются не так... ярко. И золото не выставляют так напоказ... Но это не суть важно. Что за весточка?

Он подошел вплотную, быстро зыркнул по сторонам.

— Ваше Величество, я бы ни за что не решился... но меня заверили, что вы ждете, это в ваших интересах.

Сердце мое стукнуло в тревожном и радостном предчувствии.

— Говорите.

— Ваше Величество, — проговорил он, вздрогнул, краска ушла со щек, договорил почти шепотом: — Со мной связался, вы не представляете, некто из ада!

— Ага, — сказал я, — из ада. Понятно. И что сказал?

Он отстранился и посмотрел несколько озадаченно, слишком уж я невозмутим.

— Он велел передать, что некая встреча, о которой вы осведомлены, состоится на Проклятом Болоте. Я знаю это место, два десятка миль отсюда в сторону владений сэра Гекстби. Что за встреча, мне сообщить не изволили...

— Когда, — прервал я, — и в котором часу?

Он посмотрел озадаченно.

— Ваше Величество... вы даже не удивились!

— Чему?

— Но там же... демоны!

— Все мы немножко демоны, — ответил я. — А кто и множко. Когда?

— Завтра с утра. У них там, как я понял, еще не все готово.

Я хлопнул его по плечу.

— Мужайтесь, Карл-Антон! Маркус уже близко, и мир никогда больше не будет прежним. Как и мы. Спасибо за весть. Отдыхайте, а то вы что-то совсем бледный. Эти жены пастухов тоже бывают кровопийцами, как и придворные дамы. Говорят, все женщины одинаковы, и хотя верить не хочется...

Он слушал озадаченно, я проводил его до двери и, открыв ее, сказал громко, чтобы все слышали:

— Спасибо, Карл-Антон! Вы полезный нашему трудовому коллективу человек.

Глава 12

Проклятое Болото, повторил я. С Вельзевулом встречался тоже на Проклятом Болоте. В далеком северном Сакранте в разгар лютой зимы. Сейчас лето и побережье Южного океана, однако без Проклятого Болота, как вижу, не обойтись...

Наверняка народ что-то да чувствует, раз сам избегает ходить в такие места и даже скот не пускает пастись по берегам. А их именует Проклятыми, или Затерянными. Подруга Зигфрида, чародейка Скарлет, сообщила, что силы ада не могут выходить на поверхность, исключая самые дикие места, куда не ступала нога человека и, конечно, где не проходили священники, уже своим присутствием освящая землю.

От двери пахло солнцем с его теплом и ласковостью, я не стал поднимать головы, уже зная, что вошла Бабетта, как-то либо незаметно миновав сэра

Жерара, либо убедив, что не обидит их лорда, хотя, скорее, первое.

Она остановилась за моей спиной, я не стал закрывать от нее бумаги, все рутина, а важное держу в голове, она молчала, я тоже помалкивал, даже не очень обращал на нее внимание, как на очень близкого и родного человека, что постоянно рядом, перед которым вовсе не обязательно держать спину прямой, а лицо мудрым.

— Долго же тебя не было...

— Разве долго?

Она ответила после паузы:

— Смотря как считать... и кто будет считать. Вроде бы и недолго, но от тебя пахнет... нет, это не запах, что-то иное... Рич, мне страшно даже подумать, где ты побывал, что видел, что делал!..

— Глаза боятся, — согласился я, не оборачиваясь, — а руки делают. Ну, это наша мужская поговорка. Когда, например, смотришь на крокодила или что-то страшное. Дескать, надо. Для здоровья полезно.

Она улыбнулась, я это чувствовал, а когда повернулся к ней, она в самом деле растянула рот в улыбке, только глаза грустные и даже печальные, но все такая же светлая, в золоте пышных волос, с румянцем во всю щеку, белозубая и с высокой грудью, что просится в мои ладони.

— Был на Севере? — спросила она.

— Заметно?

— Чуть-чуть, — сообщила она, — что там у тебя такое важное?

Я посмотрел с интересом.

— Ты впервые спрашиваешь о Севере, заметила?

Она обошла стол, села в кресло сбоку, красиво закинув ногу за ногу, чего никогда не позволяют себе ни придворные дамы, ни крестьянки, ни даже уличные девки.

— А что здесь такого?

— Ничего, — ответил я. — Но либо хочешь узнать, как отношусь к Северу лично я, либо просто те королевства тебе недоступны. Кстати, а в самом деле я тебя встречал только в Сен-Мари... Наверное, потому и племянник императора перебрался на ту сторону Большого Хребта, что там его ваши не достанут?

Она мило наморщила носик.

— Рич, ну что ты в самом деле... Кому интересны те дикие северные королевства? Когда побываешь в императорском дворце, ты совсем иначе посмотришь на эту глушь. Даже Сен-Мари... вообще-то глушь. Дикая.

— Точно?

— Точно-точно, — завершила она и спросила настороженно: — Что там внимательно разглядываешь?

— Да так, — ответил я, — мысля пришла странная... А что, если Ева согрешила не только со Змеем? И тогда в нас есть что-то еще?

Она фыкнула:

— И ты додумался до этого, глядя на меня?

— Точно, — сказал я. — Есть в тебе что-то эдакое...

— А в тебе? — спросила она. — Рич, давай не будем будить спящих собак.

— Да это так, — ответил я с ленцой, — мысли всякие, философские, ни к чему не обязывающие и никуда не ведущие... Вот даже не представляю, что если бы Змей не совратил Еву?.. И не родились бы от него Каин и Авель?.. Каким был бы мир? Какие были бы люди? Человечество?

Она хмыкнула.

— Но он же совратил?

Я сказал с досадой:

— Ну вот всегда маховые перья выдергиваешь прямо из хвоста! Больно же. И обидно. Я же профессиональный мечтатель, работать не люблю, но когда что-то

намечтаю, так это ж горы добра и счастья! Почему люди такие злые, не замечают?.. Ладно, у меня, знаешь, есть идея. Просто потрясающая и такая новая, такая новая!

Она сказала с интересом:

— Давай, слушаю.

— Вон там у меня постель, — сказал я, — ты ее, конечно, не заметила... Мы там покувыркаемся, а утром договорим все, что не успели.

Она покачала головой.

— Хочешь приспать меня, а сам на коня и в темную ночь к приключениям?

Я опешил.

— Ты чего так решила?

— Рич, — протянула она с укором, — я же тебя понимаю. Других обманивай, а я чувствую, что душа твоя уже скачет на твоём черном коне, дерется, защищает... Ты ведь всегда защищаешь, не заметил?.. Ага, по глазам вижу, засмутился!

— Да вот такой я скромный, — пробормотал я, — и застенчивый. И как только ты разглядела мое глубоко упрятанное благородство и высоту низких душевных стремлений?

Она спросила в упор:

— Поедешь этой ночью?

Я сказал сердито:

— Да!.. И что? Может, я к даме сердца. Пока муж спит, а я по винограду взберусь к ее высокому окну, она otvorит, и мы займемся любовными утехами!

Она грустно улыбнулась.

— Если бы так, я бы слова не сказала. Но ты помчишься воевать, рубить, раздавать удары и получать их в ответ, а враги у тебя с каждым днем все сильнее.

— Не подглядывай, — сказал я. — И вообще, такую умную никто замуж не возьмет. Кому нужна женщина, что видит каждого насквозь?

— Тому, — отпарировала она, — кто не побоится. Или кому скрывать нечего.

— Таких нет на свете!

— Нет, — согласилась она, — но кому-то начхать на такие мелочи. Одного из таких я знаю... Рич, остановись. Тебя ждет нечто ужасное, я чувствую. Чем тебя соблазнить? Никакие женщины тебя не остановят, знаю. Тогда, может быть, это?

Она положила на стол книгу в медном переплете с благородным узором из серебра.

Я с изумлением уставился на ее руки.

— У тебя же ничего не было!

Она слабо улыбнулась.

— Я все время держала ее в руках. Эта книга может становиться незримой. В библиотеке лорда Рюккерта прикидывалась обычной, но я ее заметила сразу...

Я осторожно приоткрыл, яркая титульная страница, роспись киноварью, тщательно вырисованные заглавные буквы. На первой же странице часть букв сразу засветилась предостерегающе-багровым огнем, одни вовсе исчезли, другие сдвинулись, образуя новые слова и словосочетания. Страница стала трехмерной, рельефной, я ощутил, что это уже не бумага, а то ли поверхность камня, то еще чего-то твердого, буквы, как вижу отчетливо, не написаны, а высечены на гладкой поверхности.

Бабетта наблюдала за моим лицом внимательно, как медик за психически нестабильным пациентом. Я старался не выказывать эмоции, а когда наткнулся на картинку, где под моим взглядом началось движение, вообще не повел глазом, посмотрел чуть и перевернул страницу.

— Занятно, — сказал я, — Бабетта, ты же знаешь, если уж я возложил на свои узкие... или у меня широкие?.. плечи тяжесть правления, то я должен

уметь отличать важное от неважного и нужное от приятного.

Она сказала грустно:

— Понятно, книга тебя не остановит и даже не задержит.

— Но придет время, — пообещал я, — до всего дойдут мои загребушие. И даже дотянутся. Конечно, прежде всего до тебя, как же иначе? Ты моя самая лучшая книга. Нужно только пережить этот переломный момент. Переломить его, не дать переломить нас.

Я поднялся, улыбнулся ей, она смотрит грустно, а я вышел на балкон, воздух по-летнему теплый, чуточку влажный, и хотя Геннегау от моря далеко, но присутствие большой массы теплой воды все равно ощущается всеми фибрами.

В ночи тоскливо воют собаки, чувствуя близкую гибель. В черном небе страшно горит багровый диск, что уже не диск, тот плоский, как луна, а у этого вижу выпуклую сторону. Хотя, возможно, ее вижу только я, для меня и луна выпуклая, потому что знаю, какой формы на самом деле, а для остальных — подвешенный в небе медный поднос, плохо очищенный от пятен.

За спиной слышались легкие шаги. Она встала рядом, чуть касаясь моего предплечья узким, но все равно по-женски мягким и горячим плечиком.

— Рич, — произнесла она с мольбой, — ну не терзай себя так!.. Я же вижу. Соглашайся на визит к императору. Ты увидишь чудеса не только при дворе! Юг... он куда богаче Севера в любом из смыслов. Даже зима там холоднее.

Я спросил с недоверием:

— На Юге бывает зима?

— Зимой ее не назовешь, — ответила она, — хотя и считается ею, но на материке есть и такие места, где настоящая лютая зима держится круглый год. Посто-

янно. В большинстве можно бы даже жить, если бы нашлись такие чудачки, однако есть места, откуда человек выходит поврежденный умом. Из некоторых не выходит вовсе.

— Очень заманчиво, — сказал я саркастически.

— В одном таком замерзшем королевстве, — сказала она, — правит великая Снежная Королева, еще в двух — снежные феи... Говорят, охраняют несметные клады.

— Ты мой клад, — сообщил я, — самый лучший, самый драгоценный и самый неразгаданный. Но, Бабетта, чутье у тебя есть, так что смело можно объявлять тебя ведьмой и сдавать в инквизицию. Но сейчас некогда, в другой раз посидишь в костре.

Она спросила печально:

— Уходишь?

— Зайчик уже ржет, — сообщил я. — И стучит копытом. А когда моя лошадка стучит, плиты лопаются, как сухое печенье. Надо идти, а то все там попортит, а я государственное имущество берегу, оно ж теперь все мое, даже если чужое. Мужскую работу никто за нас не сделает.

— Ничего он не ржет, — сказала она. — Это ты ржешь. Ой, Рич...

Я поцеловал ее в щеку и, быстро пройдя через кабинет, вышел в коридор.

Барон Эйц как будто тоже почувал что-то, как и Бабетта, все такие тонкие пошли, не иначе как в самом деле скоро конец света, торчит внизу у лестницы, беседует с двумя придворными дамами, а они тоже, надо же, как будто ждут моего выхода, как же я могу жить, до сих пор не назначив никого официальной любовницей, кого-то полуофициальной, а кому-то лишь начинать оказывать знаки внимания, что тоже весомо и зримо.

Он сразу обернулся, вздрюченный и настороженный.

— Ваше Величество...

Дамы присели в низком поклоне, выказывая свои мощные прелести, сочные и созревшие для моих ладоней.

Я сказал легко:

— Всем привет, всех люблю!.. Барон, продолжайте развлекать дам, а я пока немножко пообщаюсь с моей смирной лошадкой.

Он сказал нервно:

— А она, конечно же, восхочет, чтобы вы ее немножко выгуляли.

— Все вы понимаете, барон, — сказал я заговорщицки. — Придворные нравы на вас действуют благотворно, хоть и неблагоприятно, но что в жизни не амбивалентно?

Он остался, повинувшись недвусмысленному приказу, а я покинул дворец, и сразу же был атакован Бобиком с бревнышком в пасти. Я со вздохом взял и постарался забросить как можно дальше, а с моей длиннорукостью это получается нехило, однако он посмотрел вслед улетающему бревнышку, потом перевел подозрительный взгляд на меня.

— И ты, Брут, — сказал я со вздохом. — Вы что, сговорились?.. Ладно, ты лучше всех! Пойдем.

Глава 13

Луна вылезла из-за дальнего темного леса болезненно-бледная, я покосился на победно-багровый диск Маркуса, что выглядит раскаленным углем, кое-где покрытым серым пеплом и темным шлаком, торопливо опустил голову.

Сердце сразу ускорило тревожный стук, словно вот сейчас в небе вспыхнет звезда, стремительно при-

близится, разрастаясь, станет огромной, как материк, охватит собой весь мир и обрушится на меня всей яростью и звездной мощью.

Я зябко повел плечами.

— Зайчик, Бобик... а вы меня любите?.. И я вас, родные мои...

Даже арбогастр удивленно покосился на меня выпуклым глазом, а Бобик едва не сбил с седла, доказывая, что еще как любит, просто обожает, даже бревнышко уже не просит бросить...

Несколько минут быстрой скачки, впереди выросли и начали стремительно приближаться посеребренные лунным светом темные стебли камыша.

Арбогастр резко сбросил скорость, а на берегу остановился, явно не желая лезть в это жидкое месиво грязи, откуда тоскливо торчат в бледном свете луны чахлые стебли склизких растений.

Бобик посмотрел в недоумении, но в болото не полез, ринулся огромными скачками вокруг, слышно было, как в темноте затрещали кусты.

Я ждал, но, чувствую, прибыл вовремя, через несколько минут гнилая вода закипела, распространяя зловоние, взметнулась желтым паром. В самом центре болота вспыхнул багровый огонь, мигом выжег даже намеки на сырость, обнажилось сухое дно с потрескавшейся от жара корочкой земли.

Из огня поднялась массивная фигура человека с остатками крыльев за спиной, а когда он повернулся в мою сторону, а узнал по угловатому лицу с резкими чертами Агиросиона.

Я вскинул руку в приветствии, на земле существа ада не имеют права первыми вступать в разговоры.

— Доброе утро, Агиросион! Как спалось?

Он посмотрел на меня почти с ненавистью.

— Мы никогда не спим, смертный.

— Так это же здорово, — сказал я с завистью. — Сколько можно сделать делов всяких и даже разных. Хотя, конечно, у вас там не очень-то разгуляешься, но что-то да найти можно. А где остальные?

— Идут, — ответил он коротко.

— Бракиель и Дума?

Он буркнул:

— Дума занят, Бракиель подумал и отказался.

Я сказал с огорчением:

— Так ты представляешь ад один?

Он покачал головой.

— Обещали Асмодей и Нагдиэль.

— Нагдиэля не знаю, — пробормотал я, — а вот Асмодей...

Он посмотрел с насмешкой, но смолчал, а я торопливо вспоминал все, что мог собрать об Асмодее, но в голову лезет прежде всего навязшая в зубах история, как он помогал Соломону строить первый Храм, добывал для него из-под земли воду, чтобы выращивать в пустыне урожай...

Вообще-то Асмодей был рожден смертной женщиной Наамой, его отец один из сошедших на гору Хеврон ангелов, хотя знатоки утверждают, что его отцом является сам Адам, так как до появления Евы Адам тесно общался сперва с Лилит, а потом, когда был убит Авель, он сто тридцать лет не ложился с Евой, но это не значит, что не знал других женщин.

Асмодей вообще фигура противоречивая, хоть он и царь всех демонов, но обожает скитаться в одиночестве и по земле, но уже как безымянный бродяга, предсказывает людям будущее, указывает им на зарытые в земле клады, но в то же время он главный развратник на свете, демон похоти, подстрекает мужчин и женщин на измены друг другу и к блуду на стороне...

— Хороший у нас переговорщик, — сказал я с тревогой. — А он нас самих не обманет?

— Зачем ему такое? — спросил Агиросион резко.

— Просто так, — ответил я. — Асмодей, как я понял, многое делает просто из любви к чистому искусству. То он сперва подсказал Соломону, где достать особый камень шамир, теперь это корунд, чтобы обрабатывать глыбы, раз уж железом обрабатывать камни для Храма запрещено, то превратил Соломона в бродягу и забросил на край света, а сам сел на его трон и потом несколько лет вязался с его женой, прекрасной царицей Савской...

Агиросион сказал нехотя:

— Царица Савская сама была могучим демоном. Даже царицей демонов. Так что Соломон знал, на какую опасную тропу вступает.

— Асмодей потом передал Соломону колдовскую «Книгу Асмодее», — сказал я, — на чем они и помирились, но книга хоть и потеряна, однако сохранились переводы... Не знаешь, где достать хоть один экземплярчик?

— Переводы никуда не годятся, — ответил он нехотя и посмотрел с ожиданием в темное небо, — толку будет мало.

— Но все же...

Подземный грохот прервал мои слова. Земля качнулась, почти угасшее пламя взметнулось с новой силой. Рядом с Агиросионом поднялась массивная красно-коричневая фигура закованного в латы существа, я не сразу понял, что это не латы, а окаменевшая кожа, уплотнившаяся, обожженная в огне настолько, что стала негнущейся.

Он остался неподвижным, Агиросион что-то спросил у него, потом сказал мне вполголоса:

— Это Бадаргун. Он не слишком силен, но сумел развить в себе одно интересное свойство...

Я спросил опасливо:

— Какое?

— Любой, ударивший его, может убить с одного раза, но если ударит дважды, Бадаргун выживет, а умрет ударивший.

— А какой дурак его станет бить дважды?

Он пожал плечами.

— В бою не сразу сообразишь, что он уже почти мертв. А Бадаргун умеет и мертвым стоять на ногах некоторое время. В общем, потому его опасаются и ангелы. К тому же умеет принимать разные обличья, не всякий, даже знающий его секрет, поймет, что это и есть Бадаргун...

— Тоже архидьявол? — спросил я. — Как и Асмодей, что архидемон, архидьявол и везде у него это архи?

Агиросион не ответил, а из огненной ямы поднялся третий демон, я видел, как Агиросион нахмурился, а тот сказал сразу:

— Асмодей не придет.

— Что так? — спросил Агиросион.

— Говорит, — ответил демон, по осанке и виду один из Перворожденных, а это значит, Темный ангел, а не рожденный от ангелов демон, — его присутствие только повредит переговорам. Да и сам он не утерпит.

Агиросион сказал со вздохом:

— Жаль, его хитрость пригодилась бы. С другой стороны, ты, Гамалиэль, остался самым незапятнанным в нашей борьбе. К тому же умеешь предсказывать будущее.

Ангел, которого он назвал Гамалиэлем, покачал головой.

— Я могу предсказывать, когда мне его не затемняют. Еще хуже, когда незаметно искажают. Так что обойдемся без предсказаний... А это и есть тот смертный?

Мне послышалось в его ровном голосе нескрываемое презрение, а так как я уже успел устать от напряженного ожидания, то ответил, сам того не желая, достаточно резко:

— Да, я слабый смертный и все такое, слышал, можете не повторять. Но я живу в жестоком мире, потому знаю, что такое подвох, подножка и что такое подстава. Вы с этим еще не сталкивались. У вас если друг, то друг, а враг — это враг. У него на лбу написано, что враг.

Гамалиэль сказал с подозрением:

— Ты это к чему, смертный?

— Вы все забыли, — сказал я с нажимом, — что вы после той великой битвы больше не сталкивались в боях и конфликтах?..

— И что?

— А пламя лютой вражды постепенно гасло, — напомнил я, — не получая сухих дровишек?.. Вспомните, вспомните!

Судя по лицам всех троих, в самом деле постарались вспомнить, наконец Гамалиэль прорычал злобно:

— И что из этого?

— Внезапный всплеск вражды, — пояснил я, — не бывает вот просто так. Что-то как-то, поняли? И зачем-то!.. Вам легче, у вас вон крылья. И живете долго, все это было при вашей жизни. Первый конфликт, постепенное угасание вражды, а потом этот новый взрыв мордобития и, главное, всплеск ненависти к человеку, что для меня, понятно, главное. По мне вы хоть убивайте друг друга, но человек при чем?.. Мне, чтобы разобраться, нужно долго и муравьино рыться в старых книгах, стараясь понять, что же случилось такое... а вам только вспомнить и свести обрывки воедино.

Гамалиэль оглянулся на Агиросиона, словно за поддержкой, спросил надменно:

— А что, вражда когда-то утихала?

Агиросион промолчал, а я ответил твердо:

— Даже я, простой смертный, по книгам и летописям это понял. А вы? Неужели толстокожее орков?

Агиросион покачал головой, не сводя с меня взгляда янтарных глаз.

— Не дерзи, — произнес он. — Мы не любим, когда нам дерзят. А вражда в самом деле утихала все больше и больше, сейчас припоминаю. А потом все началось снова.

— Когда это началось? — потребовал я.

Он наморщил лоб.

— Сразу и не вспомнить...

— Постарайтесь, — сказал я настойчиво. — Вас сталкивают лбами, как баранов, и вы это позволите? Вы, гордые ангелы?.. Никто, кроме Творца, не смеет руководить вами ни явно, ни тайно. Не так ли?

Гамалиэль фыркнул и отвернулся, Агиросион оглядел меня с иронией во взгляде.

— Что-то не то говоришь, — сказал он холодным тоном. — На этот раз вражда возникла не столько между Светлыми и Темными, как между ангелами и людьми. Верно?

— А вам это надо? — спросил я. — Зачем злить Творца? Ладно, зачем вызывать Его неудовольствие?.. Вроде бы уже наладилось. Вы постепенно начали замечать, что человек не такой уж и фекалий, постепенно умнеет, строит цивилизацию, как муравей... И Творцу, когда ваше мнение о человеке меняется к лучшему, весьма нравится ваше поумнение. Ладно-ладно, если не нравится такой неполиткорректный термин, то взросление, если хотите.

Он поморщился.

— Так и говори, что обеспокоен за людишек. Впрочем, я их тоже стал ненавидеть больше...

— Как долго? — спросил я.

— Что как долго?

— С какого времени? — спросил я настойчиво. — Когда вдруг снова ощутили прилив ненависти? Или просто недовольства?

Агирисион пожал плечами.

— Точно сказать не могу. Но где-то с тысячу лет. Или чуть меньше... но не намного.

Я быстро повернулся к третьему, что до сих пор не проронил ни слова.

— А вы, Бадаргун?

Бадаргун задвигался, ответил неожиданно тонким голосом, почти детским:

— А это важно? Тоже около тысячи лет. Нет, могу сказать точнее, лет восемьсот.

Я сказал громко:

— А вы все? Думайте-думайте! Вспоминайте! Это очень важно. Если и вы тоже, то тысячу или чуть меньше лет что-то произошло такое, что воспламенило вашу угасшую было ненависть к человеку.

Они смотрели на меня с патетическим изумлением, это существо еще и смеет им что-то указывать, потом покосились друг на друга, я видел, как у одного сдвинулись брови в грозном раздумье, у другого на идеально чистом лбу проступило подобие морщинки, что невероятно как для светлых и постоянных ясных ангелов, так и для темных.

Наконец Агирисион произнес ровным голосом:

— Человек всегда был отвратительным, из-за чего мы и подняли мятеж. Но потом мы как-то постепенно привыкли... Да у нас свое, у него свое. Перестали замечать. Однако..

— Ну-ну, — поторопил я. Вроде бы весь из огня, а засыпает на каждом слове, будто купается в жидком гелии. — Что однако?

Он поморщился.

— А потом я стал замечать, что человек... это такая мерзость, что вот так бы и смел его с лица земли. Отвратительное грязное животное!

— Когда это случилось? — спросил я быстро.

— Около тысячи лет тому, — ответил он с надлежащей надменностью. — Но какое это имеет значение...

Гамалиэль прервал:

— Смертный же сказал, что если у нас все так совпало, то и причина одна. Да, вот так, мы все разные, даже враги, но человека начали ненавидеть сильнее именно в одно время. Что-то в этом есть.

Я сказал почти радостно:

— Мы что-то нащупали, видите?.. Вы все согласились, что произошло нечто такое, что подействовало на вас. Такое... осмелюсь сказать, что бросило тень на человека!

Агирисион и Гамалиэль, выказывая, что они двое более сообразительные, переглянулись, а Бадаргун поинтересовался почти пищущим голосом:

— Что бросило?

— Осталось выяснить, — заявил я, но, увидев их вытянувшиеся лица, сказал поспешно: — Может быть, не придется сильно ломать головы.

— А как?

— Простым перебором, — объяснил я.

— И что это даст?

— Уберем все лишнее, — бодро сказал я. — А что останется... то и останется! Давайте искать сообща. Кто найдет первым, тому пряник!.. Надо же чем-то заняться, пока придут от небесного воинства.

Гамалиэль сказал резко:

— Я не буду искать с тварями, созданными из глины. Но сам... да, поищу.

Агирисион процедил с презрением:

— Я тоже не стану искать с этими мелкими и вероломными существами! Но постараюсь понять...

или отыскать причину. Меня это несколько заинтересовало.

Красный огонь, что лениво лизал их ступни, иногда поднимаясь не выше колен, вспыхнул слепяще-оранжевым, укрыл все три фигуры целиком, а когда разом опал до самой выжженной земли, там появилась еще одна, четвертая, я было решил, что это человек, слишком уж и одет по-людски, и фигура без всяких наворотов.

Он сразу заявил властным голосом, не терпящим возражений:

— Бадаргун, возвращайся.

Бадаргун спросил обеспокоенно:

— Что случилось?

— Вельзевул отзывает, — объяснил незнакомец. — Я побуду вместо тебя.

Бадаргун кивнул, мне послышалось в его тонком голосе великое облегчение:

— Конечно, Авриэль, конечно.

Авриэль не успел ответить, как Бадаргун наклонился и целиком ушел в низкое пламя. Авриэль быстро зыркнул в мою сторону, вышел из огня, даже из круга запекшейся от жара земли и приблизился ко мне.

Высокий, с быстро меняющимися чертами лица, словно в нем живет тысяча человек или, вернее, тысяча существ, он уставился в меня черными, как ночь, глазами.

— Так это и есть, — произнес он с насмешкой, — то смертное существо, что переполошило весь ад?

Я стиснул волю в кулак, нельзя давать сесть на себя, в ответ смерил его таким же откровенно оценивающим взглядом.

— Авриэль... Он же Самаэль... А где оставшиеся шесть крыльев?

Он бросил раздраженно:

— Это вы, смертные, выставляете все свои награды на обозрение.

— А вы, ангелы, — сказал я, — скромные... Ну да, слышали. Кстати, приятно было зарезать Моисея?

Он если и понял, что я перешел в наступление, так у меня больше шансов в словесном поединке, то все же вынужденно ответил:

— Таков был приказ Всевышнего. Я не хотел убивать пророка, тот был еще крепок, хотя и немолод. Сам Моисей, страшась смерти, умолял Господа дать ему пожить еще хоть чуточку. Но Творец был неумолим. Напомнил, что ни один из рожденных в Египте не должен войти в землю обетованную, а он, Моисей, последний из них. И что жизнь его оборвется с последним лучом заходящего солнца. Моисей молился на горе, оттуда солнце видно дольше, я подошел сзади...

— Знаю-знаю, — прервал я, — твой нож был настолько остер, что Моисей даже не почувствовал. Слушай, а почему у тебя столько имен? Одни говорят, ты был ангелом-хранителем Исава, другие утверждают, ты отвечал за целостность Эдема... именно ты, пользуясь служебным положением смотрителя сада, совратил Еву, а потом по твоей подсказке Каин убил Авеля... Или все-таки это Азазель совратил Еву?

Он буркнул:

— Тебе это сейчас важно? Что вы за существа такие, вот-вот сгинете все, а такая чепуха интересуется...

— Да просто интересно, — признался я. — Обычно ангелам двойственность не свойственна, как я понимаю. Но это ты удержал руку Авраама, когда тот замахнулся ножом на своего единственного сына, и в то же время ты князь демонов, ангел тьмы...

Он не слушал меня, всматривался в небо, а когда я умолк, сказал со злобным удовлетворением:

— Все-таки идут!.. Долго рассматривали нас, колебались. Ладно, я отбываю...

— погоди, — крикнул я. — А переговоры?

Он покачал головой.

— Вон уже Вельзевул идет, он лучше справится... А я слишком зол. Будут провокации... особенно со стороны Гавриила, не стерплю.

Он чуть согнул ноги в коленях, словно намеревался мощно прыгнуть в небо, атавизм, улыбнулся криво, через мгновение на его месте лишь взвился легкий ветерок и тут же рассеялся.

Глава 14

Огромная фигура Вельзевула возникла за спинами Агирисиона и Гамалиэля, чудовищно опасный зверь с мощными рогами и тяжелой нижней челюстью, где наружу торчат клыки.

Я помахал ему рукой, он не ответил, следит, подняв голову, за разгорающимся в небе огнем немыслимой чистоты, который я уже определил как свет первого Дня Творения.

Первой там возникла вполне человеческая фигура, стремительно скользнула вниз, а на высоте в два-три десятка футов почти остановилась и начала опускаться медленно, торжественно и величаво.

Михаил, я узнал его сразу по блестящим золотым доспехам римского императора, воздел руки кверху в величественном жесте, словно держит в них незримый земной шар, и опускается медленно, торжественно и величаво.

Исполинские крылья по обе стороны взмахивают медленно, впечатляющие и внушающие оторопь. Он смотрел вверх, но по мере приближения к земле так же

неспешно начал опускать голову, устаивая взглядом все сущее и копошащееся там внизу.

Я смотрел неотрывно, он опустил голову еще чуть, наши взгляды встретились, на его лице проступила торжествующая ухмылка, исполненная божественной мощи, победы и несокрушимости.

Когда его ноги коснулись земли, крылья еще пару мгновений оставались поднятыми выше головы, мощные, с длинными и широкими перьями, покрытые мягким пухом там, где соприкасаются со спиной и плечами, но жесткие даже с виду в длинных, как лезвия одинарных мечей, и широких маховых перьях.

Лицо его сохраняло победную надменность и снисходительное пренебрежение к побежденным. Он сделал шаг вперед, крылья разом опустились, только концы все еще выглядывают справа и слева на уровне бедер.

Кираса сияет, больно смотреть, под нею голубая безрукавка из вязаной ткани, но руки от предплечий обнаженные, с хорошо прорисованными трицепсами и вздутыми бицепсами, а кулаки сжаты, будто готов вступить в бой хоть сейчас.

В небе блеснул яркий свет, разбился на три сверкающие точки, все три понеслись вниз, но вблизи земли ангелы так же важно и величественно, как и Михаил, распустили крылья, коснулись земли, а затем неспешно убрали свои верительные грамоты с роскошными маховыми перьями.

Михаил произнес, не оборачиваясь:

— Гавриил, Уриил и Рафаил. Мы говорим за все небесное воинство, некогда низвергнувшее вас в страхе и позоре... Что вы хотите выпросить у нас?

Вельзевул вспылil, рука его дернулась, в кулаке оказалось зажато древко устрашающе огромного копья с раздвоенным лезвием. Ангелы разом обнажили

огненные мечи и встали рядом с Михаилом, похожие на красавцев центурионов.

Я бросился посредине с воплем:

— Погодите! Сперва решим вопрос, ради которого встретились!.. Вы же знаете, что это важно!

Михаил произнес надменно:

— Нам неважна судьба людей, если Творец решил их уничтожить... уже окончательно.

— Согласен! — заорал я. — Но вам должно быть важно узнать, кто предает вас! Кто за вашей спиной проворачивает дела, о которых вы не осведомлены. Это не значит, что вы их не одобрили бы, но все равно это оскорбление, когда миньоны действуют от вашего имени! Михаил, разве ты не командир?

Михаил остановил жестом своих ангелов, что не ангелы, а архангелы, сам вложил меч в ножны, но ладонь оставил на рукояти.

— Повтори, — потребовал он, — и если в твоих выдумках есть хоть какое-то зерно правды...

— Суди сам, — отрезал я с горячностью, — ангел Алфофаниэш, как я уже говорил тебе, напал на меня и смертельно ранил...

— Это к Вельзевулу, — прервал Михаил.

— Есть достоверные данные, — продолжил я, — кто-то из ангелов метнул огонь с неба и сжег дом вместе со всей семьей, это ты должен знать. Кроме того, есть и другие свидетельства, что ангелы перестали ограничивать себя нашептыванием человеку недостойного поведения, а вмешиваются уже напрямую, активно, убивают, жгут, разрушают... А побег дюжины заключенных из ада?

Вельзевул зло крикнул и посмотрел на меня люто, а Михаил победно рассмеялся.

— Будет не до смеха, — сказал я, — когда узнаешь, что побег организовал кто-то из твоего небесного во-

инства!.. Их целая группа. Сам знаешь, из ада убежать невозможно. Если, конечно, не помогут небесные силы, но они делать этого не имеют права, не так ли?

Он нахмурился, посмотрел на мрачного Вельзевула, покосился на своих соратников.

— Я проведу расследование, — пообещал он. — От меня ничто не скроется, если ты еще не знаешь.

— Хорошо бы, — ответил я. — Мне кажется, часть ангелов, правых или левых... в смысле, Светлых или Темных, страшится... да-да, а вдруг Творец передумает уничтожать человечество? Потому стараются поддерживать облик людей как нечто отвратительно грязное, преступное, распутное и безнадежно развращенное.

Михаил произнес надменно:

— Но люди и есть такие.

Вельзевул нехотя кивнул.

— Сейчас люди не такие, — возразил я горячо, — какими были в диком язычестве! Чище и благороднее! А будут еще лучше. Этого кто-то очень сильно боится. Послушайте, ну послушайте же все!... Вы не забыли, что в вашу войну Всевышний не вмешивался?.. Потому на самом деле вам следует примириться не с ним, а с противоположной стороной!..

Вельзевул проревел яростно:

— Архангел Михаил ударил со всем своим отрядом по его повелению!

— Да? — спросил я с интересом. — Это вам сказал сам Михаил?

Вельзевул зарычал, раздуваясь в гневе, я повернулся к Михаилу.

— Ты говорил такое?

Михаил ответил надменно:

— Разумеется, мы действовали в интересах Всевышнего! Ибо мы исполнили Его волю и признали Адама и его потомство властелинами этого мира.

Вельзевул прокричал мне:

— Вот видишь?

Поднялся шум, я вскинул обе ладони.

— Тихо-тихо! Я не услышал главного, Михаил сказал так или нет? Я имею в виду, отдал ли Творец приказ ударить по мятежным ангелам и сбросить их на землю?

Все повернулись к Михаилу. Тот нахмурился, ответил с гневом:

— Мы привыкли понимать намерения Господа. Он хотел, чтобы мы так сделали. Мы это чувствовали!

Архангел Гавриил вскрикнул:

— Я чувствительнее, чем мой брат Михаил! И я свидетельствую, что я ощутил желание Творца не просто сбросить всех вас с небес, но и уничтожить!

Темные ангелы зашумели, Вельзевул обернулся ко мне и бросил огненный взгляд.

Я прокричал изо всех сил:

— Тихо! Ну и что, если Творец так хотел?.. Мало ли кого я хочу уничтожить в минуту раздражения?.. Но когда открываю рот... по-вашему, разомкаю или замыкаю уста свои, я говорю то, что надо, а не то, что восхотелось или как бы даже подумалось!.. Тем более не то, что могло накопиться на душе.

Михаил сказал с жаром:

— Господь хотел, чтобы их низринули!..

— Но не сказал этого, — парировал я.

— Мы должны выполнять Его волю, — отрубил Михаил с непреклонностью, — и его желания! Это мы — Его небесное воинство.

Я повернулся к Вельзевулу.

— Видишь? Творец вовсе не отдавал такого приказа. Да, вы Его раздражали! Но как часто маленькие дети раздражают родителей непослушанием, капризами, своеволием?.. И что, их выбрасывают из дома? Нет,

но зато их готовы выбросить ревнивые дети, что чуть старше.

Вельзевул прорычал:

— Они не старше!.. Нас, Первых, создали в один день, в пятницу вечером!

Михаил готовился возразить, но так как ему нужно было выдержать многозначительную паузу и заговорить важно и внушаемо, я торопливо закричал:

— Послушайте! Человека вы не любили и не любите. Даже Светлые. Но шли годы, столетия, миллениумы, и постепенно старая вражда... ну, не скажу, что исчезла, но растушеввалась, размылась, потеряла остроту и актуальность.

Вельзевул рыкнул:

— Для нас — нет!

Михаил смолчал, но все же кивнул.

— Понимаю, — сказал я быстро. — Вам кажется, что из-за нас произошла драка, народное возмущение, потом одни низвергли других, хотя это не совсем так. Но давайте вместе поищем выход. Как видим, с момента вашего восстания человек укрепился, расплодился и занял доминирующие позиции в мире. Если не де-юре, то де-факто его в конце концов со скрипом и нежеланием все же признали хозяином этого мира как Светлые, так и Темные...

Вельзевул прорычал:

— Мы никогда не признаем!

Я сказал мягко:

— Согласен-согласен! Но все же видите, Творец оказался прав, Адам выжил и дал многочисленное потомство, изменившее мир. Постепенно горечь старой схватки и поражения стала забываться, вы все же признали, что потомство Адама чего-то да стоит... да-да, еще в те древние времена, когда некоторые из вас, соблазненные красотой земных женщин, сошли на зем-

лю, облеклись плотью и вступили с ними в жаркую связь... Потом с рождением общих людей сближение пошло еще быстрее.

Вельзевул фыркнул:

— И это называются верные Творцу! Это они с небес опустились к земным женщинам!

Я кивнул:

— Вы правы, благородный лорд Вельзевул. Но смею ли я смиренно напомнить, что и Темные приходили к земным женщинам и вступали с ними в такие же отношения? И, давайте скажем правду, этих случаев было не меньше...

Михаил крикнул грохочуще:

— Что значит не меньше? Намного больше!

Я вскинул руки, останавливая спор.

— От сожительства со Светлыми родились нефелимы, стоккимы, ширнаширы и греккеры, а от Темных ангелов земные женщины рожали детей, которые становились могущественными волшебниками, чародеями, магами, колдунами... Так что не будем считать. Ясно одно, и Светлые, и Темные признали человека уже тем фактом, что общались с ним добровольно, не по приказу Всевышнего. Признали де-факто. И когда уже началось сближение, наш противник провел блестящую операцию...

— Ты о чем? — спросил Михаил со всей царственной надменностью.

— Кто-то сумел вбить клин, — сказал я жестко. — Снова.

— Кто?

Я ответил с горечью:

— Если бы я знал... Сам бы скрутил ему шею.

Вельзевул прошипел люто:

— Ты говоришь, что кто-то сумел вбить клин? Как он это сделал?

Я попытался ответить, но горло сжали незримые пальцы. Я потер ладонями шею и затылок, в груди стало холодно и тяжело.

— Кто, — ответил я с трудом, — не знаю... Пока не знаю. Но я понимаю, что снова поссорило... нет, хуже, разожгло заново древнюю вражду между противоборствующими сторонами. Что именно дало начало новой ссоры.

— Что?

Я тяжело вздохнул, такое говорить тяжело и неприятно, чувствую себя предателем, даже изменником, эти старые ценности, хоть и ложные, укоренились в нас намертво или почти намертво...

— Появление великого пророка, — сказал я с трудом, — который старался приблизить строгие нормы к простому народу. За что его сперва чествовали, потом распяли... Великий человек, но всего лишь человек. И в первых записях о нем он везде человек.

Михаил и Вельзевул промолчали, зато Гавриил пробормотал тяжелым, похожим на грохот падающих с высокой горы глыб:

— Кажется, я догадываюсь.

— Я тоже, — сказал Рафаил.

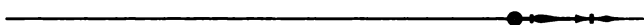
Я покачал головой.

— Мне тяжело это говорить, однако... его жизнь и смерть некто подлый и лукавый сумел использовать, чтобы вбить клин как между ангелами и людьми, так и между Светлыми и Темными.

Вельзевул спросил туповато:

— Как?

— Вы все знаете, — сказал я с нажимом, — Творец бесконечно велик, чист и светел. Это мерзкие языческие божки совокуплялись как со всеми женщинами, что попадались им, так и с животными, птицами, даже с ящерицами и прочей мерзостью. Кто-то, потакая

простым людям, сумел распространить лстящий им слух, что человек, который говорил о Творце, сам является Его сыном и тоже, таким образом, богом!

Вельзевул проревел:

— Хочешь сказать, люди не виноваты?

— Нет, — ответил я.

— Но они утверждают, — прорычал Рафаил, — что этот человек — сын нашего Творца! И тем самым позорят Его, низводя до уровня их мелких, грязных и отвратительных... Это тягчайшее оскорбление!

Я продолжал быстро, чувствуя, как мой уверенный голос становится умоляющим:

— Их подставили!.. Вы слишком просты и бесхитростны... с той и другой стороны, чтобы додуматься до такой хитрой лжи. Потому вы даже не допускаете мысли, что людям нарочито подбросили эту идею! А ее подбросили!..

— Чего ты так решил?

Я закричал:

— Разве не видите? Люди от этого ничего не выиграли! Наоборот, проиграли. Страшно проиграли... Знали бы, что Творец един, что у Него нет ни родственников, ни товарищей, относились бы к Нему с большим уважением... и сами жили проще и чище. Понимаете?

Уриил сказал кротко:

— Объясни, смертный.

— Оскорбительную, — сказал я, — для нашего Творца идею внедрили среди людей... а что люди? Людям всегда верить приятнее в то, что... приятнее. Они просто сглупили! У них не было намерения оскорбить Творца. Они до этого верили в Зевса и прочих, которые сами скоты и вели себя по-скотски... Их считали богами, вот потому и поверили, что и Творец... ну, почти такой же...

— Что? — взревели Гавриил и Вельзевул в один голос.

— Конечно, — сказал я поспешно, — не такой, получше, но все-таки как бы Зевс, только помощнее. Могучее самого Зевса! Для простых людей и это много, вы же понимаете? Виноваты не люди, принявшую эту идею...

— Как не люди? — прокричал страшным голосом Гавриил.

— Люди, — согласился я, — но виноваты лишь за свою глупость и неразвитость. По-настоящему же виноват тот, кто так хитро снова вбил клин в эту щель!.. Она уже начала было закрываться, понимаете?

Вельзевул прорычал страшным голосом:

— Так что ты хочешь? Мы никогда не согласимся даже на перемирие с этими небесными холопами...

— А мы с этими отщепенцами, — крикнул Михаил голосом, подобным оглушающему грому, — не принявшим руководящую и направляющую длань Господа нашего...

Я закричал изо всех сил, и хотя мне показалось, что я пишу, но меня все же услышали:

— И не надо!.. Я, Ричард Завоеватель, берусь восстановить справедливость.

— Как? — проревел Вельзевул.

— Убрать Христа, — сказал я, ощутил, что брякнул не то, сказал быстро, — нет, не в том смысле, что вы подумали!

Михаил рыкнул:

— Мы знаем, что думать о человеке.

— Я имею в виду, — сказал я поспешно, — восстановить все, как и было!

— Что? — проревел Гавриил страшным голосом, напоминающим кимвал звенящий, — язычество?

— Нет-нет, — торопливо заверил я. — Иисус —

великий человек! Он принес в мир новые идеи добра и справедливости, любви и всепрощения. Благодаря ему снизился накал жестоких войн, а созданная им церковь вообще объявила любые войны злом и начала медленно ограничивать их, постепенно вытесняя из нашей жизни. Он великий человек! Возможно, величайший. Да, величайший. Но — человек.

— И что ты можешь сделать? — спросил он с недоверием.

— Возвысить Творца, — ответил я. — И тем самым уйти от язычества!.. А то сначала начали почитать Иисуса наравне со Всевышним, потом Иисус вышел на первое место, а в некоторых странах даже он начал отступать под натиском язычества. Вы не поверите, но есть огромные королевства, где, к примеру, угоднику Николаю поклоняются больше, чем Иисусу! А о Творце и вообще почти не упоминают.

Гавриил проревел в бешенстве:

— Эту плесень вообще стереть с лица земли! И пусть Багровая Звезда все испепелит...

— Увы, — сказал я быстро, — это только ухудшит все. Уцелевшие выйдут из пещер и снова начнут с идолопоклонничества. Вы этого хотите?

Глава 15

Я помолчал, давая им возможность осмыслить, и Вельзевул, демонстрируя быстроту мышления, прорычал:

— Те будут еще отвратительнее.

— Потому нужно спасать это человечество, — сказал я быстро, надеясь, что не заметят, как я незаметно поворачиваю в нужную мне сторону, — его всего лишь учить и поправлять, а то дикое, что выживет после катастрофы, еще и стричь надо!

Уриил сказал звучным, но мягким и почти женским голосом:

— Что-то у меня голова уже гудит, рой пчел поселился, что ли? Я лично готов тебе поверить. И если сумеешь доказать, что Иисус не сын Творца, а всего лишь пророк, я признаю... да признаю, что людей подставили, как ты говоришь. И между нами, ангелами, снова вбили клин вражды... Прости, Михаил, но все-таки Вельзевул, Агирисион и Гамалиэль тоже ангелы, хоть теперь и Темные.

Вельзевул крикнул оскорбленно:

— Это вы Темные прислужники власти! А мы Светлая сила справедливого мятежа!

— Тихо, — крикнул я умоляюще. — Давайте только о деле, откуда вы набрались столько эмоций? А говорите, люди — одно говно.

Гавриил звучно закрыл рот, лязгнуло так, будто упала крышка металлического сундука размером с купол церкви, проговорил с трудом:

— Да... я бестелесный и бесстрастный ангел... Бестелесный и бесстрастный!

Бестелесным он не стал, но буйствующие страсти в самом деле сумел зажать в кулак и посмотрел на меня ясными, хоть и в красных прожилках гнева, глазами.

— Спасибо, — сказал я. — Мне вовсе не нужно доказывать, что Иисус не сын, а пророк. Это все есть в старых книгах, но людям не знания нужны, а всего лишь вера! Потому задача труднее, но вы увидите, как я начну широкую кампанию... нет, не отрицания Иисуса, а возвеличивания Творца, как Единственного и Неповторимого, у которого нет и не может быть родни и даже товарищей!.. И тем самым Христос займет то весьма высокое и достойное место, которое и занимал в первых книгах о нем, как великий пророк, принесший людям свет новой веры.

Гавриил проговорил со злым недоверием:

— Как великий пророк?.. Не сын?

— Только пророк, — заверил я. — Мне самому, если честно, противно, что нашему Творцу кого-то присобачивают, даже не в товарищи, а вообще в родню!.. Поэтому я все равно стал бы с этим безобразием бороться. Так что можете быть уверены, буду стараться даже не знаю как!

Гавриил поморщился.

— Ну, если это надо тебе и самому, то да, стараться будешь. Вы все такие, только для себя. Впрочем, для нас это неважно. Лишь бы старался.

Я сказал умоляюще:

— Давайте возьмем себя в руки! Ну, это такое выражение... смирим себя, опомнимся. Думаете, Господь не видел, как Алфофаниэш напал на меня и смертельно ранил? Увидит и то, что сделаете вы...

Михаил сказал звучным, как медная труба, голосом:

— Мы делаем все в Его интересах!

— Считаете себя умнее Господа? — спросил я. — А насчет гордыни слышали?

Уриил сказал благочестиво:

— Господь ничего не делает сам. Только нашими руками!

— А Содом и Гоморру? — спросил я.

За моей спиной раздался сильный и уверенный голос:

— Их разрушили мы с Уриэлем. Уриэль и я, архангел Гавриил. Следуя прямому повелению Господа.

Я сник только на миг, тут же ухватился за последние слова:

— Но было повеление! Было! А сейчас повеления никто не давал! Потому самое правильное — воздержаться. Господь все видит, Он будет доволен, если проявите мудрость и не дадите вовлечь себя в спровоцированную темными личностями драку.

Вельзевул вскрикнул с яростью:

— Темными? Ты кого имеешь в виду, червяк?

Я крикнул:

— Темными — это хитрыми и вероломными. Неважно, на какой они стороне. А вы не Темные, а крайне левые. Вы же наблюдаете за миром людей и знаете, никакого деления на Светлых и Темных не существует! Есть только правые и левые. Правые за власть, левые — против. А Темные и Светлые... это только обидные клички. Каждого из вас можно обозвать Темным, как и Светлым. Все зависит от точки зрения... А вот правый или левый — это да, это позиция! Хотя и она может меняться. С возрастом, конечно. Пока вы молодые, вы все левые, даже ультралевые... Давайте на этом разойдемся. Михаил со всей присущей ему гениальностью проведет тщательное внутреннее расследование и отыщет тщательно законспирированную группу подпольщиков, что решили подтолкнуть события... а Вельзевул проведет точно такое же у себя, выявляя тех, кто тайно общался со Свет... крайне правыми ангелами. Ультраправыми. И тогда мы все лучше исполним волю Создателя Нашего!

Плазменный свет с одной стороны и багровый с другой, исчезли, но я еще несколько минут не мог сдвинуться с места, дрожат не только коленки, еще и всего трясет.

Арбогастр с обеспокоенным видом подошел и обнюхал мое лицо,дохнул мирным теплом, Бобик прибежал в очередной раз и, увидев, что никому не нужные и такие неинтересные разговоры закончились, сел передо мной и требовательно гавкнул.

— Все-все, — сказал я послушно, — возвращаемся. Первый раунд переговоров закончился... Надеюсь, успешно.

Бобик тут же ринулся обратно в сторону города, арбогастр некоторое время шел осторожно, словно у меня на голове, как у Сиявуша, чаша с водой, и пролить ее ни за что нельзя, иначе гибель всему человечеству или, что еще хуже, нам троим.

Я напряженно прокручивал в черепе мысль, что вроде бы уговорил задуматься и выждать, но это только короткая передышка, даже не передышка, я всего лишь убедил не вовлекаться в конфликт массово с обеих сторон, иначе как раз и начнется ожидаемый Армагеддон.

Важно не победить в этом Армагеддоне, когда выживших просто не останется, а не дать ему свершиться. Но и времени в обрез, и сил ничтожно.

Я тревожно взглянул искоса на небо, ночь звездная, лунный свет падает серебристо-призрачный, но сейчас почудилось, что к нему примешивается красный оттенок. Багровая Звезда Маркус уже шире лунного диска, но все-таки красный отблеск на земле — иллюзия, не существует такого крупного небесного тела, чтобы ее настоящий или отраженный свет был бы уловим глазом.

Во дворе перед дворцом меня встретил встревоженный барон Эйц, он всегда паникует, когда выезжаю без охраны, быстро посмотрел мне в лицо, затем на коня и Бобика, с ними тоже все в порядке, сказал злобно:

— Ваше Величество!.. Я прошу у вас отставки!

— Что случилось? — спросил я.

Он огрызнулся:

— Сами знаете!

— Барон, — сказал я с сочувствием, — ваша задача охранять дворец! Дворец, а не меня. А меня только во дворце. Но, как только выезжаю за его пределы, ваша ответственность за мою драгоценную шкурку заканчивается.

Он сказал саркастически:

— Ах, прямо от сердца отлегло! Как вы меня утешили, Ваше Величество!

— Барон, — сказал я тепло, — давайте потерпим еще немного. Как только разделаемся вон с тем горящим углем, что в небе... тут же все наладим, все поправим, коней придержим, пояса распустим...

Пройдя быстрым шагом в кабинет, я бросил на ходу:

— Сэр Жерар, даже если королевство идет ко дну, оркестр должен играть победный марш.

— Ваше Величество?

Я пояснил:

— Пусть Багровая Звезда нависнет над королевством, не допускайте паники хотя бы во дворце. Все должны верить до последнего, что их сюзерен сокрушит презренных захватчиков.

Он поклонился, не сводя с меня внимательного взгляда.

— Разумеется, Ваше Величество.

— И мы их сокрушим, — заверил я.

Он ответил с непроницаемым лицом.

— Мы знаем это, Ваше Величество.

— А если не сокрушим, — добавил я с горькой усмешкой, мы же наедине, — все равно никто уже не узнает.

Он сказал ровным голосом:

— Сокрушите, Ваше Величество. Поражения у вас были только мелкие, в крупных вы побеждали. Я с вами со времен Армландии, а Максимилиан вообще... Мы видели своими глазами, победы идут за вами, как послушные гусыни за большим важным гусем.

— Спасибо за доверие, — ответил я. — Держите дворец в руках, загружайте всех работой, чтоб поменьше умничали и чтоб некогда было на небо взглянуть.

— Ваше Величество надолго?

Я развел руками.

— Сэр Жерар... Возможно, увидимся не раньше, чем уничтожим Маркус. Хотя кто знает нашу жизнь?

— Что мне отвечать, — спросил он угрюмо, — на всякие расспросы?

— А ничего, — сказал я. — Мое Величество проводит большую и важную работу по улучшению и упрочению.

— Улучшению и упрочению, — повторил он озадаченно, — чего?

— Без комментариев, — сказал я. — Чем больше растолковывать, тем больше будет расспросов. Держитесь величаво, как у вас получается весьма я бы сказал. Туманно и обще. Не лепо ли ни бяше. Как государственный, что на страже интересов.

От одной мысли, что придется воспользоваться браслетом Древних, стало дурно, а в живот будто сунули наковальню, год простоявшую на морозе. Однако нет выбора, хоть я и насобирал, как запасливая ворона, в свое гнездо все, что блестит, но ничего нет идеального и без побочных эффектов.

Заранее изготавившись к выворачивающей боли, я нащупал обе нужные завитушки на браслете, там их много, другие тоже что-то могут, узнать бы, но наугад пробовать не стану, сейчас мне и этой боли хватит надолго...

Искать среди воспоминаний узнаваемые места пришлось долго, никогда бы не сказал, что столько земель прошел. С трудом научился отсеивать те, что в Сен-Мари, Гандерсгейме и даже Армландии, начал пробираться глыбже и глыбже, наконец вспомнил, как выглядят стены гордого замка Верден, хотя сейчас, если честно, он не кажется уже ни огромным, ни гордым, ни могущественным.

— Хватит, — проговорил я себе со злостью. — Хватит оттягивать. Ну, соберись, перетерпи... А потом будет тебе щасте. Всякое, разное. Может быть, если повезет, даже надолго. С гуриями.

Не знаю, как этот браслет ухитряется то ли протыкать пространство, то ли сближать этот участок с тем, который я нащупал мозговым интерфейсом, но то ли в самом деле люди раньше были мелкими, то ли этот браслет использовался только для выгула собаки хозяина. Сидит он, к примеру, у себя в кабинете на вершине Гималаев, а собачка просится пописать, вот он открывает окошко и выпускает ее где-нить в Новой Зеландии...

Я стиснул челюсти, собрал волю в кулак, либо сами перемещения даются все тяжелее и горше, либо это синдром, какой возникает, когда назначена серия уколов, и каждый следующий кажется вдвое болезненнее...

Серое изображение наконец-то начало наливаться красками, пока пятнами, но я собрал волю в кулак, согнулся и полез в эту дыру. На некоторое время ощутил даже сопротивление, сбоку возникло черное пятно, я инстинктивно понял, что если споткнусь и упаду в ту сторону, то вывалюсь где-то среди звезд, а то и между галактиками, хотя мне будет уже все равно, а справа с ужасающей скоростью пронеслись картинки ужасающе прекрасных и отвратительных миров, но я ломанулся вперед и упал лицом на влажную от недавнего дождя траву.

Конвульсии перекрутили тело, как руки немолодой прачки мокрое белье, я охнул, взвыл и, закрыв глаза, начал пережидать острую режущую боль во внутренностях, что медленно распространяется жидким огнем по всему телу.

Через несколько минут боль ушла, оставив вме-

сто себя тошноту и слабость, глаза вроде бы смотрят в разные стороны, а ноги мелко-мелко дрожат. Внутри тоже дрожит, сейчас только бы не пустить под себя лужу...

После недавнего дождя воздух не просто сырой, а похож на разреженную воду. Я ощутил себя попавшим на дно озера в самую гущу среди болотных растений, чьи головы вытянуты к поверхности, а сейчас слегка колышутся медленно и лениво.

Справа в двух сотнях ярдов возвышается серая стена из массивных глыб, это мой грозный замок Верден, который я отдал отцу Ульфилле в обмен на освобождение Фриды.

Замок уже не замок, а часть величественного монастыря. Молодец Ульфилла, даже с его бешеной энергией выстроить такую громаду непросто за такие сроки. А там, похоже, жизнь кипит, вот на берегу реки мельница, сам берег спрямлен и выложен камнем, к широкому причалу привязаны три вместительные лодки, двое монахов раскладывают на досках мокрое белье для сушки.

Я отряхнулся, нельзя выглядеть, как повалившийся в мокрой траве пес, пошел к монастырю неспешно и вальяжно, я не должен быть спешащим, спешащий незнакомец всегда выглядит подозрительно.

Группа священников на краю карьера заглядывает опасливо вниз, один что-то рассказывает пронзительным голосом. Только по этому голосу я и узнал Ульфиллу, хотя вроде бы такой же худой, сгорбленный, но даже на расстоянии ощутилась его неистовая сила, не просто заметно возросшая за это время, а просто не знаю, как и назвать эту грозную мощь...

Меня заметили, хотя я старался двигаться как можно тише, начали оборачиваться. Священники меня не интересовали, а вот облик Ульфиллы снова заставил

все тело напрячь мышцы как перед прыжком через пропасть.

При первой встрече это был толстый и румяный деревенский попик, похожий на неопрятный стог сена с мордой шарпея, потом резко исхудал, и я видел его изможденным, с сухим блеском глаз и яростным нетерпением во всем облике.

Сейчас же тот Ульфилла показался бы рядом с этим, как слиток сырого металла рядом с таким же слитком, но уже прошедшим ковку. Ульфилла не просто выглядит вождем, как ощутил я всем существом, он в самом деле стал им, превратился во властителя душ и пророка новой жизни.

Я поклонился.

— Отец Ульфилла.

— Сэр Ричард, — ответил он.

Священники люди чуткие — для них наша встреча с Ульфиллой, как две тяжелые и огромные на полнеба грозовые тучи, несущие в недрах громы и молнии, — торопливо поклонились и быстро-быстро удалились в сторону монастыря.

Ульфилла рассматривал меня хмуро и недружелюбно.

— У меня к вам серьезный разговор, отец Ульфилла, — сказал я.

— Слушаю, — ответил он с той же непримиримостью.

Я огляделся по сторонам.

— Может быть, уединимся где-то в келье?

— Для разговора любое место угодно Господу, — отрезал он. — А келья для других нужд.

— Хорошо, — сказал я, — хорошо, отец Ульфилла. Как скажете. Кстати, мне наконец-то удалось понять, почему вы так упорно и постоянно называли меня Антихристом!

Он сказал мрачно:

— И почему?

Я перекрестился и ответил пламенно:

— Из-за моего рвения к Творцу нашему и жажды служить Ему и только Ему!.. Я настолько предан Ему, что не замечаю никого больше!.. Он велик, безупречен и совершенен, и настолько свят, что ничто земное и плотское не в состоянии коснуться даже Его имени!..

Он смотрел на меня исподлбья зло и недоверчиво.

— К чему такие речи?

— Я вспомнил, — сказал я, — что и вы, святой отец, так много сделавший для церкви, всегда говорите только о нашем Творце и не упоминаете Иисуса!

Он нахмурился.

— И что?

— Вы великий провидец, — воскликнул я вдохновенно. — Я раскрыл заговор, как враги нашей веры пытаются вбить клин между нами и Господом!.. Как вы еще тогда все прозрели дивно и точно!.. Отец Ульфилла, только вы с вашим нравственным авторитетом можете остановить гнусный поклев врагов нашего Господа на его чистоту, святость и безупречность поведения!..

Он наклонился вперед, даже руки начал вытягивать вперед, но спохватился и спрятал их в рукава, руки натруженные и мозолистые, словно каменщиком работает чаще, чем священником.

Глаза, как я заметил, остались злыми, а взгляд недоверчивым.

— Кто старается такое сотворить? Разве это возможно?

— Увы, — ответил я, — оказалось возможно. И не знаю никого, кому было бы по плечу остановить это... Хотите подробности?

Он слушал внимательно и с прежним недоверием, а я рассказал подробно, что теперь, когда мы начали терять любовь Господа, враждебные нам ангелы обнаглели и начинают уже напрямую вредить человеку. Я еще не выяснил, кто это затеял, один это ангел или группа, но их позиция становится все сильнее, а у людей против них совершенно защиты нет.

Его лицо сперва менялось, затем застыло, только во взгляде полыхает яростное пламя.

— Отец Ульфилла? — спросил я.

Он тяжело вздохнул, посмотрел на меня с ненавистью.

— Ты зло, я тебе не хочу верить... Однако в соседнем графстве огонь упал с неба и сжег один небольшой дом вместе с семьей богобоязненных и праведных людей.

— Это несчастье, — сказал я осторожно и перекрестился. — Пусть Господь примет души благочестивых людей.

Он зло зыркнул на меня.

— Несколько человек клянутся, что видели огненную фигуру в небе!

— Ого, — вскрикнул я. — Значит, они пробуют и тут?

— Что, — спросил он с нажимом, — пробуют?

— Враг осмелел настолько, — пояснил я, — что пытается проверить, насколько Творец все еще любит человека!..

Он произнес патетически:

— Но кто осмелится выступить против Творца?

Я ответил с горечью в голосе:

— Не против Творца, в том все и дело. Против его любимого детища, которого Всевышний поставил выше ангелов.

Он проговорил зло:

— Но не смеют и против людей...

— Не смели, — уточнил я. — Но если сам Творец отвернулся от нас? Будет ли защищать человека? Враг пытается это понять перед тем, как обрушить на людей всю свою ужасающую мощь!

Он вперил в меня злой взгляд.

— Враг нас испытывает?

— Как всегда, — ответил я. — Но на этот раз испытывает и терпение Господа. Если тот уже перестал вступаться за нас...

Он перекрестился.

— Господь нас не оставит!

— Хорошо бы, — пробормотал я. — Отец Ульфилла, как вы знаете, я вас никогда не любил и все еще не люблю. Но признаю, только гигант вроде вас может встать на пути Врага, старающегося вбить клин между Творцом и человеком. Человек прост и ленив, ему проще думать, что Творец близок к нему не каким-то непонятным духом, а плотью! И что Господь наш осеменил деву Марию, а то и еще кого-то, только те дети не проявили себя так ярко, как Иисус... Такой Творец ближе к пониманию простого человека, что еще не весь вышел из тьмы язычества!

Он весь раздулся в гнев, глаза вспыхнули грозным огнем, я ощутил на себе ненавидящий взор и похолодел от предчувствия провала моей миссии, но Ульфилла взял себя в руки и только процедил с ненавистью:

— Человек дик и ленив... Сколько ни тащи к свету, стремится вырваться и снова в теплое болото!

— Но тащить надо, — сказал я быстро. — И помнить, что Враг вредит постоянно, меняя способы. Отец Ульфилла...

Он посмотрел бы на меня с ненавистью большей, чем раньше, если бы такое было возможно.

— Я встану на пути Врага, — провозгласил он таким голосом, словно я превратился в толпу народа на городской площади, — и сокрушу его лживую силу!

— И Творец снова обратит к нам свое милостивое лицо, — сказал я торопливо. — Эта наша цель!

Он произнес надменно:

— Это моя цель!.. А какова твоя, еще не знаю.

— Главное, — сказал я искательно, — остановить Врага. Сочтемся славою, ведь мы свои же люди! И пусть нам общим памятником будет построенный в боях с Врагом Дворец Небесный... Отец Ульфилла, мне нужно спешить на свой крохотный участок сражения. Теперь я спокоен, ваша чистота и ярость встанут на его пути непробиваемой стеной!

Я чуть наклонил голову, слишком кланяться перебор, я — король, повернулся и быстро пошел в обратную сторону.

Часть третья

Глава 1

На обратном пути старался сообразить, что это будет за христианство без божественности Христа. Если, конечно, у нас с Ульфиллой все получится. Еще Гейне сказал, что христианство без Христа — нечто вроде черепашьего супа без черепахи.

Что ж, тем хуже для христианства. Я не хочу, чтобы религия была хоть немножко языческой. Ницше сказал, что само слово «христианство» основано на недоразумении. Был только один христианин, и тот умер на кресте.

Но Ницше был сумасшедшим, он и кончил в психбольнице, ссылаясь на его авторитет — дурной тон. Думаю, христианство так и останется христианством, только слегка понизится статус самого Христа в глазах простого и недалекого народа. На самом же деле это не понижение, а как раз повышение. Одно дело — сын Бога такой вот умный и все понимающий, он и должен быть таким, мы бы удивились, будь он посопливее, другое дело — сам человек, сын простого плотника, поднялся до таких высот понимания и прозрения.

Это значит, и другие могут. То есть мы можем. Творец как раз и хотел, чтобы люди выросли, поумнели и встали с ним вровень. Поэтому Христос-человек должно звучать более гордо и возвышенно, чем Христос-Бог.

Надеюсь, Ульфилла это сообразит, пусть и не сразу, а если нет, нужно будет подсказать. Или самому со своей точки пространства начать проводить эту идею. Возможно, от меня пойдет еще лучше, чем от Ульфиллы. А то вот взялся за браслет, но горше ожидания дикой боли во всем теле и тяжести в желудке эта трусливенькая такая мысль: а не потому ли все спихнул на Ульфиллу, что сам боюсь бросить вызов общественному мнению, хотя и знаю, что нет ничего более косного и консервативного, чем общественное мнение...

На этот раз я словно бы вывалился из расположенного на высоте окна, ударился о землю с размаха, как выпавшая из клюва летящей цапли большая толстая лягушка. Тело скрутила злая судорога. Я скрутился в калачик от острой рези в желудке, потом с усилием привстал, опираясь руками о землю, стыдно лежать, пусть даже голова кружится, а в ушах звон, пусть перед глазами все плывет и кружится, нужно продержаться еще чуть...

Иммунный ответ жаркой волной резко и мощно накрыл с головы до ног, выжег все лишнее, исправил искореженные переходом через пространство-время цепочки генов, убрал дефекты в изломанном ДНК, а я, выждав несколько секунд, пока перед глазами из мути начала проступать линия, отделяющая небо от земли, поднялся на еще вздрагивающих ногах.

Небо вдруг стало синим с редкими бело-оранжевыми облачками, земля — зеленой с коричневыми прогалинами вытоптанной почвы, а вдаль из пустого пространства возник невысокий холм, а на вершине чудовищный обелиск.

Я не сумел сразу определить даже примерно его высоту, белая игла поднимается к облакам, то ли немного ниже, то ли уже достигла их высот, от земли и до са-

мой середины утолщается, от ствола отходят широкие, страшно блистающие пластины, похожие на чешую исполинской рыбы, слегка оттопыренные, что делает ее похожей на еловую шишку.

Основание заняло всю вершину холма, в ушах шелкнули барабанные перепонки, я услышал тяжелый грохот, земля чуть подергивается под ногами, а вокруг основания скардера вспучился широкий вал земли. Временами он оседает, словно сахар в теплой воде, но из глубин выдавливается новый слой почвы. Все громоздко и как-то без того изящества, которое почему-то жду от продвинутого производства.

Хотя, если предположить, что зерна скардеров забрасывают на мертвые планеты и астероиды, то никто не станет тратить время на их дизайнерское изящество.

Я посмотрел по сторонам, зрение полностью очистилось, справа на краю долины видны стены Штайнфурта, огромного и густонаселенного города, а далеко-далеко, почти на грани видимости, можно усмотреть высокие башни Воссу, соперника Штайнфурта по богатству, мощи и скорости развития.

Вокруг холма охрана в три ряда, крепкие рослые воины в добротных доспехах и с хорошим вооружением, барона Келляве не пугают возможные упреки в трусости, все верно, блестящие острия копий и решительный вид могут удержать и самых воинственных от попытки напасть и попытаться причинить вред скардеру.

В десятке шагов слева развалины, как показалось вначале, затем понял, что просто древняя скала когда-то рассыпалась от старости, теперь груды камней, глыбы под ударами ветра и дождей превратились уже в валуны.

Оттуда пахло теплым воздухом, в другой раз бы не уловил, но сейчас все во мне чувствительно до предела. Я сделал пару шагов в том направлении.

— Кто там?

После паузы камни скрежетнули, сдвигаясь, из темноты начала подниматься коренастая фигура.

— Союзник, — ответил густой голос и добавил с сомнением: — Надеюсь, что союзник.

— Понятно, — проговорил я. — Иду.

Среди массивных глыб в самой середине сидит на округлом валуне могучего сложения гном в мифриловой кольчуге и с коваными пластинами на плечах и руках.

Я спросил, понизив голос:

— От Атарка?

— Да, — ответил он, рассматривая меня внимательно и недружелюбно, но меня этим не смутить, гномы ко всем злобно недружелюбные, то ли характер под землей портится, то ли такой нужен, чтобы ковырять руду и добывать драгоценные камни.

— Отлично, — сказал я с облегчением, — значит, туннель прорыли?

— Никакого туннеля нет, — отрезал он, и сердце мое упало. — Стой, смертный, здесь. Я позову старшего.

Я смолчал, гномы тоже смертные, это он так, не удержался, чтобы не лягнуть, а может, у них юмор такой, не совсем учтиво сладенький. Это же не эльфы, у которых свои тараканы, но все-таки эльфы нам приятнее, а грубить мы и сами умеем.

Страж долго не показывался, я уж было собрался поискать замаскированный выход, но из-за дальней массивной кучи крупных валунов осторожно поднялся некто, типичного сложения для мужчины, что значит, поперек себя шире, всмотрелся в меня колючими настороженными глазами.

— Приветствую, — сказал я вежливо. — Далеко добирались? Или близко?

— Близко, — буркнул он.

— Значит, — поинтересовался я с надеждой, — туннель уже как бы уже?

— Пока еще не туннель, — проворчал он, — только ход. Туннелем станет через недельку. Или чуть раньше. Жди здесь.

— Опять ждать? — спросил я. — Ну вы, прям, как эльфы какие-то... Ладно, жду.

Он исчез, не дослушав, я терпеливо ждал, наконец камни раздвинулись, я увидел толстые ладони с грубыми пальцами, затем на поверхность поднялся коренастый гном в плотно облегающей плечи кольчуге, а камни за его спиной сдвинулись, перекрывая путь в подземный ход.

Гном разогнулся.

— Сейчас придет, — сообщил он.

— Кто?

— Ты король, — ответил он, — или не король?

Я приосанился, ответил с достоинством:

— Еще какой!

— А сейчас увидишь настоящего короля.

— Ого, — сказал я. — Жду.

Через некоторое время появился третий гном, я всмотрелся в его широкое бородатое лицо и с огромным удовольствием узнал Атарка.

— Рад тебя видеть, — сказал я тихо, — ты уже король?

Он отмахнулся.

— Нет, у нас пока нет королей. В древности были, а потом как-то... В общем, мы расширяем спешно прорытый ход. Сейчас протискиваемся по одному, но через неделю сможем по трое-четверо в ряд.

— Выход здесь?

— Один здесь, а второй планируем еще ближе к холму. Там уже прорыли, но укрепляют свод, чтобы не просело. Наши вооружаются, около трех сотен всту-

пят в битву. Это не стотысячная армия людей, но гномы умелые бойцы, у всех самое лучшее оружие, и один воин стоит десяти лучших рыцарей.

— Хорошие новости, — сказал я с облегчением. — Спасибо, Атарк!

— На том свете сочтемся, — ответил он ворчливо, — если у нас один тот свет... А чего молчишь о своих интересах?

Я пробормотал:

— Да грешно пытаться ухватить сразу два пирожка.

Он посмотрел с недоверием.

— С чего ты вдруг такой скромный? Заболел?.. Ладно, подожди малость. Они люди старые...

Я спросил с надеждой:

— А что, хорошие новости?

— Помнишь, — сказал он сурово, — мы восстановили твой молот?

— Да, — сказал я, — вы просто такие молодцы! Не растеряли мастерства!

Он вздохнул.

— Вообще-то растеряли. Это потом начали восстанавливать... Но многие секреты утеряны. Хотя сейчас умеем больше, чем полтыщи лет тому, а тогда умели больше, чем тыщу назад. Но все еще не те суровые властелины, что правили этими землями в древности.

— Жаль, — ответил я искренне. — Я люблю могучих союзников. Сидел бы только и смотрел, как вы воюете!

Он посмотрел в меня долгим взглядом, могучая грудь приподнялась для вдоха и после паузы приопустилась. Оба гнома, что пришли раньше, хранили торжественное молчание.

— Мы знаем, — произнес Атарк, — насколько необходима победа над Злом, исходящим из неведомых нам сфер. Потому мы приняли необычное решение...

Я насторожился, от гномов можно ожидать всего, народ этот угрюмый, недоверчивый и нередко коварный.

— Слушаю...

Вместо ответа он полуобернулся к гномам и вскинул руку. Они раздвинулись, из темноты вышли трое настолько древних старцев, что даже не могу вообразить, сколько им лет или столетий: белые не только волосы, но и кожа, глаза, даже сами иссохли, как кузнечики, двигаются с трудом, суставы скрипят, будто натужно перетирают песок, а то и камешки.

У переднего на выдвинутых вперед руках большая красная подушка с золотой бахромой, а на ней молот, почти такой же, как у меня. Только по этому пробегают матовые отблески, словно он из ртути, но я ощутил с трепетом в сердце, что такого металла я еще не встречал.

Древний гном остановился перед Атарком, но руки с молотом к нему не протянул, то ли тяжел слишком, то ли нет сил расстаться.

Атарк взял молот обеими руками и повернулся ко мне, держа на одной ладони массивный боек, на другой рукоять. Разводить руки далеко не пришлось, рукоять едва ли не короче, чем у моего, выглядит несколько незаконченным.

Атарк произнес с тяжелым вздохом, но торжественно и гордо, осознавая величие момента:

— Держи! И владей. Это молот наших Древних Королей. Тысячи лет хранился, как самая священная реликвия нашего народа.

Сердце мое застучало учащенно.

— Рукоять...

Он зыркнул на меня из-под нависающих кустистых бровей.

— Узнал?

Я проговорил, чуть ли не заикаясь от волнения и не смея прикоснуться к молоту:

— Это Локи помешал дворгам закончить молот в срок?

Он ответил торжественно:

— Наши великие предки, Брок и Синдри, успели сделать молот в срок, хотя, ты прав, рукоять получилась намного короче. После гибели асов молот снова вернулся к Брок и Синдри, а они передали в общую сокровищницу. Никто им больше и не владел, учти.

— Я потрясен оказанным мне доверием, — прошептал я. — Доверием и высокой честью.

Он сурово смотрел, как я взял молот в руки.

— Легко, — сказал он мрачно, — как перо, но в броске у него вес целой скалы. Сейчас тебе принесут особые рукавицы... Он может раскаляться докрасна и сжигать даже камни, твои руки не выдержат его жара.

— Спасибо, — сказал я, — честно говоря, я сокрушен таким доверием и даже не знаю, как смогу оправдать и отплатить... А пояс Тора нельзя до полноты комплекта?

Он вздохнул.

— Ну ты и свинья...

— Жизнь у нас свинская, — сказал я виновато. — А так мы вообще-то хорошие, душевные.

Он вздохнул еще тяжелее.

— Пояс, рукавицы и молот хранились у трех ветвей нашего некогда великого народа. Молот у нас, рукавицы у дворгов, пояс у цвергов, те ведут род от великого Синдри. Насчет рукавиц мы с дворгами уже договорились...

— Ладно, — сказал я, — с поясом подождем. Атарк, я подтверждаю верность вашему народу и буду защищать его интересы везде и всюду, огнем, мечом и словом, как свои собственные!

Он посмотрел исподлобья.

— Да уж придется. Этот молот... он дает тебе еще и права.

— Какие? — спросил я жадно.

Он поморщился.

— Ему дали мед, а теперь несите побыстрее ложку и побольше, побольше! Или сразу черпачок? Потом узнаешь.

— Ладно, — согласился я. — Атарк... я в самом деле даже не благодарю. Твой дар слишком бесценен, чтобы за него просто сказать «спасибо». Но все мы сейчас расшибаем лбы за наше общее дело, так что да, пусть за нас другие посчитают.

Я обнял его, чуть наклонившись, он кивнул, прогудел густым басом:

— Увидимся в бою.

Глава 2

Они ушли неторопливо и неспешно, как хозяева всей земли, раз уж владеют ее недрами, а я опустил на камень побольше, молот не могу выпустить из рук, это же настоящее чудо. Тор вообще-то деревенский чурбан, даже коней не мог завести, на козлах ездил, но молот гномы ему сковали не то что королевский или даже императорский, а поистине достойный тех, кто дерется со звездными великанами.

Рукоять в узорах, там и металлические маски для сражений, и морской змей, и стайки рыб северных морей, много вделанных драгоценных камешков, хотя подозреваю, что не камешки вовсе, а гемы, усиливающие ударную мощь, меняющие вес, помогающие мгновенно разогреться до белого каления, но все это подогнано настолько удобно, что в ладони не скользит, а сама массивная головка молота отполирована в ударной части до зеркального блеска, зато по бокам все покрыто затейливой вязью сложного рисунка.

Пробовать, как работает, не стал, не стоит привлекать внимание к замаскированному лазу, отряхнулся и направился быстрыми шагами к холму, поглядывая на быстро розовеющее на востоке небо.

Белая и сверкающая, как холодное солнце, шипастая колонна скардера грозно и страшно вонзается в розовое небо. Присмотревшись, я потрясенно понял, что вершина медленно, но все еще неуклонно поднимается и поднимается.

Ко мне помчались навстречу двое всадников, один узнал, что-то прокричал второму, тот поспешно повернул коня и понесся обратно к холму, а первый соскочил на землю.

— Ваше Величество, окажите мне великую честь. Возьмите моего коня и позвольте подержать для вас стремя?

— Позволяю, — ответил я милостиво.

Неспешно и величественно поднявшись в седло, я послал скакуна к холму, где второй дозорный уже сообщил барону Келляве о неожиданном визите Моего Величества.

Тот сидел у костра с воинами, моментально поднялся и поспешил навстречу, по-прежнему строгий и суровый, ни словом, ни жестом не выразивший изумления моим внезапным появлением.

— Инспекция, — сказал я, — внезапная!.. Здравствуйте, барон. Все нормально?

— Под контролем, — доложил он. — Лояльные нам лорды продолжают посылать небольшие отряды в помощь, хотя и не очень-то верят в возможность нападения.

— Лучше перебдить, — сказал я.

Он проследил за моим взглядом, на острую вершину скардера упал первый луч солнца и начал медленно сползать по колонне, остро вспыхивая на слегка от-

топыренных чешуйках, и маяк словно бы начал вы-
ползать из земли быстрее.

Барон сказал шепотом:

— Мне так кажется или... в самом деле утром рас-
тет быстрее?

— Иллюзия, — ответил я. — Лучи сползают вниз,
вот и кажется... Хотя, может, и не кажется. Солнцем
тоже можно питаться. Не нам, конечно, но растениям,
фотоэлементам... Как люди, не пугаются?

— Что люди, — ответил он угрюмо, — я сам пуга-
юсь. Оно еще и в ширину растет! Страшновато, как
будто при сотворении мира.

— Мир уже сотворен, — сказал я.

— При досотворении, — поправил он себя тревож-
ным голосом. — Слишком уж... исполинская мощь.
Я вспомнил и те молитвы, что учил в детстве, а потом
забыл за ненадобностью.

У костров люди посматривают искоса, я соскочил
на землю, кивком подозвал дозорного и передал ему
конский повод.

— Вернешь хозяину. Вон бежит...

— Ваше Величество, а вы?

Я отмахнулся.

— Барон позаботится. А вы будьте готовы. Сейчас
на земле нет более важного места. И охранять его на-
до так, словно там ворота в рай, где вся наша жизнь,
надежды и счастье.

От самого основания холма, когда смотришь чу-
точку снизу, скардер выглядит весьма внушающе.
Особенно впечатляют геометрически идеально точные
и ровные ребра на колонне, то ли для жесткости кон-
струкции, то ли странный дизайн, а еще эти непонят-
ные исполинские чешуйки, тоже грозно и неуклонно
выдвигающиеся из растущей в небо опоры, загадочные
и потому пугающие.

— Меня каждый вечер отпаивают лекарствами, — сказал барон. — Живу, как заяц какой, всего боюсь. С трепещущим сердцем подпрыгиваю при каждом шорохе. Если над ухом сказать «Гав!», даже не знаю, стану ли только зайкой, а то и штаны придется менять.

Я сказал без уверенности:

— Скоро перестанет переть в небо.

— Точно?.. А вдруг не остановится, пока всю землю не сожрет?

Я посмотрел с холодком в сердце, он прав, мало ли какие сбои бывают, но сказал натужно бодро:

— Точно скоро. Мощь не всегда зависит от размеров.

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Вам легко это говорить. А скажите это карлику!

— Возвращайтесь к своим людям, — велел я. — Я пока обойду вокруг холма. Никто не знает, с какой стороны могут напасть.

— Ваше Величество, но...

— Никакой охраны, — прервал я. — Я обойду и вернусь сюда.

Далеко-далеко возникла черная точка, но не успел я всмотреться, как она разрослась до черного всадника на огромном черном коне. Тот остановился передо мной так резко, что тугая волна сжатого воздуха едва не сбила с ног.

Всадник непостижимо быстро оказался на земле, высокий, поджарый, в легких доспехах из плотной кожи. Я вздрогнул, никто и никогда до сего дня не садился на моего Зайчика!

Почти моментально из пространства вынырнул Адский Пес, ринулся ко мне, я едва устоял перед его выражением любви и преданности, потрепал по голове, не отпуская взглядом этого странного человека.

Он сказал беспечно:

— Не беспокойтесь, оба вам верны, как и прежде! Как только я сказал, что могут вам понадобиться, тут же возжелали... да как возжелали!

— Да, — выговорил я с трудом, — но... все же...

Он отмахнулся.

— Сократим объяснения, и вообще проще будет понять все, если я назовусь...

— Да, — сказал я, — да, конечно...

Он учтиво, но в то же время насмешливо поклонился, дескать, живем среди обезьян, подражаем их ужимкам.

— Азазель к вашим услугам.

Я ощутил озноб во всем теле. С острыми чертами лица, черноволосый, круглоглазый и чем-то похожий на ворона, он двигается быстро, настороженный и ментально все схватывающий, я с трепетом во всем теле ощутил, что любую схватку с ним позорно проиграю.

— Приветствую вас, лорд Азазель, — проговорил я с трудом. — Король Ричард приветствует вас... и любую посильную помощь, которую окажете.

— Деловой подход, — сказал он одобрительно. — Узнаю меркантильных людей.

— Мы прижаты к стене, — сообщил я.

Он улыбнулся краем рта.

— Вижу, вам обо мне известно многое. Конечно, в основном ложь, клевета и слухи, однако есть что и важное, не так ли?

— Не могу отличить важное от неважного, — сказал я. — Но хоть понятно, почему Адский Конь и Адский Пес послушались вас.

— Они ваши, — ответил он легко, — и слушаются вас. По своему желанию, кстати, а не по принуждению. Вы так и не научились пользоваться той черной мощью, что заключена в вашей душе, как я вижу. А зря.

Я пробормотал:

— Она меня разорвет.

— Надо уметь справляться, — сказал он наставительно. — Вас к этому готовили!

— Но я провалил тест в самом начале, — ответил я горько.

Он отмахнулся.

— Ну, яблоко не вы сорвали, а Ева... если вы о том начале. А вы лишь благородно взяли вину на себя, женщин нужно защищать и все такое... Короче, я здесь потому, что вот-вот сюда придут.

— Кто?

— Не знаю, — ответил он. — Известно только, что некоторые силы, при этих словах надо многозначительно замолчать и указать пальцем вверх, постараются помешать. Чему, не знаю. Но чему-то здесь.

Я сказал с надеждой:

— Лорд Азазель, я тронут, спасибо за предупреждение. Вы ведь пришли предупредить?

Он ухмыльнулся.

— Сэр Ричард, не юлите. Я же вижу, вы отчаянно нуждаетесь в помощи. Вам не справиться.

— Похоже, — согласился я. — Когда-то же наступает момент, когда противник слишком крут?

— Это тот самый случай, — заверил он. — Потому я пришел помочь. Да и то не уверен, что получится. Смотря кто нападет... и сколько их будет. Так что соберитесь, призовите на помощь всю свою темную мощь. Вельзевул сказал, у вас его меч, это хорошо. Только вы можете наносить смертельные раны ангелам.

— Что? — переспросил я, не веря своим ушам. — Они смертны?

— Их земные тела, — уточнил он. — А если они в них, то да, это необратимо.

— А вы?

Он вздохнул.

— Увы, я бы всех Светлых перебил с удовольствием, но не могу. Ангелы не могут убивать ангелов. Может быть, и хотели бы, но, увы... А вот вы, загадочный смертный, как раз можете.

Я сказал нервно:

— Чего мне как-то не весьма хочется.

— Что делать, — сказал он. — Люди говорят, жизнь заставляет их многие вещи делать добровольно. Этого не понимаю, но не раз наблюдал, что да, делают такое, от чего могли бы увильнуть, но... делают.

— Если увильнуть не удастся, — ответил я с неохотой, — то убивать буду. Хотя что-то вообще потерял охоту и желание лишать кого-то жизни. Даже людей. Хотя, конечно, ангелы не люди, их не жалко.

В нашу сторону галопом понеслись трое всадников, у двоих в руках копыя, но острия смотрят в небо, забра-ла подняты. Я узнал лорда Робера де Флера, хозяина того самого замка, что ближе других к этому холму со скардером.

Бобик вышел навстречу, все трое поспешно и резко остановили коней. Лорд Робер покинул седло достаточно проворно, несмотря на дородность, с достоинством преклонил колено.

Бобик обнюхал его первым, признавая знакомого и почти друга, у которого уже опустошал кухню, а я сказал величественно:

— Лорд Робер.

— Ваше Величество, — произнес он.

Я сделал ему знак подняться, кивнул в сторону холма.

— Это вы подбавили охраны?

Он кивнул.

— Весь гарнизон отдал, еще и по вассалам насоби-рал. А то пошли упорные слухи, что этот обелиск

не Божий промысел, потому верные Господу должны его низвергнуть.

Азазель спросил со странной интонацией в голосе:
— А вы верный Господу?

Лорд Робер посмотрел на него свысока.

— Я верный королю, — сообщил он сухо. — А мой король, Ричард Длинные Руки, сам решает, что угодно Господу, а что нет.

Азазель повернулся ко мне, широко ухмыляясь.

— Поздравляю, сэр Ричард, с такими подданными! Мне бы таких.

Лорд посмотрел на него с высокомерным недоумением, я пояснил с дружеской улыбкой:

— Это мой в некотором роде соратник, лорд Инкогнито. Он прибыл тайно для некоторых совместных действий. Разумеется, против нашего общего противника.

— Врага, — уточнил Азазель.

— Да, — согласился я, — даже врага. Лорд Инкогнито весьма сведущ в военных вопросах, а также сам по себе великий воин. И помощь его, которую он нам предложил, я ценю безмерно.

Лорд Робер поклонился учтиво.

— Дорогой лорд Инкогнито, я сочту за честь, если вы посетите мой замок, где я постараюсь устроить в честь таких высоких гостей пир!

Азазель с улыбкой взглянул на меня.

— Примем, сэр Ричард?

— Скардер не смахнуть взмахом крыла, — сказал я, — если понимаю все верно. Даже если за спиной этих крыльев шесть. А с башни замка хорошо зримо, что здесь и как... если не всматриваться. Мы успеем, как я полагаю, вдруг здесь что.

— Успеем, — подтвердил Азазель.

Лорд Робер широко улыбнулся.

— Тогда в путь?.. Лорд Инкогнито, вам дать коня?
Азазель ответил беспечно:

— Спасибо, у меня есть...

К нам подбежал красивый крупный конь, лорд Робер кивнул, ничего особенного не заметив, а меня Азазель спросил шепотом:

— Что не так?

— Это же не конь, — ответил я шепотом.

— А что?

— Просто ком мрака.

— Все видят коня, — отрубил он. — Мало ли что у вас глаза, как у морской каракатицы.

Двое всадников на легких конях помчались к замку во весь опор, спеша предупредить там о гостях. Я поглядывал на Азазеля, едет по ту сторону лорда Робера, веселый и похохатывающий, иногда даже он выглядит несколько иначе, как и его конь, если смотреть не прямо, а чуть-чуть краем глаза, а конь тогда вообще смотрится непонятно чем.

Бобик, радостно подпрыгивая, умчался вперед и первым проскочил в медленно распахивающиеся ворота.

Арбогастр, похоже, вообще не обращает на «коня» Азазеля внимания, и когда их отвели во дворе в конюшню, даже не повел на такого странного собрата глазом.

Азазаль перехватил мой взгляд, весело оскалил зубы.

— Вообще-то никто больше так не может. В смысле, рассмотреть, что этот конь не совсем конь. Ни Светлые, ни Темные. Но вы, сэр Ричард, смогли.

— Еще бы, — ответил я самодовольно. — Чтоб я да не заметил! Я такая вот цаца.

— Вы, — объяснил он серьезно, — как и я, вхожи в оба мира. Только вам это присуще изначально, ибо такова сама суть человека. А я получил как особую милость.

Я пробормотал:

— Вообще-то с конем у вас круто. Подскажите, как это делается?

— Хотите научиться?

— Да, — ответил я. — Люблю учиться. Я же вообще-то интеллектual, а тиран всего лишь поневоле, интеллектualов давлю и жгу по службе, наш долг перед человечеством исполняю!

— Научу с удовольствием, — сказал он. — Вообще люблю учить. И не моя вина, что, когда научил людей добывать руду и выплавлять металлы, они первым делом начали ковать мечи, а уж потом соху. Такова суть человека, я этого не учел, все-таки мы не такие, как человек.

Глава 3

Бобик весело понесся в распахнутые по случаю лета и жаркого дня двери донжона, лорд Робер гостеприимно повел нас через холл, горделиво обращая наше внимание, что у него не хуже, чем у людей, то есть всяких там немых соседей, есть и колонны, и барельеф, и свисающие с перил второго этажа праздничные полотнища.

Прошли и мимо зала с распахнутыми дверьми, видно, как за тремя большими столами рыцари и дамы, прибывшие в замок лорда Робера из ближайших поместий, веселятся, как сказал мне взглядом Азазель с легким презрением, будто дети малые, не ведающие, что их ждет. Я ответил тем же взглядом, дескать, их ничего не ждет уготованное, как ангелов или язычников, люди сами строят свое будущее.

Он хмыкнул, но смолчал, а я тихо порадовался, что сумел срезать самого неспокойного из ангелов, что знает и умеет так много. Может быть, мы и хреново строим, порой вообще на песке, но строим сами, как и сами определяем, куда нам идти и что делать.

Лорд Робер лучится счастьем, не каждому выпадет честь принимать у себя таких гостей, как могущественный король Ричард, о котором уже начинают рассказывать легенды, и не менее таинственный его спутник, к которому Его Величество относится с заметным почетом.

— Пойдемте, — сказал он приподнятым голосом, — покажу ваши покои, если пожелаете оказать мне великую честь и остановиться на отдых в моем замке!

Мы поднялись на второй этаж, апартаменты в самом деле просторные, хотя, конечно, не совсем королевские, но лорд Робер не совсем магнат, а нормальный барон среднего достатка. Я огляделся и сказал довольным голосом:

— О, здесь еще и какой просторный балкон!..

Азазель подтвердил:

— С него отличный вид на долину, а холм с маяком вообще великолепны.

— Барон, — сказал я, — мы крайне признательны...

Азазель насторожился, жестом велел мне отступить от внешней стены. Я моментально послушался, быстро ухватил хозяина замка и оттащил в сторону двери в коридор.

— А что случи... — начал он и не договорил.

Внешняя стена вздрогнула. С жутким грохотом вылетели глыбы, в дыру прошел бы слон-вожак с паланкином на горбу, однако в наши апартаменты вдвинулся, пригибаясь и задевая торчащие камни коротким гребнем, темно-зеленый гигант, похожий на живую скалу.

Разогнувшись, он пошел на меня уверенно и мощно, голова больше звериная, чем человеческая, гребень идет с макушки по толстой шее и по спине, руки и ноги, как стволы столетних дубов, только выглядят каменными.

Азазель крикнул:

— Убей его!

— Как? — заорал я.

Ладонь метнулась к рукояти меча, однако кто-то предусмотрительно прислал голема из гранита, и он двинулся ко мне, сжимая огромные кулаки для удара.

Чудовищная морда искривилась в животной ухмылке, а следом за ним торопливо влезли, толкаясь и мешая один другому, четверо демонов, жутких и безобразных, но закованных в толстую костяную броню, что, как я знал, может быть прочнее металла.

Азазель и лорд Робер разом обнажили мечи. К чести сэра Робера, он едва ли не раньше Азазеля ринулся вперед с воинственным воплем. Азазель шагнул в сторону, словно бы пропуская мимо себя натиск, его меч исчез, оставив некий сверкающий веер, а от костяных доспехов демонов полетели осколки.

Я успел метнуться в сторону, когда исполинский кулак голема почти коснулся моего лица. Второй удар он нанес сверху вниз, намереваясь расплющить меня, весь замок вздрогнул при ударе в пол. Камень плит растрескался и разлетелся мелкими осколками, а в полу с грохотом появилась дыра.

Я не успел подняться, когда он ударил снова. Никогда я не двигался с такой скоростью, избегая чудовищных ударов, каждый из которых превратил бы меня в такую лепешку, что никакая регенерация не спасла бы мою кожу.

— Да чтоб ты сдох, — прошипел я, уходя от удара кувырком под стену.

Голем довольно взревел, видя, как я корчусь в углу, из которого уже не выскользнуть, я в панике увидел летящий мне прямо в лицо огромный кулак.

Даже не помню, как я успел сорвал молот с пояса. Метнуть не успел, просто закрылся им, и каменный кулак ударил прямо в блестящую поверхность молота.

Сухой треск и грохот рассыпающихся обломков,

я ожил, метнул молот в каменную тушу, оставшуюся с одной рукой. Грохнуло, осколки разлетелись по всему залу, а я с мечом Вельзевула в руке ринулся в сечу.

Азазель и лорд Робер рубились с бешеной яростью, я старался понять, кто из напавших бывшие заключенные, а кто демоны, но все четверо дрались с одинаковым пылом и дикими криками. Я только напомнил себе, что где-то должен быть пятый, нужно почаще оглядываться...

Зная, с кем имею дело, я сразу взвинтил темп, сердце колотится часто, кровь распирает изнутри, и если бы не встретил их диким криком и молниеносными взмахами меча, внутреннее давление разорвало бы меня на куски.

На меня ринулись двое, на Азазеля тоже двое, но Робер, которого он закрыл собой, выскользнул сбоку и умело ввязался в схватку, красиво и артистично орудуя длинным мечом с элегантно загнутым лезвием.

Я рубился с противником, что оказался выше меня на голову, крупнее по массе, но двигается все равно быстрее меня.

Мимо мелькнуло черное тело, это Бобик подмял одного, молниеносно перекусил шею, рядом демон свалил лорда Робера и готовился раскусить ему голову вместе со шлемом, однако Адский Пес стремительным прыжком снес его с тела хозяина замка, свалил и вцепился в горло, а вскочивший лорд Робер сильным ударом раскроил демону голову.

Оставались двое, Азазель дрался красиво и быстро, умело уклоняясь от быстрых ударов многорукого демона, я рубился с чудовищем, что выглядит пещерным человеком в толстом хитине, от которого отскакивает мой меч.

Бобик ударил его сзади, я отпрыгнул, чудовище грохнулось на пол под тяжестью Адского Пса, я увидел

приоткрывшуюся щель между головой и головогрудью, торопливо всадил туда острие и навалился всем телом.

Азазель наконец-то срубил своего противника, чудовищного гиганта в странно розовых доспехах, по которым проносятся быстрые лиловые молнии.

Лорд Робер тяжело осел на пол, опираясь спиной о стену, кровь из глубокой раны на голове течет широкой струей, глаза начали закрываться.

Мы с Азазелем поспешили к нему, он проговорил со слабой улыбкой:

— Ваше Величество, ваша собачка меня спасла дважды.

— Это она подлизывается, — сообщил я. — Чтоб не прогоняли из кухни.

— Лорд Инкогнито был прав...

— Тихо, — сказал я, — сейчас вам станет легче.

Он недоверчиво улыбнулся, а я взял его голову в обе ладони, сосредоточился и сам ощутил отчетливо, что заживает не только эта рана, но и две в груди и самая опасная в животе, где отважного лорда пронзили почти насквозь.

Азазель подошел, протянул ничего не понимающему лорду руку и поднял его грубым мужским рывком.

— Простите моего друга, — сказал он с сочувствием. — Сэр Ричард эгоист! Он по-королевски не сообщил, что остановил вас почти у самых ворот рая... По его вине вы, возможно, проживете остаток жизни так, что в ее конце увидите совсем другие ворота. И там будет стоять вовсе не святой Петр.

Лорд, все еще не веря себе, ощупал голову, там вздувается багровый шрам, на глазах медленно оседая и растворяясь, потрогал грудь, натываясь вздрагивающими пальцами на рассеченные доспехи.

— Но... как же...

Азазель сказал со вздохом:

— Нет, не могу я так просто уступить сэру Ричарду все благодарности! Мне тоже нравится, когда говорят «спасибо».

Он опустил обе ладони на плечи лорда Робера, лицо стало отстраненным и сосредоточенным.

— Ну, — сказал он, — вспомним старые навыки.

Я тихо охнул, страшно иссеченные куски стального панциря сдвинулись и стали одним целым, засияли. Наплечники изменили форму, налокотники и все сочленения стали тоньше, изящнее и, как я догадался по их виду, намного прочнее. Кираса засияла золотом, но я понимал, что это не золото, а нечто более прочное, чем любая сталь. Точно так же изменились пластинчатые доспехи на ногах, даже сапоги заблестали металлической поверхностью, состоящей из множества мелких частей.

— Здорово, — сказал я с завистью. — Этого не умею. Покажете?

— Вам многому еще учиться, — сказал Азазель с чувством полнейшего превосходства. — Мальчик!

Лорд Робер оглядел себя неверящими глазами, выворачивая шею, словно скрипач, прижимающий щекой инструмент.

— Лорд Инкогнито! — вскрикнул он. — Теперь я понимаю, вы достойны дружбы с нашим королем!

Азазель посмотрел на меня с иронией.

— Видишь? Мне бы твою репутацию.

— Сэр Робер, — сказал я с чувством, — мы покидаем замок. Во избежание...

Азазель пояснил:

— Могут прийти еще какие-то сумасшедшие. Посуду вдруг да побьют, а ее я восстанавливать не умею.

Лорд Робер, все еще ошалелый, воскликнул:

— Да что посуда!.. Мы же такое совершили!.. Это же можно будет рассказывать до самой старости!

Азазель посмотрел на меня веселыми глазами.

— Это еще не конец, лорд Робер. С нами Его Величество Ричард! Значит, неприятности только начинаются.

— Тьфу-тьфу, — ответил лорд Робер. — Какие же это неприятности? Мы же так хорошо и весело подрались!.. Это же просто рай!

А в самом деле, мелькнуло у меня, Вальгалла виделась свирепым викингам именно таким местом, где полдня пируют, полдня сражаются, а ровно в полночь все раны заживают, и снова можно садиться пировать...

Он оглянулся на сраженных, однако тела демонов и заключенных уже рассыпались в прах и на глазах рассыпаются мельчайшей пылью.

Я так и не успел понять, кто из них кто, но теперь это уже и не важно, а лорд Робер с испугом взглянул на огромную зияющую дыру.

— Но как они... сразу на второй этаж... Лестницу снаружи приставили?

— Да, — подтвердил я, — лестницу.

— Только и она рассыпалась, — добавил Азазель и сказал многозначительно: — Магия!

Лорд Робер отправился провожать нас, уже на выходе во двор сказал горестно:

— В рай не попал, ладно... но кто поверит, что дрался храбро и доблестно? Ни одной царапины даже на доспехах!

Азазаль предложил:

— Хотите, рассеку этот панцирь напополам? Я не только умею заращивать на металле раны.

Лорд Робер отшатнулся.

— Не-ет!.. У меня никогда не было таких сказочных доспехов. Но кто поверит? Ваша собачка тоже вряд ли подтвердит...

— Она скромная, — сказал я. — И застенчивая. Но кухню все-таки охраняйте.

Глава 4

Лорд Робер остался у ворот, а мы неспешно пустили коней в сторону далекого холма с торчащей ввысь белой спицей, что в солнечном свете кажется раскаленной добела.

Бобик выскочил за нами вдогонку, пузо чуточку отвисает, морда довольная, на странного коня Азазеля тоже не обратил внимания, а я подумал, что, когда все это кончится, нужно как-то добиться, чтобы все вернулось на круги своя, то есть ангелы сидели там где-то у себя и не вмешивались в жизнь людей, как Светлые, так и Темные.

Более того, в связи с этими вот событиями хорошо бы воспользоваться ситуацией и ужесточить меры. Запретить любым ангелам не только вмешиваться, но и вообще появляться на земле, так как земля принадлежит человеку, рудники — шахтерам, замки — феодалам, а корона — мне.

Я покосился на Азазеля, выглядит довольным, все получилось, жизнь вообще-то хороша, даже при таком понижении в должности можно находить приятные моменты.

А для таких, мелькнула мысль, придется ввести какие-то правила. Типа того, что никто не смеет появляться на земле из ада или небес самовольно. Вот по моему милостивому разрешению немножко можно, но только под моим бдительным надзором и за некоторые мелкие услуги. Можно даже без интима. Хотя, конечно, если попросятся посетить землю Лилит или кто-то из высших демониц...

Я поспешно остановил разыгравшееся воображение. Что-то оно всегда уводит в эту сторону, мозг вообще-то не любит работать еще больше, чем я, повернулся к беспечно улыбающемуся Азазелю.

— Как ты это сделал? — спросил я с жадным интересом. — Ну, зарастил панцирь?

Он поморщился с высокомерием урожденного аристократа.

— Сожалею, сэр Ричард, но этому научить не могу.

— Жаль... а если не жадничать?

Он развел руками.

— Я повелитель металла, сэр Ричард. Мне это дано. Сама моя суть такова, что могу управлять металлами. Кто, как не я, научил людей добывать руду и выплавлять железо? Оно подчиняется... хотя и меньше, чем мне бы хотелось.

— Ой, — сказал я печально, — как жаль.

Он вздохнул.

— Мир рушится, забыл?

— Я же человек, — сообщил я. — Это вам, ангелам, все дано сразу и задарма! А мы, бедненькие, до всего докапываемся сами. Потому так жадно и хватаем любые знания. Даже крохи.

— Не сумеешь, — сказал он.

— Ну хоть чуточку!

— Ладно, — ответил он. — Если победим Маркус, тогда постараюсь кое-что передать в честь такого события. Но не раньше.

— Ловлю на слове, — сказал я. — А можешь сделать так, чтобы я мог бросать молот, не обжигая ладони? Он же из металла!

Он подумал, вздохнул.

— Ох, получу я за такое... Нам сразу было не велено что-то передавать людям, а мы сдуру не послушались. Благородные были, чистые, искренние...

Я сказал с сочувствием:

— Запрет был верен. Но сейчас его нарушили наши противники. Мы имеем полное право ответить тем же. Адекватно, хоть и не симметрично, но весьма в духе, ибо ты на земле, а здесь гуманные человеческие законы, что значит люпус люпусу люпус.

Он внимательно посмотрел мне в лицо.

— Говоришь так уверенно...

— Ангелы никогда не лгут, — сказал я, — но они неправы!.. Люди постоянно лгут, но в самом главном постоянно правы, если в целом... Ты видишь, мы выполняем как завет Господа плодиться и размножаться, так и своих пророков, чьи учения возвышают род человеческий. Потому можешь передать мне умение справляться с железом... хотя бы чтоб мог хватать горячую ручку молота... и тебе за это не всыпят, как в тот первый раз.

Он продолжал рассматривать меня пытливо.

— Уверен? Впрочем, если даже не уверен... могу попытаться. Но ты должен выдержать, если понимаешь, о чем речь...

— О чем? — спросил я настороженно.

— Ты смертный, — произнес он с ласковым пренебрежением. — Можешь убивать ангелов, но сам бесконечно слаб. В смысле, удар у тебя просто сокрушающий, но защиты почти нет. Потому подумай.

Я в самом деле подумал, глядя в его постоянно насмешливое лицо, поколебался, но Азазель в теле человека, а если выдерживает его тело смертного, то выдержит и мое. Во всяком случае, выдержать сможет хотя бы теоретически.

— Подумал, — сказал я. — Человек всегда идет на все, что его усиливает. Это у нас в крови.

— Хорошо, — сказал он, — дай руку и закрой глаза.

Он остановил коня и протянул руку, глядя насмешливо, но и серьезно. Я повернул арбогастра, чтобы лицом к лицу, наши ладони сомкнулись, я задержал дыхание и велел себе выдержать все-все, что ни случится, ибо человек создан с большим запасом, он должен выдержать все и даже чуточку больше.

Это было похоже, как если бы из его ладони начал переливаться в мою расплавленный металл. Я едва не

заорал и почти выдернул руку, как нечто темное поднялось из меня в ответ, накрыло сознание, прокатилось волной по телу и даже покрыло изморозью мои горящие пальцы даже на другой руке.

Металл вливался и вливался, я чувствовал тяжелый жар, вселенскую тяжесть, внутри все сгорало и возрождалось, но уже, как я чувствовал, чуточку иное, словно восстанавливаются поврежденные ДНК, а то и вовсе оживают те, что достались от птиц, ящеров, рыб и даже трилобитов.

А затем боль ушла. Резко. Азазель всмотрелся в меня, ладонь убрал осторожно, взгляд не отводил, поинтересовался приглушенным голосом:

— И... как?

— Не знаю, — ответил я честно, — но вроде бы что-то получил. Странное чувство, что мне помогла та тьма, которую прихватил в странствиях.

Он разобрал повод и тихонько пустил коня в прежнем направлении. Рот его искривился в иронической ухмылке.

— Она давно, — сообщил он с непонятной издевкой, — слилась с той тьмой, что в тебе изначально. Так что не считай ее чужой. Человек вообще почти весь из тьмы, не знал?.. И только одна светлая искра в нем, которую Господь вдохнул в него при рождении.

— Я ее раздуваю, — сказал я быстро, — но осторожно. Я вообще-то человек осторожный, только жизнь такая, что переосторожничать нельзя и неоостоорожничать весьма обло! Вот и пищишь, как жаба под колесом. Идешь, как над пропастью по огненному мосту Сират, что не шире волоска с конской гривы и острия лезвия меча...

Он посмотрел с изумлением.

— А ты откуда знаешь про этот мост?

— Азраил, — сказал я, — тьфу, Азазель... человек

все знания собирает, даже мусорные, как ему говорят. В том мусоре, что вообще-то не мусор, иногда отыскиваются такие жемчужные зерна!

Он покачал головой.

— Ничего не понял, но во всяком случае теперь можешь хватать молот. Каким бы тот ни был.

— Спасибо, Азазель.

Он отмахнулся.

— Мне это ничего не стоило. Ты мог отказаться или... умереть. Но ты как-то сумел...

— Мы всегда отыскиваем третий путь, — сообщил я.

Он внимательно всматривался, но не в холм, что окружен тремя рядами копейщиков, а еще лучниками и арбалетчиками за их спинами, а в странную фигуру в длинном до земли черном плаще и с капюшоном, надвинутым на голову.

Человек этот держится неподвижно в сторонке и наблюдает за перемещениями охраны. На первый взгляд я не заметил ничего особенного, но затем по коже пробежал предостерегающий холодок, я зябко поежился.

Азазель повернул голову, я встретил его испытующий взгляд.

— Заметили, сэр Ричард?

— Еще бы...

— Серьезно?

— Что-то в нем не так, — ответил я. — Некто из преисподней?

— Странно, — сказал он, — вы не должны были заметить. Как и другие. Значит, что-то важное вы в себе развили... В самом деле видите, что это... не отсюда?

— Скажу определеннее, — отрезал я, — этот гусь точно из преисподней. И наверняка ждет нас.

Азазель ответил мирно:

— Сейчас узнаем.

Мы подъехали ближе, Азазель спешил, я опустил ладонь на рукоять меча и ждал. Незнакомец повернулся к нам, высокий, плечистый, капюшон по-прежнему скрывает лицо, но я чувствовал, что видит нас обоих отчетливо и через плотную ткань.

— Приветствую, Нехаштерон, — произнес Азазель. — Какими судьбами?

Незнакомец обеими руками медленно приподнял с лица капюшон. Я вздрогнул, лицо не только цвета меди, как показалось в первый момент, но вижу, что в самом деле медное, хотя и живое.

Помедлив, он красивым движением откинул капюшон на спину и плечи. Кивнув Азазелю, впериł недоверчивый взгляд в меня и уже не отводил глаз, разглядывая со всем вниманием.

— Вельзевул, — ответил он хриплым и настолько грубым голосом, словно годами стоял с открытым ртом на холодном ветру: — Это его повеление. Не хочет никому говорить, это наш позор, но вас обоих просто необходимо предупредить... Сбежали еще семеро.

Я охнул.

— Из ада?

Он посмотрел на меня насмешливо.

— Нет, из рая.

Азазель прошипел, втягивая воздух сквозь стиснутые зубы:

— Одиночки?.. Группа?

— Одиночки бы не сбежали, — сказал Нехаштерон. — Кто-то извне им очень крепко помог.

— Снова этот таинственный кто-то, — сказал Азазель люто. — С каким бы наслаждением я свернул ему шею!.. Медленно, чтобы слышать, как лопаются позвонки один за другим. Это сэр Ричард, король смертных. Не всех, конечно, а в каком-то уголке...

Нехаштерон кивнул мне.

— Приветствую, король.

— Вообще-то королей сейчас называют Вашим Величеством, — сказал Азазель, — но можешь не запоминать. Сегодня так называют, завтра будут иначе.. Сэр Ричард, перед вами один из перворожденных, хотя о нем не скажешь, верно?

— Нет, — ответил я осторожно и произнес крайне вежливо: — Добро пожаловать, Нехаштерон. Не знаю, сказал ли вам Вельзевул...

Нехаштерон прервал:

— Он все объяснил, не мучайтесь с подбором окружающих слов, смертный лорд. Из ада сбежали семь очень опасных злодеев. Этим все сказано. Вельзевул велел мне немедленно отыскать вас.

— Хорошо, — заметил я, — он знает, где мы крутимся.

— Просьба другим не говорить, — обронил он. — Вельзевул полагает, это его личный промах.

— Зря он так, — сказал я с неудовольствием. — Наоборот, об этом надо кричать везде! Всякий раз прибавляя, что помощь пришла извне. И никто не мог ее оказать, кроме как тайно из воинства небесного.

Азазель сказал нехотя:

— Это не доказано.

— Ну и что? — возразил я. — Скорее всего, все именно так, как я глаголю. Но даже если бы нет... И что? Нужно делать и говорить то, что нужно, а не как есть на самом деле.

Азазель перевел взгляд на молча слушающего Нехаштерона и кивнул в мою сторону.

— Слыхал?

Тот медленно кивнул.

— И не раз. И все не могу понять, почему... ну почему Господь заставлял нас поклониться этому брехливому ничтожеству?

Азазель вздохнул.

— Боюсь, все сложнее, чем мы представляем. Этот смертный что-то молот насчет естественного отбора, выживаемости, приспособляемости к среде... среда — это мы и все остальные насекомые, понял?

Нехаштерон посмотрел на меня угрюмо и оценивающе, словно прикидывал, каким ударом прихлопнуть, чтобы получить удовольствия больше.

— Как не понять...

— Но, — договорил Азазель, — вроде бы ложь, если умеренная и дозированная, не совсем как бы вредная ложь, а чем-то способствующая... В общем, у них даже ложь, предательство и всяческие грехи способствуют выживаемости, потому что другая часть смертных зверски истребляет этих, распутничающих открыто...

Нехаштерон прервал:

— А распутничающих скрытно?

— Скрытно они все распутничают, — заметил Азазель язвительно, — но это не считается. С этим будут бороться как бы потом, не все сразу. В общем, у них все слишком сложно и запутанно. А я прожил достаточно, чтобы перестать называть все непонятное полным бредом.

— Осторожничаешь, — сказал Нехаштерон.

Азазель признал невесело:

— Ты прав, дружище. Наверное, старею? Раньше на все непонятное бросались, как бараны, выставив рога с крепкими лбами... Но, собственно, сейчас мы хоть все еще и не верим в человека, но признаем, что это уже не совсем то дерьмо, из которого Господь слепил это существо. И мы пришли ему на помощь...

Нехаштерон покачал головой.

— Думаю, у нас причины разные. Согласен, оно стало чуточку лучше, но только чуточку. Но я знаю, Вельзевул помогает ему потому, что ненавидит небес-

ных, а раз небесные вдруг начали вредить человеку, то Вельзевул тут же начнет помогать человеку... Ты — другое дело, ты всегда был расположен к человеку, хотя и больше вредил ему чрезмерной любовью и непрощенной заботой. Как, примерно, Асмодей...

— А ты?.. Вельзевул никого не послал бы против его воли.

Нехаштерон пожал плечами.

— Не знаю, почему согласился. Вдруг вот взял и согласился... Может быть, тоже из ненависти к небесным, свергнувшим нас в ад? Еще и сам не понял.

— От тебя человечинной пахнет, — заявил Азазель и передразнил: — Вдруг вот, не знаю, может быть, еще и сам не понял... Что за слова для мятежного ангела?

Нехаштерон скупно ухмыльнулся.

— Может быть. А что собираются натворить те, сбежавшие из ада?.. И почему Вельзевул послал меня именно сюда?

Азазель кивнул в сторону холма.

— Вон там их цель, как уверяет сэр Ричард. Вон та штука. Потому здесь их и встретим. Вельзевул все рассчитывает точно.

Я посмотрел прямо в глаза Нехаштерону.

— Благородный лорд, вы точно с нами?.. Если вы из тех Первых, кто тогда отказался поклониться человеку...

Нехаштерон кивнул, на мрачном, но выразительном лице сменилось множество выражений, однако голос прозвучал глухо и с заметной неохотой:

— Прошло всего двести лет, и я понял, что был неправ. Но другие не хотят этого признать до сих пор. Так что я буду сражаться на вашей стороне.

Азазель взглянул на меня, вздохнул.

— Нехаштерон, беглецы уже наверняка хорошо подготовлены. Те сволочи, что им помогали, не могли

не снабдить их оружием и защитой. А ты среди нас самый слабый.

Нехаштерон широко раскрыл глаза.

— Даже слабее этого человека?

— Нет, — поправил себя Азазель, — человек слабее, но человек хитер, коварен и подл. У него в запасе сотни трюков, запрещенных ударов, хитростей, потому его убить труднее, чем тебя или даже меня. Держись возле меня, чтобы я успел защитить тебя...

Я сказал с надеждой:

— Но если вы погибаете... то это не навсегда?

— Если нас убьешь ты, — напомнил Азазель и посмотрел на меня исподлобья, — то это навсегда. Смертный ангела убить может, к сожалению.

— Тогда, — сказал я, — из ада нарочно помогли убежать людям?

— Возможно, — ответил Азазель, он заметно напрягся, с тревогой посмотрел по сторонам. — Я как-то об этом не подумал. Нехаштерон, в первую очередь избегай ударов людей. Их наверняка снабдили смертоносным для нас оружием...

Нехаштерон быстро зыркнул в мою сторону.

— Азазель, — произнес он почти зло, — человек в большей опасности.

Азазель отрезал:

— О себе думай, а он вывернется. Он же смертный!

— Потому его могут убить, — напомнил Нехаштерон, — как люди, так и наши. А меня только люди.

Азазель кивнул в мою сторону.

— Жалеешь смертного? Да их везде полно. А вот нас больше не стало. Дерись с демонами, людей избегай, хоть те и слабее.

— А ты?

— Я сильнее, — рыкнул Азазель. — И тебя, и людей!..

Глава 5

С западной стороны неба разрастается грязно-серое облако, неприятное и тревожное с виду. У меня почему-то начали учащаться удары сердца, облако странно мерцающее и постоянно меняющее форму, словно это нечто живое и очень опасное.

Оно приближалось, разрастаясь на полнеба, почувдился шелест множества крыльев, и как молния вспыхнуло в мозгу: саранча! Одна из казней египетских, там говорилось о такой напасти... однако сейчас уже вижу, что это не летящие кузнечики, а множество мелких отвратительных бесов, что, как и саранча, сильны только вот так, в стае.

Я крикнул растерянно:

— Азазель, я не знаю, как ее рубить мечом!

Он крикнул издевательски:

— А ты ее молотом, молотом!..

Шеренга копейщиков расступилась, вперед вышли три священника, разом вскинули руки. Перед ними встала мерцающая прозрачная стена от земли и до небес.

Стая, если бы и хотела свернуть, уже не могла изменить полет всей огромной массы. По всей прозрачной стене, созданной молитвами, часто-часто вспыхнули мелкие огоньки, похожие на искорки. Я смотрел и не верил своим глазам, когда огромная стая, похожая на передвигающуюся в воздухе гору, таяла и таяла, но бесы-насекомые, тупо выполняя приказ, двигались в том же направлении на холм, врезались в стену из святых молитв, и гибли, оставляя крохотные и тут же рассеивающиеся дымки.

— Прекрасно, — выдохнул Азазель. — Кто бы поверил, но я уже вообще-то люблю церковь! Особенно боевых священников.

Нехаштерон крикнул:

- Боевых священников не бывает!
- А боевые маги?
- То маги, — ответил Нехаштерон резонно.
- А ты откуда знаешь?
- Противника надо знать...

Азазель широко осклабился.

— Сейчас мы на одной с ними стороне, что удивительно.

Нехаштерон указал на группу людей в темных плащах до земли и скрывающих лица под опущенными капюшонами, что неподвижно, не привлекая к себе внимания, расположились за спинами копейщиков и арбалетчиков.

— Удивительнее то, что и маги на стороне сэра Ричарда. Вот передеремся после победы!

— Тихо, — сказал Азазель с напряжением в голосе, — я кое-что чувствую.

— Я тоже, — сказал Нехаштерон. — Сэр Ричард, скомандуйте воинам собраться на этой стороне холма. Сюда приближается целая армия. С этой стороны.

— Где? — спросил я. — Не вижу!

— Завеса исчезнет, — пояснил Азазель, — когда вытащат оружие из ножен. Такой закон мага Аврелиуна.

Завеса не исчезла, а неторопливо и красочно запахла, как огромный театральный занавес. В щель, торопясь и толкая друг друга, вывалилась целая толпа орущих и визжащих существ.

Мне бы дрогнуть, но я вздохнул с облегчением: люди, настоящие люди, пусть и злобные отморозки, нанятые для самого гнусного преступления против человечества, на этот раз в самом деле против человечества!

Азазель и Нехаштерон одновременно обнажили мечи, у Нехаштерона такой же старинный, то есть короче моего, форма примитивная, так ничего эти перворожденные и не усвоили за тысячу лет...

Я гордо обнажил меч Вельзевула, властелин ада все-таки следит за развитием технологий, его меч истинно рыцарский: длинный, полуторный, выкован настолько изящно, что почти ювелирно, по лезвию посередине руны, а как их еще назвать, рукоять крестообразная, с удобной насечкой, чтобы ладонь не скользила даже вспотев, а в навершии грозно и победно горит крупный рубин, как символ самого ада.

Барон Келляве, молодец, моментально сориентировался, две трети его войска тут же сосредоточились на той стороне холма, что обращена лицом к Штайнфурту.

Туда ударили напавшие, закипела битва, я видел, как барон передвигается по холму, благо тот очень пологий, следит сверху за сражением и время от времени взмахом руки посылает туда новых людей, снимая с участка, что смотрит на город Воссу.

Азазель крикнул встревоженно:

— Не отвлекают ли внимание?

— Очень похоже, — ответил я. — Ты с Нехаштеронм стой с этой стороны...

Он спросил с подозрением:

— Почему мы? Ты слабее!

— Потому что это моя битва, — отрезал я. — И приказывать вообще-то должен был бы я, будь понаглее. Следите за новыми противниками! Это так, они нас проверяют боем.

— Сам бой еще впереди?

— Вы правы, лорд из ада.

Они вскочили на коней, я на арбогастре торопливо обогнул холм, Зайчик с ходу ударил и разметал несколько человек из нападавших. Они подхватывались, ухитрившись не выронить оружия, и бросились снова в бой со страшным воем и жуткими гримасами.

Я закричал страшно:

— Да я рожден в крови!.. Огонь ста тысяч прошлых битв в моих жилах! Кого пугаете, уроды?

Двумя ударами я разрубил двоим головы, остальные не поняли, что это и почему вдруг. Я снес еще четыре черепа, и тогда до них дошло, что каким-то образом убиваю их насмерть, чего точно не ожидали.

Кто-то, самый сообразительный, заорал диким голосом:

— У него меч Вельзевула!.. Быстрее убейте! Остальных потом!

— Ага, — прохрипел я, — убейте... да еще скорее... Шас, набегайте...

Барон Келляве держал в оцеплении холма три ряда копейщиков, а когда увидел противника, усилил с этой стороны до девяти, но нападающих оказалось впятеро больше, и он продолжал посылать все новые подкрепления на эту сторону, оголяя остальные три стороны света.

Лучники из-за спин копейщиков торопливо расстреливают напирющую толпу. Арбалетчики стреляют реже, потому выбирают самые заметные цели, вожаков или самых сильных воинов.

Я продолжал прорубываться через плотные ряды, многие даже не успевали оглянуться, как лезвие моего меча рассекало кому голову, кому спину, кому плечо. Кровь брызгала алая, из рассеченных артерий вообще бьет струями, так что не зомби, не мертвецы, не выходцы из ада...

Да и откуда столько, мелькнуло ошарашенное. Точно набрали сторонников в Штайнфурте, Воссу, окрестных деревнях и селах, даже из отдаленных городов на-верняка.

Справа от меня пахнуло жаром, словно пронеслась размером с бревно раскаленная докрасна стрела из га-страфарета, в плотных рядах напавших образовалась

широкая просека, уцелевшие там истошно орали от боли и страха.

Еще трижды маги нанесли эти сокрушающие удары, но магия восстанавливается медленно, поспешно отступили за спины арбалетчиков, а те быстро и точно всаживали стальные болты в самых сильных и свирепых воинов врага, а копейщики, уперевав тупые концы копий в землю, сдерживали бешеный натиск.

Лучники торопливо хватали воткнутые перед собой в землю стрелы и, быстро натянув тетиву, били уже прицельно с короткого расстояния через головы копейщиков.

Я прорубился до ряда копий, оттуда закричали радостно, а я повернул арбогастра, он сбивает корпусом и топчет копытами, а я раздавал свирепые удары направо-налево...

Ликующий крик нападавших раздался громко, резко и победно, но я почувствовал, что подсознательно ждал чего-то подобного, слишком все идет просто. Занавес исчез, а вместо него появилась дюжина новых воинов.

Сердце мое дрогнуло, таких не хотел бы видеть в числе противников. То, что громадные, ладно, однако от них повеяло настоящей грозной силой и той нерассуждающей мощью, что появляется не на пустом месте, а после бесчисленных боев и сражений, когда одна победа следует за другой, а что такое поражение — неведомо.

Один из наших воинов, сотник Терд из отряда баннерного рыцаря Кенговейна, я его заметил в схватке: дерется с безумной яростью, двигается, как ртуть, вскинул на головой залитый кровью меч.

— Сим победиши!

Он бросился на новых противников, опередив меня. Я заорал и пустил арбогастра следом. Тот мигом обогнал, я сжал ногами его плотное горячее тело по-

крепче, чтобы не вылететь из седла от мощных толчков, когда он начнет сшибать врагов, как кегли...

...и едва не вылетел из седла через голову, когда арбогастр ударил мощной грудью в одного широкоплечего гиганта. Того сдвинуло на полшага, но не опрокинуло, но я увидел на его лице искреннее изумление, что кто-то посмел и сумел его задеть.

— Не поможет! — крикнул я и нанес удар сверху.

За сверкающим лезвием блеснула, как раскрывающийся серебристый веер, призрачная дуга, но противник непостижимо быстро переместился в сторону, а я снова едва не вылетел из седла.

— Тебе тоже, — ответил он торжествующе.

Острая боль обожгла бок, я инстинктивно прикрыл рукой пораженное место, но сильный удар выбросил меня из седла. Над головой страшно звякнули, столкнувшись, клинки, я откатился в сторону, это Терд, покраснев от натуги и перекосившись, выдерживает давление со стороны противника, тот дожимает, глядя победно ему в глаза.

— Ах ты ж сволочь, — прошипел я.

Вскакивая с земли, я одновременно с силой всадил острие меча Вельзевула в бок противника. На страшный миг показалось, что острый, как бритва, клинок не прорежет стальную кольчугу, однако стальная полоса рассекла ее и дюймов на пять вошла в плоть.

Он охнул, быстро повернул голову в мою сторону, у меня застыла кровь, когда мы встретились взглядами. Сцепив челюсти, я нажал сильнее, клинок вошел почти на две ладони, Терд начал одерживать верх в схватке мускулов рук, а я выдернул меч и тут же отразил сверкнувший клинок слева.

Оставив Терда драться с раненым, я отчаянно сражался сразу с двумя, взвинтив темп, и призвав на помощь все, что знал и умел, но то, что это не люди,

ощутил на своей шкуре, получая сотрясающие удары, от которых звон в голове и кровь на губах.

Донеслись яростные крики Азазеля и Нехаштерона, но я ничего не видел, кроме сверкающих клинков, что то и дело пробивают мою защиту. На мне кольчуга гномьей работы, сверху панцирь, который ничем не пробить, как заверил в свое время Атарк, но его уже рассекли в трех местах, а в боку зияет дыра с запекшейся по краям кровью.

К счастью, регенерация срабатывает мгновенно, иначе уже истек бы кровью. И потому я, уstraшенный, дрался люто и как никогда сосредоточенно, уходя от ударов и нанося их сам.

Все же меня сбили с ног, я отчаянно вертелся под их ногами, избегая тяжелых клинков, что крошат мои доспехи, затем враги исчезли, Азазель, весь забрызганный кровью, рухнул передо мной на колени.

— Сэр Ричард?

— Жив, — прохрипел я.

Он опустил ладони на стальную пластину на моей груди, взгляд потемнел, а лицо стало отстраненным.

— Сейчас... сейчас...

Я дышал бурно, чувствуя, как затягиваются раны, соревнуясь с панцирем, на котором медленно исчезают глубокие зарубки. Пару раз больно кольнуло в бедро, оказывается, там не просто разрубили защитные пластины, но и вогнали краями в мою плоть, теперь панцирь торопливо восстанавливается от шлема до покрытых мифриловыми пластинами сапог.

— Какой металл, — пробормотал Азазель озадаченно, — я едва-едва сумел... Все-таки вы, люди, уже умеете больше... чем тогда. Но я пока что еще больше...

— Доспехи ковали гномы, — сказал я хрипло.

— Гномы тоже люди, — ответил он. — Встать сможете?

— Попытаюсь, — ответил я. — Хорошо, что не явились все вместе! Их тут было пятеро или я просчитался? Остальные попроще. Из простых, говоря высоким штилем.

— Пятеро из ада, — подтвердил Азазель. — Можете взглянуть. Остальные семеро местные.

Я окинул взглядом место схватки, там с упертым в землю мечом стоит Нехаштерон и рассматривает павших, сам он тоже забрызган кровью, то ли своей, то ли чужой.

Раздался конский топот, это примчался баннерный рыцарь Кенговейн, присланный Альбрехтом помогать в охране холма с маяком, правая половина тела залита кровью, он пошатывался в седле, но соскочил на землю достаточно бодро.

— Ваше Величество! Какое счастье, вы целы!..

— И даже не ранен, — успокоил я, — все хорошо, вы дрались отважно, я видел. А у нас тут была всего дюжина мальчиков для битья...

Пятеро, что из ада, рассыпались в прах, а тот впитался в землю, остались только семеро смертных наемников, но восьмым лежит Терд, весь иссеченный так страшно, что понятно, продолжал драться даже смертельно раненным, и его рубили, пока не рухнул им под ноги.

Я бросился к нему, присел, но понял, что спасти уже не получается, он не ранен, а убит, жизнь ушла из иссеченного тела полностью.

Нехаштерон сказал хмуро:

— Ваш вассал? За вами успел вовремя. А что здесь только пятеро сбежавших — это понятно. Двое отделились, понимали, на земле станет известно, сколько их, значит, будут отслеживать все отряды, где по семь человек.

— Это в самом деле люди? — спросил я с сомнением.

— Все пятеро, — подтвердил он. — Но не совсем простые... В смысле, простые, потому что люди, а не-простые, потому что величайшие воины всех прошлых веков и народов.

— Значит, — сказал я, — остались только двое, но оставшиеся двое куда опаснее.

— Сильнейшие остаются для финальной схватки, — согласился он. — Не знаю, почему существует такой закон, но, видимо, какой-то смысл есть...

Я подлечил Кенговейна, который ничего не понял из нашего разговора, Азазель вздохнул тяжело и со злостью.

— Эти двое, что остались, — сказал он люто, — из наших! Правда, младшее поколение. Помесь ангелов и женщин. Демоны, говоря по-вашему. Сэр Ричард, как самочувствие?

— Справимся, — заверил я, хотя не чувствовал в себе такой уверенности. — Проигрывать никак нельзя.

— Ставки великоваты, — согласился он.

— Могу предположить, — проговорил я, — что, как вы и сказали, эти двое и будут самыми опасными. Да-же не знаю...

В сторонке кто-то зашевелился, мы все трое мгновенно обнажили оружие. Терд дернулся, распростертый в луже своей крови, громко закашлялся.

Глава 6

Мы бросились к нему, он рывком сел, упершись позади себя обеими руками. Лицо ошарашенное, глаза дикие, но потрясло нас больше всего, что от страшных ран, изуродовавших грудь и живот, ни следа, только от доспехов одни иссеченные полосы.

Кенговейн ошалело посмотрел на него, на меня.

— Ваше Величество... вы умеете возвращать из мертвых?

Я пробормотал:

— Не повышайте меня до титула Всевышнего.

Терд и то меньше потрясен, чем мы, огляделся по сторонам, медленно поднялся на ноги, все еще чуточку покачиваясь, словно только что сошел с корабля.

Кенговейн вскрикнул:

— Терд, это точно ты?

Терд покосился хмуро в его сторону

— Что, долг за вчерашний проигрыш зажилить размечтался?

Кенговейн открыл и закрыл рот, потом промямлил:

— Много я видел дивного, но чтоб вот так с того света... Ты же в аду был? Про рай не поверю!

— В аду, — подтвердил Терд.

— Но как ты выбрался?

Терд озабоченно ощупал грудь, живот, опустил ладонь на то место, под которым бьется сердце.

— Знаешь, — проговорил он не своим голосом, — я там в аду отыскал свою душу.

— Ого, — сказал Кенговейн заинтересованно, — в котле с горячей смолой?

Терд покачал головой.

— Хуже... Хотя теперь неважно. Она со мной, больше не потеряю.

Он повернулся и пошел прочь, все ускоряя шаг, а спина становилась прямее, как и плечи шире.

Я сказал тихо:

— Кенговейн, а как он потерял душу, не знаешь? Вы же почти друзья. Во всяком случае, он из твоего отряда.

Глаза Кенговейна стали отсутствующими, он посмотрел в сторону, голос прозвучал отстраненно.

— Он не говорил.

— А вы не спрашивали?

— Было пару раз. Но лучше бы промолчал.

— Вы его лучше знаете, — сказал я. — Какие-то догадки есть?

Он посмотрел на меня странно.

— Ваше Величество, а может... лучше и не интересоваться? А то вы как-то часто дышите... Думаю, душу беречь надо в любом случае. И никогда не ставить на кон. Все-таки сберечь проще, чем потерять. Вернуть очень непросто! Это ж выцарапывать у самого дьявола.

Я подумал, кивнул.

— Мудро говорите, сэр. Сразу видно, уже мордой о стену.

— И не только о стену, — согласился он. — И не раз. Я вот все в жизни терял... и не один раз. Но душу берег. Если подумать... что у человека ценного, кроме души?

— Мудро, — повторил я. — Все остальное есть и у зверя.

А еще у ангелов нет, мелькнула мысль. Во всяком случае, у Михаила точно не наблюдается. Как и у прочих ультраправых неоткуда взяться. А вот насчет мятежных не уверен... От человека можно набраться не только блох.

Кенговейн сказал с почтением:

— У вас просто замечательные конь и собачка, Ваше Величество!.. Конь столько народу стоптал, когда те бросились помогать вашим избранным противникам!

— А собачка? — спросил я с тревогой.

Он покачал головой.

— Я слышал, вы разрешаете ей только охотиться? Она никого не тронула, но так рычала и скалила зубы, что ее боялись больше, чем этого страшного черного коня... Ваше Величество, нападение отбито, вас и ваших друзей просят отдохнуть в замок лорда Робера. Вон посланец, боится подойти...

В сторонке в самом деле переминается с ноги на ногу, держа коня в поводу, молодой тощий парень в одежде слуги лорда Робера.

Перехватив мой взгляд, он прокричал устрaшенно:

— Ваше Величество!.. Мой хозяин смиренно надеется, что вы почтите своим вниманием его замок снова.

Я оглянулся на Азазеля и Нехаштерона, первый промолчал, а Нехаштерон сказал медленно:

— УчИтывая, что угроза миновала... я бы не прочь... Сто лет не был у смертных в их жилищах.

Мальчишка застенчиво улыбнулся, понимая «сто лет» как «давно», все так понимаем, Азазель кивнул, и я ответил:

— Скачи к лорду Роберу! Передай, учИтывая скорое наступление ночи, мы втроем с удовольствием принимаем любезное приглашение.

Посыльный взлетел в седло и мигом развернул коня в сторону далекого замка.

Когда я поднялся в седло и разобрал повод, ощутил, что руки уже не трясутся, но сердце время от времени учащает бег, словно вспоминает, как дралось, и переживает все заново.

Азазель и Нехаштерон держатся невозмутимо, то ли всего насмотрелись, то ли их жизням это не грозило, не знаю, но оба смотрятся довольными, словно из рабочей обстановки вырвались в земной сад на отдых и прогулку.

Со стороны Штайнфурта в нашу сторону понеслись три всадника в одежде гонцов и на легких тонконогих конях, сухощавых, приспособленных для быстрой и долгой скачки.

Передний еще издали замахал рукой.

— Ваше Величество!.. Ваше Величество!

Я выждал, когда приблизятся, сказал благосклонно:

— Что стряслось?

Он крикнул торопливым, срывающимся по молодости голосом:

— Великий инквизитор, архиепископ Дитрих желает говорить с вами!

— Я хороший собеседник, — согласился я и, взглянув на Азазеля и его молчаливого друга, добавил: — Для всех. Азазель сказал ехидно:

— И нашим и вашим. Дипломат. Обожаю таких! У Вельзевула для политиков самая глубокая яма.

— Не пугай, — сказал Нехаштерон. — Все не так, сэр Ричард. Даже наоборот...

Гонец сказал быстро:

— Если вы, Ваше Величество, не сможете заехать в город, — святейший отец подъедет к вам. Он сейчас неподалеку, лечит и отпускает грехи раненым защитникам холма!

Я чувствовал сильнейшую неловкость, что приходится обманывать отца Дитриха, все-таки знакомство и тесное сотрудничество с Азазелем и Нехаштероном, двумя падшими ангелами и отвергнутыми церковью, слишком круто даже для все понимающего и широко мыслящего верховного инквизитора и тайного кардинала, но, с другой стороны...

...с другой стороны, политика такая вещь, что иногда во имя добра и справедливости приходится в отдельных случаях сотрудничать и с самыми деспотичными режимами. Хотя, конечно, не предавая это огласке, все-таки граждан нужно воспитывать в предельной чистоте мыслей и поступков.

— Езжайте, — сказал я Азазелю и Нехаштерону, — я переговорю с отцом Дитрихом, а потом догоню.

— Хорошо, — сказал Нехаштерон, — мы вам оставим пару пирожков.

Азазель вздохнул.

— Эх, знал бы ты, что он умеет...

Они пришпорили призрачных коней, я все же заметил, что из-под копыт не вылетают комья земли, как

и не остаются на земле оттиски копыт, но кто такое заметит, когда везде кровь, трупы, лекари собирают раненых, а волонтеры сносят в кучу трофейное оружие, заодно срезая лично для себя мешочки с монетами.

Я сказал гонцу:

— Пусть отец Дитрих выедет навстречу. Наша беседа не для лишних ушей.

Он унесся в сторону холма, а когда до передних рядов копейщиков осталось не больше сотни ярдов, ко мне вышел отец Дитрих, а за ним молодой священник нес, прижимая к груди, небольшую табуреточку с мягкой пурпурной подушечкой под цвет кардинальской мантии.

Я поспешно покинул седло и ждал, а когда он подошел, преклонил колено и поцеловал ему руку.

— Отец Дитрих...

— Сэр Ричард, — произнес он полуофициально, это все-таки дружески, хотя и не так тепло, как «сын мой», — вы справились с нападением, хотя мне как-то не все ясно, что здесь было.

Священник быстро поставил табуреточку и еще быстрее удалился, почти побежал, хотя бежать не позволяет сан и достоинство.

Я помог отцу Дитриху опуститься на сиденье, он вздохнул и спросил уже настойчивее:

— Можешь рассказать без утайки... что здесь произошло?

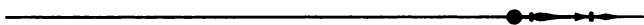
Я покосился по сторонам, никого близко нет, но вряд ли это случайность, отец Дитрих понимает, с кем имеет дело, заранее услали священников, поручив каждому крайне неотложное дело.

И все-таки я рискнул спросить:

— Отец Дитрих... вы в каком смысле?

Он покачал головой.

— Сэр Ричард, не утаивайте. Я не все видел, но то,

что мне удалось узреть, наполнило душу трепетом и ужасом.

— Отец Дитрих!

— Говорите, — потребовал он.

Я сказал торопливо:

— Отец Дитрих, я надеюсь, этот стульчик крайне умело приспособлен для отдыха и отдохновения душевного и телесного... Нет-нет, я ни на что не намекаю, все исключительно из уважительности и деликатности душевной, которой у меня в избытке, но как-то ни разу не удавалось выказать людям, все только своей собачке и лошадке...

Он покачал головой, повторил требовательно:

— Рассказывайте!

— Как бы помягче, — проямлил я, — поцерковнее... хотя, конечно, не мир он принес, но двуручный меч... хотя тогда двуручных не было, мечи ковали не длиннее, чем сейчас у домохозяек нож для разделки рыбы, тоже мне центурионы...

— Сэр Ричард!

Я воскликнул виновато:

— Простите, отец Дитрих, это я подбираюсь так вот ползком к опасной теме, чтобы не вспугнуть, а она чтобы хлопаньем железных крыльев вас не оглушила...

— Говори, — сказал он мирно, — я ко всему готов. Когда разговариваю с тобой, я всегда готов ко всему.

— Спасибо, отец Дитрих, за особую оценку. В общем, некие темные силы крайне заинтересованы в том, чтобы кара Господня, как считается, настигла человечество.

Он произнес спокойно, но я уловил растущее раздражение:

— Сэр Ричард, это не новость.

Я сказал торопливо:

— Я не имею в виду раскол в церкви и разногласия среди священников! И, конечно, не простой народ, да пошел он в задницу, компост демократии...

— Сэр Ричард?

— Не знаю, — сказал я со вздохом, — что вы видели, но я... впервые в жизни!.. ощутил себя пешкой в чужой игре. Это так часто говорят, что в зубах навязло, ах-ах, он был пешкой в руках могущественных сил, но сумел понять, усвоить, освоить, удрать, вывернуться, избежать... и все такое. Я гордился тем, что всегда крепко и бестрепетно держу свою судьбу за горло, как какого-нибудь гуся на ярмарке, рулил туды, куда изволил, и творил то, что хотел, хотя задуманное и не всегда получалось, но это у меня были пешки, а не я пешка. А теперь понимаю — еще какая пешка, самая мелкая, в лупу не сразу увидишь...

— Продолжай, сын мой, — сказал он тем же голосом. — Слышу глубокую скорбь и тревогу в твоём якобы бодром голосе.

— Отец Дитрих, — произнес я с чувством, — впервые в схватку вступили главные силы.

— Продолжай.

Я сглотнул тяжелый ком в горле и сказал хрипло:

— Если Маркус не остановить, это разрушит не только землю. Для темных сил это победа над самим Господом! Не в прямом смысле, конечно, отец Дитрих, не смотрите на меня такими дикими глазами...

— Продолжай, — произнес он сурово.

— Наш Господь верил в человека, — сказал я быстро и с жаром. — Он любил человека и вверил ему всю землю, поставив его хозяином! А Темные ангелы уверяли, что человек все изгадит и засрет, вы же видите, это всего лишь ком сырой глины, а вот мы — создания из чистого света, благородные и безупречные... Сатана и другие, кто завидовал человеку, уговорили Господа

дать им время до конца света, пообещав сбить человека с пути истинного и тем самым доказать Господу, что Он зря передал землю человеку, а не им...

Отец Дитрих сказал нетерпеливо:

— Сын мой, это я знаю лучше тебя. Что за исполинскую битву я зрел в долине у подножия холма?.. Были бы только люди, я бы спрашивать не стал, как ты понимаешь.

— Отец Дитрих, — сказал я несчастным голосом, — я именно та пешка, что начинает первый ход в игре, запуская движение исполинских сил с обеих сторон. Ну так уж получилось. Наверное, я оказался не в то время и не в том месте. Или, наоборот, в том месте и времени...

— Продолжай.

— Эти силы и столкнулись, — сказал я. — Весьма.

Он смотрел на меня пристально, всматриваясь в самую глубину моей, надеюсь, бездонной мохнатой души, красивой, богатой и достойной, несмотря на некоторую корявость, что именуется мужественностью и нашими мужскими достоинствами.

— И?

— Силы столкнулись, — повторил я уже упавшим голосом, — даже обрушились друга на друга очень даже... реально, грубо, зримо... как водопровод, сработанный еще рабами Рима... в общем, у меня все путается, я тоже по голове получил. Раньше только оглядывался, где это стучат, а теперь уже больно, умный стал, значит... В общем, да позволено мне такую дикую формулировку, но ангелы всякий раз надеялись, что Господь вот-вот смахнет с лица земли этих противных потомков Адама и отдаст такой дивный сад им. Но Господь то из Всемирного потопа дал спастись семье Ноя, то отдельные города выжигал, как клоповые гнезда, а людей целиком все никак... но наконец-то вроде решился!

Отец Дитрих перекрестился.

— Значит, дьявол и его подручные сумели опорочить человека перед светлым ликом Господа?

— Да там и стараться особенно не надо, — сказал я жалко, — сами знаете, отец Дитрих, человек все еще такое говно... Но Господь еще и милосерден, потому все же дал и на этот раз человеку шанс. Заранее, как и о потопе, предупредил народы о неминуемой расплате, явив эту Багровую Звезду Смерти в чистом небе, которое мы никогда больше не узрим. Вот тут-то и началось...

— Сэр Ричард?

Я сказал со вздохом:

— Ангелов затрясло, как Светлых, так и Темных. Вдруг да Господь и на этот раз сжалится и пощадит человечество? Нужно не дать потомку Адама выкарабкаться, нужно запихнуть его в пучину разврата глубже, явить перед светлы очи Господа все его грехи, блуд и непотребие... и тех, кто намерен сражаться с карающим мечом Господа, Маркусом, устранить любой ценой, а то вдруг у них что-то да получится.

Он покачал головой, не сводя с меня встревоженного взгляда.

— Я тоже заметил, что во всех королевствах резко возросли блуд, убийства, грабежи, разврат и прочие непотребства... но думал, это потому, что перед концом света народ пускается во все тяжкие.

— Нет, — сказал я горячо, — это работа пятой колонны!.. Враг из-за мировой кулисы подбивает наших граждан к противоправным действиям, к беспорядкам, развращает наши умы и души, разлагает и вредит всячески, убирая сильного противника с пути... Он всегда так действовал, но сейчас, в последние дни перед Армагеддоном, старается убрать тех немногих, кто пытается дать отпор!

Он тяжело вздохнул.

— Понимаю. Убрать маяк — лишить нас последних шансов на победу. С кем вы сражались? И кто был с тобой, сын мой? Кто сражался столь доблестно?

Я сказал нерешительно:

— Отец Дитрих... вы человек широких взглядов... но то, что скажу, ввергнет в ненужное беспокойство и смущение душу... Скажу только, что к нашему несчастью практически все ангелы хотели бы, чтобы человек исчез, а землю Господь отдал им. Разница между ними только в том, что одни промолчали в тряпочку, а другие возмутились. Тех, что смиренно промолчали, не решаясь поднять голос против Господа, мы отныне зовем Светлыми ангелами, а взбунтовавшихся — Темными, хотя на самом деле те и другие, уж простите, такое говно, если все называть своими именами!

Он выглядел усталым и постаревшим, я взял его высохшую кисть руки и почтительно поцеловал.

— Никому этого не говорил, отец Дитрих, и не скажу. Но сейчас водораздел проходит не между Светлыми и Темными, а между теми, кто хотел бы гибели потомков Адама и кто хотел бы его уберечь.

Он вздохнул еще тяжелее.

— Такие есть?... Впрочем, вы правы, сын мой. Они есть, и мудрость Господа в этом велика.

— Отец Дитрих, — сказал я, выпрямляясь.

Священник стоит почти у самого оцепления, я вскинул руку и сделал подзывающий жест ладонью. У него оказалось хорошее зрение, тут же зашепшил в нашу сторону..

Отец Дитрих начал подниматься, я торопливо подхватил, помог, он перевел дыхание и сказал с чувством:

— Благослови тебя Господь! Держись, сын мой. Наступают самые трудные времена. Держись. Будет трудно.

— Уже трудно, — заверил я.

— Будет еще труднее, — успокоил он. — Вообще будет невыносимо! Но вынести придется. Господь не зря нас испытывает! Что-то готовит.

— Вынесем, — пообещал я.

Он сказал негромко:

— У меня есть двое священников и один монах...

— Отец Дитрих?

Он осмотрелся по сторонам, сказал еще тише:

— Их святость духа и помыслов достигли... определенных высот. Каких, не скажу. Просто поставь их на самое опасное место. Они сами к тебе подойдут.

Священник подхватил стульчик, другой рукой отца Дитриха под руку, а я вернулся к коню.

Глава 7

У лорда Робера из главного зала все еще доносятся веселые голоса, звуки музыки, туда вбегают захеканные слуги с полными жареного мяса подносами и кувшинами вина, еще двое вкатили в распахнутые двери целый бочонок.

Нехаштерон жадно втянул носом аппетитные запахи, сказал с мольбой:

— А как бы нам... а?

Азазель молча взглянул на меня с вопросом в серьезных черных глазах, а я, поколебавшись, выдавил с неохотой:

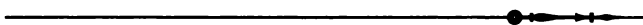
— Но только чтоб никто даже не заподозрил, кто вы и откуда!

Азазель ответил с готовностью:

— Сам не выдам себя и этого безрогого придержу.

Нехаштерон буркнул недовольно:

— Я бескрылый с того рокового дня, но рогатым никогда не был.

— Шутю, — пояснил Азазель.

— Когда-нибудь за такие шутки, — прошипел Нехаштерон, — отблагодарю, не обрадуешься.

Лорд Робер, услышав о нашем прибытии, поспешил выскочить из зала, заулыбался счастливо.

— Все мои предки иззавидуются!.. И будущие потомки. Ваше Величество, берите своих друзей и за стол, за стол!... Для вас оставлены три самых почетных места!.. Я уже успел рассказать, как мы дрались отважно, но хотя и показывал всем дыру в стене, как-то мне поверили не особенно...

— Надеюсь, — сказал Азазель серьезно, — нас поместят в те же апартаменты?

— Что вы, — сказал лорд с укором, — как можно? В соседние, где стена цела!

— А если снова придут? — спросил Азазель коварно.

Лорд Робер на миг задумался, но махнул рукой и сказал беспечно:

— Что стена!.. Зато будет чем бахвалиться!

— Это важно, — подтвердил Азазель. — Без бахвальства нет человека. Это обязательная черта настоящего мужчины.

Гости встретили радостным гулом, я жестом велел не вставать, но все равно поднялись и с почтительно склоненными головами стояли каждый у своего места, пока мы трое не сели во главе стола.

Азазель улыбался и раскланивался, но больше всего ликовал, хоть и старался не показывать этого, Нехаштерон. Я даже не стал, как намеревался, что-то создавать для него из еды или питья, он и так счастлив уже возможностью просто сидеть за столом, где просто у людей веселое праздничное настроение, где просто пьют и едят, не ломая головы над тем, что будет завтра.

Азазель пил часто и помногу, я заподозрил, что как-то хитрит, не может столько вместиться в тело, даже

если вынуть все кости и мясо. Прислуживающие нам слуги начали поглядывать сперва с интересом, потом с недоумением.

— Азазель, — сказал я шепотом, — ты привлекаешь внимание.

— Женщин? — спросил он довольно.

— Стражи, — шепнул я. — Человек столько не выпьет. Значит, ты злой дух.

— Все, — сказал он. — Извини, забылся.

— Бери пример с Нехаштерона, — сказал я. — Будто каждые сто лет вот так на пиру сидит!

— Ты уверен, — проговорил он тихонько, — что этим людям Господь готов дать шанс спастись?

— Абсолютно.

— Даже всем? Даже не как Ною?

Я прошептал с болью в голосе:

— Сейчас совсем другой мир! Предыдущие Господь уничтожал, потому что оставались языческими и заслуживали уничтожения. После потопа позволил спастись вроде бы лучшему из лучших, Ною с семьей, да и тот пьяница и дурак! Разве это не показатель, насколько остальные были хуже? А Содом и Гоморра?..

— А сейчас не так?

Я вскрикнул:

— Не так!.. Между прошлым прилетом Маркуса и этим... был Христос! В мир пришло новое понимание, новая мораль! Мир стал лучше и чище. Посмотри, впервые в мире не хватают еду со стола, как звери, а читают молитву! Молитва — это показатель, что контролируют зверя в себе. Потому этот мир должен быть спасен во что бы то ни стало! Более того...

Я запнулся, он сказал быстро:

— Ну-ну, говори!

— Мне кажется, — прошептал я, — это экзамен. Если сумеем спастись, то Господь нас оставит... Нет-

нет, не в том смысле! Что у тебя за лицо? Оставит в том смысле, что перестанет вытирать нам носы и поддерживать при каждом шаге. Справившись с Маркусом, докажем свою зрелость и способность и дальше самим решать все свои проблемы. И Господь вздохнет с облегчением и скажет себе гордо, что был прав, все получилось точно по Его гениальной задумке... а когда я смотрю на себя в зеркало, я понимаю, наш Господь в самом деле гений!

Он поморщился, но ничего не сказал, только вздохнул так тяжело, словно я перегрузил на него все грехи мира.

Дородный лорд зашел справа, сказал участливо:

— Ваше Величество, ваш кубок пуст. Позвольте я налью?

— Это дело слуг, — сказал я с неловкостью.

Он гордо улыбнулся.

— Я послал их обслуживать других гостей, а наливать вино вам и сменить блюда — это честь для любого высокорожденного лорда.

Азазель завидующе вздохнул. Я указал лорду на его пустую тарелку.

— Тогда и моему другу. Его род, кстати, намного древнее моего. Я веду свой всего лишь от Адама.

Лорд улыбнулся, сочтя за шутку, Азазель понимающе подмигнул.

— Умеете, — сказал он, когда лорд удалился за кувшином вина, — умеете так проговариваться, что вам все равно не поверят!

— Это искусство, — согласился я. — Налейте нашему другу вина, а то он за вами не поспевает и понюхать.

Сэр Робер расшибался в лепешку, только бы мне и моим друзьям было хорошо, я чувствовал себя неловко, мне для «хорошо» нужно не так уж и много, хотя

пришлось согласиться занять все левое крыло донжона, больше для важности и престижности, король не может ютиться в одной-двух комнатах, ему нужны просторные залы, хотя и непонятно зачем.

Я выбрал для нас комнату почти под самой крышей, отсюда хорошо видно всю долину отца Миелиса, истоптанный ногами и уже потерявший половину зелени холм и грозную в своем непонятном величии крупночешуйчатую колонну скардера.

Новые покои чуточку похуже тех, в которых сейчас зияет дыра, точно лорд Робер сразу же выделил нам самое лучшее, однако Нехаштерон и здесь огляделся с великой радостью, осторожно опустился на диван, обе ладони помяли, шупая, сиденье, подпрыгнул, как ребенок.

Мы с Азазелем опустились в кресла, я машинально создал себе большую чашку кофе, Азазель тут же шумно потянул носом и с самым заинтересованным видом вытянул шею.

— Извини, — сказал я с досадой, — как я мог забыть предложить тебе поистине адский напиток!

Он осторожно принял чашку, кофе не просто черный, а чернящий, как смола в котлах, где сидят грешники, запах тоже странный, будоражащий как-то по-особенному.

Глядя, как я отхлебываю большими глотками, сделал осторожный глоток, долго вчувствовался, тоже мне независимый и гордый ангел, а где же сорвиголовость, где он мятежный просит бури, где робкий пингвин прячет тело жирное в утесах... в смысле, реет гордо, черной молнии подобный?

— Невероятно, — проговорил он в озадаченности, — это у вас, доблестный король, откуда?

— У нас все крестьяне пьют, — ответил я победно. — Что-то вы оплошали, дорогой Азраил.

— Здесь я не Азраил, — ответил он, — хотя, если знаете еще несколько моих имен, это неважно. Как говорите, называется этот чудесный дьявольский напиток? Кофе?

Нехаштерон принял свою чашку без опасений и сразу же сделал большой глоток. Мы оба смотрели на его лицо, что вместило столько счастья, что хватило бы на весь созданный Господом мир.

— Кофе, — подтвердил я. — У меня из головы не идет грядущий разговор с Михаилом... Прислушается ли к моим предупреждениям? Станет ли выяснять на счет причастности своих к заговору?

Азазель сделал наконец-то большой глоток, задумался.

— Там есть и более адекватные, — сказал он неторопливо. — Михаил, да... страж неба. Но, как тебе сказать, вообще-то Михаил... гм... не главный.

— А кто? — спросил я.

Он посмотрел на Нехаштерона, тот допил кофе и пояснил хрипловатым голосом:

— Их таких главных четверо: Михаил, Гавриил, Уриил и Рафаил. Они охраняют четыре части света... Но над ними ангел Метатрон, выше его только сам Творец.

— А Метатрон на чьей стороне?

Он взглянул на меня в удивлении.

— На стороне Господа, понятно. И Господь не вмешивался, когда Михаил собрал своих сторонников и ударил со всей мощью в отказавшихся поклониться Адаму... Если ты думаешь, что были только верные Творцу и мятежники... ты ошибаешься здорово.

— Уже не думаю, — заверил я. — Большинство всегда вообще в сторонке. Чтобы присоединиться к победившим. Так что у Михаила сейчас не самый лучший контингент.

— Он опирается на тех, — сказал он, — с кем сражался бок о бок, но вынужден считаться и с большинством. Спасибо, сэръ Ричард, это не кофе, а чудо!

— Еще чашечку?

— Если можно...

— Можно, — сообщил я. — Человек такая свинья, что все может, у него нет запретного, что так тревожило Федора Михайлыча, но нам как-то по барабану... Держите! Может быть, с молоком?

Он воскликнул испуганно:

— Зачем портить?.. Но сахару можно и больше.

— Хороший вкус, — сказал я с одобрением. — Сахар — энергия для мозгов.

Азазель пробормотал:

— А все-таки они хорошо изучили вас, дорогой сэръ Ричард. Одно только не предусмотрели...

— Мою безумную, — спросил я, — доходящую до дикого героизма и самоотверженности отвагу? Про невероятную скромность молчу, ее в данном случае во внимание можно не принимать, хотя я ею отмечен...

Он поморщился.

— Вы же понимаете, почему послали именно каменного голема.

— Знают про меч Вельзевула? — спросил я с тревогой.

Он кивнул.

— Боюсь, теперь знают все. Сегодня узнали и про Мьелльнир. Причем как внизу, так и вверх. Кстати, как удалось добыть такое древнее чудо? Я думал, это вообще невозможно!

— Добыть? — переспросил я. — Зачем? Хорошему человеку и так принесут.

Он посмотрел с недоверием.

— А почему не принесли мне?

— А вы как, — поинтересовался я, — хороший или не совсем?

— Лучше не бывает, — ответил он сердито, — я же небеса покинул, чтобы помочь людям! Так многому их научил!

— Признаю, — согласился я. — Только надо было еще научить, как использовать те знания. Человек не ангел, он все найденное сперва обращает во зло... если, конечно, убийства считать злом, а то у нас даже массовые убийства, именуемые войнами, считают делом чести, делом славы, делом доблести и героизма!

Он проворчал:

— Ладно, теперь у нас есть некоторые доказательства. Нужно как-то суметь вызвать Михаила и ткнуть его в них носом.

— А вдруг, — сказал я, — сам Михаил их и спонсировал?

— Михаил?

— Ну да, ему удобнее всего. Ни перед кем не отчитывается. Никто его не проверяет.

Он покрутил головой.

— Михаил? Трудно сказать. Вообще-то он служака.

— То есть, — спросил я, — верный Творцу?

Он кивнул.

— Верный и преданный. Но не потому, что считает Творца правым. Просто повинуется сильнейшему. Нет, он не трус, дело в его вере в устои. Власть должна быть непоколебима. Он не считал Адама достойным быть наместником Творца и презирал его едва ли не больше меня и Самаэля, но если Творец велел поклониться этому комку глины, он поклонился первым без всяких раздумий.

— Понятно, — сказал я озадаченно, — значит, Всевышнему он верен... Но сейчас речь о земле. И судьбе человечества.

— Людей презирает, — повторил он. — Так что да, вряд ли. Может быть, это он и стоит за побегом из ада.

Там надежная охрана, не так просто покинуть эту яму... Хотя нет, не верю. Говорю же, он честен, но туп, как пробка. Он предан Творцу, как тебе твой Адский Пес. И никогда ничего даже не помыслит против Создателя.

— Чрезмерная преданность тоже плохо, — сказал я. Он посмотрел с интересом, я пояснил: — Это называется бежать впереди паровоза или быть святее папы. Ладно, быть роялистом большим, чем сам король. Один раз это уже случилось, когда он собрал преданных Создателю и ударил на вас, ультралевых, всей мощью.

Он задумался, на челе задвигались морщины, быстро появляясь и пропадая, в глазах то вспыхивали звезды, то наступала самая темная ночь.

— Полагаешь, — спросил он, — все-таки Михаил?

Не дожидаясь ответа, поднялся и подошел к двери на балкон, распахнул во всю ширь и долго всматривался в мерцающую в лунном свете серебряную колонну скардера, отсюда он выглядит тонкой иглой, устремленной в небеса.

— Полагал, — ответил я после минутного раздумья. — Но вы меня разубедили, лорд Азазель, я ж такой доверчивый! А вы лучше их знаете. Если Михаил таков, то для него это было бы слишком сложно. В смысле, он бы пошел в открытую!..

Азазель повернулся к нам, лунный свет подсвечивает его сзади, лицо показалось совсем черным, как и положено Темному ангелу, только глаза вспыхнули багровым, как разгорающиеся иглы, огнем.

Я посмотрел внимательно на обоих, Нехаштерон смакует кофе, на лице ни тени озабоченности, Азазель тоже выглядит достаточно спокойным и расслабленным. Не понимают, схватка только приблизилась к кульминации, а им кажется, что все уже решено и закончено.

— А кто мог пойти на сотрудничество из ваших? — спросил я.

Они переглянулись, Азазель проговорил медленно:

— Я вообще-то не представляю... Даже такие, полные яда, как Арира или Арирон, что ненавидят всех и вся, не пойдут на сделку с небесами.

— А если Ашмай? — подал голос Нехаштерон.

— Ашмай? — повторил Азазель. — Ах да, Лаван-арамеец... Старый и глупый царь... Это у него такое прозвище, сэр Ричард, ничего личного. Ашмай мог бы, но только по дурости. Но с ним связываться опасно, такой союзник опаснее врага. Кто еще?.. Патут?.. Достаточно гадок, хотя сэру Ричарду он бы понравился.

— И потому мне понравится? — спросил я. — Потому что люди тоже гадкие?

— Нет, — ответил он с тем же смешком, — он поставляет людям самых красивых и распутных женщин, чтобы сбить с верного пути. Особенно старается для праведников. Для них самых красивых и самых умелых в распутстве!

— Я не праведник, — заметил я. — Так что мне самому приходится выискивать этих самых... умелых.

— Тогда с ним найдете общий язык!

— Вряд ли, — ответил я. — Конечно, такой понравится, но меня не собьет.

— Уверены?

— Абсолютно, — сказал я.

— Почему?

— Азазель, — сказал я, — на моей родине все женщины, чтобы не давать так называемым распутницам преимущества, научились делать все, чем так привлекали мужчин распутные... А в этом случае, как понимаешь, понятие распутства отменяется. Когда им владеют все женщины, то распутства как бы и нет. С пути можно сбить чем-то особо редким, запретным. Так что

у меня иммунитет. Эти ваши распутные женщины не видели наших обычных домохозяек!.. Кто-то еще на подозрении?

Он посмотрел на меня искоса.

— Еще есть Нашмирон, демоница, одна из двенадцати помощников Самаэля. Может вредить больше всех остальных помощников Самаэля, вместе взятых.

— Может, — уточнил я, — или вредит?

Он коротко усмехнулся, блеснув на редкость ровными и яркими зубами.

— Не все равно?

— Нет, — ответил я откровенно.

— Человек, — произнес он со странным выражением. — Все бы вам рисковать... Иногда вредит, иногда нет. Такой ответ устраивает?

— Не совсем, — признался я, — но ты прав, у нас есть эволюционная склонность и даже предрасположенность к риску. Это ничего, что так объясняю? Если недоступно, скажи. Риск позволяет заполучить желаемое коротким путем и в сжатые сроки. Некоторые, правда, гибнут, зато уцелевшие приносят нечто важное в племя, позволяя тому сделать важный рывок в развитии.

Глава 8

Он смотрел со странным выражением, я даже не понял по его лицу, дошли мои слова и вообще слушает ли. Все-таки ангелы при всей их звездной мощи существа достаточно простые, говоря очень вежливо. Когда-то люди были намного примитивнее, за что их справедливо презирали, но цыпят по осени считают, и вот она уже почти наступила...

Нехаштерон вдруг посерьезнел, оставил чашку, улыбка и благодушие слетели с его лица. Мы молча смотрели, как он поднялся, быстро подошел к двери,

захлопнул ее и, быстро-быстро двигая обеими руками, наложил некое заклятие.

Я огляделся, ладонь опустил на рукоять меча.

— Что-то чувствуете, лорд Нехаштерон?

— Нет пока, — ответил он, — но это, похоже, была... Я имею в виду, схватку у холма...

— Ловушка? — спросил я быстро.

— Обманка, — проговорил он. — Мне сразу показалось, что эти демоны не из тех, кто надзирал в аду. Так что те, настоящие, где-то поблизости. Как и один из заключенных... Возможно, тоже придут не одни.

Я вздрогнул, панически осмотрелся.

— Говоришь, появляться внезапно не могут?

Он саркастически усмехнулся.

— Могут, но не здесь. Ты нагнал сюда столько священников, даже не знаю, как все еще дышу! Никакая магия не сработает... наверное, не сработает. Вообще-то можешь проверить на себе.

Я посмотрел на него волком.

— Я не маг.

— Но пользуешься? — спросил он с той же нехорошей усмешечкой. — Ладно-ладно, можешь не говорить, если признание ущемляет твою гордость хрупкого смертного. Или гордыню? Интересно, почему тебе гордыню можно, а нам было нельзя?

— Нам тоже нельзя, — напомнил я. — Это смертный грех. Но мы не на службе, как были вы. Мы свободны. Потому после смерти расплачиваемся за все сразу, а вы были на посту.

— Другой расклад, — согласился он. — На посту ни шагу в сторону, ты прав, хоть и смертный. Я вот оказался на вольном выпасе... и первые несколько сот лет это было самым тяжким испытанием. Я страстно завидовал тем ангелам, что остались под десницей Все-

вышнего, Он все решал за них. А некоторые из наших до сих пор завидуют.

— А вы, лорд?

Он посмотрел на меня прозрачными глазами, от вида которых у меня всегда мурашки по коже.

— Наконец-то ощутил нечто особенное. И смутно начал прозревать великий замысел Творца. Он в самом деле готовит себе наследника... ты только не задирай нос, до этого тебе дальше, чем улитке до края земли и обратно... миллион миллионов раз, но свободу воли дал именно для того, чтобы вы сами стали творцами. Сперва ме-е-е-еленькими, здесь на земле в своих загаженных огородах. Только Творец и человек имеют свободу воли!

Я перевел дыхание, что-то на меня в последнее время обрушивается масса важной информации, а я все-таки как бы рожден мчаться на коне и бездумно размахивать мечом.

Хоть это и глупо, но волнительно, красиво, женщинам нравится, а сами мы такие гордые и могучие, это же для самой важной цели: плодиться и размножаться, как велел Господь.

— А ты? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Общаясь с людьми, я сумел чего-то набраться от вас, как собака блох, потому в чем-то чуть-чуть человек, как ни стыдно признаться божественному ангелу. С другой стороны, Творец заставил не человека поклониться ангелам, а всех ангелов человеку, что раньше казалось диким оскорблением, а теперь только загадкой...

Азazel протяжно и с волчьим завыванием зевнул так смачно, что мы с Нехаштером одновременно открыли пасти и перекосили рожи, чувствуя, как внутри нас нечто сладко потягивается, раздвигает грудь, за-

тем вырывается на свободу со сладким рыком, и жизнь сразу становится еще радостнее.

— Давайте спать, — предложил Азазель. — В теле смертного я познакомился с этим странным явлением... Сперва не получалось, а потом даже сны начали приходить всякие, разные, интересные. Один раз весьма тесно пообщался с Лилит и Нашмирон, представляете? Так просыпаться не хотелось...

— Врешь, — сказал Нехаштерон с убеждением. — Я уже почти научился спать, но ничего такого не грезилося. Брехня все это.

Азазель, не отвечая и снова начиная позевывать, чуточку сполз в кресле и закрыл глаза, сложив руки на животе. Нехаштерон посмотрел на него и лег там же на диване, где сидел.

Я посмотрел на ложе, его оставили для меня, подумал насчет сна, но слишком внутри что-то дергается и екается, тихохонько вышел в коридор.

Двое местных стражей подтянулись, один спросил заботливо:

— Ваше Величество, что-то нужно?

Второй поинтересовался:

— Вас проводить?

— Не стоит, — сказал я. — Я пройду по замку, даже по этажу... вернусь. Я когда хожу, лучше мыслю. У меня лобные доли с трицепсами связаны.

Они остались малость обалдевшие, ничего не поняв, я прошел медленно по коридору, прикидывая так и эдак, как повернется дальше, нужно обязательно как-то состыковаться с небесным воинством и добиться поддержки. Это же ни в какие ворота не лезет, что сперва сумел получить помощь как бы от противника, хотя для Создателя они не противники, это как две партии в обществе, где одна победила и потому приписала все достоинства себе, а пороки — против-

нику. Ну, это не новость, историю всегда пишет победитель...

На лестнице простучали каблучки, навстречу вспорхнула молодая женщина, в испуге распахнула прелестные глазки, но узнала, счастливо заулыбалась:

— Ах, это вы, Ваше Величество!

— Пир все еще длится? — спросил я.

Она ответила с явным сожалением:

— Половина уже покинула зал, но самые стойкие еще пируют. Но оставаться дольше уже неприлично, пришлось вот отправиться в спальню... Она совсем рядом!

— Еще далеко до равноправия, — посочувствовал я. — Леди...

— Леди Сандианна, — подсказала она и добавила храбро: — Не проводите до двери? А то там в коридоре свеча погасла, так страшно, так страшно...

— Без проблем, — ответил я. — И даже плату не возьму. Прошу вас...

Я протянул ей руку. Обычно женщины едва-едва прикасаются кончиками пальцев, имитируя лишь впечатление, что их сопровождает мужчина, как и принято, но эта леди Сандианна взялась крепко, я ощутил и горячую ладонь, и пальцы, что с удовольствием легли на мою руку.

Светильник в коридоре возле ее двери в самом деле мертв, обе свечи догорели и утонули в чашечках воска. Леди Сандианна взялась за ручку двери, повернула голову в мою сторону, глаза ее хитро блеснули.

— Может быть, Ваше Величество, взглянет, как меня здесь устроили?

Трудно отказываться, когда говорят вот так, я кивнул, она распахнула дверь, мы переступили порог. Все мило, но, конечно, комнатка маленькая, кроме стола с двумя табуретками, вешалки для одежды и ложа, ничего больше.

— Странно, — сказал я, окинув мужским взглядом комнату, — такая роскошная женщина, однако почему-то одна...

Она сказала с завистью:

— Да женихи какие-то все мелкие, а то и вовсе никчемные!.. Повезло же вашей Франке, двух таких красавцев отхватила.

Я охнул:

— Откуда вы знаете?

Она прошептала беспечно:

— Мы, женщины, все в мире знаем. Не обо всех, а вот о таком... Прошу вас, присядьте вот здесь! Не понимаю, почему ей, обычной провинциальной девице из мелкого королевства, достались в мужья двое безупречных героев, а мне, такой умной, красивой и замечательной, да еще дочери герцога Тюрингийского, самого древнего рода в этих землях, ни одного?

— Нет в жизни справедливости, — сообщил я ей удивительную новость. — Бывает, просто везет. Стоит лишь оказаться в нужном месте и в нужное время... Успокойтесь, леди Сандианна, вся жизнь такая бякова.

— Какая?

Я развел руками.

— Когда достойный человек теряет кошелек, а недостойный находит и присваивает, разве это справедливо? Но так везде на всех уровнях и во всем. Потому не стоит ждать подарков от судьбы. Нужно брать их самой.

Она посмотрела на меня очень серьезно.

— Да, вы правы.

Я не успел подняться, как она оказалась на моих коленях, прижалась горячей грудью, нежные руки обвили мою шею, а полные горячие губы прижались к моим.

Докаркался, мелькнула мысль. Нечего умничать перед женщинами. Они существа простые, изящные

повороты речи не понимают и вообще не замечают, но суть ухватывают безошибочно. По ее логике я ее долго и упорно совращал, и вот она наконец-то уступила моим домогательствам.

Утром, когда я вошел в предоставленные нам покои, Азазель и Нехаштерон, прервав оживленный спор, разом повернулись в мою сторону.

Азазель шумно потянул носом, Нехаштерон смотрел заинтересованно, я сказал бодро:

— Утро красит красным цветом стены древнего... Как спалось?

— От тебя женщиной пахнет, — сказал Азазель обвиняюще. — А Нехаштерону только-только начинают сниться!

— Не начинают еще, — пожаловался Нехаштерон. — Это у тебя получается... Сэр Ричард, что-то еще узнали?

Азазель сказал с укором:

— Что можно узнать у женщины, очнись!.. О, спасибо, сэр Ричард, у вас фантазия разыгралась...

Я молча продолжал уставлять стол изысканными блюдами, это еще один щелчок по носу существам, полагающим, что монополия на их могущество, утонченность и величие будет длиться вечно.

Азазель первым подсел к столу и начал хватать мясо, сыр и сладости вперемешку, быстро и жадно, как простолюдин или дикарь, Нехаштерон сперва тоже было цапнул просто, как волк или коза, но посмотрел на меня, замер, изучая это странное поведение и стараясь понять, почему так сдержан. Даже вроде бы начал постигать нечто высокое, заключенное в том, что животные инстинкты, которым поддался Азазель, я смиряю и держу в узде. Этому и служит вся это сложная кухня, церемониал и неестественные для живого существа ма-

неры сдержанности, когда перед тобой соблазнительная еда, истекающая сладким соком, а ты еще выпендриваешься...

— Кроме четверки, — сказал я, — присматривающей за сторонами света, еще архангелы есть?

Азазель промолчал с набитым ртом, только мыкнул нечто нечленораздельное, зато Нехаштерон ответил живо:

— Еще три. Регуэль, Иерахмиэль и Саризель. Кроме того, масса ангелов, которых люди называли бы рядовыми.

— Сколько их? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Когда-то было сто тысяч, теперь сорок девять миллионов. Сами понимаете, сэр Ричард, когда столько, предателю появиться больше шансов, чем в наше старое доброе время.

Я сказал с сомнением:

— Думаете, кто-то из мелочи?

— Скорее всего.

— Лучше бы так, — согласился я. — Но если кто-то из высших...

— Высшие, — сказал он, — маловероятно.

— А Люцифер? — напомнил я. — Никого не было выше среди ангелов, никто не был так близок к Господу!..

Он сказал нехотя:

— Да, верно, сорвался. Но тогда все было внове! Даже гордыня. Теперь кто-то научился, глядя на людей, кто-то остался таким же. Но те, кто не изменился, вовсе не по уму...

— А по преданности, — согласился я. — Азазель это уже говорил. Но вообще-то нам не так важно, преданы Творцу по убеждениям или слепо. Потому Михаил, пусть и дурак, но он честный дурак, преданный

дурак. И будет любим Господом, так как с ним нет хлопот.

Азазель проглотил такой огромный кус мяса, что по горлу прошло утолщение, словно удав проглотил кролика, посмотрел на меня с недоверием и даже легким презрением.

— Ну вы и наглец, сэр... Почему так уверенно говорите за Господа?

Я ответил с усилием, чувствуя себя святотатцем, но в то же время и ощущая странную правоту:

— Разве я не по Его образу и подобию?

Он дернулся, глаза расширились в изумлении, словно впервые услышал, хотя, думаю, слышал настолько часто, что смысл просто ускользал.

— Ну, — сказал он наконец, — люди туповаты, все понимают буквально. У Создателя нет образа. Вообще.

— А кто говорит о внешности? — спросил я.

Он помолчал, рассматривая меня с нехорошим изумлением.

— Хотите сказать, эта ваша дурость, броски из одной крайности в другую, ложь, притворство, злобность, трусость, неоправданный героизм, скупость, чревоугодие... да все вам можно поставить в вину!.. И все это от Господа?

— А если вы, лорд Азазель, — сказал я, — просто еще не доросли... простите, не достигли понимания? Нужной степени или ступени понимания? Если это обязательные условия эволюционного отбора?... Люди должны выпускаться в мир разными. Худшие гибнут быстро, лучшие дают потомство... И вот через тысячу лет это уже не мокрые комья глины, а существа, что богаче вас, бессмертных, но одинаковых, как...

Он прервал:

— Это мы с Михаилом одинаковы? Или Рафаил с Вельзевулом?

— Вы не поверите, благородный лорд, — начал я, но в дверь постучали, затем робко поскреблись.

На лице Азазеля появилось завистливое выражение.

— Это к сэру Ричарду повалили женщины, — сказал он.

Стражи в коридоре нехотя открыли дверь, вошел старший управляющий замком, неумело раскланялся с порога, стараясь соответствовать столичному этикету, хотя и не имея о нем представления.

— Ваше Величество, — сказал он умоляюще, — к вам напрашивается очень настойчиво целая группа... я бы сказал, недостаточно знатных и по виду не очень благородных...

— Мы в походе, — ободрил я. — Мое королевское Величество тоже выйдет не весьма на троне!.. Но я же что? Вот именно. Оно самое. Так что поддержи их там пару минут, это не совсем для важности, а потом запускай всех. Здесь достаточно просторно. Странно, я недавно смотрел в окно и не видел, чтобы со стороны долины сюда шли или ехали...

Он сказал напряженным голосом:

— Мы тоже, Ваше Величество. Спешу исполнить ваше великодушное повеление!

— Да уж, — сказал я милостиво, — великодушнее некуда.

Он исчез, а я сосредоточился на пустой посуде. Тарелки начали исчезать одна за другой, распыляясь на ту пыль, что простым глазом незрима, и, когда исчезла последняя, сказал негромко:

— Присматривайтесь. Вдруг кто-то мирно жить не хочет...

Азазель проворчал:

— Это уж точно...

Глава 9

Минут через пять дверь распахнулась, в кабинет, он же спальня, лаборатория, мастерская и все остальное, что является идеальным жильем для мужчины, вошли один за другим люди в темных плащах до самого пола, в шляпах. Уже только по манере одеваться и покрою я понял, с кем имею дело, а в довершение ко всему последним в комнату вдвинулся Карл-Антон Земмельвейс, в прошлом глава магов Сакранта, но, думаю, он еще и сейчас для них глава.

Он прошел вперед, учтиво поклонился, кося настоящим взглядом на застывших в креслах Азазеля и Нехаштерона. Остальные маги последовали его примеру, копируя каждое движение, явно он и здесь сумел доказать всем свою силу.

Почти все маги, они же алхимики, достаточно высокие и худощавые, только один из них выглядит жизнерадостным колом, но и у него такой же, как у всех, отливающий металлом посох, набалдашник традиционно из янтаря чистейших оттенков.

— Приветствую вас, Карл-Антон, — произнес я как можно жизнерадостнее и приветливее, — и всю нашу интеллектуальную элиту!.. Проходите, друзья, располагайтесь. Это вот в креслах мои... соратники. Имена пока не раскрываю. Для вас я, как и для них, не король, а соратник.

Карл-Антон уточнил быстро:

— В пределах этой комнаты не король, если не хотите, но на людях...

Один из магов сказал смиренно, но с досадой в голосе:

— Любезный, мы все понимаем. Ваше Величество, мы польщены вашей высокой оценкой нашей работы. Я усмехнулся.

— Да вы и сами так думаете. Должен сразу сказать,

думаете правильно. Когда-то все короли и великие завоеватели забудутся, все записи о них сотрут или вовсе сожгут, а в историю будут вносить только имена великих ученых и алхимиков!

Карл-Антон, как и я, посматривал, как все рассаживаются вокруг стола, мест хватило, снова покосился на Азазеля и Нехаштерона, те остались в креслах, повернулись ко мне.

— Ваше Величество! Здесь сильнейшие... гм.. алхимики. Мы долго дискутировали о путях, которые вы намечаете для развития общества... и после долгих споров пришли единогласно к мнению...

— Почти единогласно, — вставил один из магов.

— Почти единогласно, — невозмутимо повторил Карл-Антон, — что это самый благородный, хоть и медленный путь совершенствования общества и самих людей. И в свете этого... мы готовы не просто выполнять все ваши указания, как мы уже делаем, но со всем жаром, умениями и страстью работать в этой программе.

Я оглядел всех загоревшимся, надеюсь, взглядом и сказал воспламененно:

— Как я ждал этого часа, друзья мои!.. Как я жаждал, чтобы меня поняли и поддержали из убеждений, а не по принуждению или ради высокого жалованья, раздачи титулов, земель и подарков! И наконец-то это свершилось!.. Я счастлив. Я вообще вне себя от счастья. Можете рассчитывать на меня полностью. Как многие из вас знают, а кто-то и убедился, что я скорее из вашего сословия, чем...

Замолчав, я сосредоточился, перед магами начали возникать тонкостенные фужеры, а когда создал все двенадцать, по числу сидящих, уже быстрее заполнил вином.

Пока они с восторгом и блестящими глазами рассматривали дивные фужеры, я снова сосредоточился,

молча создавал блюда, начиная от холодных закусок с ветчиной, шейкой, корейкой, бужениной и прочими вырезками, прикрыл глаза и отчетливо вообразил зажаренного гуся, это подсмотрел у леди Элинор, для нее на кухне старались особенно, страшась ее капризов и женского гнева, и мне однажды довелось даже попробовать это умело приготовленное чудо.

Маги уже начали пробовать вино, я всю середину стола заставил на блюдах настолько крохотными пирожными и различными сладостями, почему-то называемыми восточными, что нередко меня спрашивали, не у лилипутов ли со стола все это унес своей воровской магией.

Карл-Антон сказал весело:

— Его Величество всегда начинает с главного! Не то что мы...

Он сел за стол напротив, это чтобы контролировать коллег, бережно взял фужер, полюбовался, пригубил вино и снова засмотрелся на дивное изделие.

Маги осушили бокалы с обидным равнодушием, зато фужеры рассматривали так, что чуть ли не лизали, ощупывали, постукивали ногтями и прислушивались к тонкому звону, смотрели на просвет, быстро переговаривались, указывая то на узорные бока, то на изящные вытянутые ножки с почти невидимым основанием, которое можно обнаружить только на ощупь.

Бокалы для сладкого шампанского изготавливались по форме и размеру груди королевы Марии-Антуанетты, я даже видел как-то картину, где стеклодувы и ювелиры то и дело сравнивают полученные изделия с ее обнаженными сиськами, постоянно внося коррективы, и в конце концов добились абсолютного тождества, то есть размера «В» и объема в двести миллилитров, хотя лично я предпочел бы фужер поменьше, а сиськи побольше.

Маг, который выглядит жизнерадостным колобком, наконец спросил в великом недоумении:

— Как?.. Как вам удастся то, что не можем даже мы, посвятившие этому всю жизнь?

Карл-Антон пояснил:

— Его Величество еще до того, как стало им, много путешествовало и скиталось, не побоюсь этого слова, по разным и даже всяким странам и удаленным землям.

Колобок возразил:

— Мы тоже скитались!

Еще один маг, вполне классического облика, то есть худой, нос крючком, пронзительные злые глаза, сказал в поддержку:

— Многие и сейчас скитаются, но что-то им не выпадают такие полезные вещи.

Карл-Антон посмотрел на меня с усмешкой, у него тоже есть свои тайны, пояснил спокойно:

— Дорогой Кенангельс, как мы знаем, преданность и лояльность древних вещей со временем меняется. Конечно, так бывает только после гибели хозяина. Вещь становится ничейной, однако это не значит, что любой нашедший становится ее хозяином.

Кенангельс сказал с неохотой:

— Магические вещи весьма разборчивы. Мы не знаем, по каким критериям они отбирают нас, но вам, Ваше Величество, то ли невероятно везет, то ли вы очень похожи на их прежних хозяев.

Один из магов сказал резко:

— Но не может же он быть похожим на разных людей!

— Я тоже так думал, — согласился Карл-Антон, — потом пришла мысль, что у тех людей было что-то общее, роднящее их друг с другом. И они в принципе могли бы пользоваться вещами друг друга. Разумеется, с их разрешения. Или без разрешения после их смерти.

— И Его Величество сэр Ричард из их числа?

— Нет, — ответил Карл-Антон, — однако что-то в нем есть такое, что он похож на них.

Кенангельс оглядел меня из-под приспущенных век почти с ненавистью.

— На мой взгляд, Его Величество не выглядит таким уж древним. Скорее, все наоборот.

— Возможно, потомок?

Кенангельс сказал зло:

— Да плевали вещи на кровное родство! Иначе все мы, потомки выживших, могли бы владеть ими!.. Ваше Величество, что у вас такое особенное?

Я подумал, спросил:

— Может быть, моя необыкновенная скромность? И эта... как ее, набожность?

Азазель отчетливо хихикнул, а когда на него начали оглядываться, торопливыми знаками показал, что на него обращать внимания не стоит, он вообще с придурью, серьезных вещей не понимает, зато несерьезные ловит на лету.

Маги переглянулись с озлобленными и завидущими глазами. Кенангельс тяжело вздохнул, откинулся на спинку кресла.

— Ладно, Ваше Величество, мы пришли сюда не для того, чтобы выпытать, как вы ухитряетесь заставлять древние вещи узнавать вас и даже подчиняться вам. Хотя, конечно, очень бы хотелось...

Я развел руками.

— Поверьте, это выше моего понимания.

Он ответил с тяжким вздохом:

— Верю, хотя и неохотно. В том смысле неохотно, что обидно видеть тайны, к разрешению которых не знаешь даже, с какого боку подойти. Вы правы насчет развития алхимии! Только она может понять и объяснить все. Но как же нескоро все это будет...

Карл-Антон сказал с подъемом:

— Давайте закончим с затянувшимся предисловием. Ваше Величество, мы выработали ряд дополнительных мер, чтобы защитить скардер. Помочь защитить. К сожалению, не все мы сведущи в военном деле...

Я договорил:

— ...но нет таких мирных технологий, которые нельзя было бы применить для войны.

Он остановился, посмотрел на меня с удивлением и уважением.

— Ваше Величество... похоже, вы такое уже проделявали?

— Не в этой жизни, — ответил я с оптимизмом, которым можно толковать и как шуточку, и как признание, — но вы начинайте немедленно. Несколько схваток уже было! Враг из своих поражений делает выводы и бьет все сильнее.

Он поклонился.

— Мы тоже, Ваше Величество. Мы тоже делаем выводы. Спасибо за ваше покровительство, которое переоценить совершенно невозможно. При последней атаке противника на холм со скардером священники действовали почти заодно с магами, простите, алхимиками, хотя было видно, что это за алхимики.

Кенангельс хмыкнул:

— Алхимики файерболлами не швыряются. Но священники сделали вид, что не заметили. Нам этого вполне достаточно. Теперь мы верим, что сумеем защитить полностью.

Азазель сказал негромко:

— Тогда мы с моим другом можем отбыть обратно.

Карл-Антон поднялся, учтиво поклонился.

— Ваше Величество...

Маги поднимались один за одним, кланялись молча и выходили за ним следом в коридор.

Азазель сказал бодро:

— Ну, а теперь по хорошему кубку вина на дорогу... Даже если Нехаштерону здесь понравилось, хотя он в этом никогда не признается. Сэр Ричард, угостите нас своим дивным вином на дорожку?

— Вас постараюсь снабдить бочонком, — ответил я, — хотя и не пробовал насчет бочонка...

— Все когда-то в первый раз, — ответил Азазель бодро. — По крайней мере, так люди говорят. А силы ваши растут, как у нас там поговаривают. Кто с радостью, кто с тревогой.

— Ну да, — пробормотал я, — вам насчет первого раза сказать было бы непривычно. Вам вообще-то понять такое трудно, если даже я, сам человек, не понимаю человека. Кто-то из старых мудрецов сказал, что трудно понять и принять психологию благочестивых христиан, которые спокойно мирятся с тем, что окружающие их люди, иногда даже близкие им люди, будут в аду. Нельзя примириться с тем, что человек, с которым я пью кофий, обречен на вечные адские муки. Нравственное сознание началось с Божьего вопроса: Каин, где брат твой Авель? Оно кончится другим Божьим вопросом: Авель, где брат твой Каин?

Стол снова заполнился фужерами с вином, я на прощание постарался блеснуть и наполнил их где шампанским, где коньяком, где спиртом, кто знает их вкусы, Азазель потирал довольно руки, сказал оптимистично:

— Что вас тревожит, сэр Ричард?

— Да вот толерантность, — сказал я. — Разве можно совать нос в дела и поступки другого человека? Ну желает он быть содомитом, это его личное дело и личный выбор, я ни при чем... с другой стороны, разве члены общества не обязаны заботиться и оберегать

других членов общества? Не так плотно, как членов своей малой семьи, но как членов большой семьи?

— Ну-ну?

— Когда я был рыцарем, — пояснил я, — а еще лучше — дорыцарем, этих проблем не возникало. Сейчас же я Его Величество, монарх, взявший на свои плечи всю ответственность, даже с парламентом не поделился, так что решай правильно...

Азазель слушал невнимательно, больше следил, как и что возникает на столешнице, не утерпел, начал хватать фужеры и чаши, пить попеременно, в то время как Нехаштерон все поглядывал в окно, откуда дует прохладный ветерок, а мне с моего места видна только сверкающая, как раскаленная игла, вершина скардера.

— Двигайтесь по срединной линии, — посоветовал Азазель и причмокнул: — А вот это вообще-то просто чудо, да простят меня за такое слово...

— По срединной между Сциллой и Харибдой? — спросил я, — это еще так-сяк, но вообще-то золотая середина противна нашему мужскому сознанию, если, конечно, речь не о женщине.

— Почему противна?

— Мы люди крайностей, — пояснил я. — Либо грудь в крестах, либо голова в кустах. Воровать — так миллион... В общем, остороженько выбирать золотую середину — это признаваться в трусости!

— А что тогда мудрость?

— Мудрость тоже труслива! — заявил я с жаром.

Он посмотрел с иронией.

— Bravo. А в короли с такими взглядами не рано?

— Рано, — признался я. — Но я уже король! А короли, как и крокодилы, не умеют пятиться. Нам эта, как ее, мантия сзади мешает.

Он пробормотал:

— Как вы только выживаете... Стоп, там в долине что-то происходит!

Я мигом оказался у окна. Нехаштерон тоже вскочил, мы все втроем оказались у двери на балкон. Там вдали вокруг холма темнеет плотное кольцо защитников скардера, а со стороны Штайнфурта движется толпа народу, но, судя отсюда, не настолько громадная, чтобы смести защитников массой, да и все пешие, ни одного конного. Впереди, как я разглядел, напрягая зрение, несколько священников, размахивают руками и подбадривают народ.

— С виду не слишком серьезно, — сказал я, — но я на всякий случай...

— Мы тоже, — сказал Азазель, — почему и нет?

Дверь распахнулась без стука, вошел старший управитель замка, на лице довольство.

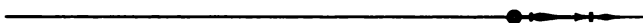
— Ваше Величество, — сказал он учтиво, — мне нужно вам что-то показать интересное. И даже важное.

Заинтригованные, мы повернулись к нему, раньше он держался с предельной почтительностью и не смел поднять взгляда, а сейчас вид таинственный, словно вот-вот откроет перед нами сокровищницу.

Я не успел открыть рот, вообще чутье подсказывало, что нам не до показываний, но он уже повел перед внешней стеной обеими ладонями. Ее поверхность задрожала, а когда он коснулся ладонями, там высветился круг, налился красным огнем.

Мы насторожились, а он отступил, прикрывая ладонью глаза. Свет не настолько яркий, чтобы резало глаза, но я сам ощутил некие неведомые волны, что пошли с той стороны.

Камни расплылись, как горячий воск, меняя форму. Я охнул, образовался барельеф размером почти в рост человека, изображающий туго закрученную направо ракушку с массивным багровым шаром в центре.

Мне она показалась чем-то похожей на спиральную галактику, даже центральное ядро выделяется зримо и мощно.

— Ну вот и все, — сказал управитель почти ласково.

— Что это? — спросил я.

— Портал, — ответил он мирно, но с торжеством в голосе. — Там мне сказали. Из ада.

Я отпрыгнул, пальцы сжали рукоять меча, но выхватить не успел. Шар вспыхнул, огонь побежал по толстой спирали, и, когда она запылала вся, я смутно увидел по ту сторону огня знакомые очертания гигантского пожара, что раскалил землю и почти начисто сжег воздух.

— Все назад! — закричал Азазель страшно.

Глава 10

В дыру полезли демоны, комната сразу наполнилась жаром от их тел. Мой меч врубился в ближайшего, Азазель и Нехаштерон с боевыми кличами наносили страшные удары, после которых тела разваливались на части, однако с той стороны их появляется больше, чем мы успеваем рубить, и я почувствовал, что делаю еще шаг назад, еще...

Сначала, как успел понять, в портал послали самых слабых, что отвлекут нас и позволят пролезть настоящим гигантам, и первый из тех сразу отшвырнул меня к противоположной стене.

Я слышал рядом яростные крики Азазеля и Нехаштерона, но не мог повести в их сторону и глазом, едва успевая уклоняться от страшных ударов булавы.

Справа и слева гремит железо под стальными мечами, со всех сторон звон и грохот, от наседающего на меня гиганта шумное дыхание из-под опущенного забрала превращается в ветер.

Ударом щита я выбил у него из руки булаву, он только развернулся для страшного удара, как я обрушил с размаха меч всей тяжестью. Шлем лопнул и разлетелся на мелкие куски, как глиняный горшок, перестоявший на солнце. Лезвие вошло в голову и остановилось на уровне переносицы.

Я с силой дернул на себя, не простой воин пал под ударом моего меча, точно не простой, простого я бы развалил пополам.

Через портал прямо из ада полезли еще и еще. Я с ужасом увидел за спинами появившихся в комнате сотни как осужденных преступников, так и демонов, что совсем недавно сторожили их, и с похолодевшим сердцем понял, что против такой мощи не устоять.

Внезапно они заорали и разбежались к стенам. Через пролом протиснулся демон, настоящий каменный голем, огромный, массивный и даже неуклюжий, но замок затрясло при его неспешных шагах.

Азazelь, сражаясь сразу с полудюжиной демонов, прокричал отчаянно:

— Убей!.. И помоги мне!

Как, мелькнуло у меня, но послушно вскинул руку и страстно, до визга всех нервов возжелал, чтобы вот сейчас в ладони появилась рукоять Мьелльнира.

Кулак голема метнулся мне в голову, я дернулся чуть запоздало, и скользящий удар едва-едва задел, но все равно в черепе будто взорвалась бомба. Я трижды перекатился через голову, вскочил, в ладонь смачно шлепнула рукоять молота, и в одно мгновение я метнул его в ухмыляющуюся морду голема.

Раздался сильный треск, грохот, в стороны брызнули осколки. Голем взревел оскорбленно, бросился на меня, словно намереваясь задавить всей массой.

Я прыгнул в сторону, перекувыркнулся, заодно ухватив и крепко сжав рукоять, ноги не подняли меня

с земли, а подбросили, а молот вырвался из руки, словно снаряд.

Голем вздрогнул от удара, остановился, стальная болванка расшибла нос и снесла бровь с нависающим гранитным выступом.

Я торопливо ухватил на лету и бросил молот снова. Удар, треск, голем успел закрыться ладонью, но страшный удар расколол ее пополам. Камни осыпались на землю, он тупо смотрел на культяшку, а я, чувствуя звериный подъем, хватал молот и бросал снова и снова, всякий раз целясь в голову.

Когда лицо превратилось в осыпающийся щебень, он начал размахивать кулаками вслепую, рушить стены. Я оглянулся на Азазеля, его прижали к стене, он уже весь в крови, я заорал и метнул молот в спину одного из его противников.

Тот рухнул с перебитым позвоночником, второй оглянулся и тут же попятился от Азазеля с разрубленной головой.

Азазель закричал победно.

— Всех убьем!

И поперхнулся: в пролом пролез еще один: вдвое крупнее и уже из раскаленного металла. При каждом движении с него ссыпается темная, хоть и горячая чешуя, обнажая раскаленную плоть из металла.

Мы устрешенно попятились, демон с каждым мгновением разогревается сильнее, уже весь в красных точках, что расползаются во все стороны, и, когда дошел до середины комнаты, стал почти целиком пурпурным, а за ним протянулась дорожка из осыпавшегося шлака.

— С этим не совладать! — крикнул Азазель. — Беги, я задержу!

— Щас, — ответил я. — Ну прямо щас исчезну...

В минуты опасности мозг начинает работать на все сто процентов, а то и вообще в режиме турбо, перед

глазами пронесли строки заклятий из книги Уэстефорда, я торопливо сосредоточился и прокричал заклинание, стараясь не пропустить ни слова, ни интонации.

Демон протянул к нам лапы, Азазель заорал и взмахнул мечом. Я тоже обнажил меч, но сверху уже блеснула молния, прогреготал гром и хлынул целый водопад, будто лопнула цистерна с водой.

Азазель охнул, водяной поток тут же иссяк, но успел охватить демона целиком. Тот на пару секунд скрылся в водопаде и клубах пара, а когда вода растеклась по полу, быстро находя щели, демон, как раскаленная болванка, брошенная в чан с водой и тут же выдернутая, исходит паром, но застыл в угрожающей позе с вытянутыми лапами, а когти почти касаются моего горла.

Я осторожно сдвинулся в сторону, Азазель крикнул нервно:

— Ты и так умеешь?

— Только сейчас узнал, — ответил я быстро. — Необходимость — мать изобретений!

Он быстро указал пальцем на демона.

— Смотри, он снова разогревается!

— Отходим к Нехаштерону, — сказал я.

Демон зашевелился, оранжевые глаза отыскиали меня и усталились с дикой злобой.

— Щас, — крикнул я.

Он сделал шаг, в этот момент я швырнул ему прямо в морду торопливо созданный глиняный кувшинчик. Демон дернулся, от него повалил пар, чудовищная фигура мгновенно стала серой, превратившись в замороженную статую.

Азазель крикнул:

— Это его задержит надолго!

— Нет, — отрезал я, — навсегда!

Азазель не успел слова сказать, как я сорвал с пояса молот и швырнул в демона, целясь в голову. Удар

пришелся в лоб, рога разлетелись с треском, а голова отломилась с хрустом и словно кусок льдины покати-лась по полу.

— Что за... — крикнул Азазель ошалело. — Я не знаю такой магии!

— Никакая не магия, — ответил я с сильно стуча-щим сердцем.

— А что?

— Сверхнизкие температуры, — крикнул я в от-вет. — Про них знает только Господь!

— Только... Господь?

Я сказал чуточку хвастливо:

— Твой вопрос понял. Ответ: утвердительно.

— Что?

— Знаю тоже, — пояснил я.

— Что ты знаешь?

— Как создавался мир, — ответил я. — Не презрен-ной же магией он создавался! Понятно же, что наукой. Я человек, если ты не забыл. Что Господь знает изна-чально, я узнаю понемножку и медленно. Но все-таки...

Со стороны портала донесся страшный разъярен-ный рев. Сразу два демона вылетели с той стороны, но ударились о противоположную стену и рухнули на пол с разбитыми головами.

Я торопливо бросился к дьявольской ракушке, жар начинает быстро утихать, портал затягивается, но я успел увидеть с той стороны исполинскую красную фигуру, что вскинула правую лапу в приветствии.

— Вельзевул, — прохрипел я Азазелю, — он пере-крыл доступ к portalу с той стороны...

— Неплохо, — ответил он стонущим голосом, — те-перь он там все разнесет...

— Больше не полезут?

— Эти ребята совсем отчаялись, — сказал он, — ес-ли решились применить Портал Люцифера. Теперь сам

Люцифер, взбешенный такой кражей, уже не выпустит их из лап!

Он оглянулся на трупы, одни просто рассыпались на горящие угольки, а затем быстро превращались в пепел, другие вспыхивали жарким огнем, словно промасленная бумага, от них тоже только пепел, что неведомо куда исчезает.

На том конце зала Нехаштерон отчаянно сражается с насевшими на него демонами. Когда в портал пролез огненный, отхлынувшие от нас насели и оттеснили Нехаштерона, сейчас его почти не видно из-за множества противников, мечей, топоров и палиц.

Азазель быстро и яростно начал рубить блестящие потные спины, я швырнул молот в самого огромного. Стальная болванка с силой ударила в поясницу, громко хрустнуло. Демон переломился надвое и упал на пол.

Я полагал, с ним покончено, однако тот вскочил, как ни в чем не бывало. С мечом Вельзевула я бросился к ним, его соседа рубанул со спины в голову, а этот, что остался цел после удара молотом, обернулся и умело перехватил лезвие моего меча своим коротким клинком, но я увидел на его лице страх при виде моего меча с красным рубином, взыграл, заорал люто, корча страшные рожи, и, ускоряя движения, вонзил острие ему в живот.

Он согнулся, выронив оружие и закрывая страшную рану обеими ладонями, но из нее между пальцами брызнула не кровь, а яркий свет.

Я вздрогнул и замер от пронзительнейшего крика детским плачущим голосом. Он упал, скорчился на полу в позе чемоданчика, засучил ногами, и через мгновение от него осталось только пятно света на полу.

Азазель прокричал:

— Ты убил ангела!..

— Вашего? — крикнул я. — Хотя какая разница...

Парировав удар еще одного, я ловко сдвинулся и нанес страшный удар сверху. Лезвие разрубило доспех на плече и погрузилось на две ладони в грудную клетку.

Воин вскрикнул таким же тонким жалобным голосом, полным боли и страха. Я выдернул меч и приготовился рубить еще, но противник рухнул мне под ноги, дернулся, и моментально исчез в ослепившей на миг вспышке.

— Второй, — прокричал Азазель. — Берегись! Сзади!

Меня в спину мягко толкнуло, я резко развернулся, это Нехаштерон, ухватившись за древки всаженных в него копий, удерживает, не давая выдернуть из его груди. Бледное страдальческое лицо искажено непереносимой мукой, изо рта потекла кровь, слабеет на глазах, но отчаянно цепляется за орудия его убийства.

Я наконец свалил еще одного, перепрыгнул через его тело, в три огромных прыжка достиг тварей, вонзивших в Нехаштерона зазубренные острия копий. Один успел оглянуться, но острие моего меча с силой рубануло его наискось по шее.

Вспыхнул красный огонь, кровь ударила фонтаном во все стороны. Второй выпустил из рук копье, выхватил из-за пояса нож, я нанес тяжелый удар мечом, однако он легко парировал ножом и с такой легкостью отбросил мой тяжелый клинок в сторону, что я едва удержал рукоять в занемевших ладонях, чувствуя, как в страхе застыло сердце.

Второй удар он отразил еще легче, замахнулся сам, я увидел стремительно мелькнувшую тень за его спиной, и голова раскололась пополам, как огромная тыква под ударом широкой секиры.

Азазель, весь залитый кровью, сказал тяжело дыша:

— Последний...

Мы разом повернулись к Нехаштерону. Тот уже опустился на землю, копы так и торчат: одно из груди, другое из живота, я похолодел, только представив, что вытаскиваю, а на зазубринах висят порванные кишки.

Нехаштерон смотрит отчаянными глазами, ангелы чувствительнее нас, любая боль им страшнее стократ, но Нехаштерон даже попытался улыбнуться, прошептал:

— Прощай...

— Прощай, — сказал Азазель тихо. — Мы все сделали, брат, правильно.

Нехаштерон проговорил жалобно:

— Страшно-то как...

Я вскрикнул:

— Но я же могу?.. Или не могу?

— Он ангел, — напомнил Азазель мрачно. — Убить ты его можешь. Вылечить... нет.

Еще один в двух шагах от Нехаштерона дергается в судорогах, но вскоре тело расслабилось, стало непривычно плоским, будто расплылось по земле, одежда вспыхнула ярким плазменным и уже знакомым мне огнем.

Из всех сочленений доспеха ударил яркий свет, словно в кирасе вспыхнуло солнце. Я зажмурился на миг, а когда проморгался, шлем откатился на шаг, стальные наручники упали на землю, даже металлическая кольчуга рассыпалась на отдельные звенья, и мы увидели, что доспех пуст.

Азазель невольно взглянул вверх, хотя понятно, это же не толстожопый голубь взлетел, снова посмотрел вниз, но там только доспех, от его хозяина не осталось и следа во всем этом мире.

— Вот и все, — проговорил он отрешенно.

— Он там возродится? — спросил я. — Это был Темный из ада? Темный ангел? Не демон?

Азазель покачал головой, я никогда не видел, чтоб его лицо выглядело таким, словно перед ним рухнула вся вселенная.

— Гаргателен, — сказал он, — как он мог... Один из самых Первых!

— Пойти против нас?

Он покачал головой.

— Нет, погибнуть... Ты не понимаешь, он не просто погиб, а совсем погиб. От него ничего не осталось. Никакого возрождения! Это вы, люди, получите второй шанс после Страшного суда, ангелы же вечны и бессмертны... так было до нынешнего времени.

Я присел возле Нехаштерона, положил его голову себе на колени. Азазель в самом деле раздавлен горем не только из-за Нехаштерона, но и из-за этого Гаргателена, хотя вроде бы и погиб его враг, но все-таки у него с ним больше родства, чем со мной, смертным.

— Что с того, — проговорил я осторожно, — что этот Гаргателен так древен и силен? Он из Первых, как ты сказал...

Он спросил тяжелым голосом:

— Разве это плохо?

— Он из самых древних, — сказал я, — созданных в первый день творения? Это могло бы стать его преимуществом.

Он посмотрел на Нехаштерона, помрачнел и отвел взгляд.

— Что ты хочешь сказать?

— Он за все тысячи лет, — ответил я, — ничему не научился, гордый своей силой и величием! Азазель, ты же не такой. Ты продолжал развиваться, уметь. Ты передал людям все, что знал и умел, а дальше уже смотрел, как они развивают полученные дары, и сам учился у них... Кто мешал так остальным? Не-ет, гордыня перворожденных слепила им глаза. Азазель, пере-

стань!.. Ты не один. Вельзевул и другие понимают, что мир должен развиваться, а не пребывать... в пребывании! Почему-то Нехаштерон все понял... Ну почему мы не можем его спасти?

Азазель сказал резко:

— Потому что...

Тело Нехаштерона на краткий миг вспыхнуло чистым радостным светом. На моих коленях и на полу еще миг оставался контур его фигуры, затем и он исчез. Азазель вскинул голову, я тоже успел там сверху заметить стремительно исчезающую искорку света первого дня творения.

— Азазель, — проговорил я, не веря своим глазам, — ты не ошибся?

Он продолжал смотреть вверх, лицо дернулось, искривилось, а губы задрожали.

— Неужели, — прошептал он, — неужели... он прощен?.. Но как же...

Глава II

Буйная радость вошла в мое тело и расперла, как глубоководную рыбу на суше.

— А вот так, — сказал я с нажимом. — Это же... самое человеческое!..

— Что?

— Искупление, — отрезал я. — Жертва за други своя. Во-первых, он признал свою вину, выступив в помощь человеку, которому некогда отказал в поклоне...

Азазель едва сумел проговорить дрожащим, как лист на ветру, голосом:

— Но... я не могу поверить... я боюсь поверить...

— Он отдал жизнь, — сказал я высокопарно, сам ощутил, что перехлестываю в возвышенности, но уже не могу остановиться, Ричарда понесло, — спасая наши. Как Христос отдал жизнь, спасая наши души, не

тела... Хотя, если честно, сам не поверил бы, что вот такое историческое прощение случится прямо на моих глазах. Вообще-то я везучий.

— С твоим участием случилось, — сказал Азазель.

Он все еще с мукой на лице и слезами на глазах смотрел в небо.

— Награда приходит, — сказал я мудро и важно, — когда не ждешь и не выпрашиваешь.

— Наверное...

— Теперь, если и увидишь Нехаштерона, то с белыми крыльями за спиной и в сияющих золотых доспехах!

Его лицо перекривилось то ли в гримасе острой зависти, то ли в насмешке, что вот так сразу всего лишь за одно благородное движение...

И что, подумал я, можно и за одно. Если оно искреннее. Одно искреннее движение меняет всю нашу суть...

Дверь с грохотом распахнулась, в комнату ворвались лорд Робер и трое стражей.

Лорд Робер прокричал с вытаращенными глазами:

— Дверь только сейчас появилась! Там была стена, мы зря ломились!

Азазель сказал успокаивающе:

— Старый трюк. Это чтоб мы не убежали и не вызвали подмогу. Все в порядке, барон!.. Мы справились. На этот раз окончательно. Уверю вас.

А я сказал все еще сконфуженному и выглядящему виноватым лорду:

— Дорогой друг, спасибо за мудрость!

Он спросил с непониманием:

— Ваше Величество?

— Что не полезли вперед с самого начала, — объяснил я. — Понимаю, барон, рыцарю бывает стыдно не повести в бой лично, но командир обязан оставаться сзади и успевать руководить, как сделали вы. Ввяжись в схватку вы лично, враг уже прорвал бы оцепление не в

одном месте, так в другом. Уже вижу, ваш гарнизон помог защитить холм со скардером. Мятежники там рассеяны!

Он торопливо огляделся.

— Но... где же трупы?

— Войны нового поколения, — объяснил я. — Ни крови, ни трупов. Все рассыпается, остаются только материальные ценности. Стол, правда, перевернули, но это поправимо... наверное, у нас еще сил хватит поднять и поставить на место. Барон, успокойте своих людей там внизу, панику нужно сеять в рядах противника.

Он поспешно кивнул.

— Да-да, Ваше Величество. Выполняю!

Азазель проводил его рассеянным взглядом, на меня посмотрел озабоченно и даже с тревогой.

— Сколько оставалось сбежавших, двое? Сейчас мы зарубили не меньше дюжины, из них двое ангелов из небесного легиона, один из Темного и четверо демонов-полукровок. Грешников они послали вперед, чтобы дать себе время пролезть через дыру...

— Могли бы нас смять, — признал я. — Отряд у них оказался весьма... внушительным.

Азазель уточнил:

— Хотя все были отборные бойцы, но мы справились. С отборными, натасканными, защищенными и непростыми. Вельзевул будет счастлив.

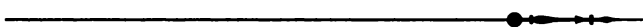
Я вложил меч в ножны, покосился на победно блистающий в навершии рубин.

— Может быть, еще что-то выцыганить?..

Азазель сказал с укором:

— Сэр Ричард, вы же человечество спасали!

— Ах да, — ответил я без интереса, — это тоже, но и Вельзевулу помог зело... Ну ладно, кто моей добротой только не пользуется просто без стыда и совести. Главное вообще-то, что ухрюкали двоих из небесного воинства! Это уже что-то. Вот теперь-то могу ткнуть носом Михаила...

Он саркастически улыбнулся.

— Все-таки Михаила? Чем-то достал вас?

— Достал, — признался я. — Может быть, другие еще хуже, но с теми не сталкивался, а этот уже поперек горла. Потому хочу именно его потыкать носом в его дерьмо. Или дерьмо его подчиненных... Хотя, конечно, это эмоции, а на самом деле мною движут государственные интересы защиты и процветания.

В коридоре послышались приближающиеся голоса, мы повернулись к двери и разом опустили ладони на рукояти мечей, хотя когда так топают, то явно не угроза, но пуганая ворона и на молоко дует.

Азазель быстро шагнул вперед и сам распахнул двери. Из коридора робко шагнул несколько обескураженный оголенными мечами в наших руках Карл-Антон, а за ним зашли еще двое в обгорелой одежде, с пятнами ржавчины и с мешками за спиной.

Карл-Антон спросил быстро:

— И здесь тоже?

— Тоже, — ответил я. — Как остальные?

Он сказал мрачно:

— Двое ранены, остальные погибли. Только мы втроем остались на ногах. Но зато из нападавших не ушел никто. Простите, Ваше Величество, что уменьшили поголовье налогоплательщиков, но нужно было убить даже тех, кто убегал... Пусть остальные знают, мы не шутим. Кто против нас пойдет, у того даже родня пожалеет... А здесь, как я понимаю, был кто-то по-сильнее?

— Но не сильнее нас, — ответил я. — Хотя вообще-то сильнее, но побеждает не сильнейший, а лучший. Что это у вас?

Двое магов сняли мешки, Азазель насторожился, я по его примеру отступил и опустил ладонь на рукоять меча.

Карл-Антон сказал торопливо:

— Мы кое-что захватили. Напавшие защищали это своими телами!.. Не знаю, что за дрянь несли, но слишком похожа на одну штуку, что однажды уничтожила весь город, образовав на его месте вулкан... Я читал описание того случая в старой книге.

— Чего только в старых книгах нет, — сказал я с невольной дрожью.

Из мешков маги вытащили и разложили на полу одинаковые и туго упакованные в красную ткань свертки. Карл-Антон поблагодарил их кивком, все-таки сотрудники, а не подчиненные, посмотрел почему-то не на меня, а на Азазеля..

— А вам это знакомо... сэр?

На лице Азазеля проступило, что еще как знакомо, но покачал головой и ответил:

— Откуда? Нет, конечно.

Карл-Антон объявил:

— Содержимое всех тюков явно собирались выпатать на вершине холма поближе к скардеру.

— И что должно случиться? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он откровенно. — Для пробуждения вулкана недостает одного компонента.

Один из магов сказал негромко:

— Простите, но это больше похоже на ползучий ганзак. Если кубок этой дряни плеснуть на стену дома, она поползет вверх и вширь. Все вскоре закроет тонкой, но очень прочной пленкой, и уже никто не войдет в дом и не выйдет.

Второй маг размял крючковатые пальцы, заговорил скрипучим, как старое дерево на ветру, голосом:

— В старых летописях описан случай, когда на стену осаждаемого замка выплеснули содержимое целого бочонка. Пленка ганзака расползлась по стенам, затянув окна и даже крышу, а на утро замок исчез.

Я заметил, как и он поглядывает на Азазеля, маги намного чувствительнее простых людей, что мало чем отличаются от коров, которых пасут. Это я по своей невнимательности могу не увидеть в замаскировавшемся под человека Азазеле что-то необычное, но все трое магов явно что-то чувствуют особое.

Азазель заметил интерес моих новых алхимиков к себе, широко улыбнулся.

— Может быть, и так, — сказал он. — Я старых книг не читал!.. Я вообще читать не люблю.

Карл-Антон заметил:

— Но вы знаете о веществе, что способно вызвать вулкан на ровном месте. Не так ли?

— Слухи, — ответил Азазель так же беспечно. — Я сам не видел, так рассказывали. Там, в дальних королевствах... Ваше Величество, что с этим делать?

— Отнести в мою сокровищницу, — распорядился я. — А магам выдавать для исследований по шепотке. Отмеряя наперстком.

Карл-Антон и оба мага разом и совершенно одинаково поморщились, но Карл-Антон сказал со вздохом:

— Увы, я бы еще и поставил у сокровищницы стражу понадежнее.

— Там не только стража, — заверил я. — А пока враг будет пытаться ломать колдовскую защиту, по тревоге явится охрана и помощнее.

Он поклонился.

— Ваше Величество... Мы это уносим?

— Прямо в Геннегау, — распорядился я. — Я там скоро буду.

Карл-Антон пробормотал:

— И окажетесь в городе явно раньше нас.

Маги посмотрели на него в изумлении. Карл-Антон улыбнулся, дескать, шутка такая изысканная, льстивая даже, но снова посмотрел испытующе на Азазеля,

который не успел изобразить на лице даже удивления, словно и сам умеет передвигаться с такой же неспешной скоростью.

Когда за ними закрылась дверь, я спросил тихо:

— Ты уверен, новой попытки не будет?

Азазель кивнул.

— Заговорщики использовали очень редкое и дорогое заклятие. Даже в аду нужно копить колдовскую мощь сотню лет. Кроме того, это был Портал Люцифера, он единственный в своем роде... Раньше он был в общей кладовой, я давно намекал, что его стоило бы под особую охрану, но Вельзевулу все было некогда...

Он перевернул опрокинутый стол и поставил его у стены, придвинул ногой кресло, но садиться не стал, выпрямился, уже Темный и прекрасный ангел, гордый и надменный.

— Ладно, связывайтесь с Михаилом, а я исчезну пока.

— Что стряслось?

Он посмотрел свысока.

— Не выношу этого дурака. Он стал еще тупее.

— Он не стал, — возразил я. — Это ты продолжал развиваться.

— Какая разница, — сказал он. — Меня воротит от его слепой преданности.

— А где ты будешь? Если тебя искать, то где?

— Просто позови, — сообщил он. — Мы обычно слышим, когда произносят наши имена. Это не значит, что обязательно откликаемся, но для тебя сделаю исключение.

— Не для меня, — уточнил я, — для дела.

— Хорошо, — согласился он, — если ты такой скромный, то для ах-ах спасения человечества.

— Это не скромность...

— Конечно, не скромность, — согласился он и нахально ухмыльнулся. — У тебя ее просто море!.. Гондванское.

— Что за Гондванское? — спросил я.

— Теперь там выжженная пустыня, — пояснил он. — Ни капли влаги, ничто не живет... Прощай пока!

Он вскинул руки, явно по привычке, я поспешно прикрыл глаза ладонью, однако Азazelь исчез без вспышки, как и без запаха серы.

Я несколько раз набрал в грудь воздуха поплотнее, затем выдыхал, пока голова не закружилась, но вроде бы кислородом насытил кровь, должен мыслить быстро и четко, но все равно трушу, все-таки, как ни хорохорюсь и ни тверди себе, что царь природы — человек, но все-таки помню, что это Михаил со своим войском разгромил и сверг в ад мятежных ангелов, а я что, двуногая птица без перьев да еще, стыд какой, с плоскими ногтями.

— Михаил, — сказал я громко и с усилием, — архистратиг небесного воинства... не знаю, провел ли ты внутреннее расследование среди своих сотрудников, но я провел... И его результаты тебе очень не понравятся.

Я ждал, ничего не происходило, я в самом деле решил, что он слишком горд и отказывается общаться с человеком, уже повернулся и пошел к двери, как грозно заблестало золотом и железом.

Глава 12

Он возник посреди комнаты, огромный и величественный, чуть ли не головой в потолок, в императорских доспехах римского властелина, от шлема до поножей все невыносимо блещет золотом, туника под кирасой победно-пурпурного цвета, надменный и снисходительный к моей ничтожности.

Голос его прогрохотал подобно грому, но одновременно в нем прозвучала и высокая музыкальность:

— Смертный... что ты просишь?

— Михаил, — сказал я с тем же усилием, — я не хочу задираться, дело серьезное. Угроза нависла и над тобой.

Он сказал высокомерно:

— Рассмешить хочешь?

— Михаил, — сказал я, — тебе будет не до смеха.

— И что, — произнес он с предельной надменностью, — ты смог узнать?

— Хорошо, — ответил я, — в самом деле обойдемся без всяких «драсте». Ты на мое приветствие кладешь невнимание, гордыню выказываешь, потому я сразу о деле. Из ада сбежали новые заключенные... Более того, не поодиночке, а в составе преступной группы, что делает ее опаснее, потому меры должны были быть приняты немедленные и весьма жесткие.

Он ответил с той же надменностью:

— И что?..

— Организованная группа, — подчеркнул я, — с преступными, надо полагать, намерениями, а не с чистой совестью к честной жизни в условиях моего монархически-демократического режима!

Он смотрел высокомерно и бесстрастно, но мне почудилось, на его светлом лице отразилось чувство глубокого удовлетворения.

— И что? — повторил он. — Почему ты смиренно запросил моей помощи?

Я постарался выпрямиться и смотреть гордо, как и было задумано изначально, но человек однажды упустил эту возможность, и с тех пор смотрит снизу вверх, даже простирается, стыдно подумать, ниц.

— Не запросил, — отрезал я, — не помощи, и уж никак не смиренно, и ты это знаешь.

— Да? — переспросил он с победной иронией.

— Предыдущих сбежавших, — напомнил я мстительно, — мы не ловили. Вот не ловили и все! Даже в демократических королевствах по законам военного времени преступников ликвидируют на месте. Что и было весьма сделано. Или нужно объяснить значение такого приятного слова, как «ликвидация»?

Он смотрел все еще свысока, но в глазах мелькнуло беспокойство.

— Мы? Это кто?

— Уполномоченная группа, — ответил я с достоинством, — по обезвреживанию и обеззараживанию. Без особого суда и продолжительного следствия по собиранию улик.

— Это... как?

Я объяснил терпеливо:

— По законам военного времени и в виду чрезвычайных обстоятельств, границы которых определяю весьма я.

— Ого!

— Протесты, — уточнил я, — против неправомерных действий администрации ада вроде бы разрешены в усеченном виде ввиду безопасности, однако насильственные действия получают достойный отпор со стороны праволевоохранительных структур! Да ты и сам подавлял мятеж, знаешь. Или думал по ангельской наивности, можешь подавлять только ты?

Он спросил раздраженно:

— Почему сообщаем это мне?

— Ты главный страж, — напомнил я, — и вроде бы еще архистратиг, если тебя не разжаловали за бездействие, что я бы уже сделал. Проверь, кого из твоих Светлых недостает!

Он спросил с той же надменностью:

— О чем ты, смертный?

— Сбежавших из ада, — сказал я с мрачным торжеством, — вел некто. Как бы некто, но есть серьезные подозрения, что он хоть и некто, но в то же время и кто-то. Даже двое или трое. Это доступно? В этих двух-трех нектах подозреваю парочку из так называемых Светлых, хотя я мог бы подобрать термин и поточнее!

Он напрягся, всмотрелся в меня огненными глазами.

— И что... они погибли? Ангелы?

— Были казнены, — ответил я жестко. — За нападение на представителей законной власти во время исполнения!

Он спросил с гневом:

— Ты говоришь об ангелах?

— Это уже преступники, а не ангелы, — ответил я уклончиво. — Это доступно? Или защищаешь только потому, что как бы свои? Тебе напомнить или сам вспомнишь, что и Люцифер был своим, да еще каким своим?

Он спросил с недоумением, как я увидел, искренним:

— На кого они напали, как ты говоришь?

— На меня, — отрезал я, возвысив голос. — Господь власть на земле передал человеку! Уже подзабылось? Так вот я напоминаю. Человека не трогали ни Темные, ни Светлые, потому что нельзя. Но себя вы за тысячи лет убедили, что запрет ни при чем, это вы такие милостивые и благородные, потому просто вот так сами не обижаете мелких смертных людишек. По доброте и снисходительности.

Он спросил строго:

— Смертный, а не проявляешь ли ты чрезмерную гордыню?

— Я за нее отвечу, — ответил я, — на Страшном суде. А ты отвечай здесь и сейчас.

Он повысил голос, крылья за спиной начали подниматься, напоминая о его ранге архистратига.

— Ты требуешь ответа от меня? Главы небесных ангелов?

— Именно, — сказал я. — Ты это организовал или кто-то за твоей спиной?.. Если не ты, во что я все-таки верю, то узнай, кто из ангелов погиб, с кем эти погибшие в последнее время общались, пока были не совсем погибшие... а погибшие в другом смысле, но такое высокое понимание тебе вряд ли доступно. В общем, допроси тех, узнай, что замыслили...

Он сказал резко:

— Смертный! Ты хоть представляешь своим жалким умишком, с кем разговариваешь?

— Мне твой ранг неважен, — отрубил я. — Он там, понял?.. Не буду показывать пальцем, я же не доисторический ангел, а вполне культурный современный человек эпохи развитого средневековья. Почти интеллигент, но вооруженный. Да, вооруженный интеллигент! Не видел такого? Я тоже, но это не отменяет законов природы. Здесь ты в гостях, намекаю как бы изысканно и учтиво! У меня, смертного. И соблюдай наши законы, будь я даже папуас. Сейчас же весьма даю тебе указание разобраться, кто из Светлых, то бишь ультраправых, помог преступной деятельности!.. На моей территории человека. Это дипломатический протест в виде явно и ясно выраженной вербальной ноты на государственном уровне суверенных интересов и демократии.

Он посмотрел свысока и с невыразимым презрением.

— Даже указание? Такое вот существо?

— Да, — сказал я еще тверже, хоть голос пару раз дрогнул, но у Михаила, как у воина, чувствительности не больше, чем у ледников на полюсе, хрен заметит, — именно указание, если ты все еще один из четырех архангелов. Учти, ты тоже на подозрении!

Он картинно вскинул брови.

— Я?

— Ты в общем числе, — уточнил я. — Возможно, помощь мятежникам пришла от ангелов второго уровня или третьего уровня. Я не знаю вашей иерархии, да и не королевское дело разбираться в степенях важности между слугами. Просто разберись и выяви виновных. А я уж решу по результатам.

Он захохотал, запрокидывая голову. Смех становился все громче и победнее, уже сотрясал вселенную, мне страстно захотелось плотно зажать ладонями уши и присесть, но я терпел, а пылающая фигура вспыхнула немыслимо ярко, исчезла, оставив после себя черное пятно, похожее на дыру в пространстве.

Я стиснул челюсти, кровь громко стучит в висках, Михаил так и не ответил, проведет ли расследование или проигнорирует мои слова. Но хотя бы появится определенность, на чьей он стороне.

За дверью тихо, уже все в замке знают, что в верхних покоях Его Величества короля Ричарда происходит что-то пугающе страшное, да и лорд Робер, оставив охрану перед моей дверью, велел никого не подпускать и близко, дабы не нарушать высоких дум и всяких мыслей Его королевского Величества.

Я перевел дыхание, сказал негромко:

— Азазель! Я знаю, ты уже развлекаешься... но я все-таки переговорил с Михаилом.

Спустя долгую минуту в комнате вспыхнуло такое жаркое зарево, что я отшатнулся и подумал сердито, что исчезал без эффектов, зачем же сейчас, или это обязательный ритуал?

Он вышел из багрового огня, подчеркнуто веселый и франтоватый, на лице живейший интерес, ладную

фигуру красиво обтягивает точно скроенный по ней панцирь из толстой кожи в три слоя.

— Ого!.. — сказал он поощрительно. — Времени зря не теряешь.

— Я ничего не теряю, — заявил я. — Кроме того, что все-таки теряется.

Он придвинул стул и сел на него верхом, лицом к спинке, положив на нее руки, а я запнулся, прикидывая, с чего начать.

Никто из ангелов не волен являться людям в истинном обличье, разве что подвижникам и аскетам в их кельях, это за их заслуги, да и то лишь наедине, а на людях обязаны быть неотличимыми от простых и серых.

Даже два высших архангела, Гавриил и Уриил, посетили Содом и Гоморру под личиной обычных путников. Веселые горожане, живущие в атмосфере демократии, толерантности и либеральных ценностей, хотели их поприветствовать в духе свобод и открытости общества, но ангелы почему-то воспротивились и, побитые и в порванной одежде, спрятались у Лота, не раскрывая никому своих лиц.

Передо мной Михаил появлялся во всем блеске и могуществе ангела, когда я бывал в одиночестве, потому сейчас Азазель выглядит крепким и бывалым воякой, побывавшим в ряде сражений.

В прошлые разы даже барон Робер не заподозрил в нем одного из самых известных ангелов-мятежников, хотя и почуял вообще-то крутого и крепкого дядю, умеющего бить и принимать удары. Только маги смотрели с великим подозрением, но помалкивали, им самим нужно держаться так, чтобы поменьше обращать на себя внимание.

— Потому, — закончил я объяснять Азазелю, — и тот ангел, который помог злодеям выбраться из ада,

наверняка косил под человека, не раскрывая всех своих возможностей.

Он молча захватил стул и вышел на балкон. Половина неба уже охвачена диким огнем, багровые облака намертво застыли в беге и простоят до утра, а страшный выпуклый диск Маркуса почти не виден в этом буйстве красок.

Я создал по фужеру вина, один сунул Азазелю, с другим сел напротив, чуть ли не впервые в жизни вот так без всякого дела, как, наверное, буду сидеть, когда стану совсем старым.

Солнце опускается настолько медленно, что выглядит приварившимся к раскаленному небосводу, пылающий закат напоминает ад, для меня это экзотика, а для Азазеля, наверное, неприятное воспоминание, хотя он и проводит больше времени здесь, на земле.

Он сделал неспешный глоток, на лице отразилось удовольствие, переходящее в наслаждение, со вздохом опустил фужер.

— Создатель все равно видит, — обронил он задумчиво, — видит всё и всех. Но ты прав, он и раньше допускал, что небесные ангелы посещают мир людей неузнанными, если только ни в чем не проявляют своей сущности.

— Зачем?

Он посмотрел на меня в удивлении.

— Чтоб убедились в своей ошибке. Человек, по его мнению, достоин уважения, несмотря на свою слабость и хрупкость. Правда, все равно мало кто поймет и примет, ибо истинный замысел Творца скрыт, но Господь терпелив.

— Рискованно, — сказал я.

— Думаешь?

Я зябко поежился.

— Твой старый друг Гагрателен был хорош. Будь у него меч чуть длиннее...

— Но длиннее оказался у тебя, — заметил Азазель.

— У меня руки длиннее, — сказал я.

— Думаешь, Михаил станет разбираться с тем, что ты ему сообщил?

— Станет, — ответил я, но ощутил, что уверенности в моем голосе мало. — Если кто-то из небесного воинства рискнул помочь бежать из ада, это же подрыв авторитета и власти Михаила, верховного архистратига!

— Командует всеми Метатрон, — напомнил Азазель.

— Метатрон заведует всей канцелярией, — уточнил я, — а Михаил отвечает за безопасность, так? Насколько я понял из твоих слов.

Он сказал почти нехотя:

— Ты улавливаешь очень точно.

— Потому, — сказал я чуть увереннее, — в первую очередь это дело Михаила. Все равно придется докладывать Метатрону.

Он поднес край фужера ко рту, медленно и с наслаждением сделал крохотный глоток и полужакрыл глаза, прислушиваясь, как часть вина немедленно вообралась сублингвально, а остальное покатилося по пищеводу, всасываясь в стенки, так что до желудка вряд ли что-то вообще добралось.

— Отменное вино, — сказал он с чувством. — Ты прав, эту цивилизацию надо спасти.

— Ты еще коньяк не пробовал, — сообщил я. — Правда, Михаил не знает вкус даже этого вина.

— Так ему и надо, — ответил Азазель. — И не угощай его. Да он и сам не примет.

— Гордый?

— Нет, блюдет.

Я посмотрел в пылающий ад неба. Именно закат почему-то напоминает мне о грандиозности создания

мира, хотя по идее так должен думать при виде радостного и чистого восхода. Впрочем, восход солнца я обычно бессовестно просыпаю.

— Сейчас Михаил, — сказал я с надеждой, — перебирает своих соратников? Если он архистратиг, то для него дисциплина должна быть альфой и омегой всего на свете!

Он хмыкнул.

— Да, он бывает жесток. Сейчас там наверху сверкают молнии и грохочут громы. С кого-то летят перья.

— Думаешь, уже нашел?

— Не потому, — уточнил он, — это он всегда так. На всякий случай. Архистратиг просто обязан выглядеть грозным. Даже небесный легион без дисциплины немыслим.

— Пока ждем, — сказал я, — Расскажи немножко про их мир. И про свой тоже. А то я путаюсь, как в своих трех пальцах... Ого, у меня их целых пять! А что ж тогда три?.. Ах да, сосны. Хотя при чем тут сосны?

Он посмотрел на меня с недопониманием.

— Сосны?.. Да, понять людей трудно.

— Мысли Господа неисповедимы, — сказал я с такой предельной скромностью, что от нее на мило пахло гордыней, — а мы лишь его подобие. Так что вы там представляете? Как устроились на новом месте?

Он посмотрел на свой почти опустевший фужер, я приготовился наполнить доверху, но он допил одним решительным движением и поставил на пол. Я на всякий случай налил коньяка, самого выдержанного и богатого оттенками, накопленными за годы хранения в дубовых бочках.

Азазель вздохнул, но цапнул фужер и сразу же сделал глоток. Я сел поудобнее и приготовился слушать.

Глава 13

В первую очередь смертных, сообщил Азазель с легкой насмешкой, сбивает с толку то очевидное и такое понятное, что у архангелов, как и у архидемонов, есть и другие сущности. Вы, смертные, не привыкли к такому раскладу, а для нас это просто и понятно. Правда, у простых демонов сущность только одна, а вот Авриэль, к примеру, еще Самаэль и он же Сатана, и все потому, что Авриэль когда-то просто разрывался от противоречий, не зная, какую дорогу выбрать: то ли насильственного сопротивления Творцу, то ли искусного сбивания человека с верного пути, чтобы таким образом доказать Создателю, как тот ошибся.

Таким образом, он отныне иногда в двух обликах одновременно, хотя это и одна сущность, а иногда в трех-четырех. Поэтому Авриэль лишен возможности покидать ад, Самаэль может покидать очень редко и по особым случаям, в личине Озриэля он постоянно в четвертой антисфере ада, зато как Сатана, не замешанный ни в каких насильственных действиях, ходит по земле свободно.

Высший демон не Люцифер, не Самаэль и не Вельзевул, как полагал я и как уверено большинство, а Теумиэль, он глава всей сложной адской системы антисфирот, был создан самым первым, потому возомнил себя двойником Творца, даже имя себе выбрал соответствующее, ибо Теумиэль — означает «близнец». Сила его велика, старается превзойти Творца. Но его не зря называют обезьяной Бога, так как стремится подражать всему, что делает Создатель, но, конечно, только на пользу миру Темных ангелов и порожденных ими демонов.

— Однако он занят, — пояснил Азазель, — только, как говорят у вас, глобальными вопросами. До людей

никогда не снисходит, потому у вас больше известны те, кто с вами общается.

— Это понятно, — согласился я, — простой солдат хорошо знает сержанта и каптенармуса, а генералы и маршалы слишком далеки. А кто еще бывает в нашем мире?

— Если из Темных, — ответил он, — кого ты называешь левыми, это мне тоже нравится больше, то чаще всего бывает Насира. Вообще-то он живет в Гееноме, это Нижняя Земля, но здесь появляется, чтобы творить чудеса, что не от святости, как у ваших священников, а как раз от нечистот, ибо вся магия от нечистоты, как ты сам уже понял. Это он отметил чудесами египетских жрецов и персидских магов... но, думаю, на него обращать внимания не стоит.

— Почему?

Он пожал плечами, не отводя взгляда от фужера с коньяком.

— Он сам по себе. Ему нравится привлекать внимание простого народа чудесами. Это и делает, заодно подрывая веру людей в Творца. Но он одиночка. Не станет ввязываться в заговоры, помогать каким-то беглецам из ада... Он приспособился, ему уже нравится его жизнь.

— Интересно, — сказал я медленно, — давай дальше. Он посмотрел на меня с ехидной улыбкой.

— Даже знаю, о чем хочешь спросить, но из не свойственной тебе скромности пока не решаешься.

— Это не скромность, — ответил я, — а желание узнать сперва важное и нужное.

— Все остальное не так важно, — ответил он. — Какой тебе толк, если расскажу про тысячу высших Темных ангелов, которые никогда не покидают ада?.. Тебя интересуют, я же понимаю, только те, кто вхож в мир людей... а еще, конечно, демоницы, так у вас их назы-

вают... и вам неважно, Темные ли это ангелы из числа изначальных, или же дети от брака ангелов с людьми.

Я сказал с подчеркнутым неудовольствием:

— Ладно, уговорил. Расскажи о демоницах.

Он ухмыльнулся.

— Ага, сразу повеселел!.. И заинтересованности в блудливых глазках прибавилось. Одно дело слушать о нужном, другое — о приятном. Высших демониц всего четыре, из них двое — высшие. Первая — Лилит, вторая — Махлат, вы с нею уже пообщались, чему я все еще удивляюсь... и две от соития ангелов с земными женщинами: Наама, младшая сестра Лилит, она теперь жена Асмодея, и последняя — Аграт бат Махлат. Как ты, надеюсь, догадался уже, это дочь твоей знакомой Махлат. Остальные все мельче, хотя их великое множество. Перечислить?

— Нет-нет, — сказал я поспешно. — Будь я баннерным рыцарем или даже бароном, тогда да, но я король, так что простые демоницы пусть остаются для людей рангом пониже.

— Для графов?

— Даже для баронов, — разрешил я великодушно.

Он сказал с одобрением:

— Ты хорош, гордыня Люцифера перед твоей... тьфу, прах. Даже не знаю, почему ты еще не в аду? В самой глубокой яме?

— Могу предположить, — ответил я.

— Почему?

— Люцифер, — сказал я, — жаждал всего лишь сместить Творца и сесть на Его место. Борьба за трон. Никаких новых идей, как сделать мир лучше. Просто опустить зад на сиденье трона, взять в руки скипетр и державу и окинуть всех надменным взглядом. Дескать, теперь вас и ваших жен буду иметь, как захочу и когда захочу!..

— Ну-ну, — сказал он с интересом. — А что может быть еще?

— Борьба за трон может быть оправдана только в одном случае, — подчеркнул я, — если есть ясная и продуманная программа, как сделать мир прекраснее! И сторонники этого борцуна должны поддерживать именно программу, а не самого лидера. Для того чтобы после победы работать еще больше, делая мир прекраснее, а не наслаждаться властью над побежденными!

Он слушал не только с интересом, но уже и с напряжением, стараясь понять это новое, что приходит в мир с быстро развивающимся человеком.

— Хочешь сказать... Люцифера не за гордыню?..

— В яблочко, — сказал я. — Была бы у Люцифера такая программа, Творец сказал бы с радостью: ты молодец! Вот тебе власть, бери и делай этот мир еще прекраснее. А я пока розы повыращиваю. Или капусту. Но у Люцифера ничего не было, кроме зависти и жажды власти ради самой власти!.. А проросло все из гордыни, что, дескать, он такой же по блеску и величию, а сидит на ступеньку ниже.

Он долго молчал, коньяк отхлебывал с большими паузами. Несколько запоздало я сотворил горку мясных деликатесов. Азazelь посмотрел с подозрением.

— Настоящее?

— Как и вино, — ответил я.

Он сказал с тяжелым вздохом:

— А Насира творит только видимость. Его вино, правда, тоже можно пить, а пищу есть, но вино не пьянит, а пища не насыщает.

— Это натуральное, — заверил я. — Принцип иной. Мы же, сам знаешь, по чьему образу и подобию. Начинаем с малого, но все настоящее. Потому и будем драться за этот мир, как муравьи, не щадя живота сво-

его. Чтобы от малого переходить к большому, потом к великому, а затем...

Я замолчал с многозначительным видом. Он посмотрел искоса, зябко передернул плечами.

— Страшно и подумать, что натворите.

Вдали над холмом остро блеснуло. Я дернулся, едва не выронил фужер. Со сверкающей, как раскаленная добела спица, вершины скардера ударил яркий луч света, направленный вертикально вверх.

— Заработало, — прошептал я.

Азазель подхватился, наклонился над перилами.

— Эта штука... послала о себе весть?

— Похоже, — проговорил я с трудом. — Вряд ли это маяк, как мы привычно думаем, цепляясь за местные реалии, но... Такое Маркус уж точно заметит... Не может не заметить!

Он спросил жадно:

— Думаешь, клюнет?

— Спроси что-нибудь полегче, — ответил я с тоской. — Но даже, если весь Маркус — чисто механический девайс, и то должен проверить, что это.

Он кивнул.

— Ну да, а люди проверят обязательно. Если в нем, конечно, люди.

— Да и демоны должны проверить, — сказал я. — Слишком уж это не из нашего мира. То ли демоны оставили, то ли ангелы...

Исполинская спица скардера светится на верхушке розовым, переходящим неторопливо в пурпур.

— Странно, — сказал я, — что ничего не можете рассказать о том, что было раньше. Все-таки Великие Войны магов сотрясали всю землю!

Он покачал головой.

— Думаешь, ангелов ваша жизнь хоть чуть-чуть интересовала? Они, правда, замечали, что люди то унич-

тожают себя почти полностью, то снова вылезают из нор и стремительно заселяют землю. Потому и не могут ничего рассказать о предыдущих цивилизациях, об их мощи и причинах гибели. И только с появлением Христа и созданием церкви что-то изменилось. Даже не что-то... многое изменилось!.. Ты эту ночь проведешь снова в постели той пышечки?

Я с тоской посмотрел на багровое зарево, настоящий ад в небе, страшно даже всматриваться чересчур пристально.

— Нет, — ответил я. — Просто, наверное, прогуляюсь перед сном.

Его улыбка стала шире.

— И снова у двери спальни той леди?

Я возразил с достоинством:

— У меня есть и другие интересы. В смысле, не просто другие, а высокие!

— Слушай, паладин, — сказал он заговорщицки, — а ты мне нравишься. Может быть, зайдем оба? Вдруг она только обрадуется?

— Нет, — сказал я поспешно, — я больше в такое не играю. Теперь смиряю себя, и вообще...

Он всмотрелся пристально, в изумлении покачал головой.

— Да ты через все это прошел!.. И ты все еще паладин?

— Я потом стал паладином, — сказал я нервно. — Когда завязал. Все, хватит, я теперь нравственный и почти непьющий. В общем, как бы. Скоро в церковном хоре петь буду и на спицах вязать. Или крючком, еще не решил. Так что уступаю, иди один.

Он посмотрел с интересом.

— Что, решил вовремя остановиться? Мудро. А силенок хватит?

— Зависит от цели, — ответил я. — В общем, ты

отдыхай и развлекайся, а я пойду навещу старого друга...

Он сказал живо:

— Я с тобой? Ты же обязательно во что-то интересное вляпаешься!

— Я к отцу Дитриху, — сказал я кротко.

Он отшатнулся так, что чуть не перевалился через перила.

— Фу... Нельзя же так пугать!.. Ладно-ладно, в церковь я за тобой не пойду. Но если вляпаешься, позови.

— Непременно, — пообещал я. — Если, то сразу.

В прошлый раз разговор с отцом Дитрихом не только облегчил душу, я ведь рассказал почти все, утаив только про слишком тесный альянс с левыми и ультра-левыми, все-таки отец Дитрих за правых, по крайней мере, официально, а так как он еще и тайный кардинал, то даже за ультраправых, хотя, как я слышал, ультраправые и ультралевые легче находят точки соприкосновения друг с другом, чем умеренные.

Отец Дитрих ввиду чрезвычайного положения воспользовался данной ему властью, чтобы мобилизовать всех церковников, позже прибыли даже два хора мальчиков, тут же их поставили по обе стороны холма, где они чистыми детскими голосами начали распевать псалмы, усиливая мощь святой защиты.

Я обратил внимание, что священники уже в три ряда ходят у подножия холма по кругу, держа в руках святыне дары, мощи и прочие святыни, которых вроде бы должны страшиться злые духи.

Еще успел заметить, как высокие ворота Штайнфурта и Воссу широко распахнулись, выпуская колонны священников и монахов, выстроившихся в две шеренги.

В соборе суматоха, хотя ввиду наступления ночи должна бы царить умиротворяющая тишина, везде взволнованные и встревоженные лица, отца Дитриха я едва разыскал, он окружен толпой священников, раздает им указания, но едва заметил меня, помахал рукой, подзывая немедленно.

Священники неохотно расступились, я подбежал, крикнул на ходу:

— Что случилось, отец Дитрих?

На меня посмотрели справа и слева с ревнивой неприязнью, к архиепископу надлежит обращаться почитательнее, хотя да, я не просто король, а еще и паладин, что здесь считается выше, паладин к церкви ближе, а король может оказаться редкостной свиньей.

Отец Дитрих ответил со сдержанным гневом:

— Нападение! Прямо на собор!

— Ого, — сказал я быстро. — Чем-то помочь могу?

Он посмотрел на меня пытливо.

— Сын мой, я знаю, как много выпало на твою долю. Но если ты сумел бы помочь, это сильно бы облегчило нам... гм... работу.

— Отец Дитрих?

Он покосился на священников, те виновато опустили головы, он сказал с усилием:

— Похитили послушницу Эммалину Златоголосую. Она пела в церковном хоре, а также без хора. У нее ангельский голос, а люди, слушающие ее, очищаются от скверны и каются в грехах.

Я сказал мрачно:

— Тогда понятно, почему ее похитили.

— Сын мой?

— Кому-то, — сказал я, — как я уже вешал, весьма жаднется, чтобы мир стал хуже и еще хуже. Чтоб Господь, осерчав, если не потопом, то Багровой Звездой прекратил брренное существование, а терраформированную землю отдал другому биологическому виду.

Или небиологическому, есть тут такие, жадною толпою стоящие у трона, пасти пораскрывали, слюни глотают...

Он быстро взглянул вверх, затем строго сказал священникам:

— Отправляйтесь по своим делам и на этот раз будете бдительнее. А вы, Ваше Величество, зачем рискуете и наживаете себе новых врагов, критикуя и даже подвергая критике такие высокие лица?

— Просто надеюсь, — сказал я нервно, — что услышат не только высокие, но и высшие. Мы уже выяснили... почти выяснили, что за исполнителями стоят довольно могущественные силы, но есть и повыше, от которых они прячут свои истинные и весьма гнуснейшие намерения.

— Сэр Ричард?

— Сейчас там наверху идет внутреннее расследование, — сообщил я. — Мы его инициировали вполне успешно, так что процесс будет доведен до конца. Расскажите, кто похититель? Куда унес?

— Хотите сказать, — проговорил он с надеждой, — она еще жива?

— Убить проще на месте, — заметил я, — чем похитить, а потом убить. Если похитили, то для каких-то целей.

Он повернулся, указал рукой в сторону окна.

— Только известно, что унесли вон в ту сторону. Но там нехорошие земли...

— Для человека нет ничего запретного, — заверил я и поспешно уточнил: — Если он паладин и с молитвой на губах. На устах, в смысле. Уста — это рот, окруженный губами. Сверху и снизу. Отец Дитрих, пока я жду отчета... ну, это я загнул, просто новостей на счет начатого расследования, то посмотрю, что смогу сделать по поводу украденной послушницы. Кстати, новости есть хорошие... вообще-то они не совсем хо-

рошие, мы лишились важного и могучего союзника, но с другой стороны...

— Сын мой, перестань говорить загадками.

Я вздохнул и проговорил, словно бросаясь с высоты в ледяную воду:

— Помните, со мной сражались двое? Отец Дитрих, должен признаться, один из них был в прошлом как раз тем, кто отказался поклониться Адаму и был низвергнут в ад.

Он отшатнулся, быстро перекрестился, а на его лице отразилось отвращение, словно от меня пахло серой.

— Сэр Ричард... вы в своем уме? Как можно пойти на такое?..

— Отец Дитрих, — сказал я умоляюще, — он давно признал свою вину перед Господом, а загладить ее старался тем, что защищал меня, потомка Адама, которому некогда не возжелал поклониться!.. Но сейчас даже не это главное!

Он поинтересовался холодно:

— А что? Продолжай.

— Мне в спину пытались вонзить два копья, — воскликнул я с жаром, — а он перехватил и оба принял в свою грудь!.. Отец Дитрих, в том и гениальность Творца нашего! Он предусмотрел эту возможность и знал, что после тысячелетий в аду можно пересмотреть свои идейные убеждения и взгляды, переосмыслить жизнь и выйти на свободу с чистой совестью!.. Напоминаю, тот, который погиб и был взят на небо, это Темный ангел, некогда восставший бок о бок с Люцифером! Теперь он сражался за человека и погиб за него. За сие был прощен полностью и взят взад, где наверняка уже получил свои прежние крылья и золотые доспехи, хотя это не доспехи в нашем понимании, а только кираса и поножи с наручнями, хотя чего было ожидать от диких римлян?

Он слушал внимательно, на бледные ввалившиеся щеки слегка вернулась краска, а глаза заблестели жизнью.

— Что, в самом деле... Темный сражался... за людей?

— Именно!

Он перекрестился, сказал с жаркой мольбой:

— Господи, велика мудрость твоя! Только в горниле испытаний и горестей осознаем, что мы есть, чего стоим и каковы наши истинные идеалы!

Я перевел дух, отец Дитрих все же воспринял все намного легче, чем я ожидал, тем более Темный погиб, проблемы больше нет. Хотя, конечно, всей сути я не сказал и говорить не стану. Так, отдельные несознательные элементы хотели бы помешать, но сознательные, которых намного больше, не дадут им распускать руки, разевать клювы и топырить перья. Все путем, все в рамках, под контролем, а с отдельными вытекающими как-то да справимся.

— Это великая надежда, — воскликнул я патетически и в самом деле ощутил, что ничуть не переигрываю, момент действительно великий, близок к поворотному, — мы видим, милость Господа бесконечна, а кто-то уже усомнился!.. Создатель прощает не только людей, хотя частенько и напрасно, но даже ангелов, посмеявшихся некогда воспротивиться ему лично!.. А это значит, недалек час Великого Примирения!.. Отец Дитрих...

Я смиренно поцеловал ему руку и поспешно отбыл, стараясь закончить разговор на возвышенной и даже высокой ноте.

Глава 14

Азазель развалился в кресле в такой свободной позе, словно так уготовился и заснуть, но едва я вошел, спросил совсем не сонным голосом:

— И что тебе нахрюкали святоши?

Бобик вскочил с ковра посредине комнаты и принялся обнюхивать меня старательно со всех сторон, особенно интересуясь карманом, откуда торчит краешек платка.

— Похищена послушница из хора, — сообщил я. — Правда, не солистка... а может, и солистка, хотя в хоре их вроде бы нет? Или есть?.. Не знаешь?

— Не знаю, — отрезал он, посмотрел на меня с новым интересом, — а вот почему ты не знаешь?

— У меня память плохая, — сказал я. — Все помню, потому не сразу могу найти то, что нужно. В общем, то ли дожидаться утра, то ли шас...

Он поинтересовался ленивым голосом:

— Она очень красивая?

Я посмотрел на него с надменностью высокодуховного паладина.

— А это при чем?

— Ради уродливой, — сказал он со знанием дела, — ты не стал бы дергаться.

— Глупости, — возразил я. — Она прекрасно поет, так меня заверили. Это значит, не просто красивая, а прекрасная!.. Прима-балерина. Нет, прима-вокалистка. А на внешность можно и глаза закрыть.

— Или на лицо платок набросить, — согласился он. — Тебе помощь нужна?

— Сам управлюсь, — ответил я без уверенности. — И без намеков, лорд Азазель. Не нужна мне помощь в таких делах!

Он сказал поспешно:

— Нет-нет, я имел в виду помощь по спасению.

— Спасибо, — ответил я. — Вы лучше тут побдите, сэр. Эта певунья — существо высокодуховное, а вы грубы и циничны, дорогой сэр Азазель!

Он охнул:

— Что, даже больше вас, прелюбезный сэр?

— Я могу быть и высоконравственным, — возразил я с достоинством. — А вот вам не дано.

— А как это, — спросил он, — высоконравственным?

— Ну это, — начал я уверенно, запнулся, сказал с досадой: — В общем, я представляю себе это состояние вполне отчетливо, читал о нем, так что вообще-то могу, хотя пока еще и не пробовал. Жизнь такая, мы же приспосабливаемся к ней, одновременно приспосабливая и ее под себя!

Он протянул медленно:

— Да, люди пошли еще те... Знал бы Люцифер, что так рванетесь...

— И что?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Может быть, не рискнул бы. Все-таки он так вроде бы указывал на глупость Творца и восстал против его самодурства. За справедливость!

— Все равно бы попер, — сказал я. — Это вы рога-тились из идейных соображений, а он совершал переворот в личных и весьма корыстных целях. Потому при общем обломе каждый отвечает за себя, и вина у всех разная, это простая истина, хотя ее напрасно втолковывали туповатому Томлинсону.

— Если что, — напомнил Азазель, — зови! Я не настолько гордый.

— Бобик, — сказал я, — нюхай. Хоть тут и нет соплей, у высокодуховных откуда они, но тебе же немного надо?.. Даже я слышу женский, подумать только, запах...

Бобик понюхал, посмотрел на меня с вопросом в глазах.

— Начнем от места похищения, — решил я. — Возьмем след, найдем и покараем злодея. Если получится, спасем и вернем взад прима-хористку. Все понял?..

Спокойной ночи, Азазель. Смотрите, вон та свеча плохо держится. Упадет на ковер, погибнете в пожаре...

Во дворе уже глухая ночь, но ясная, безоблачная, на темном небосводе с одной стороны бледная луна. Багровый диск Маркуса упорно стремится к центру, а россыпь звездочек лишь оттеняет интеллигентность луны и грубый солдафонский напор инозвездной твари.

Конюхи вывели Зайчика, я поднялся в седло и вскинул руку в небрежном прощании в сторону балкона. Азазель помахал в ответ.

Бобик подпрыгнул, красиво развернулся в высшей точке, это выглядит эффектно, хоть и непонятно, понесся длинными прыжками в сторону собора.

В самом деле, мелькнула мысль, понимает больше, чем о нем знаю. Умница моя ушастая. Только умнеть не хочет, ему больше нравится жить в беспечной радости. Знает, умным все не в радость и за все горько.

Бобик за пару сот ярдов от собора резко остановился, подпрыгнул, нюхая воздух, возбужденно взвизгнул.

— Поймал? — спросил я радостно. — Погнали!

Зайчик вслед за черным соперником на мою любовь тоже вытянул шею в стремительной скачке, и дальше ускоряющийся грохот копыт, теплый встречный ветер не зло, но настойчиво попытался остановить или хотя бы задержать, мир быстро мчится навстречу, мелькая по бокам и пропадая там сзади в ночи.

Какое счастье, что похитил не ангел, а всего лишь маг. Хотя это не обязательно значит, что вовлеченных в заговор ангелов мало или что они уже кончились. Те, кто все замыслил, точно не бегают, как дураки с высунутыми языками, и не стараются сделать все своими руками. И привлекли народу как можно больше. Кого-

то на добровольной основе, подсунув идею, что нужно уничтожить тех, кто смеет противиться карающей руке Господа, а кому-то пообещав высокое покровительство и преференции.

Мчаться в указанном отцом Дитрихом направлении пришлось недолго: никакой маг не унесет тяжелую добычу на другой конец земли. Минут через пять Бобик обогнул небольшую гряду скал, и за ними открылась почти отвесная стена, сильно изрезанная трещинами и кавернами.

Бобик повел носом, ловя запахи, решительно ринулся в сторону пары трещин. Вблизи одной бродит оседланный конь с оборванным поводом, брезгливо нюхает камни.

Увидев нас, в испуге отбежал, но не помчался прочь, а остановился в настороженности, каждое мгновение готовый ринуться со всех ног.

Бобик, не обращая на него внимания, остановился у трещины, понюхал и только сунулся в одну, как я рывкнул:

— Стоять! Это тебе не на кухню.

Зайчик злорадно фыркнул, Бобик обиженно оглянулся, но я покинул седло и, обнажив меч Вельзевула, двинулся в щель. Постепенно она расширяется, горы хоть состоят из камня, но с возрастом, как и деревья, обзаваются дуплами. И так же, как и в дуплах, что со временем расширяются, в пещерах кто-то да поселяется.

Сперва это выводок летучих мышей, потом мелкие зверьки, лисы, волчья стая, медведь, а в конце концов, если достаточно просторная, то поселится и дракон, а то и целое семейство.

Но хуже всего, когда пещеру облюбовывает разбойничья шайка. Выкурить трудновато: защищаться от

наступающих легко, кроме того, еще и пару запасных выходов приготавливают вдали от основного входа...

Бобик шел сзади и сердито сопел в спину. Зайчика пришлось оставить, кони не привыкли на коленях, это мы с Бобиком, если надо, там, где дракон не проползет и арбогастр где не промчится, герой на пузе проползет, и ничего с ним не случится...

— Тихо, — сказал я. — Не хрюкай. Слышишь?

Он попытался протиснуться мимо меня вперед, едва не размазав сюзерена по каменной стене, но я ухватил за холку, удержал и отпихнул за спину.

— Слушай оттуда, — велел я. — И нюхай... Да не меня, морда нахальная.

Ход становился цивильнее, уже и я начал улавливать вроде бы нечто женское, феромоны какие-то. Затем ход резко расширился и вывел в просторную пещеру, где на той стороне вверх ведут прекрасно вытесанные ступеньки, что скрываются за поворотом стены.

— Жди здесь, — сказал я. — Ты же не попугай, чтобы ходить по лестницам? Ну вот, сядь и жди.

Пещеру я пробежал под стеночкой, а там, ступая на цыпочках, начал подниматься, постоянно вслушиваясь. Однако это снаружи то ветер шумнет, то пролетающая ворона так каркнет, что присядешь в испуге, а здесь все тихо, как в могиле, и я поднялся примерно на пару этажей, открылась пещера, но ступеньки повели выше.

Я хотел было пойти дальше, но в пещере нечто звякнуло металлическим, донесся глубокий вздох. Осторожно вытянув шею, я заглянул, насторожился.

Под стеной сидит достаточно крупный молодой мужчина с металлическим ошейником неприятного черного цвета. Цепь тянется к штырю, вбитому в стену. Вид у пленника безрадостный, но жив, хотя на плече, шее и даже на боку засохшая кровь.

Я приблизился тихонько, но он услышал, поднял голову. Молодое лицо, достаточно красивое, хотя и подпорчено слишком уж надменным выражением, в глазах страх прячется за желанием выглядеть доблестно и героично.

— Ты кто? — спросил я. — Вурдалак? Или вервольф? Или, упаси Господи, перевертень?

Он смерил меня непонимающим взглядом.

— Что?

Голос его прозвучал с хрипотцой, но тоже с надменностью и даже долей чванства.

— Ошейник, — объяснил я. — Железный ошейник не дает вам превращаться в более... ну, приятный образ.

Он проговорил высокомерно:

— Я барон Стронгфильд, Уоллес Стронгфильд из древнейшего рода Эбергардов!.. Как могу быть оборотнем? Вы меня оскорбляете, сэръ!

— Ладно, — сказал я, — вы не против, если я сниму с вас этот ошейник? Потому предупреждаю, я паладин. Если возжелаете укусить, я не только зубы выбью, но и так отпаладиню и обеззублю, всю жизнь сможете только молитвы шептать...

Он сказал повелительно:

— Если сумеете, попытайтесь снять этот ошейник. Но колдун, который его надел, был уверен, что снять его невозможно, а это кольцо сжимает мое горло все сильнее...

— Рискнем, — ответил я. — Все равно вас скоро задушит, чего жалеть?

Попытки разомкнуть руками ни к чему не привели, хотя мышцы вздувались красиво и рельефно, я сам залюбовался и некоторое время с любовью и восхищением смотрел на них, а не на покрасневшее горло жертвы, где ничего примечательного.

— Ладно, — сказал я. — Теперь не двигайтесь, попробую снять чары...

Кончик меча Вельзевула коснулся черного металла. Посыпались искры, пленник дернулся и закрыл глаза. Я нажал сильнее. Клинок не стал резать колдовской металл, как мягкое масло, и просто прожигал в ней не очень красивую щель, а я же эстет, везде добиваюсь совершенства, наконец плотное кольцо развалилось на две части, а барон глубоко вздохнул всей грудью, открыл глаза.

На шее осталась красная полоска ожога от раскаленного металла, но пленник, игнорируя боль, произнес с достоинством:

— Сэр, вы спасли мне жизнь!

— Пустяки, — сказал я. — Кто знает, надолго ли. Выбирайтесь отсюда, сэр. Там ниже моя собачка, но она вас не тронет.

Он сказал гневно:

— Я пойду с вами, сэр.

— Не стоит, — возразил я. — Сейчас это моя забота.

— Нет, — сказал он заносчиво. — Я барон Стронгфильд, Уоллес Стронгфильд из рода Эбергардов!.. А похищена моя невеста... Ну, еще не совсем, но мы любим друг друга, а наши родители против...

Мир рушится, подумал я зло, Маркус вот-вот придавит нас к земле, а тут Ромео и Джульетта, кипят страсти и стычки, Монтекки и Капулетти воюют за власть в муравейничке!

Хотя чего это я, весь мир такой, это я один весь в белом, пора в самом деле обзаводиться крыльями и петь на клиросе.

— Благородный жест, — произнес я с чувством. — Весьма, сэр, весьма!

— А кто вы, сэр? — спросил он подозрительно. — И почему...

— Поручение архиепископа Дитриха, — сказал я. — Верховного инквизитора.

Он чуть осел, но сказал заносчиво:

— Все равно это я ее освобожу!

— Она будет доставлена в собор, — сказал я, — под покровительство святых отцов. Выцарапывайте ее уже оттуда. Если попробуете отнять у меня... я не стану вас приковывать к стене...

Он проговорил с настороженностью:

— Это разумно...

— Все равно не убежите, — закончил я, — когда голова откатится на десять ярдов от туловища. Успеха в личной жизни!

Повернувшись, я вышел к лестнице, быстро по-несясь вверх, уже не стараясь скрадывать каждый шорох.

Еще на ступеньках прислушался, кто-то поет, и, судя по нежнейшему голосу, это и есть та самая, похищенная, хотя поет, как мне кажется, вовсе не из-под палки, с чувством, с удовольствием, вкладывая всю душу, как говорят, а еще чувства, эмоции, феромоны...

Обнаженный меч наготове, я снова стал переставлять ноги со ступеньки на ступеньку медленнее и тише, наконец открылся просторный зал, уже не пещера, в стенах вырублены декоративные колонны, пилястры и прочие буржуазные излишества архитектуры, а на той половине одна из стен закрыта толстыми коврами и гобеленами.

Слева исполинский камин, огонь полыхает в нем такой, что можно жарить слона, багровые угли крупные, с кулак, я ощутил от них жар, начал обходить по дуге, вздрогнул.

Среди пляшущих языков огня проступило нечто вроде чудовищного лица, почти человеческого, хотя громадного и с неестественно широким ртом. Оранже-

вые глаза время от времени исчезают под багровостью, но появляются снова на том же месте.

Сердце мое заколотилось чаще, я спросил шепотом:

— Ты видел, куда увели пленницу?

Шипящий голос, похожий на треск рассыпающихся от жара углей, ответил тихо, но разборчиво:

— Да, господин..

— Где она?

— На самом верху, — ответил он послушно.

— Ты можешь туда?

— Там нет огня, — ответил голос.

— Ладно, — сказал я, — наводка есть, это уже что-то. Спасибо.

— Готов служить, господин...

Я неслышно побежал к лестнице, вообще-то непонятное существо и почему оно готово служить, но с этим разберусь, если разберусь, потом, а сейчас надо...

Сверху донеслись далекие голоса, я проверил и усилил до предела незримность, она уже как панцирь, но все равно амулетчики меня видят, пусть и смутно, это только добавляет тревоги, побежал вверх, прыгая через ступеньку и стараясь двигаться как можно тише.

Небольшой зал, даже не зал, а скорее что-то вроде помещения казармы, так мне показалось, и не зря: прямо с пола поднялись люди в кожаных доспехах и молча бросились на меня, кто вытаскивая меч из ножен, кто поднимая над головой топор, булаву или палицу.

Лучше бы орали, мелькнуло у меня пугливое. Молчаливые собаки кусают сильнее...

Я ускорился и торопливо рассыпал короткие быстрые удары, стараясь поразить как можно больше целей, пока не догадались ринуться все разом и смять количеством.

От лестницы донесся тонкий вскрик:

— Держитесь, сэр!

Ага, мелькнуло у меня раздраженное, сейчас вот перестану дергаться, лягу и позволю им меня бить долго, больно и с удовольствием.

За их спинами с разбегу появился барон Стронгфильд, который Уоллес Стронгфильд из древнейшего рода Эбергардов, уже с мечом в обеих руках.

Когда он с боевым кличем начал рубить врага, трое развернулись к нему, что позволило мне быстрее справиться со своими и помочь благородному лорду.

— Ну вот, — крикнул я, — вы и показали себя, как истинный рыцарь и великий боец! Возвращайтесь к выходу. Если, конечно, не боитесь моей собачки.

Захэканный, он посмотрел на меня с подозрением.

— Чего бы я испугался собачки? А вы куда?

— Все выше и выше, — ответил я, — стремим мы полет наших птиц. У человека дорога должна быть бесконечной, не слышали?

— Я с вами, — сказал он твердо. — Вернее, вы при мне. Все-таки это моя невеста!

— Почти, — поправил я и сказал наставительно: — Родителей надо чтить! Они вам как бы добра желают.

Он огрызнулся:

— Я им тоже!

Я пробежал через зальчик, дальше ярко освещенный зловеще-красным коридор с мрачно-угловатыми стенами. Барон побежал, слышу по топоту, следом, но вдруг вскрикнул, захрипел.

Обернувшись, я увидел, как сверху по стене метнулась темная фигура, ухватила барона за голову. Не успевая к ним, я ухватился за лук, однако существо одним движением взлетело по стене под самый потолок, но неимоверно длинные руки оставались еще внизу. Крючковые пальцы повернули барону шею так, что даже я слышал, как в ней хрустнуло.

Стрела достала неизвестного в голову. Он разжал руки и шлепнулся, как огромная морская каракатица, у которой даже костей нет.

Я подбежал и на всякий случай потыкал мечом. Барон застонал и сел, держась за шею.

Я вскрикнул:

— Вы уцелели?

— Эта тварь, — прохрипел он, — мне чуть шею не свернула!

— Гибкий вы человек, — сказал я. — Пусть вам везет...

Он прервал меня гордо и надменно:

— Вы спасли мне жизнь дважды, сэр! Первый случай принимаю, как долг простого рыцаря, спасающего лорда, но дважды... ставит меня в неудобное положение должника. И я не вижу другого способа отблагодарить, как спасти вашу жизнь хотя бы однажды.

Я ответил учтиво:

— Сэр, забудьте о таких пустяках.

Он вскричал гневно:

— Вы меня оскорбляете? Моя жизнь не пустяк! Я — барон Стронгфильд, Уоллес Стронгфильд!

Я выставил перед собой ладони.

— Хорошо-хорошо. Могу заверить, при моей собачьей жизни вы недолго пробудете в должниках. Возможность спасти у вас будет уже сегодня.

Он воскликнул:

— Тем лучше! Ненавижу быть у кого-то в долгу. Меня это почему-то унижает.

— Как спасете, — добавил я, — бегите со всех ног прочь.

Он спросил оскорбленно:

— Почему?

— Потому что, — объяснил я, — спасти придется снова и снова. А теперь, сэр Уоллес, если вы уже в состоянии подняться в седло...

Он гордо выпрямился.

— Я? Да я родился на коне!

— Тогда идите к выходу, — сказал я. — Ваш конь с голоду уже начинает грызть камни.

Все-таки он побежал за мной, стараясь перегнать, но я постоянно сдвигался в сторону, загораживая дорогу, а пихаться интеллигентный человек не станет, неучтиво и весьма простолюдинно.

Глава 15

Пение становилось все громче, и, когда мы вбежали в очередной зал, я увидел у противоположной стены девушку в белом платье послушницы, она красиво вздымала руки, голос звучит потрясающе мощно, красиво и щемяще печально.

Спиной к нам в кресле развалился мужчина, вокруг розовой лысины седые волосы. Я надеялся, что он, как меломан, даже не услышит наш топот в четыре ноги, однако сволочь подхватила, как подброшенная снизу пинком, глаза вытаращенные, губы затряслись в ужасе.

— На колени, — крикнул я, — руки за голову, лицом вниз, не дыши!..

Колдун дернулся, отшатнулся в безмерном удивлении. Но, обогнув меня, с мечом в руках выскочил взбешенный барон, и колдун крикнул:

— Откуда такие идиоты...

Он взмахнул руками и с натугой прокричал длинное слово, как мне показалось, с одной-единственной гласной, словно на праязыке. За нашей спиной раздался треск, грохот, тяжелый удар о землю..

Я оглянулся, сверху со стены опустились гладко отесанные глыбы и заростили проход так, словно его никогда и не было.

Колдун вскрикнул торжествующе:

— Прощайте, два идиота!

Он отступил, а прямо перед нами возникла каменная стена. Верх уперся в свод, а справа и слева уперлась в камень, барон яростно вскрикнул:

— Он поймал нас!

— Еще нет, — прошипел я зло. — Побудьте здесь, барон...

Кольцо Хиксаны повернул так резко, что едва не оторвал палец, ринулся на стену, нагнув голову. В последний момент ощутил, что провернул слишком, успел дернуть назад в тот момент, когда лбом уже почти ударился в камень.

Отвратительное чувство, когда зависаешь в этой вязкой глине, где нет низа и верха. К счастью, глыбы не такие уж и массивные, высунулся на той стороне, еще не успев истратить и половину воздуха в легких, выдернул залипшую ногу и устремился за колдуном.

Певицы уже нет, унес красиво пищащую игрушку, но след еще горячий, ведет по лестнице наверх, и я пронесся через зал, сам чувствуя себя злобным вихрем, сметающим все на пути, хотя пока что смёл только вазу с лестничных перил, зацепив локтем.

Они устроились в соседней зале, послушница продолжает петь, словно в трансе, а может, в самом деле зачарована, колдун только-только придвинул кресло, как услышал мой топот, оглянулся в изумлении.

— Если враг не сдастся... — заорал я.

Он прокричал в испуге и страхе:

— Да когда же ты от меня отстанешь!

Я закричал зло:

— А мне понравилось!

Он вскинул руки, но рукоять молота уже в моей ладони. Я швырнул, затрещал воздух, колдун исчез,

а дальнюю стену трянуло, там посыпались крупные камни, а от колдуна осталось красное пятно.

Ура, мелькнуло у меня с облегчением. А то в схватке с ангелами молот как-то себя показал слабовато.

Девушка продолжала петь, но голос начал меняться, даже лицо из возвышенно-одухотворенного стало принимать чуточку удивленно-просыпательное выражение.

Я подбежал, ухватил ее на руки, чтобы не грохнулась на пол. Она автоматически обхватила меня за шею и прижалась так умело, что никакой опыт и рядом не лежал, это чисто женский инстинкт, позволяющий им забираться к нам на руки и устраиваться так удобно, что не только тяжести не чувствуешь, а как будто даже легче самому становится...

Она дошептала последние слова песни, распахнула удивительные глаза и посмотрела на меня в непонимании.

— Сэр, кто вы? И почему держите меня... вот так?

Я проговорил с трудом:

— Леди Эммалина... Вы ведь леди Эммалина? А то если колдун наворовал вас целый гарем, мне будет не до вас, мне мир спасти надобно...

Она проговорила тоненьким голоском:

— Меня зовут Эммалина, откуда вы знаете?

— Вы... ничего не помните? — спросил я.

— Нет, — ответила она в недоумении, потом ее глаза расширились в ужасе. — А что было?.. Вы меня поцеловали?..

— Как хорошо, — выдохнул я, — что ничего не помните!

Она объяснила по-детски обстоятельно пищащим голоском:

— Когда пою, все забываю... Перед моими глазами встает совсем другая страна, райские видения... Но,

сэр, как вы посмели? А что делала я? Если ответила на ваш поцелуй, то, уверяю вас, я ничего не понимала, и такой поцелуй не считается... Или же вы имеете в виду, что...

Глаза ее в ужасе расширились. Она ощупала веревочки на корсете, проверяя, какие развязаны или завязаны не совсем так, жутко покраснела.

Я сказал поспешно:

— Леди Эммалина, все на месте, а что потеряно, то не так уж и важно. Нам нужно возвращаться, там моя собачка с ума сходит!

— Собачка?

— Да, — подтвердил я. — Лучший друг человека. К тому же вот там за стеной ваш жених...

— Кто?

— Как бы жених, — уточнил я. — Он из Монтекки... или Капулетти? Вы кому-то обещали свою руку?

— Моей рукой распоряжаются родители, — ответила она с достоинством, — я порядочная девушка! А сердце мое принадлежит и будет принадлежать только барону Уоллесу Стронгфильду...

— Хороший компромисс, — одобрил я. — Родители знают, куда детей пристраивать.

Она спросила торопливо:

— Сэр, но вы точно не позволили себе ничего... лишнего?

— Леди, — сказал я, — посмотрите в мои честные брехливые глаза! Разве я посмею что-то лишнее. Уверяю вас, все было к месту.

— Но почему... я чувствую себя так странно? И почему вы меня так держите... Уберите руки, это непристойно!

— Так никто же не видит, — возразил я резонно.

— И что, — спросила она непонимающе, — тогда можно?

— Еще как, — заверил я, — даже нужно. Сейчас выпустим вашего жениха, а потом я вас возьму к себе на лошадку.

Она ответила послушно:

— Забирайте все, сэр Ричард. Оставьте мне только мою честь.

Я опустил ее на землю ножками, снял с пояса молот и швырнул в самый край стены, рассчитывая, что барон, по теории вероятности, находится где-то посредине.

Леди Эммалина взвизгнула и закрыла розовые уши такими же розовыми ладошками, а треть стены вынесло в ту часть зала. Через несколько секунд оттуда выскочил к нам барон, ахнул ликующе, завидев леди Эммалину, но я предостерегающе выставил перед собой руку.

— Благородный лорд, как старший по титулу, я не позволю вам прикоснуться к ней иначе, как в присутствии родителей. Она порядочная девушка, мы должны совместно беречь ее честь и достоинство...

Он вскипел:

— Что? Да кто вы...

— На колени, — сказал я страшным голосом. — Своего короля нужно знать в лицо, провинциальный пастушок!

Он охнул, всмотрелся в мое лицо.

— Вы... Ваше Величество?... Король Ричард?

— Наконец-то, — сказал я мстительно.

Он поспешно преклонил колено.

— Прошу простить мою дерзость, Ваше Величество! Но я же не знал...

Я отмахнулся.

— Ладно-ладно, нужно уходить отсюда.

Леди Эммалина с ужасом смотрела на груды камней, через которые нужно перебираться, я подхватил

ее на руки, королю все можно, она с готовностью обхватила меня за шею и снова прижалась так, словно проделывала это сто тысяч раз.

Барон побежал впереди, Бобик встретил нас посреди пути, а когда выскочили в ночь под холодное звездное небо со зловещим диском Маркуса и бледной луной, там уже ждал арбогастр, меланхолически пережевывающий мелкие камешки.

Барон бросился ловить своего коня, тот в испуге перед страшным черным арбогастром убежал чуть ли не на полмили, а я взял леди Эммалину на седло впереди себя и пустил Зайчика в сторону города.

Азазель не спал, ангелы вообще не спят, хотя в человеческом теле вроде бы могут, резко обернулся на стук распахнутой двери, я кивнул успокаивающе.

— Вольно, вольно, поручик.

Он спросил жадно, не обращая внимания на незнакомое прозвище, по моему тону вроде бы не обидное:

— Как прошло?

— Все улажено, — доложил я. — Смутьян наказан лично Моим Величеством, что для него великая честь, хотя он ее почему-то не оценил, девица возвращена в собор в целости... что так смотрите, лорд? В самом деле в целости! Для меня дело важнее всего!.. Михаил не показывался?

Азазель поморщился.

— Шутишь? Меня он терпеть не может.

— Придется потерпеть, — сказал я. — Нет-нет, никуда не уходите. Вы мой гость и почти соратник в некоторых сопредельных областях. Сядьте вон там и по-малкавайте, это справедливый компромисс.

Он пробормотал:

— Какие же эти смертные наглые и самоуверенные...

Я проследил, как он все-таки сел и замер, повернулся к нему спиной и сказал громко:

— Михаил!.. Михаил, ты провел расследование?

Свет вспыхнул почти моментально, однако не победный и не слепящий, а Михаил появился среди комнаты таким, словно его окунули на самое дно мирового океана и там продержали довольно долго, давая подводным течениям всласть поиграть его роскошными перьями. Даже крылья опустились жалко, а блестящая кираса потеряла блеск.

Он взглянул на меня с бессильной злостью.

— Не знаю, — сказал он мрачно, — кто тебе сообщил, но среди нас в самом деле нашлись такие...

— Ага, — сказал я со злобным удовлетворением, хотя чему радоваться, но мы же смертные существа мелкие и злобные, так что ладно, — ну вот как бы!

— Да, — сказал он устало, — за моей спиной некоторые общались с силами ада. Это неслыханно! И невероятно. Однако это случилось, хотя до сих пор не могу поверить. Знаю, но не верю!

Я вздохнул с облегчением, теперь уже изображая сочувствие и соболезнование, нам же работать вместе, спросил быстро и по-деловому:

— Что с ними?

Он посмотрел зло.

— Двое погибли от твоего меча, забыл?.. Но мы все это помним. Еще трое исчезли.

— Куда? — спросил я.

Он сказал с яростью:

— Если бы мы знали!

Азазель не утерпел, сидеть молча не в его характере, спросил вроде бы без ехидства, но, с другой стороны, ядовито:

— И Творец не знает?

— Создатель знает все, — отрезал Михаил, не глядя в его сторону, — но позволяет нам самим решать эти мелкие... вопросы. И мы должны решать!

Азазель ехидно улыбнулся.

— Мне вообще-то кажется, если не сможете решать сами, он просто сотрет вас из этого мира.

— Сотрет и тебя! — сказал Михаил гневно.

— Не уверен, — ответил Азазель задумчиво. — Все-таки я отстранен от решения вопросов. А то бы я вам нарешал... В общем, какие-то предположения есть? Куда они пошли?

Михаил сказал с возгорающимся гневом:

— Конечно, в ад!

Азазель покачал головой.

— Вот так прямо в ад? Вельзевул не допустит их появления.

— Они же его союзники!

— Ты сам не веришь тому, — сказал Азазель уличающе, — что несешь. Вельзевул не хочет ничего менять. Он принял наказание и выполняет все, что ему велено.

— Все равно они в аду, — выкрикнул Михаил. — Пусть даже тайком от Вельзевула. На земле им не спрятаться! Если сам не увижу, мои сорок миллионов ангелов отыщут и укажут место. Только в аду!

Азазель хотел что-то сказать, но я опередил:

— Хорошо-хорошо! Мы постараемся отыскать. Если получится, мы передадим тебе их живыми.

Азазель сказал едко:

— Посмотрим, сможешь ли.

Я сказал, стараясь погасить нарастающий спор:

— Мы посмотрим на земле и в аду, вы посмотрите на небесах и... тоже на земле. Есть же недоступные на земле места для нас? Ну, вершины гор, заполярная шапка, жерла вулканов... Вы туда тоже не заглядывае-

те, вам же люди нужны, потому даже не знаете, что на морском дне кишит жизнь и даже под приполярными льдами... Гм, это неважно, будем искать все, где нам доступно! Спасибо, Михаил! Ты свободен.

Азазель взглянул на меня быстро и удивленно, а Михаил настолько был заморожен моей плавной и напористой речью, что при последних словах даже не вдумался, а сразу же исчез, словно с ним говорил не созданный Творцом по своему образу и подобию комок мокрой глины, а сам Всевышний.

— Ну ты крут, — проговорил Азазель с уважением, которого я в нем раньше не замечал, — Сэр Ричард, вы бы себя слышали... И видели!

— На кого похож? — спросил я. — На Луи или Наполеона?.. Впрочем, что они рядом с моим Величеством!.. В общем, Азазель, мне нужно в Геннегау. Так что пока прощаюсь.

Он вскинул брови.

— Что? Коня и собачку оставишь здесь?

— Я ненадолго, — заверил я. — Ты с ними ладишь, присмотри за ними, хорошо? Я туда и обратно. Дела есть.

Он посмотрел на меня в изумлении, вдруг расхохотался.

— Ты бы посмотрел на себя! Говоришь так уверенно, почти приказываешь. Я у тебя уже конюх и псарь? Хоть, конечно, такой конь и такой пес...

— Прости, — сказал я искренне, — просто думаю уже о другом, время поджигает, а всегда что-то не сделано, да еще в самом важном месте, как у нас постоянно. Потому моя речь несколько...

— Прямолинейна, — подсказал он. — Говоришь то, что думаешь, а это в обычных условиях недопустимо. Общество создать бы не удалось, если бы люди в самом

деле говорили друг другу то, что о них думают. Но мы не общество, у нас почти армия, а тут законы иные.

— Так присмотришь? — спросил я.

Он ухмыльнулся.

— Молодец, силен и напорист, от генеральной линии не отступаешь. Присмотрю. Совсем недавно тебя в дрожь бы бросило любое упоминание о Темных ангелах, о путешествии в ад, о разговоре с Вельзевулом! А сейчас каждое твое слово, как в бронзе отлито. И звучит так, словно даже ангелы у тебя на побегушках.

Я развел руками.

— Сейчас я настолько прижат вилами к стене, что да, огрубел, сразу к делу, никакого петтинга. В общем, я отбываю...

Он сказал быстро:

— Можешь отсюда. Я же понимаю, у тебя есть и другие способы, кроме как на коне или пешком. Или очень уж отвратительные?

Я покачал головой.

— Не настолько же я эстет...

Он посерьезнел, когда я коснулся пальцами бицепса на другой руке.

— Пстой... Это очень опасная штука.

— Знаю.

— У тебя есть и другие возможности, — сказал он. — А эта может убить, может занести в такое место, где лучше бы убила.

— Мне надо спешить, — ответил я. — А это самый быстрый вариант.

Он поднялся, подошел и внимательно посмотрел в глаза.

— Почему не использовать корону Властелина? С ее помощью можешь появиться везде... кроме церквей и монастырей, понятно. Даже там, может быть,

удастся, так как зло и чернота души есть везде. Только не злоупотребляй, за все приходится платить. Душа тоже может и заболеть, и скукожиться, и почернеть...

Я уже коснулся завитушек на браслете, но Азазель покачал головой, я спросил быстро:

— Как? Я готов попробовать.

— Надень корону, — посоветовал он. — А когда придешь, можно и снять, верно?.. Сосредоточься на том месте, где хочешь появиться. У тебя, к счастью, хороший мозг. Простолюдины и простые люди даже из самых знатных вообще не могут сосредоточиться на чем-то одном, у них внимание постоянно скачет, а тебя как будто специально готовили.

— Меня готовили, — ответил я, промолчав про детский сад, школу, армию, институт, везде требовали уметь сосредотачиваться на учебе и трудных задачах. — Так что...

— Давай, — сказал он.

Я протянул руку, сосредоточился, на ладонь опустилась холодная тяжесть нейтронной звезды, что одновременно ничего не весит, словно держу нечто прозрачное.

Азазель молча смотрел на корону из странного черного металла, черные бриллианты, если это бриллианты, усеивают ее так густо, что металла почти и не видно, и от всех них струится зловещий черный свет.

Я обеими руками поднял и насадил на голову так, чтобы обод прижал лоб, а тот крупный рубин зловещего вида оказался точно над переносицей.

— Теперь можно, — прошептал Азазель, — только ни на что не отвлекитесь, это смертельно опасно!

Не думать о белой обезьяне, подумал я зло, и она тут же встала перед глазами. Я стиснул челюсти, при всей своей недисциплинированности я все же ее об-

разец, если сравнивать с теми, кто меня окружает, так что давай, соберись...

В черепахе на краткий миг словно бы все погрузилось в жидкий гелий, но через миллисекунду я с теми же широко раскрытыми глазами увидел перед собой обстановку совсем другой комнаты, это же та, которую я облюбовал во дворце Рюккерта для своего кабинета!

Я не один, в кресле у окна расположилась с удобствами Бабетта, у нее на коленях с полдюжины свитков, она рассматривает один с великим прилежанием.

Торопливо убрав корону, я пошел к ней, чувствую нарастающую ярость.

Она вздрогнула, торопливо подняла голову.

— Ричард? Но как ты...

— Это мой кабинет, — отрезал я отдельно. — И это мой дворец. Ты знаешь, как поступают со шпионами? Схваченными прямо в момент преступления?

Она вскрикнула испуганно:

— Рич, это не то, что ты подумал! Смотри, это чертежи твоих кораблей! Они же есть у твоих строителей! Если их нужно было бы выкрасть, я бы взяла там, это проще!

— Тогда почему ты здесь?

Она сказала с той же испуганной и несвойственной ей поспешностью:

— Я со срочным посланием от императора!

— Ну?

Она искательно улыбнулась.

— Может быть, сперва сядешь?

— Говори, — отрезал я, не желая упускать инициативу. — Что за новая хитрость?

— Ричард, — произнесла она несколько другим тоном, — Его Величество император Герман Третий

настойчиво приглашает тебя посетить его дворец, а также поручает мне передать тебе штатгалтерство над всеми северными землями империи. Поздравляю тебя, Ричард! Штатгалтер — это правая рука императора!

Я произнес настороженно:

— Я не принял еще, — огрызнулся я. — Даже если поугovarиваешь и вообще приложишь усилия...

— Приложу, — пообещала она. — Только скажи, к какому месту. И чем усилить. Хотя я и сама знаю. Рич, на материке только Сен-Мари считается королевством, входящим в империю Германа Третьего, но в океане остались крупные королевства, в которых власть императора признают... в какой-то мере. Тебе будет проще явиться туда штатгалтером императора...

— Или труднее, — обронил я.

Она поморщилась.

— Почему?

— Штатгалтер, — сказал я, — это напоминание им о том, что они подданные императора, а не свободные королевства, как уже привыкли. В то же время просто король Ричард во главе флота — это гость. Скорее всего, безобидный.

— Это ты безобидный?

— Ты как-то называла меня очаровашкой, — напомнил я. — Сама ты очаровашка! Так что еще не знаю, хорошо ли принимать это штатгалтерство... Помню, штатгалтером был некий Понтий Пилат, гм... Вообще-то понятно, император решает какие-то свои проблемы, а вот мне принимать такое... даже не знаю.

— Какой осторожный, — сказала она язвительно.

— На «слабо» не ловлюсь, — предупредил я. — Подумаешь, штатгалтер... Конечно, польщен, даже как бы весьма и обло зело, но если император изволил дать

мне пряник, то почему не что-то типа инфанта или дофина? Это тоже приближает к императору, зато не дает никаких прав...

Она сказала очень серьезно:

— Император как раз воспринимает тебя очень серьезно. Потому и хочет наделить всеми правами. Военной властью, судебной, административной и даже церковной!

— И даже церковной, — пробормотал я. — Круто. Хотя, возможно, это как раз то, что нужно, но не мешает и церковь спросить. Я не хочу босиком в Канносу... Штатгалтер в понимании императора что-то типа наместника... или губернатора?

Она сказала торжественно:

— Сэр Ричард, на Юге не знаком такой титул, как «губернатор», но слово «наместник» встречается в старых книгах. Штатгалтер попросту замещает императора на отдаленных землях.

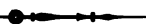
— Понятно, — ответил я. — Как бы в заморских территориях? Типа вице-короля? То бишь, вице-императора?

— У нас нет таких титулов, — напомнила она, — и таких должностей. Штатгалтер может управлять и в соседних королевствах империи, их Его Величеству Герману не просто посещать, если в империю входят обширные земли. Штатгалтер имеет неограниченную власть в государственных делах, военных и, как уже сказала, даже церковных. Сэр Ричард, я вижу на вашем лице нехорошую такую усмешечку...

— Правда?

— Правда-правда, — сказала она серьезно. — Вам кажется, что этот титул ничего не значит, как, к примеру, титул маркиграфа Гандерсгейма.

— Я не сказал «ничего», — запротестовал я. — Как

я мог такое сказать? Я же деликатный! Тонкий и почти чуткий.

— Сейчас ситуация другая, — ответила она очень серьезно. — Границы ваших земель вот-вот соприкоснутся с границами земель Его Императорского Величества Германа!.. И хотя не все в тех землях признают его власть... а кто-то признает на определенных условиях, но все же лучше, если появитесь там на законном основании, не так ли?

Я попытался вспомнить что-то о штатгалтерах, но в памяти остался только штатгалтер Вильгельм Оранский, который в конце концов поднял восстание против Испании и свою провинцию оторвал в ряде битв и назвал Нидерландами, да и то я запомнил его только потому, что читал о нем в «Приключениях Тиля Уленшпигеля».

— Спасибо, — сказал я, — после долгих и непродолжительных колебаний с благодарностью, хоть и с осторожностью, принимаю эту сравнительно высокую должность.

Она возразила значительно:

— Не высокую, высшую!

— Первую, — уточнил я, — после императора?..

— Ричард, — спросила она, — ты хоть понимаешь, на какую высоту поднялся?

Я сказал почти злобно:

— И что, будет меньше забот? Огромные земли, что уже под моей властью, нужно как-то удерживать! Ты знаешь эти рецепты? Мне кажется, никто не знает. Иначе империи не разваливались бы все до единой. Одни вообще рушатся после гибели основателя, как было с империей Александра Македонского или Аттилы, другие живут пару веков, а некоторые все же и тысячи, как египетские... гм... но тогда жизнь вообще не двигалась, египтяне нам не пример, потом

все ускорилося. Впрочем, если тебе нужен мой ответ императору, можешь составить его сама... но все равно принеси на просмотр и мое высочайшее благоволение или как-то тут называется... Я проверю каждую букву. Женщинам доверять нельзя, как гласит народная мудрость.

Она посмотрела с укором.

— Ричард... Разве я сейчас женщина?

— А кто?

— Друг, — ответила она.

Я покачал головой.

— Не знаю, можно ли тебе доверять хоть кончик мизинца? Чем выше поднимаешься на вершину горы, тем меньше спутников, знаю.

— Ты обрекаешь себя на одиночество, — произнесла она грустно.

— Да, — согласился я. — А что?

Она сказала еще печальнее:

— Может быть, хоть сейчас сядем?

— Да, — ответил я и добавил милостиво: — Ты тоже можешь сесть. Кстати, ты подчинена только императору или и штатгалтеру?.. Ладно, молчи, все равно соврешь.

Она села и молча смотрела, как на столе выстраиваются тарелочки с крохотными пирожными, возникают два дивных фужера и наполняются вином.

— Ты думаешь не о штатгалтерстве, — сказала она.

— Еще бы, — ответил я, — думаю о... постой-постой... так часто об этом говорил, но сам как-то даже не вдумывался, что несу... однако если Господь указал на Адама ангелам и велел ему поклониться...

Она посмотрела такими глазами, дескать, не рухнул ли, почему такой внезапный переход, только женщины могут так прыгать на другую мысль, не закончив предыдущую.

— Ну велел и велел, — произнесла она сухо. — Не понимаю, из-за чего такая ссора на небесах.

— А я вот понял, — проговорил я, сам пораженный громадностью открытия. — Господи, ну почему я такой идиот? Правда, остальные еще идиотее...

— Да что ты понял, Рич?

— Творец велел поклониться, — ответил я. — Поклониться, а не просто кивнуть, понимаешь? От простого приветствия не отказался бы и Сатана, и Вельзевул. Подумаешь, такой пустяк!... но Творец велел им... ну, как сейчас рыцари преклоняют передо мной колена... Это же совсем другие перспективы... Впрочем, о чем это я с женщиной? Возьми вот это пирожное!

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	136
Часть третья	267

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ШТАТГАЛТЕР

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Тагирова*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *А. Щербакова*
Корректор *Т. Бородоченкова*

ООО «Издательство «ЭКСМО»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 13.03.2014. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 65 000 экз. (1-й завод — 30 000 экз.) Заказ 7588

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15.
Home page – www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-71912-9

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-699-71912-9

9 785699 719129 >

Руч@ру

Длинные Руки —
штатгалтер

